

Димитрий Александрович
ЛЕВИЦКИЙ

ЖИЗНЬ
И
творческий
путь

Аркадия
АВЕРЧЕНКО

Димитрий А. Левицкий

Аркадий Аверченко

ББК 83.3 (2 Рос)6
Л 37

ISBN 5-85887-047-3

Текст монографии публикуется
в авторской редакции

© Д.А. Левицкий, 1999
© А.Б. Уманская, вступ. статья, 1999
© А.В. Фукс, оформление, 1999

ОТ АВТОРА

Цель настоящей работы — собрать воедино с доступной полнотой сведения, касающиеся писателя-юмориста Аркадия Аверченко: его жизненного пути, его журналистической и писательской деятельности и его литературного наследства, включая указания на те его произведения, с переводом которых на иностранные языки имели возможность познакомиться зарубежные читатели. Поставленная цель представляется оправданной, поскольку до сих пор не существует специального исследования, посвященного исключительно Аркадию Аверченко и его творчеству.

При первоначальном ознакомлении с материалом, относящимся к биографии писателя, а также к его литературной деятельности, сразу же выясняются два обстоятельства.

С одной стороны, нет сомнения в том, что имя Аркадия Аверченко вошло в историю новейшей русской литературы и обычно упоминается не только в дореволюционных русских и послереволюционных советских энциклопедиях и справочниках по литературе, но и в соответствующих иностранных изданиях, часть которых указывается в списке источников ссылок и материалов, использованных при написании этой работы.

С другой стороны, нельзя не заметить, что сообщаемые об Аверченко данные, в особенности в той их части, которая относится к его биографии, очень скудны и, сверх того, нередко содержат противоречивые сведения и ошиб-

ки. Неполнотой отличаются также данные, сообщаемые о библиографии произведений писателя. В то время как советские библиографические справочники приводят список (далеко не полный) сборников его рассказов, вышедших из печати в России и за рубежом на русском языке, в этих справочниках не удалось найти каких-либо указаний на переводы произведений Аверченко на иностранные языки.

В свою очередь, иностранные энциклопедии и литературные справочники обычно приводят лишь неполный перечень наиболее известных сборников рассказов писателя на русском языке, а относительно переводов его произведений ограничиваются указанием только на некоторые из них, а именно изданные на языке данного справочника или энциклопедии.

Что касается противоречивости сведений биографического характера, собранных об Аверченко, то ниже приводится несколько установленных неясностей и ошибок. Они относятся, например, к вопросу, где Аверченко проживал после того, как перешел на положение эмигранта, а также к вопросу, где он умер.

Относительно постоянного местожительства писателя после его отъезда за границу встречаются, между прочим, нижеследующие сведения.

Так, Большая Советская Энциклопедия (второе издание, 1949 г., т. I, с. 70) сообщает, что писатель после октябрьской революции «эмигрировал в Париж». Такую же версию находили в советской Театральной Энциклопедии (издание 1963 г., т. I, с. 40), в которой говорится, что после октябрьской революции писатель «эмигрировал за границу, жил в Париже». Наконец, советская Краткая Литературная Энциклопедия (издание 1962 г., т. I, с. 56) рассказывает про Аверченко, что «он после 1917 года эмигрировал во Францию».

Следуя по-видимому, за этими сведениями, содержащимися в названных советских энциклопедиях, и польская энциклопедия (*Wielka Encyklopedia Powszechna*, 1962, I,

496) сообщает, что Аверченко после революции эмигрировал в Париж.

Относительно того, в каком городе Аверченко умер, находим, среди других, следующие противоречивые сведения.

Венгерская энциклопедия (Révai Nagy Lexikona, XIX. Kötet [1926], Kiegészítés, 825) указывает, что Аверченко умер в 1925 году в Варшаве. В то же время, в краткой биографической справке, которая содержится в книге американского литературоведа Б. Герни (Bernard G. Guerney. A Treasury of Russian Literature, p. 977) говорится, что писатель умер в Константинополе. По-видимому, основываясь на этом труде Б. Герни, версия о смерти Аверченко в Константинополе повторяется и в двух других американских книгах (James V. Hall and Joseph L. Angell and. The Short Story, p. 477, а также — John Iwanik. Russian Short Stories, p. 42).

Однако, как выясняется на основании более тщательной проверки многочисленных источников, относящихся к биографии Аверченко, он за годы своей жизни на положении эмигранта даже кратковременно не проживал в Париже и никогда его не посещал. Что же касается вопроса о том, где писатель умер, то не подлежит сомнению факт, что он скончался и был похоронен в Праге.

Проверка сведений, относящихся к биографии писателя и возможное устранение противоречий составляет предмет первой части настоящей работы — «Жизненный путь Аркадия Аверченко».

Следует отметить, что за время пока эта работа писалась, в Советском Союзе, в связи с наметившимся возобновлением интереса к творчеству Аверченко, были опубликованы некоторые новые исследования, посвященные его литературно-журналистической деятельности. Эти исследования послужили дополнительным материалом к тому, что удалось собрать из обширного количества разрозненных статей и заметок об Аверченко, появлявшихся в многочисленных органах периодической печати рус-

ской эмиграции как при жизни писателя за границей, так и после его смерти.

В новейших советских исследованиях об Аверченко заметное внимание обращается на его деятельность в качестве редактора и активного сотрудника журнала «Сатирикон», на его заслуги в области русской юмористической журналистики и на критику его политической сатиры в специфическом аспекте, присущем советской критике. Эти исследования дают, однако, мало нового в смысле выяснения в больших подробностях некоторых этапов жизненного пути Аверченко и его писательской деятельности, как например, его сотрудничества с противобольшевицкими силами в Крыму и обстоятельств его отъезда оттуда. Отдельные сведения, вскользь сообщаемые об этом в статье О. Михайлова, при более тщательном рассмотрении оказались совершенно не соответствующими действительности. Замечены были также противоречия в сведениях, которые сообщались относительно первых шагов журналистической деятельности Аверченко. В статье Михайлова сообщается, что первым журналом, который редактировался Аверченко, был журнал «Штык», а в более позднем исследовании Л. Евстигнеевой о журнале «Сатирикон» указывается, что харьковский журнал Аверченко будто бы назывался «Бич».

Выяснению подобных фактических данных и восстановлению с возможной полнотой отдельных этапов писательской деятельности Аверченко в их хронологической последовательности посвящена вторая часть настоящей работы.

Аверченко признается выдающимся писателем-юмористом, и эта его репутация основывается главным образом на мастерстве, с которым он создавал короткие рассказы, имевшие успех у читателей не только русских, но и иностранных. На эту сторону его творчества и обращали свое почти исключительное внимание литературные критики, посвящавшие именно разбору рассказов Аверченко как свои критические заметки в русской и зарубежной периодиче-

ской печати, так и статьи, предпосылаемые сборникам его рассказов. Но Аверченко, кроме коротких рассказов, написал также два более крупных произведения. Последние оказались обойденными молчанием критики. Не удалось найти ни одной статьи или хотя бы краткой заметки о литературных достоинствах или недостатках повести Аверченко «Подходцев и двое других» и его юмористического романа «Шутка мецената».

Поэтому в третьей части этой работы, посвящённой рассмотрению всего литературного наследства Аверченко, включая эти два, как бы забытых критикой, произведения писателя, этим двум произведениям отводятся отдельные главы. В третьей же части делается попытка подвести некоторые итоги оценки творчества Аверченко, не упуская из виду и высказываний зарубежных критиков. Мнения и оценки последних до сих пор обычно не принимались во внимание советскими литературоведами, и в их исследованиях о творчестве писателя, как правило, даже не упоминается тот факт, что многочисленные произведения русского юмориста переводились и продолжают переводиться на иностранные языки и пользуются успехом также у зарубежных читателей.

Через два дня после смерти Аркадия Аверченко в берлинской газете «Руль» (от 14 марта 1925 г.) была напечатана статья Сергея Горного, в которой он рассказывал о скончавшемся писателе:

В должном месте, надлежащие судьи взвесят и сочтут на своих точных, аптекарских весах: они определят, чем он был похож и не похож на Джерома, чем был близок и далёк от Твена. Запишут. И установят.

Предположение бывшего сотрудника и близкого приятеля Аркадия Аверченко, к сожалению, не оправдалось. До сих пор не существует серьёзного и исчерпывающего исследования об Аверченко, в котором его творчество и заслуги в деле дальнейшего развития русской юмористической литературы были бы подвергнуты тщательному анализу и в котором его произведения с разных точек

зрения сравнивались бы с юмористическим творчеством выдающихся писателей-юмористов русских и зарубежных.

Настоящая работа представляет собой попытку в направлении заполнения этого пробела.

Она предпринимается в надежде, что собранный в работе материал окажется полезным для тех «надлежащих судей», которые в недалёком будущем на своих «аптекарских весах» без пристрастия взвесят творчество Аркадия Аверченко и дадут ему свою обоснованную, компетентную и объективную оценку.

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Вы открываете первую и пока единственную монографию о жизни и творчестве выдающегося русского писателя Аркадия Тимофеевича Аверченко. Создан этот труд в эмиграции в 1969-м году. Автор ее, Димитрий Александрович Левицкий, проживающий в США, принадлежит к пореволюционной, прославившейся своими культурными достижениями, волне русских беженцев.

В 1963-м году Димитрий Александрович Левицкий окончил Славянское отделение Пенсильванского университета, а в 1969-м году там же защитил докторскую диссертацию «Аркадий Аверченко. Жизнь и литературное наследство». Диссертация была написана под влиянием лекций профессора Мечислава Юлиановича Гергелевича (Mieczysław Giergielewicz), посвященных композиции короткого рассказа. Он же посоветовал взять темой писательскую судьбу Аверченко, поскольку о нем не было ни единой солидной монографии. Особо подчеркнем, что Димитрию Левицкому хотелось, чтобы работа о русском писателе была выполнена на русском языке. Благодаря профессору Гергелевичу было получено специальное разрешение защитить в американском университете диссертацию на русском языке.

Итак, книга Левицкого представляет собой воспроизведение докторской диссертации 1969-го года на соискание ученой степени Доктора Философии (Ph. D.).

Именно это обстоятельство позволяет теперь смотреть на эту книгу как на образец научного стиля, сложившегося в Русском Зарубежье. Автор пожелал сохранить язык своей работы, и читатель заметит непривычные сейчас обороты речи, красивые грамматические конструкции, богатые инверсии. Для нас это — своего рода раритет, сохранивший язык научного общения деятелей Русского Зарубежья, унаследованный, в свою очередь, от культуры дореволюционной России. Здесь начисто отсутствует мнимое наукообразие, чем грешат многие современные исследования, каждая строчка монографии Левицкого насыщена информацией. Спокой-

ный, выдержанный тон, корректные гипотезы и строго аргументированные выводы, — вот что пленяет в этой, впервые издающейся в России, книге. Поражает скрупулезность ученого: автор пользуется всеми доступными ему источниками об Аверченко на многих европейских языках и по возможности устраняет противоречия в сведениях, относящихся к биографии писателя.

Уникальность книги Левицкого видится прежде всего в том, что написана она на основе устных рассказов и писем людей, лично знавших Аркадия Аверченко и даже сотрудничавших с ним. С Д.А.Левицким делились своими воспоминаниями такие яркие представители культурной жизни России начала XX столетия, как редактор «Стрекозы» и «Сатирикона» М.Г.Корнфельд, художник Н.В.Ремизов (Ре-Ми). От Л.Д.Леонидова и Е.В.Климова Левицкому удалось получить исключительные сведения, касающиеся юных лет Аркадия Аверченко и периода его пребывания в Белом Крыму в 1920-м году. Эти живые свидетельства, на которые опирается автор, делают книгу Левицкого явлением неординарным. Плюс еще одно обстоятельство, на которое хотелось бы обратить внимание читателей: работа Левицкого во многом основывается на архиве Аверченко, который автору удалось разыскать, систематизировать, проанализировать и включить в свою монографию. Левицкий первый работал с материалами этого архива, с которым его познакомил в Париже Г.А.Смирдин, муж сестры Аркадия Аверченко Ольги Тимофеевны.

Временем написания работы продиктованы все исторические реалии конца 60-х годов, такие, например, как «Советский Союз», «советские исследователи» и др.

Книга состоит из трех частей: первой — биографической: «Жизненный путь», второй — «Писательская деятельность» и третьей — «Литературное наследство». В 1973-м году отдельной книгой вышла первая часть диссертации. Пожалуй, не было ни одного эмигрантского издания, которое не откликнулось бы на эту книгу. Тогда были живы еще те, чью юность невозможно представить без «Сатирикона», «Нового Сатирикона» и юморесок Аверченко. Собрать по крупицам разбросанные сведения о крупнейшем русском сатирике, Левицкий детально, порою день за днем, составил жизнеописание Аркадия Аверченко, ни разу не прибегнув к фантазии и непроверенным сведениям. Известный издатель и литературный критик Борис Филиппов на страницах «Нового Русского Слова» с восхищением встретил книгу Левицкого: «Сколько изжелтевших, рассыпающихся при прикосновении к ним старых журналов и газет, часто почти недоступных никому, всяческих мимолетно жив-

ших — и как мотыльки погибавших газеток какого-нибудь Тирасполя или эмигрантского — в те годы — Кишинева, — пришлось терпеливо перелистать автору исследования об Аверченко, лишь для того только, чтобы найти даже не затерявшуюся публикацию юмориста, а, скажем, дату его выступления в Кишиневе, отъезда в Прагу, приезда в Пильзен...»

Труд Д.А.Левицкого был единодушно признан русской прессой полноценным, авторитетным, исключительно интересным. Газета «Русская Мысль» в статье Иосифа Соколовского назвала автора «первопроходчиком» и «открывателем новых земель», — так много ранее неизвестного содержалось в вышедшей в издательстве Камкина книге. «Можно сказать без преувеличения, — писала сан-францисская «Русская Жизнь», — что книга Д.А.Левицкого является не только достойным венком памяти писателя-юмориста, занявшего видное место в русской литературе, но и вообще одной из лучших, появившихся на русском языке за рубежом».

Книга Димитрия Александровича Левицкого известна и в наших научных кругах: на нее ссылаются отечественные литературоведы. Она стала своеобразным путеводителем для исследователей творчества Аркадия Аверченко, ибо содержит уникальный материал о последнем, эмигрантском периоде жизни сатирика. Благодаря этому труду стало возможным проследить все маршруты Аркадия Аверченко, чья зарубежная жизнь фактически превратилась в постоянные гастроли по Европе. С огромным успехом он выступал как чтец своих произведений, как актер и как постановщик собственных многочисленных пьес. О том, насколько творческой и плодотворной была деятельность знаменитого юмориста в последнее пятилетие перед кончиной, не знали, да и до сих пор знают немногие на его родине.

Настоящее издание впервые, кроме первой части — биографической, вводит в научный оборот и остальные два раздела исследования Димитрия Левицкого. Вторая часть рассказывает о разных гранях дарования Аверченко: и как писателя, и как редактора, и как деятеля культуры. Аверченко — невероятно плодовитый художник, и чтобы собрать о нем сведения, нужно было просмотреть не только книги, но и обширное количество периодики. К тому же, Димитрий Левицкий прослеживает литературные связи Аверченко, восстанавливая культурный контекст тех лет.

Третья часть книги — литературоведческая, и, хотя автор ощущает себя более историком литературы, чем литературоведом, методы анализа текстов Аверченко, предложенные Димитрием Левицким, покажутся небезыntenесными как профессиональным фи-

логогам, так и любителям творчества крупнейшего русского сатирика. Левицкий писал свое исследование в то время, когда ответственными литературоведами не принимались во внимание ни теоретические работы зарубежных ученых, ни их оценка творчества русских писателей. В случае с Аркадием Аверченко игнорировать эти материалы — значит исказить представление о писателе, поскольку его произведения всегда активно переводились на иностранные языки, и более всего — на чешский, польский, немецкий. Следовательно, они вызвали интерес критиков, улавливающих близость природы юмора Аркадия Аверченко к своим национальным традициям. До сих пор многотомное собрание сочинений Аркадия Аверченко существует только на чешском языке. Поэтому Левицкий обращается не только к трудам немецких и чешских ученых, посвященным теории комического, но и к работам зарубежных исследователей, содержащим анализ конкретных произведений русского сатирика.

Можно оспаривать полноту сведений об Аверченко, собранных Д.А.Левицким, ибо автор, живущий по ту сторону океана, не имел в своем распоряжении всех материалов, касающихся деятельности Аверченко, в частности, периода революции. Но в той ли степени оказался ограничен в источниках Дмитрий Александрович, в какой были лишены зарубежных изданий советские ученые? Левицкий был в курсе самых новейших исследований об Аверченко, вышедших в СССР во время написания диссертации. Он пользовался сборником статей «Поэты „Сатирикона“» (Советский писатель, 1966) и книгой Л.А.Евстигнеевой «Журнал „Сатирикон“ и поэты-сатириконицы» (Наука, 1968). Собственная монография Д.А.Левицкого 1973-го года не дошла до советских исследователей творчества Аверченко. Во всяком случае, из одной статьи в другую перетекали противоречивые сведения и неточности, которые Левицкий скрупулезно и доказательно устранил в своей работе. Вот один из показательных примеров. В 1964-м году в СССР вышел сборник рассказов Аркадия Аверченко. Во вступительной статье литературовед Олег Михайлов выдвигал версию о том, что ранний отъезд писателя из Крыма в Константинополь был вызван закрытием врангелевской цензурой газеты Аверченко «Юг России». Левицкий разыскал в архивах США номера севастопольских газет «Юг» и «Юг России». По ним, а также по рассказам самого Аверченко, можно было восстановить историю конфликта между военной цензурой и журналистами. Картину уточнили свидетельства очевидцев, например, Петра Пильского, сообщавшего, что Аверченко «на пароход сел чуть ли не последним». В книге, опубликованной в 1973-м году,

Левицкий детально восстановил ситуацию, сложившуюся в Крыму в 1918—1919 годах. Выяснилось, что была закрыта газета «Юг», в которой Аверченко был активным сотрудником, а не редактором. Буквально через два дня стала выходить газета Аверченко «Юг России», как бы заменившая «Юг». Она просуществовала еще семь месяцев, вплоть до эвакуации белых из Крыма.

Несмотря на неоспоримые доказательства, содержащиеся в книге Левицкого, в 1985-м году Олег Михайлов повторяет слово в слово свою версию в статье, предпосланной новому сборнику избранных рассказов Аверченко. Таким образом, первая биография Аверченко, вышедшая за рубежом, была проигнорирована. Так что непроницаемость «железного занавеса» была неодинаковой. С Востока на Запад книги проникали легко. А вот с Запада на Восток литература либо не поступала, либо была под грифом «секретно». Советские ученые были лишены возможности создавать объективные и беспристрастные работы.

К широкому читателю книга Дмитрия Александровича Левицкого приходит спустя 30 лет после ее написания. При этом она не потеряла своей актуальности также, как и творчество писателя, которому посвящена эта работа. Эта книга значительна уже тем, что своим появлением она освежит интерес к произведениям Аверченко, которые нисколько не устарели и, кажется, (увы!) написаны про наш сегодняшний день. Левицкий кропотливо собрал политические памфлеты Аверченко, разбросанные по труднодоступным уже периодическим изданиям времен революции. Учитывая, что многие тексты Аверченко неизвестны широкому читателю, автор включил в книгу их пересказы. Причем выполнено это с чувством меры, каждый пересказ снабжен комментарием. Такой подход оказался оправданным. Во-первых, когда создавалась диссертация Левицкого, Аверченко не переиздавался так, как это происходит сейчас. А во-вторых, многие нюансы той исторической эпохи уже забыты, и профессиональный, фактически выверенный комментарий и сейчас кажется необходимым.

Когда-то рассказами и фельетонами Аверченко зачитывалась вся Россия. Здесь нет преувеличения: аудитория писателя включала и мелкого служащего, и профессора; аверченковский смех заражал и Николая II, и Ленина, считавшего его «озлобленным белогвардейцем» и посвятившего сатирику из враждебного стана статью в газете «Правда».

Надеюсь, не без помощи монографии Дмитрия Александровича Левицкого произойдет второе рождение замечательного юмориста. Неповторимый юмор Аверченко не заглушат раскаты смеха

сегодняшних сатириков. И, может быть, не только в Чехии, но и на родине будет издано полное собрание сочинений Аркадия Тимофеевича Аверченко.

Труд Левицкого остается самым обширным и пока единственным монографическим исследованием жизни и деятельности Аркадия Аверченко. Место этой книги в русской биографической литературе, определенное зарубежными критиками в 70-е годы, сохраняется.

Выпуская эту книгу, издательство «Русский путь» восстанавливает историческую справедливость, а именно: утверждает приоритет исследователя, впервые 30 лет назад разыскавшего и собравшего в единой книге материалы о крупнейшем русском сатирике. К нам приходит труд первого биографа выдающегося писателя.

А для ныне здравствующего автора, Дмитрия Александровича Левицкого, проживающего в Вашингтоне, выход этой книги в России, по его собственным словам, — «символическое возвращение на Родину».

Алла УМАНСКАЯ

Часть первая
ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

Глава первая

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ АРКАДИЯ АВЕРЧЕНКО

Среди опубликованных в Советском Союзе за последние годы книг и статей, посвященных писателям-юмористам, связанным с журналом *Сатирикон*, и, в частности, среди работ, касающихся самого Аверченко, следует отметить статью О. Михайлова. Она предпослана сборнику юмористических рассказов Аверченко и содержит, пожалуй, наиболее полные сведения о жизни и творчестве писателя по сравнению с теми сведениями, которые до того появились в трудах советских авторов. Приступая к изложению биографии Аверченко, Михайлов говорит:

Биографические сведения об Аркадии Тимофеевиче Аверченко скудны. Известно только, что родился он в 1881 году в Севастополе, в небогатой купеческой семье^{1*}.

1881 год обычно указывается как год рождения писателя и во всех тех энциклопедиях и литературных справочниках, которые удалось просмотреть. Встречаются, правда, указания на то, что Аверченко родился в 1884 году. Этот год упоминается в ряде интервью с Аверченко, появившихся в 1922 году во время его первого турне по восточно-европейским странам, а также в книге М. Гиршмана, вышедшей вскоре после смерти писателя

* Здесь и далее цифровые ссылки и примечания автора. — *Ред.*

на немецком языке², однако указания на 1884 год как на год рождения Аверченко основаны, по-видимому, на недоразумении. В личном архиве Аверченко, унаследованном одной из его младших сестер и находящемся в Париже, хотя и не оказалось ни одного его удостоверения личности с указанием даты и года рождения, однако сохранился его «Послужной лист», выданный Петроградским воинским начальником в октябре 1916 года. В этом документе, под рубрикой «начало службы», отмечен 1901 год. Если принять во внимание, что в императорской России призыву подлежали молодые люди, которым только что исполнился 21 год, то именно 1881 год (а не 1884) следует признать действительным годом рождения писателя.

Большие затруднения представляет вопрос о дне и месяце рождения Аверченко, которые обычно вовсе не указываются в соответствующих справочниках. Однако на этот счет существует несколько указаний. Одно из них — «Автобиография» писателя, в которой он говорит:

Из скромности я остерегусь указать на тот факт, что в день моего рождения звонили в колокола и было всеобщее ликование. Злые языки связывали это ликование с большим праздником, совпавшим с днем моего появления на свет³.

Праздничный день, о котором упоминает писатель, как предполагается, был день восшествия на престол императора Александра III, то есть 2 (14) марта 1881 года. Это число можно было бы принять за дату рождения Аверченко, если бы этому не противоречили два других указания.

Во-первых, в упомянутой книге М. Гиршмана этот автор приводит как дату рождения писателя 6 марта. Во-вторых, то же самое число указывается в заметке, помещенной в берлинской русской газете *Руль* в связи со смертью писателя⁴.

Таким образом, можно считать установленным, что Аверченко родился в марте, но открытым остается во-

прос, в какой день этого месяца: 2 (14) или 6 (18) марта 1881 года.

Тимофей Петрович Аверченко, отец писателя, и его мать — Сусанна Павловна, урожденная Романова, имели девять человек детей: шесть девочек и троих мальчиков. Два брата писателя — Константин и Алексей — умерли в младенчестве, и Аркадий остался в семье единственным мальчиком.

Пять его сестер, а именно: Надежда Тимофеевна (по мужу Гаврилова), Любовь Тимофеевна (по мужу Симакопуло), Мария Тимофеевна (по мужу Терентьева), Екатерина Тимофеевна (по мужу гр. Ростопчина) и Ольга Тимофеевна (по первому браку — Фальченко, а по второму — Смирдина) пережили писателя, и только одна сестра — Нина Тимофеевна — скончалась раньше своего брата, вскоре после революции 1917 года⁵.

Отец писателя, Тимофей Петрович, характеризуется в статье Михайлова как «чудаковатый фантазер и никудышный коммерсант»⁶. Свою характеристику Михайлов основывает, по-видимому, исключительно на том, что сам Аверченко, уже став известным писателем-юмористом, рассказывал в форме гротеска о своем отце. Упоминания о нем находим в «Автобиографии» и в некоторых других рассказах.

Отец мой, будучи по профессии купцом, не обращал на меня никакого внимания, так как по горло был занят хлопотами и планами: каким бы образом поскорее разориться? Это было мечтой его жизни, и нужно отдать ему полную справедливость — добрый старик достиг своих стремлений самым безукоризненным образом. Он это сделал при соучастии целой плеяды воров, которые обворовывали его магазин, покупателей, которые исключительно и планомерно брали в долг, и — пожаров, испепелявших те из отцовских товаров, которые не были растащены ворами и покупателями⁷.

Эти слова писателя из его «Автобиографии» весьма сходны с теми, которыми он описывает своего родителя в рассказе «Отец». Здесь Аверченко говорит:

Мой отец был удивительным человеком. Все в нем было какое-то оригинальное, не такое, как у других...

Как все в отце было оригинально, также оригинальна и необычна была его страсть — покупать редкие вещи. Требования, которые предъявлял он к такого рода операциям, были следующие: чтобы вещь приводила своим видом всех окружающих в удивление, чтобы она была монументальна и чтобы все думали, что вещь куплена за пятьсот рублей, когда за нее заплачено только тридцать⁸.

Очевидно, что, когда этот рассказ писался (т.е. в 1910 г.), Тимофея Петровича уже не было в живых, так как рассказ кончается нотой глубокой грусти: «Теперь он умер, мой отец»⁹.

Размышления о том, что за человек был его отец, занимали Аверченко и в дальнейшем. Через год после появления рассказа «Отец» (по-видимому, написанного под впечатлением недавней смерти отца), писатель, будучи в Венеции, опять в мыслях возвращается к нему. Плывая в гондоле по каналу, Аверченко размышляет:

Что, если бы судьба занесла моего отца в Венецию? Какую бы торговлю открыл этот неугомонный купец, этот удивительный беспокойный коммерсант?¹⁰

И, рассказывая дальше, как он мысленно предположил, что отец, по-видимому, открыл бы торговлю лошадиной упряжью или велосипедами, автор восклицает:

О, Боже мой! Есть такой сорт неудачников, который всю жизнь торгует на венецианских каналах велосипедами¹¹.

Что касается других указаний в произведениях Аверченко на деятельность Тимофея Петровича, то они ограничиваются несколькими краткими замечаниями в более поздних рассказах писателя. В одном из них говорится:

Когда я был маленький, мой отец имел в Севастополе три бакалейные лавки¹².

Вместе с тем, в другом рассказе Аверченко говорит:

У моего отца была галантерейная лавка¹³.

Таким образом, если не считать приведенные выдержки лишь гротескными выдумками, свойственными творчеству Аверченко, высказывания писателя дают основание признать в его отце чудаковатого человека и не особенно успешного предпринимателя.

Сам ли Тимофей Петрович всегда был виноват в своих материальных неудачах или тогдашние обстоятельства торговли в провинциальном Севастополе, при необходимости содержать многочисленную семью, вообще не благоприятствовали доходному ведению дел и повышению материального благосостояния, фактом остается сравнительно скромная, если не бедная домашняя обстановка семьи Аверченко.

О начальном образовании писателя в его автобиографических произведениях встречается несколько противоречивых высказываний. Так, в своей «Автобиографии» Аверченко в нескольких словах упоминает о начале своего образования, говоря:

[...] Я так и остался бы неграмотным, если бы старшим сестрам не пришла в голову забавная, сулившая им массу новых ощущений, мысль: заняться моим образованием¹⁴.

С другой стороны, в одном из более поздних рассказов Аверченко содержится указание на то, что он все же учился не только дома, но посещал и начальную школу. Об этом свидетельствуют следующие его слова, относящиеся к нему самому и двум друзьям детства:

И все трое вкусили горькие корни учения в начальной школе Марьи Антоновны, сидя рядом на длинной скамейке, как желуди на одной дубовой ветке¹⁵.

В 90-х годах прошлого столетия в Севастополе мальчики, получившие начальное образование, могли продолжать обучение в реальном училище, а девочки — в женской гимназии¹⁶. Судя по тому, что известно, Аверченко реального училища не закончил. Ни в его «Автобиографии», ни в рассказах с автобиографическими элементами не находим упоминаний о реальном училище вообще или

о том, сколько лет он в нем обучался. Только близко знавший Аверченко писатель Н. Н. Брешко-Брешковский в своей статье по случаю десятилетия со дня его смерти пишет:

Недостаточность образования, — два класса гимназии, — восполнялась природным умом [...]»¹⁷

Это свидетельство, по-видимому, находит и косвенное подтверждение в творчестве писателя. Впоследствии Аверченко, имя которого стало уже известным всей читающей России, в рассказах и фельетонах неоднократно возвращался к теме преподавания в средней школе, взаимоотношений между учителями и учащимися, экзаменов, устарелых методов преподавания и т.п.¹⁸ В этих произведениях Аверченко обнаруживает такое знание обстоятельств гимназической жизни, а ее проблемы, видимо, так близки его сердцу, что трудно себе представить столь живое изображение школьного дела не на основании собственного опыта, а лишь понаслышке.

Неизвестно, была ли ограниченность семьи в средствах тем препятствием, которое помешало Аверченко получить законченное среднее образование. Есть указания и на другую причину, о которой находим высказывания самого писателя вроде следующего:

Легенда о том, что я мальчик больной, хилый, который не может учиться, — росла и укреплялась, и больше всего заботился об этом я сам.

Эти слова мы находим в «Автобиографии»¹⁹, где также встречаются ссылки на слабость зрения. На то, что этот физический недостаток был препятствием для регулярного школьного учения, писатель указывал и в последние годы своей жизни, когда он уже был эмигрантом. Так, приехав в 1922 году в Ужгород (в тогдашней Чехословакии), Аверченко дал интервью представителю местной русской газеты *Русская Земля*. Журналист сообщил читателям газеты со слов приехавшего писателя краткие биографические сведения о нем и, между прочим, писал:

Сообщаем кое-что из его жизни по его собственным словам, которые он передал нам. [...] По причине слабости зрения он не мог много учиться²⁰.

Относительно зрения Аверченко известно, что уже в ранней юности у него был поврежден левый глаз, так что он хорошо видел только правым. Когда именно случилось это несчастье и при каких обстоятельствах — неясно. Во всяком случае, когда молодой Аверченко жил в Харькове, то он уже плохо или совсем не видел одним глазом и относил это увечье как будто к более раннему периоду своей жизни. Импресарио Л. Д. Леонидов, ныне проживающий в Париже, будучи в январе 1965 года в Нью-Йорке, поделился со мной воспоминаниями о своем знакомстве с Аверченко. Рассказывая, как он в начале девятисотых годов, обучаясь в реальном училище в Харькове, познакомился там с молодым и еще неизвестным Аверченко, Леонидов, между прочим, сказал:

Аверченко всегда на вопрос: что с твоим глазом, Аркадий? неохотно отвечал, повторяя только восклицание Расплюева из «Свадьбы Кречинского»: — Была игра!²¹

Долголетний сотрудник Аверченко по работе в журнале *Сатирикон*, художник Н. В. Ремизов (Ре-Ми), проживающий ныне в Калифорнии, в одном из своих ответов, присланных на мои вопросы об Аверченко, сообщает, что он почти ничего не знает о жизни писателя до времени его переезда в Петербург. Он лишь напоминает, что Аверченко ему рассказывал о бурных холостяцких пирушках, в которых он принимал участие в юношеские годы. Однажды, во время такой пирушки, когда ее участники уже были сильно навеселе, осколок разбитого стекла попал в глаз Аверченко и вызвал повреждение, оставшееся на всю жизнь²².

Писатель Брешко-Брешковский в выше упоминавшейся статье об Аверченко приводит иную версию того, при каких обстоятельствах произошло повреждение его глаза, замечая:

Очень немногие знали, что левый глаз у Аверченко был искусственный. Он потерял глаз на родном юге, вступившись за женщину, с которой познакомился за пять минут до того, как она стала жертвой нападения²³.

Из приведенных трех свидетельств нельзя сделать определенного заключения о времени повреждения глаза, но на основании этих показаний представляется правильным отнести причиненное писателю увечье к его юношеским, а не детским годам жизни, то есть ко времени, когда он уже уехал из Севастополя. Однако такое предположение не исключает того, что школьному учению в детстве мешала слабость зрения, проявившаяся рано, вне зависимости от позднее полученного увечья. Во всяком случае, во всех воспоминаниях об Аверченко указывается на его раннюю близорукость.

Итак, не закончив курса реального училища, Аверченко 15-летним мальчиком поступает на работу в частную транспортную контору. В юмористическом изображении этого эпизода самим Аверченко дело происходило так:

Когда мне исполнилось 15 лет, отец, с сожалением распрощившийся с ворами, покупателями и пожарами, однажды сказал мне: — Надо тебе служить²⁴.

Через три года после написания «Автобиографии» Аверченко снова вспоминает дни своей юности в рассказе «О пароходных гудках» и уже точнее определяет характер своей работы:

В дни моей юности я зарабатывал себе пропитание тем, что служил младшим писцом в транспортной конторе по перевозке кладей²⁵.

Об этом раннем периоде жизни молодого Аверченко недавно вспоминал советский журналист М. Поляновский на страницах парижской газеты *Русские Новости*. Поляновский рассказывает в своей статье о том, как по окончании гражданской войны он приехал в 1923 году в Севастополь, чтобы там работать во флот-

ской газете. Конторщик редакции, седоусый старик, по фамилии Мачука, как-то показал автору статьи небольшую старую фотокарточку, сделанную севастопольским фотографом. Со снимка смотрело лицо юноши, показавшееся автору знакомым. На карточке была надпись, гласившая:

Господину Павлу Степановичу Мачуку
на добрую память от сослуживца
Аркаши Аверченко. Севастополь, 189.. год²⁶.

Конторщик объяснил Поляновскому, что Аркаша Аверченко вместе с ним поступил на службу к одному хозяину «по конторской линии», и рассказал:

Жалованье нам положили одинаковое. Мною хозяин был предоволен. А Аркашу уволить собирался. Мамаша его приходила, просила оставить сынка на работе, обещала подтянуть, остепенить. Он ведь помоложе меня был²⁷.

Мачука проработал совместно с Аркашей всего лишь год, после чего, по его словам, «тот возьми, да сам службу брось», чем очень обрадовал хозяина, не знавшего, как от него отделаться. Впоследствии сам Аверченко, вспоминая об этом эпизоде в своей жизни, писал:

Шестнадцать лет я расстался со своей сонной транспортной конторой и уехал из Севастополя на какие-то каменноугольные рудники. Это место было наименее для меня подходящим и потому, вероятно, я и очутился там по совету своего опытного в житейских передрыгах отца²⁸...

Зная из последующей жизни Аверченко о его литературных способностях, нельзя не согласиться с писателем в оценке «полезности» для его таланта работы в конторе рудника, в глухом захолустье. Справедлива ли, однако, ирония по отношению к целесообразности отцовского совета — остается под вопросом. Вряд ли Тимофей Петрович знал или догадывался тогда о литературном даровании своего сына, вынужденного искать заработка ввиду стесненных материальных обстоятельств семьи. Да и

выбор захолустного рудника, по всей вероятности, не был случайностью, а при создавшихся обстоятельствах — обоснованным выбором. Дело в том, что на руднике, куда должен был поехать молодой Аверченко, жила его сестра, Мария Тимофеевна, с мужем Иваном Михайловичем Терентьевым, работавшим на Брянском руднике инженером. У четы Терентьевых была дочь Лида, которая впоследствии, по-видимому, послужила прообразом девочки, изображенной в рассказе «Вечером», посвященном Лиде Терентьевой²⁹.

В своем автобиографическом рассказе «Молния» Аверченко начинает повествование о быте и нравах служащих и рабочих рудника следующими словами:

Если сказать правду, то рудничный поселок «Исаевский» считался первым среди других поселков — по числу и разнообразию развлечений³⁰.

На этом замечании основывается Михайлов в своем биографическом очерке, когда говорит:

В 1897 году Аверченко уезжает в поселок Исаевский, на каменноугольные разработки, где наблюдает въявь темную и безотрадную жизнь шахтеров³¹.

Год переезда молодого Аверченко из Севастополя на работу в конторе рудника — 1897 — следует признать правильным, основываясь на определенных данных, приводимых самим писателем. С другой стороны, жили ли он и его сестра с мужем именно в поселке Исаевском — утверждать с несомненностью нельзя. Кроме рассказа «Молния», в котором дается такое название поселка, имеется свидетельство лица, знавшего Аверченко именно во время службы последнего в конторе рудника и впоследствии ставшего близким ему по сотрудничеству в журнале *Сатирикон*. Это — Александр Авдеевич Оцуп (псевдоним — Сергей Горный). В речи, произнесенной на вечере памяти Аверченко, устроенном в Берлине в связи с пятилетием со дня смерти писателя, Сергей Горный говорит:

Есть такая маленькая станция на Екатерининской ж. д., далеко на юге России. В Донецком бассейне. Ее зовут — Алмазная. И есть там Брянский рудник. И на нем, где-то в «счетоводстве», в скучном отделе, где горизонтально и вертикально расставлены сухие каллиграфические цифры, — сидел, согнувшись целыми днями, и заполнял клеточки близорукий сдержанный человек. Совсем еще молодой. Молчаливый³²...

Сергей Горный поясняет, что он сам, будучи студентом Института Императрицы Екатерины II, работал практикантом на Брянском руднике. Там он встречался с молодым Аверченко, «обмениваясь с неведомым «конторщиком» служебными поклонами» и не подозревая тогда, что ему придется через несколько лет протянуть этому «конторщику», «волнуясь и томясь, рукопись своей первой книги»³³.

Поскольку Оцуп был долголетним постоянным сотрудником журналов *Сатирикон* и *Новый Сатирикон*, его близость к Аверченко не подлежит сомнению. Ввиду этого его свидетельство о месте работы Аверченко до его переезда в Харьков представляется наиболее достоверным, а указания некоторых советских авторов на то, что Аверченко был конторщиком в Юзовке — едва ли обоснованы.

На современных советских картах Донецкого бассейна станция Алмазная отмечена, а вблизи нее — Брянский. Поселок Исаевский на имевшихся в распоряжении пишущего эти строки картах найти не удалось. Поэтому, говоря о послесевастопольском периоде жизни Аверченко, правильнее всего было бы считать, что он служил в конторе Брянского рудника, близ станции Алмазной. Здесь Аверченко прослужил три года и переехал в Харьков:

Когда правление рудников было переведено в Харьков, туда же забрали и меня.

Эти слова находим в его «Автобиографии»³⁴, но в котором именно году он переехал в Харьков, — на это нет прямых указаний. По-видимому, это произошло в

самом начале 900-х годов. На это имеются косвенные указания. С одной стороны, Аверченко, продолжая в юмористической форме, характерной для его «Автобиографии» вообще, описание своей работы в харьковской конторе, замечает, что работал он там «преотвратительно» и не знает, за что его там «держали шесть лет»³⁵. Эти шесть лет означают, если принять во внимание более точно известное время переезда Аверченко в Петербург из Харькова, что он приехал в Харьков в 1901 году.

С другой стороны, и Леонидов, вспоминая о своей первой встрече с Аверченко, рассказывает:

Мое первое знакомство с Аркадием Аверченко состоялось приблизительно в начале 900-х годов, когда я кончал реальное училище³⁶.

Наконец, Михайлов сообщает, что в харьковской газете *Южный Край* уже 31 октября 1903 года появился рассказ Аверченко³⁷.

Сопоставляя вышеприведенные сведения, можно считать, что 1901 или 1902 год был временем, когда Аверченко переселился в Харьков.

П. Потемкин в статье памяти Аверченко, написанной в 1925 году, называет допетербургский период жизни Аверченко «доисторическим» и говорит:

Аверченко мальчик и юноша, родившийся в Севастополе в 1881 году, едва ли учившийся в гимназии и во всяком случае не кончивший ее, Аверченко молодой конторщик в управлении каких-то копей в Харькове, мало кому известен³⁸.

Через сорок лет после того, как писались эти строки, во много раз труднее встретить кого-либо, кому Аверченко был хорошо известен в ту далекую «доисторическую» пору своей жизни. Воспоминания Леонидова, одного из немногих, если не единственного, оставшихся в живых знакомых Аверченко по Харькову, представляют поэтому несомненный интерес и могут послужить дополнительным материалом для биографии писателя. Здесь

приводятся эпизоды из жизни Аверченко в Харькове по записи моей личной беседы с Леонидовым.

Познакомившись ближе с Аркашей Аверченко, я постепенно ввел его в свой кружок приятелей, состоявший из учеников реального училища, гимназистов и студентов, сыновей состоятельных родителей. Участвуя на устраиваемых этой молодежью вечеринках и бывая на дому среди моих знакомых, Аверченко затмевал на этих вечеринках моих приятелей своим остроумием и удачными смешными экспромтами, которые он записывал барышним в альбомы. Мои приятели немало сердились на меня за то, что я был виновником появления в нашем кругу столь опасного конкурента!

Аркаша Аверченко был высокий, худой как жердь, молодой человек. Помню его в черном зимнем пальто, с барашковым воротником и каракулевой шапке. Служил он тогда счетоводом в конторе некоего Рабиновича, помещавшейся на Рымарской улице, напротив театра Коммерческого клуба. Вывеска на доме гласила: «Соляно-промышленное предприятие Рабиновича»³⁹.

Последняя часть этой записи находится в видимом противоречии с общепринятыми в кратких биографиях Аверченко сведениями, что он работал в Харькове шесть лет в правлении рудников (очевидно — Брянских). Эти сведения, конечно, основываются исключительно на том, что сам писатель говорит в своей «Автобиографии», из которой выше цитировались соответствующие слова Аверченко. Трудно теперь судить о том, насколько «Автобиография» может служить источником точных фактических данных всех жизненных этапов писателя-юмориста. Во всяком случае Леонидов, знакомый с «Автобиографией», заверяет, что он хорошо помнит, где Аверченко в то время в Харькове работал, и ясно припоминает вывеску на доме, в котором проходила служба писателя в то время в Харькове.

Об упоминавшемся повреждении глаза Аверченко Леонидов рассказывает, что два известных харьковских врача — Л. А. Гиршман и проф. Б. П. Браунштейн — еще в 1906 году предупредили Аверченко о том, что необхо-

димо будет оперировать левый глаз. Аверченко тогда от операции отказался. Пришлось эту операцию произвести значительно позднее, через восемнадцать лет в Праге, когда ему вставили искусственный глаз⁴⁰.

В 1907 году закончилось пребывание Аверченко в Харькове, и он оттуда уезжает. Из его собственных юмористических высказываний автобиографического характера трудно составить себе ясную картину тех обстоятельств, которые привели его к решению перебраться в столицу. В «Автобиографии» Аверченко говорит, что, начав писать в журнале, а затем и редактировать его, он «совершенно забросил службу...»⁴¹ Уволили ли его за это с места или он сам ушел — не выяснено. В упоминавшемся интервью Аверченко для газеты *Русская Земля*, а также в некоторых других интервью того же периода, дело его переезда изображается так:

Через некоторое время уволили его со службы со словами: «Вы хороший человек, но ни к черту не годитесь...» И остался Аркадий Тимофеевич без хлеба, последовало несколько месяцев голодовки... В то время познакомился Аверченко со старичком Черновицким, который советовал ему выехать в Петроград. «Зачем, — спросил Аркадий Аверченко, — чтобы и там голодать?» «Там, по крайней мере, интереснее голодать», ответил старичок. И Аркадий Тимофеевич очутился в Петрограде⁴².

Пришлось ли Аверченко действительно голодать и существовал ли на самом деле старичок Черновицкий или это мифический персонаж, введенный через столько лет после описываемых событий для комизма ситуации, — очередная неясность. Вполне правдоподобно и такое объяснение: Аверченко почувствовал влечение к писательской деятельности, испробовал в Харькове свои способности, но возможности для писательской карьеры в провинции были ограниченные, и его потянуло в столицу независимо от совета старичка Черновицкого.

Фактом остается переезд в столичный Петербург, где ему суждено было сделать в короткий срок поразительную карьеру и стать известным на всю Россию.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Михайлов О. Аркадий Аверченко. — В кн.: Аркадий Аверченко. Юмористические рассказы. М., Художественная литература, 1964, с. 3.
- ² Г. С-ычъ. Аверченко среди нас. — *Русская Земля* (Ужгород), 1922, 18 (31) августа. См. также: Hirschmann Maurice. In memoriam Arkadij Awertschenko». В кн.: Das russische Lachen. Ausgewählte Grotresken von Arkadij Awertschenko. Wien, Vernay-Verlag, 1925, S. 5.
- ³ Аверченко А.Т. Автобиография. — В кн.: Аркадий Аверченко Веселые устрицы. Юмористические рассказы, изд. 3-е. С.-Петербург, изд-во М.Г. Корнфельда, 1910, с. 5. (Последующие цитаты из «Автобиографии» приводятся по этому изданию).
- ⁴ К смерти Аверченко. — *Руль* (Берлин), 1925, 15 марта.
- ⁵ Источник этих сведений — заметка автора этой работы о его разговоре с сестрой писателя, Ольгой Тимофеевной, и ее мужем, Г.А.Смирдиным, в Париже в сентябре 1964 года, а также копия акта о передаче наследства Аркадия Аверченко в переводе на русский язык. Акт был составлен в Праге, 6 августа 1926.
- ⁶ Михайлов О. Указ. соч., с. 3—4.
- ⁷ Аверченко А.Т. Автобиография, с. 6—7.
- ⁸ Аверченко А.Т. Отец. — *Сатирикон*, 1910, № 12, с. 5.
- ⁹ Там же, с. 8.
- ¹⁰ Аверченко А.Т. Ресторан «Венецианский Карнавал». — *Сатирикон*, 1911, № 35, с. 7.
- ¹¹ Аверченко А.Т. Болотные туманы. — *Новый Сатирикон*, 1918, № 2, с. 6.
- ¹³ Аверченко А.Т. Молодняк. — *Новый Сатирикон*, 1918, № 9, с. 2.
- ¹⁴ Аверченко А.Т. Автобиография, с. 7.
- ¹⁵ Аверченко А.Т. Молодняк, с. 2.
- ¹⁶ Сведения об учебных заведениях в Севастополе взяты из «Энциклопедического Словаря Брокгауза и Ефрона». С.-Петербург, 1900, т. ХХІХ, с. 293.
- ¹⁷ Брешко-Брешковский Н.Н. А.Т.Аверченко. К десятилетию со дня смерти русского юмориста. — *Иллюстрированная Россия* (Париж), 1935, № 13, с. 15. Автор статьи, по-видимому, имеет в виду два класса реального училища.

- ¹⁸ Например, в специальном «Экзаменационном» номере журнала *Сатирикон*, 1910, № 20, рассказы — «О шпаргалке» и «Проверочные испытания».
- ¹⁹ Аверченко А.Т. Автобиография, с. 6.
- ²⁰ Г. С-ычъ. Указ. соч.
- ²¹ Свидетельство Л.Д. Леонидова.
- ²² Свидетельство Н.В. Ремизова.
- ²³ Брешко-Брешковский Н.Н. Указ. соч. с. 15.
- ²⁴ Аверченко А.Т. Автобиография, с. 7.
- ²⁵ Аверченко А.Т. О паровых гудках. — *Сатирикон*, 1913, № 17, с. 6.
- ²⁶ Поляновский М. А. Аверченко в советском телевидении. — *Русские Новости* (Париж), 1967, 17 февраля.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Аверченко А.Т. Автобиография, с. 10.
- ²⁹ Аверченко А.Т. Вечером. — *Сатирикон*, 1909, № 7.
- ³⁰ Аверченко А.Т. Молния. — *Сатирикон*, 1910, № 40, с. 10.
- ³¹ Михайлов О. Указ. соч., с. 4.
- ³² Горный Сергей [Оцуп А.А.]. Памяти А.Т. Аверченко. — *Руль* (Берлин), 1930, 28 апреля.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Аверченко А.Т. Автобиография, с. 12.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Свидетельство Л.Д. Леонидова.
- ³⁷ Михайлов О. Указ. соч., с. 5.
- ³⁸ Потемкин П. Об Аркадии Аверченко. — *Последние Новости* (Париж), 1925, 15 марта.
- ³⁹ Свидетельство Л.Д. Леонидова.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Аверченко А.Т. Автобиография, с. 13.
- ⁴² Г. С-ычъ. Указ. соч.

Глава вторая

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ГОДЫ

Согласно неоднократно цитируемой «Автобиографии», Аверченко приехал в Петербург «как раз в Новый Год», но неясно, в который. Ныне здравствующий и проживающий в Париже издатель петербургской *Стрекозы*, а затем — *Сатирикона*, М.Г. Корнфельд по этому поводу высказывается:

Насколько помню, это было в 1906 году, когда Аркадий Аверченко приехал в Петербург из Харькова, где он работал помощником бухгалтера¹.

По-видимому, в этом случае память Корнфельда допустила небольшую ошибку, и переезд Аверченко в Петербург следует отнести к концу 1907 года, если не к самому началу 1908 года. Такое заключение основывается на нижеследующих данных.

Во-первых, мы знаем, что в последние годы своей харьковской жизни Аверченко сперва редактировал журнал *Штык*, о котором известно, что он выходил в Харькове в 1906 и 1907 годах, а затем он еще выпустил (опять-таки в 1907 году) несколько номеров другого журнала под названием *Меч*².

Во-вторых, Аверченко, вспоминая в 1913 году на страницах журнала *Сатирикон* о своем переезде из Харькова, говорит:

Когда я приехал в Петербург (это было в начале 1908 года) [...]³

Следовательно, правильно будет считать, что петербургский период жизни Аверченко начинается с нового, 1908 года.

Со времени переезда в Петербург начинается жизнь того Аверченко, каким его помнит ряд современников, оставивших о нем воспоминания. Новая жизнь Аверченко с первых же его шагов в незнакомой столице связана с журналом *Сатирикон*, реорганизованным из журнала *Стрекоза*.

Брешко-Брешковский, по-видимому, очень близок по существу к истине, когда говорит:

Чуть ли не прямо с вокзала и едва ли не пешком молодой человек отправился на Фонтанку № 80 в редакцию *Стрекозы*⁴.

Сам Аверченко, вспоминая через пять лет о своем приезде в столицу, изображает дело следующим образом:

Несколько дней подряд бродил я по Петербургу, приглядываясь к вывескам редакций — дальше этого мои дерзания не шли.

От чего зависит иногда судьба человеческая — редакция «Шута» и «Осколков» помещались на далеких незнакомых улицах, где-то в глубине большого незнакомого города, а «Стрекоза» и «Серый Волк» в центре [...]

Будь «Шут» и «Осколки» тут же, в центре, — может быть, я бы преклонил свою скромную голову в одном из этих журналов [...]

— Пойду я сначала в «Стрекозу», — решил я. По алфавиту. Вот что делает с человеком обыкновенный скромный алфавит — я остался в «Стрекозе»⁵.

В кабинете издателя Аверченко «встретил молодой бритый господин с ласковыми глазами и очень хорошими манерами»⁶.

Со своей стороны, вспоминая через пятьдесят семь лет об этой первой встрече со своим будущим сотрудником, Корнфельд рассказывает:

Аверченко принес мне несколько уморительных и превосходных по форме рассказов, которые я с радостью принял.

В то время я заканчивал реорганизацию «Стрекозы» и формирование нового состава редакции. Аверченко стал ее постоянным сотрудником, одновременно с Тэффи, Сашей Черным, Осипом Дымовым, О.Л. Д'Ором и др. Постепенно была реформирована и художественная сторона издания при ближайшем сотрудничестве художников-карикатуристов и графиков Николая Ремизова (Ре-Ми), Александра Яковлева, Радакова, Юнга...⁷

Приглашенный издателем в постоянные сотрудники *Стрекозы*, Аверченко через несколько дней имел возможность познакомиться со своими коллегами. Воспоминания одного из них, именно художника Ремизова (Ре-Ми), удалось получить от него самого.

Как и Корнфельд, Ремизов говорит о *Стрекозе* (которую он называет «пивным» журналом), как о журнале, давно уже нуждавшемся в освежении и обновлении. Соответствующие планы реорганизации не раз обсуждались издателем с Радаковым и Ремизовым. Ремизов вспоминает об этом так:

Когда мы сидели в кабинете М. Корнфельда в одно из таких мечтательных собраний, через приоткрытую дверь служащая конторы объявила, что г-н Аверченко хочет видеть издателя.

В нескольких словах М.К. сказал нам, что незадолго до того он получил от Аверченко рассказ, который произвел на него благоприятное впечатление, и что он хочет нас познакомить с автором [...]

М.К. попросил Аверченко прочесть вслух рассказ, который был ему прислан. Это был бытовой скетч, написанный легко, без напора на юмор. Скетч, без сомнения, был талантливое произведение. Наше получасовое заседание закончилось в ресторане, и мы разошлись с чувством, что новый журнал скоро родится⁸.

Если считать, что описанная встреча Аверченко с издателем *Стрекозы* и ее сотрудниками происходила в начале 1908 года, то рождение нового журнала, действи-

тельно, не заставило себя долго ждать. Уже 1 апреля 1908 года вышел в свет первый номер журнала *Сатирикон*, заголовок которого был нарисован Добужинским, а рисунок первой страницы исполнен Бакстом.

О положении, которое Аверченко занял в новом журнале, Корнфельд говорит:

В момент выхода первого номера *Сатирикона* Аркадий Аверченко, будучи секретарем редакции журнала «Стрекоза», стал автоматически секретарем редакции *Сатирикона*, а затем его редактором до 1913 года⁹.

В этом году произошел конфликт между издателем журнала Корнфельдом и группой сотрудников журнала, среди которых был и Аверченко. В результате этого конфликта Аверченко вышел из состава редакции журнала и, совместно с другими бывшими сотрудниками *Сатирикона*, основал журнал *Новый Сатирикон*, став его редактором. Работой по изданию этого журнала Аверченко руководил вплоть до августа 1918 года, когда, вследствие закрытия журнала советскими властями, он принужден был навсегда покинуть милый его сердцу Петроград.

Весь петербургский период жизни Аверченко связан был, таким образом, с работой в журналах *Сатирикон* и *Новый Сатирикон* и должен быть признан наиболее плодотворным в творчестве писателя. Деятельность этого периода прославила Аверченко сперва в пределах самой России, а затем и за границей, где еще до первой мировой войны стали появляться переводы отдельных его фельетонов и театральных инсценировок, а также целых сборников с его рассказами.

Избрав Петербург своим постоянным местожительством, уйдя с головой в напряженную работу, связанную с изданием журнала, и окунувшись в водоворот столичной жизни с ее развлечениями, Аверченко, вместе с тем, находил время и для путешествий по родной стране и за границей.

Впервые Аверченко покидает пределы России в 1911 году, летом, совместно с художниками Н.В. Ремизовым и

А.А. Радаковым. Цель путешествия — не только желание отдохнуть и набраться новых впечатлений, но и чисто деловая. Эта деловая сторона путешествия — осуществление проекта, о котором читатели *Сатирикона* были извещены еще в 1910 году. Редакция тогда объявила, что все подписчики журнала на 1911 год получают в виде бесплатного приложения «роскошно иллюстрированное издание — *Экспедиция в Западную Европу*¹⁰. Теперь в эту экспедицию Аверченко и отправляется со своими коллегами-художниками, выехав из Петербурга, по-видимому, в конце мая или начале июня 1911 года¹¹.

О маршруте путешествия дают представление как содержание упомянутой книги *Экспедиция в Западную Европу*, так и некоторые рассказы, напечатанные в журнале *Сатирикон* и написанные Аверченко за границей¹². О пребывании Аверченко в Италии сохранились некоторые воспоминания. Так, например, в Венеции Аверченко и его коллег Ремизова и Радакова встретил писатель Брешко-Брешковский, следующим образом описавший встречу с ними:

Однажды летом, года за три до войны, я поехал с женой в Италию. В Венеции, на Плаца Сан Марко, встречаем трех высоких мужчин. Каждый — на целую голову выше всех встречных итальянцев. Это трио: Аверченко, Радаков и Реми.

Тотчас же выяснилась цель их путешествия. Они дают приложением к «Сатирикону» юмористическую историю Европы. Вот они и объезжают ее. Аверченко будет записывать, а Радаков и Реми — зарисовывать¹³.

Из воспоминаний Брешко-Брешковского также узнаем, что за время пребывания в Венеции Аверченко простудился и слег в постель. В связи с этим автор воспоминаний, вместе со своей женой, навестил Аверченко и его двух спутников в гостинице, где они остановились.

Ремизов, со своей стороны вспоминая теперь о своем тогдашнем участии в «сатириконовской экспедиции», упоминает о встрече с четой Брешко-Брешковских, с ко-

торыми совместно был проведен вечер в ресторане гостиницы. О самой поездке он говорит как о «шумном, веселом хождении по заграничным ресторанам и пробеге по музеям», за исключением одного эпизода. Этот эпизод — встреча с Максимом Горьким на острове Капри, где он тогда проживал. Все три дня своего пребывания там Аверченко и его спутники провели вместе с Горьким, который много рассказывал об Америке, — стране, которой сатириконцы очень интересовались. По словам Ремизова, эти три дня с Горьким на Капри были самыми интересными за все время поездки¹⁴.

Из своего первого заграничного путешествия Аверченко вернулся в Петербург во второй половине июля 1911 года¹⁵.

Можно полагать, что из всего виденного за границей наибольшее впечатление на Аверченко произвела Италия, и особенно Венеция. Видимо, он не раз мысленно возвращался к своему пребыванию в городе каналов и гондол. Так, вскоре после его возвращения из-за границы в *Сатириконе* появляется выше уже цитированный рассказ «Ресторан Венецианский Карнавал»¹⁶, навеянный впечатлениями от поездок в венецианских гондолах.

Через год Аверченко, на сей раз, по-видимому, один снова уезжает за границу, весной или летом 1912 года. Поехал ли он тогда непосредственно в Венецию, нигде не задерживаясь по дороге, или же, кроме Италии он побывал еще где-либо — неизвестно. Во всяком случае, значительную часть своего месячного пребывания за границей¹⁷ Аверченко провел именно в полюбившейся ему Венеции, отдыхая на Лидо. Об этом свидетельствуют появившиеся в *Сатириконе* несколько рассказов с отметкой «Лидо, Венеция»¹⁸.

Нет никаких указаний на то, что эта вторая заграничная поездка преследовала какие-либо деловые цели. Аверченко, очевидно, нуждался в более продолжительном отдыхе. Это и не удивительно, принимая во внимание тот факт, что в 1912 году он кроме обычной напря-

женной работы в редакции журнала предпринял продолжительное и утомительное турне по России, выступая в ряде городов на вечерах юмористов.

Первое известие о предстоявшем турне находим в начале 1912 года, когда в *Сатириконе* появилось объявление:

На 5-ой неделе поста состоятся вечера юмористов в городах: Одессе, Кишиневе, Киеве, Харькове и Ростове-на-Дону, при участии Арк. Аверченко, Влад. Азова, Осипа Дымова, премьерши Нового Драматического Театра А.Я. Садовской и артиста Ф.П. Федорова¹⁹.

За недоступностью провинциальных русских газет того времени, не удалось выяснить, что именно местные критики писали о вечерах юмористов и, в частности, какую оценку получили выступления самого Аверченко. По видимому, он всюду нравился публике и имел большой успех, за исключением, может быть, выступления в Одессе. Об этом вечере юмористов в петербургских газетах *Русское Слово* и *Новое Время* была опубликована какая-то неблагоприятная корреспонденция, в связи с которой в *Сатириконе* появилась заметка, озаглавленная «Для восстановления истины». С ссылкой на появившуюся в *Русском Слове* от 6 марта телеграмму из Одессы, согласно которой первый вечер юмористов в этом городе «закончился грандиозным скандалом», в заметке, помещенной в *Сатириконе*, говорится:

Приходится сомневаться — был ли вообще осведомленный корреспондент «Русского Слова» на вечере юмористов?

Потому что вечер не закончился, а начался грандиозным скандалом. Продолжался же он при мертвой тишине во время исполнения и аплодисментах после каждой прочитанной вещи, а закончился овациями и нескончаемыми вызовами всех участников вечера, что подтверждают все одесские газеты²⁰.

Из этой же заметки дальше узнаем, что газета *Одесские Новости* и сами юмористы послали *Русскому Слову*

телеграмму с просьбой о восстановлении истины, и что появившееся после этого в газете опровержение редакция газеты снабдила какой-то припиской, которая не удовлетворила участников вечера.

Не имея возможности ознакомиться с сообщением местных газет о «скандале», трудно судить о том, кем или чем он был вызван. Все-таки и из имеющихся скудных сведений можно сделать вывод, что «скандал» вряд ли был направлен против Аверченко лично, поскольку последний был только одним из группы юмористов, выступавших на вечере. Вместе с тем, все это дело, может быть, и не стоящее особого упоминания само по себе, представляется не лишним интереса постольку, поскольку именно оно, очевидно, служит основанием для более поздних утверждений о каком-то «провале» Аверченко во время выступления в Одессе. Об этом пишет советский писатель Лев Никулин, говоря:

В скептической Одессе, где испытанные остряки водились стаями, он выступил с чтением рассказов и провалился. Впрочем, это не отразилось на репутации Аверченко, которого считали самым веселым человеком в России²¹.

Вернее всего, эти слова Никулина являются отголосками дела о «скандале» на одесском вечере юмористов. Все же едва ли справедливо говорить о «провале» лично Аверченко и в том случае, если вечер юмористов, о котором идет речь, в целом не имел ожидавшегося успеха. Конечно, не исключена возможность, что Никулин имел в виду какое-либо другое выступление Аверченко в Одессе, но и это не представляется слишком вероятным. Аверченко бывал там не так уж часто, и его «личный провал» в таком большом городе был бы событием, которое должно было найти то или иное отражение в *Сатириконе*, либо быть отмеченным одним из близко знавших Аверченко критиков, которые часто о нем писали, как, например, Петр Пильский. В нескольких своих статьях об Аверченко Пильский говорит о своем долготетнем с ним знакомстве и частых встречах в провинциальных городах

России, в том числе и как раз в Одессе, но ни словом не упоминает о каком-либо скандале в этом городе.

На страницах *Сатирикона*, а потом *Нового Сатирикона*, в разделе «Перья из хвоста» находим отголоски дальнейших поездок Аверченко по разным городам России, во время которых он устраивал свои личные «вечера». Так, в ноябре 1913 года состоялось выступление Аверченко в Москве. Появившаяся рецензия об этом вечере в газете *Московский Листок* дала повод (по-видимому, самому Аверченко) пошутить над неудачной фразой рецензента²², а в феврале следующего, 1914, года после вечера Аверченко в Тифлисе, писатель дал остроумную отповедь местному рецензенту. Последний, по фамилии Калекбек, в газете *Голос Кавказа*, приняв юмористическую пародию Аверченко о якобы поставленном ему на Михайловской площади памятнике всерьез, «разразился громовой статьей против постановки памятника Аркадию Аверченко»²³.

О тогдашней известности Аверченко даже в отдаленных провинциальных городах России и о его популярности среди молодого поколения свидетельствует упоминавшаяся статья Поляновского. Он вспоминает, что в 1913 или в начале 1914 года, когда он еще был гимназистом и жил в Баку, туда приехал Аверченко и дал в местном драматическом театре свой единственный вечер. Автор статьи и его товарищ Артемий Айвазян (по словам Поляновского, ныне известный композитор) были рьяными поклонниками писателя и издавали школьный журнал, в котором помещали свои юмористические рассказы «под Аверченко». Оба приятеля, конечно, приложили все усилия к тому, чтобы приобрести билеты на галерку и воочию увидеть своего кумира:

Бинокль позволил мне разглядеть Аверченко и навсегда запомнить его. В моем представлении он оставался рыжеватым, некрасивым, с толстыми, чувственными губами. На нем была визитка, брюки в полоску, лаковые башмаки, серые гетры.

Свои рассказы он читал негромко (микрофонов тогда не было). Большую часть вечера заняли аверченковские одноактные миниатюры, сыгранные местными актерами²⁴.

В том же 1914 году, незадолго до начала первой мировой войны, Аверченко предпринимает свое второе большое турне по провинциальным русским городам. Как видно из соответствующего объявления в *Новом Сатириконе*, 19 мая началась гастрольная поездка по Волге Аркадия Аверченко и А.Я. Садовской, при участии Д.А. Добринина. Выступления предполагались в городах Рыбинске, Ярославле, Костроме, Нижнем Новгороде, Казани, Симбирске, Самаре, Сызрани, Саратове, Царицыне и Астрахани²⁵.

Через год, уже во время первой мировой войны, Аверченко предпринимает поездку, которая в печати была названа «кавказскими вечерами» писателя. Не удалось выяснить, в каких именно городах Аверченко выступал, за исключением того, что упоминается Кисловодск. Петербургская газета *День* в связи с выступлением Аверченко в зале кисловодского театра поместила большую корреспонденцию с неблагоприятным отзывом о вечере и предшествовавшей ему рекламе. Считая, что корреспондент извратил факты и позволил себе неуместные выражения, Аверченко заканчивает свою заметку-комментарий по этому поводу следующими резкими словами:

И вся эта нарочитая, тенденциозная, развязная и неслышанная по хамскому тону корреспонденция напечатана в той газете, в которой Арк. Аверченко сотрудничал больше года и откуда ушел по собственному желанию²⁶.

Кавказским вечерам Аверченко, видимо, вообще не повезло в отношении отзывов некоторых критиков, так как и в следующем номере *Нового Сатирикона* Аверченко считает необходимым откликнуться на статью некоего Волжанина в журнале *Театр и Искусство*, написавшего:

Когда глядишь из зрительного зала на сцену, на г. Аверченко, одетого в модный фрак с огромной розой в лацкане и в ажурных носках, то кажется, что перед глазами «душка» опереточный тенор²⁷.

Недовольный таким описанием его выступления, Аверченко замечает:

Пристальное внимание рецензента «Театра и Искусства» приковали, главным образом, носки и фрак писателя... Завороженный носками, он даже маленькую гвоздику принимает за огромную розу.
Почему роза? — Почему не апельсин?
Благо, и в том, и в другом рецензент понимает, очевидно, одинаково²⁸.

Заканчивая на этом сводку сведений о вечерах Аверченко во время его поездок по России, необходимо заметить, что приводившиеся неблагоприятные оценки его выступлений относились все же не столько к Аверченко-писателю и его произведениям, сколько к Аверченко-чтецу, к впечатлениям от его внешности и манере держать себя на сцене.

К тому времени, когда разразилась первая мировая война, Аркадий Аверченко приобрел всероссийскую известность и широкую популярность среди разных слоев населения — и как редактор наиболее распространенного и широко читаемого юмористического журнала, и как автор сборников юмористических рассказов (выходивших громадными по тому времени тиражами) и веселых пьес-миниатюр, не сходящих с репертуара столичных и провинциальных театров, и, наконец, как чтец своих произведений. Он выступал неоднократно на благотворительных вечерах в Петербурге и почти во всех значительных провинциальных городах России, так что действительно широкая публика имела возможность лично увидеть и услышать автора популярных комических произведений. Об этом красноречиво свидетельствуют зарубежные литературные критики и публицисты, у которых и встречаем такие высказывания, как:

Аверченко сразу нашел себя, свое русло, свой тон, свою марку. Читатели же — чуткая середина — необыкновенно быстро открыли его и сразу из уст в уста сделали ему большое и хорошее имя. Тут был и мой, не писательский, а читательский голос (Куприн); ²⁹

Его знали не только любители литературы, не только профессиональные читатели, но и самые широкие круги (М.И.Ганфман, редактор газеты «Сегодня» в Риге);³⁰ Не было уголка в России, где бы его не знали и где само его имя не вызывало улыбки (Лев Максим)³¹.

В том же духе высказываются и советские авторы, несмотря на то, что на Аверченко и по сей день остается наложенное Лениным клеймо «озлобленного белогвардейца». Так, например, встречаем в воспоминаниях и статьях советских авторов следующие замечания относительно широкой популярности Аверченко в предреволюционной России:

Аркадий Аверченко давно уже сделал себе своими первыми талантливыми рассказами имя первого юмориста помещицкой и фабрикантской России (В.О. Перцов);³² Он быстро сделался всеобщим любимцем широкой публики (Скиталец);³³ [Его] смех вызывал восторженный прием у широких кругов тогдашней читающей публики (Михайлов)³⁴.

На фоне этой популярности и расположения публики к Аверченко были, конечно, известные круги, которые по тем или иным соображениям или побуждениям отнеслись к нему враждебно. Как сказала Тэффи, это были, в первую очередь, «те, которые, как лошади, абсолютно не понимают смеха, да еще те, кто его известности завидовал»³⁵, а также некоторые представители тех радикальных течений общественной мысли, которые принадлежали к крайним направлениям в русском предреволюционном партийно-политическом спектре. В этом смысле характерно отношение большевицкой газеты *Правда*. Летом 1912 года в этой газете была опубликована заметка «Сытый смех», согласно которой, как говорит современный советский автор, сатириконцы «воспринимались передовыми силами страны как адвокаты сытых и власть имущих»³⁶.

В связи с обвинением *Сатирикона* в «сытом и безыдейном смехе», в этом журнале появилась карикатура,

вызвавшая негодование *Правды* и соответствующее опровержение. Как отмечается в *Сатириконе*, в разделе «Волчьих ягоды»:

В опровержении всего 11 строк, и на этой сравнительно небольшой площади встречаются по адресу «Сатирикона» выражения;

- 1) остолопы (1 раз)
- 2) дураки (3 раза)³⁷.

Если, таким образом, со стороны крайне левых смех Аверченко вызывал возмущение из-за его «сытости», а сам писатель зачислялся в число «остолопов» и «дураков», то со стороны противоположного лагеря, из кругов крайних реакционеров, высказывались иного рода подозрения. Считая его редакторскую и писательскую деятельность не соответствующей их понятию патриотизма и благонадежности, эти круги высказывали сомнения в «русскости» Аверченко, и в 1912 году был пущен слух, что под фамилией Аверченко на самом деле скрывается «еврей Лифшиц». Находится указание на то, что слух этот исходил от сотрудника *Нового Времени* А. Бурнакина, так как в *Сатириконе* появилась заметка, в которой, между прочим, говорится:

Бурнакин старательно перечисляет всех писателей-евреев (это он называет «Критическим фельетоном»). Аверченко у него Аверченко-Лифшиц³⁸.

Через два года, в 1914 году, Аверченко опять возвращается к вопросу о своем истинном происхождении. В статье «Некоторое рассуждение» он, между прочим, говорит о себе:

Такой же русский, православный, хотя некоторые сотрудники «Русского Знамени» и «Нового Времени» стараются уверить всех, что я еврей³⁹.

Характерен тот факт, что последний император в своих вкусах сходил с средней читательской массой своих подданных и, по-видимому, не разделял мнения об опасности и подозрительности Аверченко. Встречается

ряд свидетельств о том, что император Николай Второй очень любил читать рассказы писателя и читал их членам своей семьи. Так, Тэффи, хорошо знавшая Аверченко, в посвященном ему некрологе в 1925 году отмечает:

Юмористами зачитывались все [...], начиная с императора Николая 2-го и кончая ссыльной эсеркой⁴⁰.

О том же говорит в своей статье «Памяти Аркадия Аверченко» сотрудник писателя по его деятельности в Крыму во время гражданской войны Б. Неандер: «Между прочим, постоянным читателем *Сатирикона* был последний Государь»⁴¹.

Наконец, еще более определенно об этом свидетельствует сотрудник нью-йоркской газеты *Новое Русское Слово* Л. Камышников, который пишет:

Николай 2-й тоже очень любил Аверченко, и художник Кустодиев, лепивший бюст покойного императора, рассказывал пишущему эти строки, что во время сеансов лепки царь читал ему вслух рассказы Аверченко и очень ими восхищался⁴².

С интересом последнего русского монарха к произведениям Аверченко связан один из эпизодов в жизни писателя, который остается невыясненным до конца. Отдельные фактические обстоятельства этого эпизода при наличии противоречивых и неполных данных, в настоящее время вряд ли могут быть восстановлены во всех подробностях и с достаточной достоверностью. Речь идет о полученном Аверченко приглашении читать свои рассказы императору и членам его семьи.

Об этом эпизоде имеются, с одной стороны, два варианта воспоминаний советского писателя Ник. Вержбицкого, с другой — сведения, полученные от бывшего издателя журнала *Сатирикон* Корнфельда и художника Ремизова в ответ на мои вопросы об обстоятельствах дела и, наконец, свидетельства, опубликованные в зарубежной печати после смерти Аверченко (статьи Камышникова, Неандера и Брешко-Брешковского).

В напечатанной в 1957 году статье «Встречи с Куприным» Вержбицкий связывает этот эпизод с возможностью для себя — тогда начинающего писателя — познакомиться с Куприным. Начиная свой рассказ, Вержбицкий говорит:

Моя первая встреча с А.И.Куприным произошла в 1910 году в Гатчине, под Петербургом. Я тогда секретарствовал в журнале «Сатирикон», и было мне двадцать лет⁴³.

Дальнейшая версия Вержбицкого такова. К Аверченко однажды приехал «дворцовый чин» и передал ему приглашение прочесть свои рассказы царскому семейству. Не желая ехать во дворец и боясь в то же время отказаться от поездки, Аверченко якобы избежал принятия приглашения тем, что объявил себя больным. Затем, будто бы, враги и завистники писателя распустили по столице слух, что «по выздоровлении наш знаменитый юморист известил царедворца, что он рад предстать теперь перед его величеством, на что его величество соизволило ответить: «Поздно спохватился». Слух об этом, будто бы, дошел до Куприна, который принял его за достоверный факт и сочинил на Аверченко грубую эпиграмму. Вержбицкий далее говорит:

Аверченко высоко ставил и любил Куприна как писателя, и ему сделалось не по себе. Он попросил меня повидаться с Александром Ивановичем и передать ему, что его ввели в заблуждение⁴⁴.

Исполняя затем будто бы полученное от Аверченко поручение, Вержбицкий поехал в Гатчину и там познакомился с Куприным.

В выпущенной через несколько лет книге *Записки старого журналиста* Вержбицкий повторяет историю своего знакомства с Куприным в связи с якобы сочиненной им эпиграммой на Аверченко, но видоизменяет некоторые данные, связанные с эпизодом. Теперь Вержбицкий указывает уже 1911, а не 1910 год, и о своей причастности к журналу *Сатирикон* говорит несколько иначе:

Три месяца я «ломал этап» с отсидкой в провинциальных тюрьмах. Выйдя на свободу, зашел в только что появившийся журнал «Сатирикон», и здесь мне предложили постоянную работу⁴⁵.

Дальнейшее изложение истории, давшей якобы повод Вержбицкому отправиться к Куприну, соответствует тому, что было об этом сказано в первой версии 1957 года.

М.Г. Корнфельд, бывший издатель *Сатирикона*, на мой вопрос по поводу рассказа Вержбицкого ответил, что он это лицо вообще не помнит, и во всяком случае заверяет, что Вержбицкий никакого касательства к редакции журнала никогда не имел. Сам факт приглашения Аверченко во дворец не вызывает сомнения Корнфельда. Он говорит об этом, а также о последовавшем обсуждении приглашения в среде сотрудников журнала следующим образом:

Насколько помню, предложение поехать в Царское Село и выступить на одном из вечеров, которые устраивал (не помню кто именно из артистов петербургских театров) спорадически в Александровском Дворце и в присутствии императорской семьи, было передано Аверченко отнюдь не официально, и никакой «придворный чин» к нему на квартиру не являлся [...]

Верно то, что в нашей компании, естественно, этот вопрос обсуждался, и что всем нам показалось, что выступление редактора «Сатирикона» в Царском Селе едва ли было уместным и желательным⁴⁶.

Что касается истории с эпиграммой, якобы сочиненной Куприным, то, принимая во внимание приятельские отношения, существовавшие с ним у редакции *Сатирикона*, вряд ли допустимо психологически, чтобы Куприн мог сочинить об Аверченко цитированную у Вержбицкого эпиграмму грубого характера. Еще более невероятным приходится, по мнению Корнфельда, считать обращение Аверченко за посредничеством к неизвестному молодому человеку.

Совершенно в том же духе высказался Н.В. Ремизов. Вержбицкого он совсем не помнит, зато помнит, что на

еженедельном заседании по составлению очередного номера журнала обсуждалось приглашение Аверченко во дворец и что общее мнение участников по этому поводу было отрицательное.

Об эпиграмме Куприна Ремизов никогда не слышал и всю версию Вержбицкого берет под сомнение. Сомневается он также в том, что Аверченко обратился к посредничеству Вержбицкого. Как говорит Ремизов:

Отношения с Куприным были просты, и достаточно было бы Аверченко позвонить Куприну по телефону, если бы был к тому повод⁴⁷.

При просмотре годовых комплектов *Сатирикона* и *Нового Сатирикона* нельзя было найти каких-либо указаний на причастность Ник. Вержбицкого к редакционной работе в этих журналах. Правда, в 1912 году в журнале *Сатирикон* впервые встречается это имя в виде подписи под юмористическим стихотворением «Благоутробие», но в дальнейшем только изредка появляются короткие шутки или юмористические стишки, подписанные тем же именем. Это обстоятельство, надо полагать, и объясняет тот факт, что оба лица, все время имевшие непосредственное касательство к редактированию и изданию журнала, не помнят его имени⁴⁸.

Сам Куприн сразу же после смерти Аверченко написал о нем статью, опубликованную в рижской газете *Сегодня*, в которой он отзывается о скончавшемся юмористе с большой сердечностью, но в которой упоминаний об эпизоде с приглашением Аверченко во дворец нет⁴⁹. Вне сомнения — факт близких и дружеских отношений между Куприным и Аверченко, которому, например, посвящен один из рассказов Куприна, помещенных в *Сатириконе*⁵⁰.

Что касается статей в зарубежной печати, написанных авторами, лично знакомыми с Аверченко и в своих воспоминаниях упоминавших о приглашении во дворец, то, на основании собранных данных, хронологически первой такой статьей надо признать некролог Л. Камышни-

кова, напечатанный вскоре после смерти писателя. В этом некрологе Камышников возвращается к упоминавшемуся рассказу художника Кустодиева о том, как он лепил бюст последнего императора и как во время сеансов, позируя скульптору, царь читал ему вслух рассказы Аверченко. Во время одного из таких сеансов царь, по словам автора статьи, «попросил Кустодиева привести Аверченко во дворец». Имелось в виду, что Аверченко будет читать свои рассказы на одном из придворных вечеров. Факт этого приглашения Камышников относит к 1910 году и пишет:

Аверченко был в большом смущении. Ему очевидно было приятно царское внимание. С другой стороны, его смущало то обстоятельство, что, будучи редактором *Сатирикона*, он считался в оппозиции к существующему строю и он не желал нареканий широких литературных кругов. Нерешительность его, очевидно, дошла до высших сфер, и не подтвержденное официально приглашение не было им получено.

Так он и не поехал. Вместо того какая-то придворная дама читала его рассказы в присутствии государя, который и тут смеялся от души над шутками Аверченко⁵¹.

По-иному о том же эпизоде упоминается в другом некрологе, напечатанном через год после смерти Аверченко. Б. Неандер, автор этого некролога, отмечает, что последний император интересовался произведениями сатириков, и продолжает:

[Царь] иногда приглашал некоторых из них, во главе с Аверченко, к себе во дворец, где вся царская семья с удовольствием слушала авторское чтение живых сатириков⁵².

Неандер далее говорит, что Аверченко с «искренней благодарностью» принимал эти приглашения и с «неподдельной радостью» вспоминал о них до последних дней жизни⁵³.

Наконец, наиболее подробное изложение эпизода находим у Брешко-Брешковского в цитированной выше статье 1935 года.

Он относит приглашение Двора ко времени перед самым началом первой мировой войны, то есть, по-видимому, к 1914 году. Как рассказывает автор статьи, к Аверченко приехал начальник царскосельского дворцового управления, генерал князь М. С. Путятин, близкий ко Двору человек, и сказал, что ему поручено узнать, не согласится ли Аверченко лично что-нибудь прочесть в присутствии царской семьи. Аверченко согласился:

М.С. Путятин уехал, пообещав заблаговременно известить о дне и часе приема в Царскосельском дворце⁵⁴.

Такими словами заканчивает Брешко-Брешковский сцену приглашения Аверченко во дворец. Из дальнейшего изложения узнаем, что Аверченко рассказал о полученном приглашении в редакции *Сатирикона* и что там большинство было против того, чтобы он поехал во дворец, указывая на то, что он, как писатель, принадлежащий к либеральному лагерю, ставит на карту всю свою карьеру. Не зная, как поступить в создавшемся положении, Аверченко решил поехать посоветоваться с Гессеном, редактором газеты *Речь*. По утверждению автора статьи, Гессен посоветовал Аверченко непременно поехать во дворец, говоря, что было бы бестактностью не поехать. Но чтение во дворце, как заканчивает свой рассказ об эпизоде Брешко-Брешковский, все же не состоялось, так как вскоре приехал в Петербург французский президент Пуанкаре, а затем началась война.

В итоге приведенных свидетельств, при старании отделить факты от невольных ошибок памяти, с одной стороны, и домыслов — с другой, очевидным представляется следующее:

Во-первых, Аверченко получил предложение выступить во дворце с чтением своих рассказов. Свидетельства Корнфельда и Камышникова о том, что передано было лишь неофициальное приглашение, — убедительны. Поэтому называть эпизод предложением (как это делает Корнфельд), а не приглашением, наиболее соответствует сути дела.

Во-вторых, время получения предложения скорее всего 1912 год или первая половина 1913 года. В середине этого года произошел разрыв между издателем журнала Корнфельдом и Аверченко. Если бы предложение было получено им позднее (как об этом рассказывает Брешко-Брешковский), то на обсуждении вопроса о нем не присутствовал бы Корнфельд. Да и Вержбицкий, как установлено, не имел касательства к *Сатирикону* раньше 1912 года.

В-третьих, сообщение Неандера о том, что Аверченко читал свои рассказы в присутствии царской семьи, равно как и рассказ Брешко-Брешковского о совете, данном Гессеном, — остаются односторонними утверждениями, не подкрепленными другими источниками. Воспоминания Вержбицкого в свете приведенного материала представляются противоречивыми и мало убедительными, за исключением факта, что Аверченко было предложено читать свои рассказы во дворце.

Наконец, отношение самого Аверченко к возможности прочесть свои рассказы в присутствии царской семьи и, таким образом, быть ей представленным остается невыясненным с определенностью. Создается, однако, впечатление, что Аверченко не стоял в этом вопросе на той точке зрения, которая была распространена среди радикальной, революционно настроенной интеллигенции. В этих кругах принятие дворцового предложения считалось само по себе недопустимым. Аверченко же, видимо, на дело так не смотрел, но, будучи редактором сатирического журнала, не считал для себя возможным решить вопрос о предложении, не приняв во внимание настроений и суждений своих коллег и сотрудников по журналу. Поэтому он и обсуждал с ними создавшееся положение.

Писатель-юморист Аркадий Аверченко, каким его знали и впоследствии описывали в своих воспоминаниях современники, окончательно сформировался за петербургский период своей жизни и деятельности. Двадцатисемилет-

ним начинающим журналистом-юмористом приехал он из Харькова в столицу, и первое впечатление, произведенное им тогда на петербургских старожилов, с которыми ему пришлось соприкоснуться, сводилось к тому, что Аверченко — привлекательный человек с обликом провинциала. Налет известного провинциализма именно во внешности молодого Аверченко отмечается рядом его современников. Выше приводились воспоминания Ремизова о его первой встрече с Аверченко в кабинете издателя *Стрекозы*. В этих воспоминаниях Ремизов также говорит:

В комнату вошел человек крупного роста с немного одутловатым лицом, но с приятным, открытым выражением; через пенсне смотрели глаза, которые имели особенность улыбаться без участия мускулов лица. Впечатление было с первого взгляда на него — располагающее, несмотря на легкий оттенок провинциального «шика», вроде черной, слишком широкой шелковой ленты пенсне и белого накрахмаленного жилета, детали, которые были уже «табу» в Петербурге⁵⁵.

Эта несколько подчеркнутая и, по тогдашним понятиям столичных жителей, провинциальная манера одеваться особенно отмечается в воспоминаниях нескольких советских писателей, из которых, например, К. Чуковский, вообще неприязненно относившийся к Аверченко, так говорит о нем в главе своих воспоминаний, посвященной сотрудникам *Сатирикона*:

Впереди выступал круглолицый Аркадий Аверченко, крупный, дородный мужчина, очень плодовитый писатель [...] Даже своей одеждой он был непохож на товарищей. Аверченко в преувеличенно модном костюме, с брильянтом в сногшибательном галстуке производил впечатление моветонного щеголя⁵⁶.

Резкость подобного рода высказываний становится более понятной, если принять во внимание необычный для писательской среды того времени стиль, который в нее внес своей внешностью Аверченко. Как говорит Ре-

мизов, в личности Аверченко вообще «ничего не было такого, что соответствовало бы тогдашнему ходячему выражению «братья писатели, в вашей судьбе что-то лежит роковое»⁵⁷.

В том же смысле убедительно высказывается другой сотрудник Аверченко по *Сатирикону* — Сергей Горный:

Я помню его появление в Питере. Такое неожиданное и победное. И завоевывал он свой успех по всем правилам модной ныне «суггестии». В некотором роде по Куэ⁵⁸...

Сергей Горный особенно подчеркивал в той же связи необычность появления в петербургской писательской среде человека, почти во всем от нее отличного, и следующими словами дополняет нарисованный им образ Аверченко:

Он был здоров. В нем не было «измов», городских изломов, «тонкостей», «меткостей», «едкостей» [...] Картина была любопытная: — в среду, заполненную спорами об извивах, всяких «фокусах-покусах» по Пшибышевскому и Тэтмайеру, о последних «изысках» Вячеслава Иванова, [...] в такую среду вдруг сваливается [...] какой-то молодой, с белыми крепкими зубами, с голосом вкрадчивым и порой (этот недостаток к нему «шел») спотыкающимся, еле приметно заикающимся. «Детина», талантливая в сердцевине, в корне, в соку, внутри [...] Этот детина явно не знает, о чем говорил в прошлую среду Вячеслав Иванов, и даже не знает, что такое «оргазм» [...] И самое замечательное — не очень огорчается своим незнанием. Но ведь это было явным нарушением тогдашних питерских традиций⁵⁹.

Если появление Аверченко, таким образом, было каким-то «нарушением» писательских традиций тогдашнего Петербурга, то оно, вместе с тем, по словам автора тех же воспоминаний, вносило в ряды молодых писателей и оздоравливающую струю. По этому поводу он говорит:

Аверченко оздоравливал нас. Он был живым доказательством того, что можно расти, покорять, приобретать из-

вестность и не купаться «бесшумно», «Чуть слышшно...» в честере и рокфоре тогдашнего литературного быта⁶⁰.

Успех редактируемого им журнала, большие тиражи быстро расхोdivшихся книг с его рассказами, театральные постановки его инсценировок, — все это в короткий срок принесло Аверченко не только известность и положение в петербургских писательских и театральных кругах, но и создало ему материальное благополучие. Ограниченность средств, если не прямая нужда, о которой упоминается в юношеский период жизни писателя, теперь сменились возможностью жить на довольно широкую ногу. «Он завел лихача, одевался у Калина, обедал у «Медведя», вспоминает один из современников⁶¹.

Но постоянным гостем Аверченко считался в ресторане «Вена», который находился на углу Гороховой и улицы Гоголя. Владелец ресторана И.С. Соколов к десятилетию своего предприятия в 1913 году выпустил книгу под названием *Ресторан «Вена»*. Из этого издания можно узнать, что так называемый литературный зал ресторана был излюбленным местом встречи различных знаменитостей художественного мира тогдашнего Петербурга. Среди известных писателей, любивших собираться в «литературном» зале, как один из самых верных его за-всегдаев упоминается Куприн. Автор современной заметки о книге Соколова, ставшей теперь библиографической редкостью, говорит:

Позже, вечерами, в «Вене» появлялся Аркадий Аверченко. Юморист жил рядом, всего через дом от ресторана, и не было дня, чтобы он не зашел сюда. Вокруг него собирались начинающие сатирики, издатели и сотрудники «Нового Сатирикона».

Шум вокруг столика Аверченко стоял невообразимый. Голос художника Радакова слышен чуть ли не на улице. Между тем художники обсуждают темы и рисунки для очередного номера *Сатирикона*.

Между столиками Куприна и сатириконцев вспыхивает шутильная перепалка [...] ⁶²

В июле 1913 года Аверченко переезжает в новую квартиру на Троицкой улице № 15, кв. 203, которую обставляет со всеми удобствами и уютom, заслужившими в некоторых воспоминаниях эпитета «буржуазных». В описаниях квартиры Аверченко часто упоминается граммофон, под звуки которого, как отмечает Брешко-Брешковский, Аверченко занимался гимнастикой, работая пудовыми гириями. Автор воспоминаний высказывает уверенность, что именно упражнения с тяжелыми гантелями, которыми Аверченко занимался и в годы эмиграции, стали одной из причин его болезни сердца⁶³.

Другой близко стоявший к Аверченко человек — Петр Пильский, — тоже вспоминает о граммофоне, который стоял у Аверченко в спальне. Это вызвало недоумение Пильского. Как пояснил ему хозяин квартиры, — «самое скучное занятие для человека — одеваться», и вот, чтобы не замечать этого скучного процесса, Аверченко заводил граммофон и, завязывая ботинки, соединял, по его словам, приятное с полезным, слушая какую-либо хорошую пластинку, как например, пение Собинова⁶⁴.

От своего провинциализма, как говорит Корнфельд, Аверченко «скоро отделался»⁶⁵. В более зрелые годы сочетание прирожденных привлекательных черт характера с приобретенным в Петербурге лоском сделало из Аверченко человека, о котором говорят, что он «душа общества». Очень убедительно об этом высказываются несколько авторов. Так, Пильский, встретившись с Аверченко в Ревеле, уже после революции, говорит о своем впечатлении:

Мой глаз приятно подмечал в Аверченко ту мягкую естественную, природную воспитанность, которая дается только чутким и умным людям. Его очарование в обществе было несравнимо. Он умел держать себя в новой и незнакомой среде легко, в меру свободно, неизменно находчивый, внимательный, ясный, равный и ровный со всеми и для всех. Это большое искусство, им может владеть только талантливая душа, и Аверченко был дан дар пленительного шарма. Он покорял⁶⁶.

Долгие годы работавший совместно с Аверченко художник Ремизов особенно подчеркивает ровность характера писателя, говоря:

Трудно представить себе человека более уравновешенного, более «гладкого» как по внешности, так и по характеру, чем Аркадий Аверченко. За все долгие годы знакомства с ним я ни разу не видал его «вне себя» от гнева, а также радость проявлялась у него в улыбке, мягком смехе, но никогда я не слышал, чтобы он «хохотал»⁶⁷.

Будучи на редкость обаятельным человеком в обществе, Аверченко пользовался особым успехом у женщин. Корнфельд отмечает, что Аверченко «особенно привлекала театральная среда, где он чувствовал себя как дома»⁶⁸. В этой театральной среде протекал и длительный роман Аверченко с А.Я. Садовской, артисткой Нового Драматического Театра.

Свое умение усидчиво и напряженно работать и всегда вовремя исполнять множество обязанностей, связанных с изданием журнала, Аверченко как-то удачно совмещал с эпикурейским отношением к жизни. Его привлекали «все впечатления бытия» и, как рассказывает о нем Ремизов:

Жизнь он брал, не задумываясь, как человек, когда-то голодавший и неожиданно попавший на пир [...] Я знаю, что он как-то почти по-детски захлебывался своим успехом. «Я хочу славы, как пьяница водки», слышал я от него⁶⁹.

У Аверченко были периоды увлечения оперой, но музыкального образования, как говорят близко знавшие его люди, он не имел. Увлечение оперой сменялось интересом к оперетте, или вдруг, как вспоминает опять-таки Ремизов, «его маленькая холостяцкая квартира наполнялась иконами в золотых киотах и горевшими лампадами»⁷⁰.

И все эти увлечения, как подчеркивается в воспоминаниях, не влияли на ровность характера Аверченко и его добросовестность по отношению к работе и к сотрудникам.

Наконец, как небольшой штрих, дополняющий сказанное о разнообразии интересов Аверченко, может быть отмечено, что он любил играть в шахматы. Этому искусству он обучал Корнфельда, и когда последний однажды лежал больной на даче в Финляндии, Аверченко, приехавший его навещать, в одно из своих посещений больного подарил ему книгу Ж. Дюффрена *Руководство к изучению шахматной игры*. Эту книгу Корнфельд показал пишущему эти строки. Рукою Аверченко написано было следующее посвящение:

В дни принужденного лежания, да послужит сие руководство дорогому Михаилу Германовичу, как руководство к полному выздоровлению.

Его толстый старый редактор
Ave

Разразившаяся в 1914 году первая мировая война сперва не отразилась непосредственно на Аверченко. По причине его физического недостатка (зрение лишь одним глазом) он был освобожден от призыва в армию. Продолжая работу по изданию *Нового Сатирикона*, занявшего под его руководством патриотическую позицию, Аверченко теперь принимает сверх того деятельное участие в благотворительных вечерах, устраиваемых для сбора средств в пользу пострадавших от войны.

Откликаясь на страницах своего журнала из года в год, сперва — на военные события и ухудшавшееся внутреннее положение страны, а затем — на приход к власти Временного Правительства и его все более обнаруживающееся бессилие и неумение справиться с нуждами страны и, в конце концов, — заняв резко отрицательную позицию к захватившим власть большевикам, Аверченко прожил в Петрограде до момента, когда в августе 1918 года по постановлению советской власти журнал *Новый Сатирикон* был закрыт.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Свидетельство М.Г. Корнфельда.
- ² Боцяновский В. и Голлербах Э. Русская сатира первой революции 1905—1906 гг. Л.: Госиздат, 1925, с. 222. См. также: Тимонович А.А. Русские сатирико-юмористические журналы 1905—1907 годов. Материалы для библиографии. М., 1930, с. 86.
- ³ Аверченко А.Т. Мы за пять лет. — *Сатирикон*, 1913, № 28, с. 6.
- ⁴ Брешко-Брешковский Н.Н. А.Т. Аверченко. К десятилетию со дня смерти русского юмориста. — *Иллюстрированная Россия*, 1935, № 13, с. 15.
- ⁵ Аверченко А.Т. Мы за пять лет, с. 6.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Свидетельство М.Г. Корнфельда.
- ⁸ Свидетельство Н.В. Ремизова.
- ⁹ Свидетельство М.Г. Корнфельда.
- ¹⁰ *Сатирикон*, 1910, № 45, с. 2.
- ¹¹ Точных дат отъезда за границу и возвращения в Петербург установить не удалось. Однако известно, что первый рассказ, написание которого относится к пребыванию за границей, помечен «Мюнхен, 5-го июня» («Русалка», *Сатирикон*, 1911, № 17). Известно также, что за отсутствующего Аверченко журнал подписывал в качестве ответственного редактора П. Потемкин с 11 июня по 15 июля 1911 г. (с № 24 по № 29).
- ¹² Рассказы «Русалка» (Мюнхен, 5 июня) и «Купальщики» (Штейнах, Тироль) — *Сатирикон*, 1911, № 27; «Цепная собака» (Лондон) — *Сатирикон*, 1911, № 29; «Дьявольские козни» (Рим) — *Сатирикон*, 1911, № 30; «Волга» (Флоренция) — *Сатирикон*, 1911, № 31 и «Сильная раса» (Ницца) — *Синий Журнал*, 1911, № 32.
- ¹³ Брешко-Брешковский Н.Н. Указ. соч., с. 15. Здесь автор, очевидно, допустил ошибку, спутав название книги *Экспедиция в Западную Европу* с появившейся уже в 1910 году книгой «Всеобщая история, обработанная сатириконцами».
- ¹⁴ Свидетельство Н.В. Ремизова.
- ¹⁵ Судя по тому, что Аверченко опять значится ответственным редактором *Сатирикона* с № 30, вышедшего 22 июля 1911 г.
- ¹⁶ *Сатирикон*, 1911, № 35 и 36.
- ¹⁷ Указание на продолжительность пребывания Аверченко за границей находим в *Сатириконе* № 27, от 29 июня 1912 г., где в

разделе «Почтовый ящик «Сатирикона», под п. 132 говорится, что Аверченко был целый месяц за границей.

- ¹⁸ Имеются в виду: «Функельман и сын». — *Сатирикон*, 1912, № 27; «Фабрикант». — *Сатирикон*, 1912, № 28).
- ¹⁹ *Сатирикон*, 1912, № 8, с.10. Можно полагать, что в этом объявлении были перечислены не все те города, в которых затем состоялись выступления юмористов. Так, например, в одной из статей, появившихся в зарубежной печати вскоре после смерти Аверченко, упоминается турне, предпринятое им и Садовской в 1912 году. Автор статьи рассказывает о комических случаях, происшедших во время этой поездки и связанных с пребыванием Аверченко в Воронеже и в Минске. (Чужой А. Мелочи об Аверченко. — *Новое Русское Слово*, 1925, 22 марта).
- ²⁰ *Сатирикон*, 1912, № 14, с. 8.
- ²¹ Никулин А.В. Люди русского искусства. М., Советский писатель, 1947, с. 260.
- ²² Рецензент написал: «Аверченко вошел... сел к столу, отставил ногу и стал читать». По поводу этих слов в заметке говорится: «Для тех, кто привык отставлять сразу две ноги, — одна отставленная нога — предмет, достойный самого напряженного внимания». — *Новый Сатирикон*, 1913, № 26, с. 12.
- ²³ *Новый Сатирикон*, 1914, № 8, с. 12.
- ²⁴ Поляновский М. А.Аверченко в советском телевидении. — *Русские Новости* (Париж), 1967, 17 февраля.
- ²⁵ *Новый Сатирикон*, 1914, № 22, с. 12.
- ²⁶ Там же, 1915, № 28, с. 10.
- ²⁷ Там же, 1915, № 29, с. 8.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Куприн А.И. Аверченко и «Сатирикон». — *Сегодня* (Рига), 1925, 13 марта.
- ³⁰ М.Г. [Ганфман М.И.] — А.Т.Аверченко. — *Сегодня*, 1925, 13 марта.
- ³¹ Максим Лев. Умер Аверченко. — *Сегодня*, 1925, 13 марта.
- ³² Перцов В.О. Маяковский. Жизнь и творчество, т. I. М., Советский писатель, 1954, с. 250.
- ³³ Скиталец [Петров С.Г.] Повести и рассказы. Воспоминания. М., Московский рабочий, 1960, с. 458—459.
- ³⁴ Михайлов О. Аркадий Аверченко. — В кн.: Аркадий Аверченко. Юмористические рассказы. М., Художественная литература, 1964. с. 3.

- ³⁵ Тэффи Н.А. Об Аркадии Аверченко. — *Звено* (Париж), 1925, 16 марта, № 111.
- ³⁶ Ершов Л.Ф. Советская сатирическая проза 20-х годов. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, с. 27.
- ³⁷ *Сатирикон*, 1912, № 39, с. 3.
- ³⁸ Там же, 1912, № 23, с. 3.
- ³⁹ *Новый Сатирикон*, 1914, № 26, с. 8.
- ⁴⁰ Тэффи Н.А. Указ. соч.
- ⁴¹ Неандер Б. Памяти Аркадия Аверченко. — *Возрождение* (Париж), 1926, 12 марта.
- ⁴² Камышников Л. Замерзавец. — *Новое Русское Слово* (Нью-Йорк), 1924, 23 февраля.
- ⁴³ Вержбицкий Н. Встречи с Куприным. — *Звезда* (Москва), 1957, № 5, с. 116.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Вержбицкий Н. Записки старого журналиста М., Советский писатель, 1961, с. 108.
- ⁴⁶ Свидетельство М.Г. Корнфельда.
- ⁴⁷ Свидетельство Н.В. Ремизова.
- ⁴⁸ В труде И.Ф. Масанова «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» (т. 1, с. 235) указывается, что Ник. Вержбицкий — псевдоним Е.Ф. Буринского и что он сотрудничал в журнале *Сатирикон* с 1912 года.
- ⁴⁹ Куприн А.И. Аверченко и «Сатирикон». — *Сегодня* (Рига), 1925, 13 марта.
- ⁵⁰ Куприн А.И. Белая акация. — *Сатирикон*, 1911, № 46.
- ⁵¹ Камышников Л. Аркадий Аверченко. — *Новое Русское Слово* (Нью-Йорк), 1925, 15 марта.
- ⁵² Неандер Б. Указ. соч.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Брешко-Брешковский Н.Н. Указ. соч., с. 16.
- ⁵⁵ Свидетельство Н.В. Ремизова.
- ⁵⁶ Чуковский К.И. Современники. Портреты и этюды. М., Молодая гвардия, 1962, с. 383.
- ⁵⁷ Свидетельство Н.В. Ремизова.
- ⁵⁸ Горный Сергей [А.А. Оцуп]. Памяти Аверченко. — *Руль* (Берлин), 1930, 28 апреля.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же.

- ⁶¹ Брешко-Брешковский Н.Н. Указ. соч., с. 15.
- ⁶² Одноралов Н. Из старых фолиантов. Ресторан «Вена». — *Неделя*, 1967, № 2, с. 8. Впоследствии, во время голода и лишений, которые пришлось пережить жителям Петрограда в годы военного коммунизма, Аверченко написал рассказ «Уники». В нем он, между прочим, упоминает меню ресторана «Вена», в котором в свое время можно было так сытно и хорошо покушать за доступную цену. (См. сб. рассказов «Смешное в страшном», Берлин, акц. об-во «Север», 1923, с. 77.)
- ⁶³ Брешко-Брешковский Н.Н. Указ. соч., с.15.
- ⁶⁴ Пильский П.М. А.Т.Аверченко. — *Сегодня*, 1925, 15 марта.
- ⁶⁵ Свидетельство М.Г.Корнфельда.
- ⁶⁶ Пильский П.М. Аркадий Аверченко. — В кн.: Петр Пильский. Затуманившийся мир. Рига, изд-во «Граматы Драугс», 1929, с.134 — 135.
- ⁶⁷ Свидетельство Н.В. Ремизова.
- ⁶⁸ Свидетельство М.Г. Корнфельда.
- ⁶⁹ Свидетельство Н.В. Ремизова.
- ⁷⁰ Там же.

Глава третья

СКИТАНИЯ ОТ ПЕТРОГРАДА ДО СЕВАСТОПОЛЯ

Не исключено, что закрытие журнала не было единственной репрессивной мерой, направленной против Аверченко. Он об этом упоминал впоследствии в фельетоне, озаглавленном «Приятельское письмо Ленину»:

Ты тогда же приказал Урицкому закрыть навсегда мой журнал, а меня доставить на Гороховую.

Прости, голубчик, что я за два дня до этой предполагаемой доставки на Гороховую уехал из Петрограда, даже не простившись с тобой. Захлопотался¹.

Н.В. Ремизов, вспоминая об этом тревожном времени, пишет:

Наше личное положение, как открытых противников советов, было не по вкусу власти, и, после получения официальной бумаги от комиссара по делам печати о закрытии журнала, мы начали думать об отъезде из Петрограда².

Далее Ремизов рассказывает, что из Москвы перед тем было получено приглашение от актера оперетты Кошевского организовать где-нибудь на юге России театр-кабаре. Решено было подробно обсудить все это дело на квартире Кошевского в Москве, куда должны были отправиться Аверченко, Ремизов и Радаков. Но когда они

трое по одиночке пробрались в Москву, то застали там Кошевского тяжело больным, и весь план, подлежавший обсуждению, расстроился. Радаков вернулся в Петроград, а Аверченко двинулся на юг.

О том, каким путем и куда именно он направился, сохранились некоторые сведения. Прежде всего, находим их в книге Тэффи «Воспоминания».

Как выясняется из этих воспоминаний, Тэффи осенью 1918 года тоже переехала из Петрограда в Москву, но оказалось, что газета *Русское Слово*, в которой она сотрудничала, ликвидируется. Пребывание в Москве не сулило никаких перспектив, и Тэффи колебалась, принять ли предложение одессита-антрепренера и ехать ли с ним в Киев для устройства там ее литературных вечеров. Тэффи пишет:

Сомнения пресек Аверченко. Его, оказывается, вез в Киев другой псевдоним. Тоже на гастроли. Решили выехать вместе. Аверченкин псевдоним вез двух актрис, которые должны были разыгрывать скэтчи³.

По словам Тэффи, «намеченный отъезд постоянно откладывался», но, наконец, усилия обоих антрепренеров увенчались успехом, и день отъезда окончательно был назначен. Дальше она рассказывает:

Началось наше путешествие довольно гладко. Ехали в вагоне второго класса, каждый на своем месте, не под скамейкой и не в сетке багажа, а как вообще пассажирам сидеть полагается⁴.

Столь благополучно начавшееся путешествие из Москвы в Киев затем несколько раз прерывалось и оказалось полным неожиданностей, опасностей и приключений, юмористически описанных в книге Тэффи. Но ее описание не дает точного ответа на вопрос о том, через какие города шел ее и Аверченко путь на Киев и где именно им удалось перебраться через временную границу оккупированной германскими войсками Украины. Тэффи лишь упоминает, что, не доезжая этой границы, пришлось пе-

ресесть в телегу и что целый небольшой караван телег доехал до пограничной заставы. Эту заставу удалось объехать, подкупив немецких солдат. Беглецы благополучно прибыли до «большого местечка К—ы», уже находившегося на оккупированной германской территории. Еще целый день пришлось Тэффи и Аверченко пробыть в этом местечке, а затем, как она говорит, они «из К—цов выехали в товарном вагоне»⁵.

Упомянутый фельетон Аверченко «Приятельское письмо Ленину» дает возможность расшифровать некоторые географические точки на пути из Москвы в Киев, не названные полностью у Тэффи. Аверченко говорит в своем фельетоне:

Ты тогда же отдал приказ задержать меня на ст. Зерново, но я совсем забыл тебе сказать перед отъездом, что поеду через Унечу.

Не ожидал ты этого?

Кстати, спасибо тебе. На Унече твои коммунисты приняли меня замечательно. Правда, комендант Унечи — знаменитая курсистка Хайкина сначала хотела меня расстрелять⁶.

Упомянутая Аверченко станция Унеча находится на железнодорожной линии между Брянском и Гомелем, причем следующая после Унечи более крупная станция (в направлении из Брянска в Гомель) — Клинцы. Судя по всему, эти Клинцы и есть то местечко, о котором рассказывает Тэффи, говоря, что ей пришлось пробыть сутки в «К—цах».

Таким образом, можно считать установленным маршрут, по которому Аверченко, избежав репрессий в Петрограде осенью 1918 года и очутившись в Москве, стал пробираться в Киев по железной дороге Москва—Брянск—Гомель. Этот город упоминается и в книге Тэффи:

В Гомеле добрые души советовали нам ехать до Киева на пароходе [...]. Но мы все-таки решили ехать по железной дороге⁷.

Через десять лет после смерти Аверченко Брешко-Брешковский посвятил его памяти пространную статью.

Восстанавливая, очевидно по памяти, злоключения покойного писателя после октябрьского переворота, он в драматически сжатой форме рисует довольно правильную картину бегства Аверченко на юг России, допуская лишь незначительные неточности. В статье говорится:

Революция. Аверченко клеймит большевиков. «Сатирикон» закрыт, типография конфискована. Ордер на «конфискацию» самого Аверченко. Но он перехитрил большевиков и, когда чекисты пришли к нему на квартиру, он, уже на пути в Оршу, удачно проскользнул в гетманщину Скоропадского. Попутчицею его была Тэффи⁸.

В оккупированном германцами Киеве пути Аверченко и Тэффи разошлись. После занятия города петлюровскими войсками она уехала в Одессу. Как долго оставался в Киеве Аверченко — неизвестно. О дальнейших этапах своего пути в Крым сам писатель впоследствии неоднократно упоминал как в своих фельетонах, так и в интервью, которые он давал уже в качестве эмигранта в 1922 году, когда он ехал через Балканские страны в Прагу. Здесь, в местной немецкой газете *Prager Presse*, появилось интервью, данное Аверченко корреспонденту этой газеты П. Стену. Ему Аверченко рассказал о том, как большевики следовали по его пятам, последовательно изгоняя из Киева, Харькова и Ростова-на-Дону, пока, наконец, он не очутился у самого моря⁹.

Более подробно и, очевидно, точнее Аверченко перечисляет этапы своего пути в Крым в фельетоне, написанном в Константинополе, вскоре после эвакуации из Крыма. В этом, уже упоминавшемся, фельетоне-письме Ленину Аверченко говорит:

Я на тебя не сержусь, хотя ты гонял меня по всей России, как серого зайца: из Киева в Харьков, из Харькова в Ростов, потом Екатеринодар, Новороссийск, Севастополь, Мелитополь, опять... Севастополь. Это письмо я пишу тебе из Константинополя, куда прибыл по своим личным делам¹⁰.

Надо полагать, что ни в Киеве, ни в Харькове Аверченко долго не задерживался. О его пребывании в этих городах не удалось найти каких-либо сведений, но зато появляются указания на то, что в Ростове-на-Дону он прожил более продолжительное время, во всяком случае — несколько месяцев.

О пребывании Аверченко в этом многолюдном городе, расположенном на территории, с которой велась вооруженная борьба против большевиков, сохранились сведения, главным образом в виде газетных заметок, обнаруженных в архиве писателя.

Газета *Приазовский Край*, выходившая в Ростове-на-Дону, сообщает о юмористических вечерах Аверченко, состоявшихся в ноябре 1918 года в ростовском и нахичеванском театрах¹¹.

К сожалению, газетных вырезок с заметками, относящимися к пребыванию Аверченко в Ростове-на-Дону, в его архиве сохранилось лишь незначительное число, а кроме того, не на всех вырезках отмечены название газеты, номер и число. Это обстоятельство затрудняет, конечно, установление точной хронологии событий в жизни Аверченко в то время.

Кроме вырезки из газеты *Приазовский Край*, сохранилась и другая вырезка, вклеенная рядом с ней, а потому, очевидно, относящаяся к тому же времени пребывания Аверченко в Ростове-на-Дону. Вырезка содержит рецензию некоего «Лоэнгрин», описывающего вечер юмора Аркадия Аверченко в ростовском театре.

Давая в своей рецензии сперва отзыв об исполнении артистами нескольких пьесок Аверченко, разыгранных в первой части вечера, «Лоэнгрин» затем говорит о самом авторе следующее:

Г. Аверченко прочел ряд рассказов, исполненных тонкой иронии, добродушной, иногда желающей быть злой, но тотчас же рассыпающей свои желчные намерения и снова переходящей на снисходительные рельсы. Во всех рассказах сквозит наблюдательный, лукавый, много знаю-

щий и чувствующий автор, который много мог бы бросить едких слов этой толпе (она так часто заслуживает этого). Но он щадит ее и хотел бы быть с нею в добрых отношениях¹².

Известно, что кроме устройства вечеров юмора Аверченко также сотрудничал в газете *Приазовский Край*. Два указания на это находим в советской газете *Известия* начала 1919 года. В заметке под заглавием «В русской Вандее» говорится о том, что на Кубань и на Дон «слетелись все желтые журналисты и писатели», и там занимаются «почетным делом лизания союзных и генеральских пяткок»¹³.

В заметке перечисляются имена публицистов и журналистов, среди которых указывается и Аверченко, про которого сказано: «нагоняет строчки на тему о большевиках Аркадий Аверченко»¹⁴.

В том же номере *Известий* помещена другая заметка на тему о «свободе печати в белогвардейском царстве», в которой говорится:

Так *Приазовский Край* вынужден выходить с одной только информацией, совершенно без статей, если не считать совершенно «благонамеренных» фельетонов Арк. Аверченко¹⁵.

Перечисляя в своем фельетоне «Письмо Ленину» южнорусские города, в которых Аверченко был до того, как он приехал в Севастополь, писатель называет (после Ростова-на-Дону) Екатеринодар, Новороссийск и Мелитополь. О пребывании писателя в этих городах не удалось разыскать никаких следов. Неизвестна и точная дата его переезда в Севастополь.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Аверченко А.Т. Приятельское письмо Ленину. — *Зарницы* (Константинополь), 1921, № 15, с. 4.
- ² Свидетельство Н.В.Ремизова.
- ³ Тэффи Н.А. Воспоминания. Париж, Возрождение, 1932, с. 8.
- ⁴ Там же, с. 22.
- ⁵ Там же, с. 72.
- ⁶ Аверченко А.Т. Приятельское письмо Ленину.
- ⁷ Тэффи Н.А. Указ. соч. с. 83.
- ⁸ Брешко-Брешковский Н.Н. А. Т. Аверченко. К десятилетию со дня смерти русского юмориста. — *Иллюстрированная Россия* (Париж), 1953, № 13, с. 16.
- ⁹ Sten Paul. Unterredung mit Awertschenko. — *Prager Presse*, 1922, 20 Juni, № 166.
- ¹⁰ Аверченко А.Т. Приятельское письмо Ленину.
- ¹¹ Де И. Вечер Аркадия Аверченко. — *Приазовский Край* (Ростов-на-Дону), 1918, 11 (24) ноября. *Архив Аверченко*.
- ¹² Лоэнгрин. Ростовский театр. — Рец. на вечер юмора Аркадия Аверченко. Вырезка из газеты без указания ее названия и числа. — *Архив Аверченко*. Согласно «Словарю псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф.Масанова (т. II, с. 126), Лоэнгрин — псевдоним П.Т. Герцо-Виноградского, который с 1914 г. сотрудничал в газете *Приазовский Край* в Ростове-на-Дону. По-видимому, из этой газеты и сделана вырезка, сохранившаяся у Аверченко.
- ¹³ В русской Вандее. — *Известия*, 1919, 14 февраля 1919, № 34.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.

Глава четвертая

В «БЕЛОМ» КРЫМУ

Можно считать, что в Севастополе Аверченко очутился не позднее марта — апреля 1919 года. Такое заключение основывается на сведениях, найденных в одном из автобиографических рассказов Аверченко, написанном осенью 1919 года, озаглавленном «Смерть Аркадия Аверченко» и помещенном в севастопольской газете *Юз*¹.

Сведения, сообщаемые писателем в этом рассказе, становятся более понятными, если припомнить политические судьбы Севастополя во время гражданской войны на юге России. Дело в том, что город неоднократно переходил из рук в руки, причем войска русские, союзные и неприятельские занимали Севастополь за 1918—1920 годы в следующей последовательности.

Весной 1918 года в Крым вошли германские войска и к 1 мая заняли Севастополь. Немецкая оккупация продолжалась недолго. После поражения Германии на западном фронте ее войска начали эвакуироваться из Крыма в середине ноября 1918 года. Образовалась местная антибольшевицкая власть, подкрепленная французскими и греческими войсками, которые высадились и заняли Севастополь в том же месяце. Пребывание союзников также было непродолжительным: в середине апреля их флот покинул севастопольскую гавань, и на смену французских и мест-

ных «белых» властей в город пришли 30 апреля 1919 года «красные». Но уже в конце июня большевиков из Крыма вытеснили войска генерала Деникина, и Севастополь оставался в руках белых до всеобщей эвакуации Крыма генералом Врангелем в середине ноября 1920 года.

Итак, в интересующей нас связи с биографией Аверченко период времени с 1918 по 1920 год Севастополь дважды переходил из-под власти белых во власть красных, причем первая кратковременная оккупация города большевиками длилась приблизительно два месяца: с апреля по конец июня 1919 года. Именно в это время Аверченко уже был в Севастополе, предположительно с марта или начала апреля того же года. Выясняется это из слов самого Аверченко в упомянутом рассказе «Смерть Аркадия Аверченко». В этом рассказе Аверченко говорит:

Когда в апреле добровольцы эвакуировались из Севастополя и французы сдали город большевикам — я застрял в Севастополе.

Кое-как пережил этот дурацкий сумбурный период, наполовину скрываясь у своих друзей — наконец советская власть ушла, снова вошли добровольцы и с ними все, кто в свое время так быстро расстался со мной.

И тут посыпались вопросы:

— Когда из тюрьмы выпустили?

— А я и не сидел².

Интересно, что среди бумаг, сохранившихся в архиве писателя, оказался этот фельетон, вырезанный из газеты, с пометками на нем рукой самого Аверченко от 23 февраля 1923 года. Тогда Аверченко дал разрешение перевести фельетон на еврейский язык* для напечатания его в виленской газете *Унзер Фрейд*. Одна из пометок Аверченко, сделанных по этому поводу в тексте фельетона, относится к началу только что приведенной выдержки. Исправление уточняет время эвакуации Севастополя добровольцами, и в переводе начальная фраза должна гласить:

*Автор имеет в виду идиш. (*Прим. ред.*)

Когда в апреле 1919 года добровольцы эвакуировались из Севастополя и французы сдали город большевикам — я застрял в Севастополе³.

Не остается, следовательно, сомнения в том, что, переехав из Ростова-на-Дону в Севастополь в марте или апреле 1919 года, Аверченко счастливым образом избежал там участи многих врагов советской власти, не подвергся ее репрессиям и дождался освобождения города войсками Деникина в июне того же года.

Севастополь, где протекало его детство и первые годы юности, оказался для Аверченко и последним убежищем на родине вплоть до того момента, когда ему пришлось ее навсегда покинуть. В Севастополе он прожил теперь немногим более полутора лет, то есть до конца октября 1920 года (по старому стилю).

О жизни Аверченко в месяцы, предшествовавшие занятию города большевиками, и за время их господства в Севастополе сведений разыскать не удалось. Зато период жизни и деятельности писателя, последовавший за освобождением города белыми войсками, можно в общих чертах восстановить.

Сохранились кое-какие воспоминания современников Аверченко, подобно ему спасавшихся в Крыму от преследований советской власти. Кроме того, отдельные факты, касающиеся деятельности писателя в белом Крыму, находят отражение на страницах газеты *Юг*, начавшей выходить в Севастополе вскоре после того, как город был занят войсками генерала Деникина.

Первый номер этой «беспартийной общественно-политической и литературной газеты» вышел 25 июля 1919 года (по старому стилю) с сообщением о том, что в газете принимает участие ряд известных журналистов (главным образом из числа бывших сотрудников московского *Русского Слова*), профессоров, общественных деятелей и писателей. Среди последних упоминаются, кроме Аркадия Аверченко, писатели И.Д. Сургучев, Е.И. Чириков и И.С. Шмелев. Газету издавало Паевое товарищество *Юг*,

и редактором сначала значилась «Редакционная коллегия в лице ее представителя Я.П. Левченко». Через некоторое время представителем редакционной коллегии стал Г. Фальченко, позже обозначившийся в газете как ее ответственный редактор⁴.

Это обстоятельство здесь отмечается в связи с тем, что Фальченко был женат на одной из младших сестер Аверченко — Ольге Тимофеевне, впоследствии, после смерти Фальченко в Париже в 1931 году, вышедшей замуж за Г.А. Смирдина⁵.

Постоянное сотрудничество Аверченко в газете *Юг* (впоследствии выходившей под названием *Юг России*) и его родственные связи с ответственным редактором газеты были, очевидно, причиной того, что эту газету некоторые авторы называют «газета Аверченко».

В первом же номере газеты *Юг* появляется фельетон Аверченко⁶, а через несколько дней на страницах той же газеты находим его призыв к состоятельным гражданам Севастополя жертвовать на нужды Добровольческой армии. Называя свое темпераментное обращение «Открытым письмом буржую», Аверченко в нем говорит:

Заложив руки в карманы, задумчиво разглядываю тебя, русский буржуй.

Что ты такое? Яви мне лицо твое.

Русский ли ты человек, человек ли ты, вообще, или ты просто тугой, великолепно все переваривающий желудок на двух ногах — без глаз, без сердца и без мозга⁷...

Напоминая севастопольским жителям в своем пространном «письме» о всем том тяжелом, что им пришлось пережить за время двухмесячного владычества большевиков в городе, Аверченко заканчивает свою статью словами:

Прижимая руку к сердцу, умоляю вас: докажите, что вы прежде всего дети измученной, страдающей России, а потом уже богатые буржуазные человечки⁸.

Активное сотрудничество Аверченко в газете *Юг* и сменившей ее газете *Юг России* продолжалось до самого

конца существования этих газет, в которых появилось большое число рассказов и фельетонов писателя. На страницах этих газет находим также сведения о разнообразной деятельности Аверченко, не ограничивавшегося в крымский период своей жизни одной лишь писательской работой.

Работа для театра, выступления на сцене в качестве конферансье или «хозяина программы» и чтеца собственных рассказов теперь в большей степени, чем в петербургский период, занимают внимание Аверченко. Начинает он теперь также выступать и в качестве артиста, исполняющего роли в собственных небольших пьесах.

В сентябре 1919 года сообщается об открытии литературно-художественного театра-кабаре «Дом Артиста», в котором Аверченко, совместно с Анатолием Каменским, заведует литературной частью театра⁹.

Свою деятельность в театре Аверченко начинает с устройства платного вечера-кабаре, чистый сбор с которого поступил в пользу «Комитета по оказанию помощи вдовам, сиротам и чинам Добровольческой армии, пострадавшим в борьбе с большевиками». В программе вечера, состоявшегося в воскресенье, 29 сентября 1919 года, впервые была поставлена новая пьеса Аверченко «Лекарство от глупости», в которой он сам играл роль¹⁰. Это было, по-видимому, его первое выступление на сцене в качестве актера.

Вечер имел большой успех, и председательница Комитета, жена генерал-майора Субботина, севастопольского градоначальника и коменданта крепости, письмом в газету *Юз* выразила Аверченко, как строителю и участнику вечера, благодарность за пожертвование поступившего с вечера сбора в размере 25 тысяч рублей¹¹.

В «Доме Артиста» Аверченко выступал еще раз совместно с другими артистами на «интимном вечере» 26 октября, но его деятельность в качестве заведующего театральной частью театра была непродолжительной. Он ушел с занимаемой должности незадолго до вечера 26 ок-

тября, как выясняется из его письма в редакцию газеты Юз¹².

2 ноября в Севастополе отмечалась годовщина основания Добровольческой армии. По этому случаю в театре Городского Собрания был устроен большой спектакль-концерт. Об этом газета извещает жителей города:

Впервые на сцене этого театра — в один вечер — Тэффи и Аркадий Аверченко.

Будут поставлены пьесы «Кабачок веселых убийц» (Тэффи) и «Капитоша» (А. Аверченко) [...]

Третья пьеса «Актриса» Осипа Дымова, написанная специально для Арк. Аверченко. Участвуют в ней М. Марадудина и Арк. Аверченко [...]

«Комендант» этого вечера — Арк. Аверченко¹³.

Сообщение о вечере в газете сопровождалось статьей «Несколько слов от Арк. Аверченко». В ней писатель призывал севастопольских граждан проявить жертвенность, памятуя о том, как жители города были спасены добровольцами от террора большевиков. Свой призыв Аверченко заканчивает словами:

Все, с кем я пережил ужасы севастопольского большевизма — приходите ко мне в гости в Городское Собрание, я там комендант и постараюсь, чтобы вам было весело [...] ¹⁴

Начало 1920 года ознаменовалось постановкой новой пьесы Аверченко, «Игра со смертью», относительно которой заметка в газете гласит:

Первое представление новой пьесы Аркадия Аверченко «Игра со смертью» в театре «Ренессанс» назначено на 7 января.

Недавно автор читал свою пьесу в кругу артистов. Пьеса произвела большое впечатление.

Пьеса написана летом минувшего года, во время владычества в Севастополе большевиков, когда автору пришлось скрываться от коммунистов.

«Игра со смертью» первое большое драматическое произведение Аверченко, до сих пор дававшего театру только одноактные безделушки¹⁵.

Пьеса имела успех, и второе ее представление состоялось в том же театре 9 января. Сообщая об этом, газета приводит для сведения читателей краткое содержание этой трехактовой комедии¹⁶.

Положительный отзыв о комедии появился и в другой севастопольской газете. В архиве Аверченко сохранилась вырезка из газеты с рецензией на постановку пьесы. Рецензия подписана псевдонимом «Зритель», и в ней говорится:

А. Аверченко написал хорошую пьесу и назвал ее «Игра со смертью» [...]

Достоинство пьесы Аверченко — ее сценичность и последовательность в развитии фабулы. Зритель не скучает, а, наоборот, с возрастающим интересом следит за ходом пьесы.

Приведенные выше достоинства с излишком покрывают некоторую фельетонность пьесы и нередко злоупотребление анекдотом [...]

Пьеса прошла с большим успехом¹⁷.

На этой газетной вырезке рукою Аверченко сделана надпись, гласящая: «А. Бурнакин. «Веч. Время». — Севастополь».

О Бурнакине упоминалось в связи с тем, что он в свое время, сотрудничая в петербургской газете *Новое Время*, неприязненно относился к Аверченко и распространял слух, что настоящая фамилия писателя якобы Лифшиц, а не Аверченко (см. выше с. 41).

Как удалось выяснить, в Севастополе в интересующее нас время выходила газета *Вечернее Слово*, издававшаяся группой бывших сотрудников *Нового Времени*. В начале 1920 года редакторами *Вечернего Слова* значились А.А.Бурнакин и Н.И. Вознесенский, причем первый обычно писал для газеты передовицы под своим именем.

В обозначении газеты, из которой он сохранил вырезку, Аверченко, очевидно, допустил ошибку, назвав ее «Веч. Время», тогда как выходившая в Севастополе газета называлась *Вечернее Слово*.

Если по сведениям Аверченко псевдонимом «Зритель» пользовался сам Бурнакин, когда писал театральные рецензии, то любопытно отметить эволюцию его отношения к Аверченко в изменившихся условиях, когда они оба перед лицом коммунистической опасности оказались в одном и том же лагере врагов большевизма.

Дирекция театра «Ренессанс», в котором дважды шла «Игра со смертью», 13 января устроила сверх того и вечер юмора Аркадия Аверченко при его личном участии¹⁸.

Начало 1920 года вообще было для Аверченко временем напряженной и разносторонней работы. Вскоре после упомянутого вечера юмора в театре «Ренессанс», 15 января начались занятия в только что открытой вокально-драматической школе-студии, дирекция которой (артисты бывших императорских театров Н.В. Ангаров и М.Я. Муратов) пригласила Аверченко читать в школе лекции по вопросам театра и искусства¹⁹.

26 января он принимает участие в вечере артистки М.С. Марадудиной, выступая на вечере с чтением своих рассказов.

В тот же день в газете появляется большая статья Аверченко, озаглавленная «Меня не поняли!». Писатель, и прежде любивший театр и театральную среду, теперь же и сам ставший артистом, остро воспринимал бедственное положение, в котором оказались русские актеры. Это побудило его написать фельетон об известном артисте, поступившем на пароход кочегаром. Фельетон, появившийся в газете *Юг*, вызвал в Севастополе какие-то разговоры и чье-то неудовольствие. Это обстоятельство и было причиной того, что Аверченко выступил со статьей «Меня не поняли!», подзаголовок которой гласил: «Несколько слов севастопольским властям».

В этой статье, написанной с большим жаром, Аверченко между прочим говорит:

В эти дни всем нам, русским, плохо, все мы бедны, ограблены и неустроены, но русский актер это нищий среди

нищих, самый голый и голодный среди раздетых и недо-
едающих.

Все мы хоть имеем право на труд, а актер понемногу
теряет и это право²⁰.

Обращая внимание властей и севастопольских жителей на тяжелые условия существования, в каких находятся артисты, многие из которых «Приговорены большевиками к смерти, как активные помощники Добровольческой армии», Аверченко протестует против чрезвычайно высоких налогов, взимаемых с театральных представлений, так как это усугубляет и без того невыносимо тяжелые условия труда артистов.

Статьей Аверченко почувствовали себя задетыми три податных инспектора, приславшие в газету *Юж* письмо с изложением постановлений, касающихся «взимания государственного налога с входных билетов на увеселения и зрелища»²¹.

По поводу разъяснений податных инспекторов Аверченко пишет в одном из следующих номеров газеты:

Три инспектора обиженно заявляют, что они «являются простыми исполнителями требований закона».

Да разве я говорю, что вы плохие?

Закон плох, закон никуда не годится.

Я ему подчиняюсь, как обязан подчиняться всякий гражданин, но требовать отмены этого жестокого, губящего театр и обрекающего актера на медленную голодную смерть — закона, требовать, чтобы вопиющая несправедливость была уничтожена — я должен, как писатель и гражданин²².

Неизвестно, имело ли это выступление Аверченко какое-либо влияние на налоговое обложение артистов или на отношение к ним местных властей. Известно только, что сам Аверченко в течение последующего времени продолжал выступать в ряде вечеров юмора. Так, находим сообщение о вечере юмора Аркадия Аверченко, устроенного в театре «Наука и жизнь» 7 февраля, а 25 февраля в том же театре состоялось выступление Аверченко совместно с артисткой М.С. Марадудиной²³.

В апреле 1920 года появляются сообщения о новом театре под названием «Гнездо перелетных птиц», который открылся в помещении на Екатерининской ул., № 8. Имя Аверченко в соответствующих заметках не упоминается, и надо полагать, что он сам не принимал участия в организации театра. Однако уже вскоре после основания театра Аверченко приглашается для выступления в нем. Впоследствии он, по-видимому, был более тесным образом связан с существованием «Гнезда перелетных птиц», а возможно даже, что Аверченко стал, по существу, руководителем труппы под этим названием.

14 апреля газета *Юг России* сообщила, что новый театр продолжает пользоваться успехом у публики и что в ближайшем будущем в театре начнется ряд вечеров Аркадия Аверченко.

Через несколько дней в газете *Вечернее Слово* появляется следующее сообщение:

«Гнездо перелетных птиц»

В четверг, 23 апреля, в этом театре состоится юбилейный вечер писателя Аркадия Аверченко.

В этот знаменательный день исполняется ровно 11 лет и 4 месяца и 3 дня со времени напечатания первого рассказа Арк. Аверченко.

Кроме пьесы «Жоржик», пойдет инсценировка «Новая песнь о вещем Олеге», написанная Арк. Аверченко в сотрудничестве с А. Пушкиным и А. Чеховым.

В заключение — новые рассказы²⁴.

Не ограничиваясь выступлениями в театре «Гнездо перелетных птиц», Аверченко устраивает свои вечера юмора и в других местах. Так, назначенный на 26 апреля вечер в театре на Корабельной стороне был отменен, а вместо того Аверченко дал свой вечер в Городском театре в Балаклаве²⁵.

В течение следующего месяца мая и до половины июня 1920 года Аверченко продолжает отдавать много времени на выступления в театре «Гнездо перелетных птиц».

6 мая в «Гнезде» состоялась «коллективная лекция о юморе с иллюстрациями», 16 мая там же — «оригинальная научная лекция Арк. Аверченко о Турции с иллюстрациями», 19 мая — повторение этой программы, а 22 мая — новая программа в том же театре с участием Арк. Аверченко²⁶.

Июньское расписание выступлений Аверченко требует от него не меньших усилий. 1 июня в «Гнезде» состоялось первое представление новой пьесы Аверченко «Сердцеед», в которой автор играл роль сердцееда. На том же вечере Аверченко читал свои новые рассказы («Защита диссертации в Совдепии» и др.), а артист Л.А. Фенин исполнил арию Каварадосси из оперы «Тоска» на слова, написанные для этого Аверченко. Сам писатель и Фенин были на вечере «хозяевами программы»²⁷.

На следующий день состоялось полное повторение программы. 3 июня в том же театре был устроен бенефис бывшего премьера петербургского театра «Кривое зеркало» Л.А. Фенина, который был режиссером «Гнезда». В исполнении программы бенефисного спектакля принял деятельное участие Аверченко, выступивший в качестве чтеца своих рассказов и сказавший приветственное слово бенефицианту²⁸.

5 июня Аверченко, вместе с некоторыми артистами «Гнезда», выехал на гастрольные выступления в Евпаторию²⁹.

Вернувшись оттуда, Аверченко выступает в новой программе «Гнезда», которая была показана в театре 8 июня. В программе были одноактные пьесы Аверченко «Женщина и хвост», в которой играл сам автор, а также его же «Женщина и вор». Кроме того, Аверченко выступил с чтением своих рассказов и в заключение прочел «лекцию о музыке».

Спектакль очень понравился публике, и рецензент, давая о нем на следующий день отчет в газете *Вечернее Слово*, писал:

С исключительным успехом вчера прошла премьера в театре «Гнездо перелетных птиц». Если предыдущие программы и приходились публике по душе, то последняя программа вызвала чуть ли не овации.

Вызывам «хозяина программы» — Аркадия Аверченко и других артистов конца не было. Особенным успехом пользовалась певица Долина-Кайданова, а также пьеса Арк. Аверченко «Женщина и вор» и его же «Лекция о музыке».

Вероятно, за все время, как существует Севастополь, не было такой своеобразной лекции и таких оригинальных взглядов на музыку. Прекрасный пианист и композитор В. Метцель с большим подъемом иллюстрировал лекцию. К сожалению, эта исключительная программа идет сегодня в последний раз³⁰.

Судя по газетным заметкам о летнем театральном сезоне в Севастополе, выступления Аверченко в театре «Гнездо перелетных птиц» завершились его участием в спектакле 11 июня, когда он опять исполнял обязанности «хозяина программы», выступал с чтением «живой рекламы» и когда представлена была его специально написанная для этого случая одноактная пьеса «Стакан чаю»³¹.

Во второй половине июня 1920 года представления в «Гнезде» продолжались, причем неоднократно ставились одноактные пьесы Аверченко, как например «Ключ», «Муж, каких мало» и «Драма в доме Букиных», но уже без участия самого автора³².

В июне же была напечатана рецензия Аверченко на одно из представлений в «Гнезде», подписанная его старым псевдонимом «Мед. Горг.» (Медуза-Горгона), которым писатель почти не пользовался в севастопольский период. В этой рецензии Аверченко сетует на то, что артисты плохо выучивают слова своих ролей³³.

В конце июня закончился сезон в театре «Гнездо перелетных птиц», и сообщения о нем прекращаются вплоть до 16 (29) июля 1920 года, когда появляется следующая заметка:

Каникулы «Гнезда перелетных птиц»

Каникулы «Гнезда» превратились в большую упорную

работу: после ряда гастролей в Евпатории, «Гнездо» в полном составе переехало в Симферополь и, осевши в летнем театре, делает прекрасные сборы — привлекая публику Зиминим, Аркадием Аверченко, «кукольным» театром Фенина, Свободиним и др.

Гастрольные вечера А. Аверченко на днях закончились, после него ряд вечеров Л. В. Собинова.

Открытие сезона в Севастополе последует, вероятно, в середине сентября³⁴.

Говоря о симферопольских выступлениях Аверченко, приходится ограничиться теми отзывами о них, которые сохранились в виде нескольких газетных вырезок в архиве писателя. Судя по всему, вырезки сделаны из симферопольской газеты *Таврический Голос*, поскольку это название ясно видно на одной из вырезок с заметкой о состоявшемся «вечере юмора» Аверченко. Как выясняется из газетных заметок, он дал в Симферополе два вечера, из которых второй состоялся 25 июня.

Рецензент одного из вечеров Аверченко в местном летнем театре отмечает, что театр был переполнен публикой до аншлага, и одобрительно отзывается об игре артистов в небольших пьесах Аверченко. Заканчивается рецензия словами:

Сам автор рассказывал свои новые вещи. Хорошо рассказывал. Будил мягкую улыбку и ласковый добрый русский смех. Рассказывал сдержанно, просто, как рассказывали добрые, хорошо прослоенные юмором истории в петербургских гостиных...

Это был хороший, добрый, улыбающийся вечер³⁵.

Предполагавшееся возобновление спектаклей театра «Гнездо перелетных птиц» в Севастополе в сентябре не состоялось. В октябре появилось сообщение о том, что труппа этого театра открывает свой зимний сезон в Симферополе и что там опять предполагается ряд гастролей Аркадия Аверченко³⁶. Но ему не суждено было осуществить этот план, так как положение на фронте гражданской войны становилось все более критическим для белых защитников Крыма, и ни в Севастополе, ни в Симфе-

рополе уже не было зимнего театрального сезона. Таким образом, крымский летний театральный сезон 1920 года оказался последним, в течение которого русская публика видела выступления своего любимого юмориста еще на родной земле.

Для оценки той роли, которую Аверченко сыграл для популярности представления «Гнезда», и того надолго запомнившегося впечатления, которое он производил на своих слушателей, уместно будет привести в дополнение к тому, что уже приводилось в выдержках из современных газетных рецензий, еще одно свидетельство. Это — воспоминания ныне проживающего в Канаде художника и историка русского искусства Е.Е. Климова, в памяти которого до сих пор живо сохранились впечатления от севастопольских выступлений Аверченко. Вот что Климов рассказывает по этому поводу:

Летом 1920 года в Севастополе по Екатерининской улице был открыт интимный театр под названием «Гнездо перелетных птиц». Главным инициатором (может быть, антрепренером, но это не утверждаю) и конферансье в театре был А.Т. Аверченко.

Я был в театре раз или два. Помещение полуподвальное, человек на 75—100, а может быть и меньше.

Открывал вечер сам Аверченко и из-за него, собственно, и ходили люди в этот театр по вечерам. Что он там был главной персоной, говорит и тот факт, что никаких дружгих имен память не сохранила. Он рассказывал и представлял артистов, всегда, конечно, с юмором³⁷.

Климов даже приводит в письме несколько запомнившихся ему шуток и анекдотов Аверченко и в заключение говорит относительно его юмора:

Но в целом я должен сказать, что никакой злобы и ненависти к большевикам он не возбуждал, юмор его был скорее окрашен в мягкие, меланхолические тона³⁸.

Многосторонняя деятельность Аверченко в Крыму не ограничивалась писательской работой и сотрудничеством в газете *Юг* (позже *Юг России*), работой и выступлениями

ми в театре, устройством благотворительных вечеров и выступлений в пользу Добровольческой армии. Об этом свидетельствует Неандер, говоря:

В Крыму, при Врангеле, мне пришлось довольно близко сойтись с покойным Аркадием Тимофеевичем [...] и даже вместе работать при управлении генерального штаба, по заказам которого он писал отличные юмористические прокламации, распространявшиеся в красной армии³⁹.

По мере того как ухудшалось положение дел на фронте военных действий, все больше русских граждан, отсиживавшихся в Крыму, уезжало через Константинополь в западноевропейские страны и Америку. В начале сентября уехал из Севастополя в Соединенные Штаты С.И. Колпашников, которому Аверченко перед его отъездом передал экземпляр своей недавно перед тем вышедшей книги рассказов и фельетонов под общим названием *Нечистая сила*. Интересна судьба этой книги. Хотя пишущему эти строки неизвестно, как в дальнейшем сложилась жизнь Колпашникова в Соединенных Штатах, оказывается, что книга, полученная им от Аверченко, в конце концов попала в книжную коллекцию Килгура. В 1959 году в издании библиотеки Гарвардского университета вышел альбом с репродукциями обложек и титульных листов русских книг Килгуровского собрания. Среди помещенных в этом альбоме репродукций, под номером 51, находится также факсимиле обложки книги Аверченко *Нечистая сила*, на которой автор сделал надпись, гласящую:

Право продажи этой книги целиком или отдельными фельетонами предоставляю исключительно Степану Ивановичу Колпашникову,

Аркадий Аверченко

Севастополь, 7/IX 1920

П.С. Право г. Колпашникову предоставляется на всю Америку.

А. Аверченко⁴⁰.

Как говорится в описанном факсимиле, на оборотной стороне обложки указана цена книги в деньгах и в

продуктах питания («On back of wrapper the price of the book is given in money and foodstuff»)⁴¹.

К концу октября 1920 года (по старому стилю) положение войск генерала Врангеля, защищавших Крым от наступающих красных сил, становилось все более безнадежным. В Севастополе по-прежнему продолжало выходить несколько газет, в том числе и газета *Юг России*, почти каждый день помещавшая на своих страницах фельетоны Аверченко. 28 октября (10 ноября) в этой газете появляется его последний фельетон ⁴², а на следующий день на первой странице газеты находим краткое сообщение о том, что «ввиду серьезных боев на фронте главнокомандующий послал туда генерала Слащева-Крымского». Но и этому генералу не удалось предотвратить катастрофу, красные сломали сопротивление белых на Перекопе и 2 (15) ноября заняли Севастополь. Последний номер *Юга России*, как и других местных газет, датирован 30 октября (12 ноября) 1920 года, то есть днем эвакуации города генералом Врангелем.

Приведенные сведения ясно свидетельствуют, что Аверченко оставался на посту активного сотрудника газеты *Юг России* до последней возможности и уехал из Севастополя лишь тогда, когда отпала всякая надежда на то, что город можно будет отстоять от красных. Этот факт отмечает Петр Пильский, вспоминая впоследствии о роли, которую Аверченко сыграл за время своего пребывания в Севастополе:

В Севастополе его звали: Красное Солнышко. Это за то, что среди общих тревог, лишений, неудобств, в этом тумане неясности будущего, в атмосфере злых предчувствий, слепоты, запертости, общей тесноты, сотрясений, он один, Аркадий Аверченко, ухитрялся, находился и умел вносить в жизнь, в печать, в общество, во все вечера какой-то свет надежды, и бодрость, и свежесть хороших утр, после которых весь день кажется помолодевшим и замечтавшимся.

Красное Солнышко!

Аверченко и на пароход сел чуть ли не последним, и даже

не сел, потому что его туда отвезли и посадили друзья, этого веселого барабанщика литературы⁴³.

Об обстоятельствах своего отъезда вспоминал потом и сам Аверченко. В предисловии к выпущенной через два года книге *Записки Простодушного* он рассказывает, как однажды осенью 1920 года, в октябре, к нему зашел знакомый генерал, убедительно советовавший ему без промедления уехать за границу, объясняя:

Именно вам-то и нельзя оставаться. Скоро здесь будет так жарко, что не выдержите [...]⁴⁴

Отговорки и отшучивания Аверченко не помогали и, в конце концов, он услышал:

— Уезжайте! — сухо и твердо отрубил генерал⁴⁵.

В тот же день Аверченко был на пароходе и на нем в трюме, на угольных мешках он совершил непродолжительное путешествие в Константинополь.

Установить на основании проверенных данных время и обстоятельства отъезда Аверченко из Севастополя представляется существенным ввиду той версии его отъезда, которая дается Михайловым. Упоминая в своем очерке о том, что Аверченко во время гражданской войны «оказывается на стороне белых генералов» и что «в памфлетах и рассказах, написанных в Крыму, Аверченко обращается к ним с призывом приблизить «час ликвидации и расчета с большевиками», Михайлов непосредственно после этих слов пишет:

Небезынтересно, что последними репрессиями, которым он подвергся, были репрессии врангелевской цензуры, распорядившейся за публикацию безобидной информации закрыть газету *Юг России*. После закрытия газеты он выезжает в Константинополь, а затем поселяется в Праге⁴⁶.

Приведенный абзац грешит неточностями и легко может создать у читателя ложное представление о причинах и времени отъезда писателя из Севастополя. Это обнаруживается, если сопоставить известные факты, от-

носящиеся к закрытию «газеты Аверченко» и к его переезду в Константинополь, с тем, как все дело излагается у Михайлова.

В подтверждение сказанного необходимо, прежде всего, остановиться на обстоятельствах закрытия «газеты Аверченко».

Уже упоминалось, что приблизительно через месяц после занятия белыми Севастополя там 25 июля 1919 года (по старому стилю) была основана газета *Юг*. В числе ее постоянных сотрудников был Аверченко, а ответственным редактором газеты вскоре стал зять писателя Г. И. Фальченко. Именно эта газета *Юг* (а не газета *Юг России*) действительно имела неприятности с цензурой и была закрыта, однако не за «публикацию безобидной информации», а при обстоятельствах, подробно изложенных в статье «Г-ну цензору», которая появилась на первой странице газеты *Юг* 13 марта 1920 года без подписи, как редакционная⁴⁷.

Эта статья написана в очень резком тоне, и в ней сказано, что «г-н военный цензор положительно не имеет представления о своих правах и обязанностях», и кончается словами: «Вам надо подать еще одну бумагу — прошение об отставке».

Судя по содержанию и тону статьи, Фальченко не собирался ездить в штаб для дачи объяснений (как ему предписал цензор), газета *Юг* продолжала еще несколько дней выходить и 20 марта была закрыта. Об этом узнаем из первого номера газеты *Юг России*, которую можно рассматривать как продолжение газеты *Юг*, но под новым названием и с другим ответственным редактором⁴⁸.

В свете приведенных данных ясно, что версия Михайлова о закрытии газеты Аверченко не соответствует фактическим обстоятельствам дела. Во-первых, закрыта была газета *Юг*, а не *Юг России*, во-вторых, распоряжение о закрытии газеты последовало не за «публикацию безобидной информации», а за отказ на-

печатать в газете материал, присланный цензором, или за резкую критику мероприятий цензора, и, наконец, если быть совершенно точным, репрессиям подвергся не сам Аверченко, а газета, в которой он сотрудничал. При этом еще следует отметить, порядка ради, что репрессии были применены деникинской, а не врангелевской цензурой.

Конфликт редакции *Юга* с местным цензором и последовавшее закрытие газеты не могло, конечно, остаться незамеченным севастопольскими журналистами и читающей публикой, и естественно предположить, что все это дело породило всяческие толки и слухи. Одним из них был слух о том, что Аверченко, обиженный отношением властей к газете, в которой он постоянно сотрудничал, собирается уехать из Севастополя. Слух этот нашел отражение в шутовском стихке, появившемся в одной из местных газет и сохранившемся в виде вырезки в архиве писателя. Стихи гласят:

Покидает нас Аркадий,
Уезжает в край иной...
Передай печаль ту, «радий»,
По лицу земли родной!
Ах, не так грустит супруга
По супругу в бездне мук,
Как грустит А.Т. о «Юге»,
Остановленному вдруг.
И Аркадий, глядя хмуро,
Шлет правительству «картель»,
(Что под именем «цензура»
Проживает в «Гранд-Отель»)
Чтоб в глазу не видеть «спицы»,
Уезжаю навсегда.
Ведь недаром был я «птицей»
«Перелетного гнезда».
И раздался голос, строго
Прозвучавший в смутный час...
Что же? — «скатертью дорога!»
— Проживем, Бог даст, без вас! ⁴⁹

Однако, как известно из последующего поведения Аверченко, приписываемое ему намерение уехать навсегда из Севастополя оказалось только слухом, притом, судя по ряду обстоятельств, вряд ли имевшим под собою серьезное основание. За это говорит хотя бы тот факт, что последний номер новой газеты *Юг* вышел в субботу, 21 марта, а уже во вторник, 24 марта, выходит первый номер новой газеты *Юг России*. В нем приводится список сотрудников газеты в алфавитном порядке. Список этот, за некоторым исключением, содержит все те же имена, которые в свое время перечислялись при открытии газеты *Юг*. На первом месте, как и в старом списке, значится имя Аркадия Аверченко, а его фельетоны продолжают появляться на страницах последующих номеров *Юга России*.

Эти обстоятельства свидетельствуют скорее всего о том, что после резкой статьи с критикой действий цензора и предложением ему подать в отставку, в редакции *Юга* совместно с Аверченко сразу же были предприняты шаги к тому, чтобы обеспечить на случай закрытия газеты ее скорейший выход под другим названием. Как мы видели, это и удалось осуществить. Перерыв в выходе газеты длился всего два дня, а Аверченко не переставал сотрудничать в новой газете вплоть до ее закрытия в дни эвакуации Севастополя белыми.

Вряд ли такой, почти бесперебойный, переход на издание новой газеты при активном участии Аверченко в качестве сотрудника мог быть осуществлен, если бы после закрытия газеты *Юг* у Аверченко было серьезное намерение уехать в Константинополь.

Возвращаясь после этого отступления, посвященного слухам о якобы предстоящем отъезде Аверченко из Севастополя, к цитированному абзацу Михайлова, интересно обратить внимание на двусмысленность последней фразы этого абзаца. У читателя, незнакомого с обстоятельствами пребывания Аверченко в Севастополе и с временем его отъезда оттуда, фраза эта по

необходимости должна создать впечатление, что отъезд писателя в Константинополь связан с закрытием газеты (см. выше с. 82).

В контексте всего абзаца фраза «После закрытия газеты он выезжает в Константинополь» ведет к такому пониманию обстоятельств дела, будто бы Аверченко *сразу же* после закрытия газеты уехал из Севастополя и, следовательно, факт ее закрытия был или причиной его отъезда, или непосредственно связан с ним. На самом же деле Аверченко прожил в Севастополе еще целых семь месяцев, продолжая и дальше сотрудничать во вновь открытой газете в том же духе полной поддержки белого движения, как и до закрытия газеты *Юг*, и выехал в Константинополь только тогда, когда участь защитников Крыма была решена и когда проводилась полная эвакуация Севастополя по приказу генерала Врангеля.

Таким образом, попытка Михайлова создать впечатление о разрыве между Аверченко и белыми властями, в результате которого ему якобы пришлось выехать из Крыма, должна быть признана несостоятельной. Наоборот, фактическим обстоятельствам дела соответствует следующее высказывание Аверченко:

Осенью 1920 года я выехал в Константинополь во время Врангелевской эвакуации. Могу с гордостью сказать, что держались мы до последнего, но когда нас оттеснили так, что мы уже висели на кончике крымской черноморской скалы, пришлось плюхнуться в море и приплыть к гостеприимным туркам⁵⁰.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Аверченко А. Т. Смерть Аркадия Аверченко. — *Юз* (Севастополь), 1919, 26 сентября.
- ² Там же.
- ³ Вырезка (по-видимому, из газеты *Юз* (Севастополь)) с рассказом «Смерть Аркадия Аверченко». — *Архив Аверченко*.
- ⁴ С № 74, 1919, 25 октября.
- ⁵ Сведения о деятельности Г. И. Фальченко в Крыму указываются в краткой заметке, напечатанной в газете *Последние Новости*, 1931, 25 апреля, по случаю его смерти в Париже.
- ⁶ Аверченко А.Т. Среди бела дня. — *Юз* (Севастополь), 1919, 25 июля.
- ⁷ Аверченко А.Т. Открытое письмо буржую. — *Юз* (Севастополь), 1919, 27 июля.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Дом Артиста. — *Юз* (Севастополь), 1919, 18 сентября.
- ¹⁰ Заметка. — *Юз* (Севастополь), 1919, 29 сентября.
- ¹¹ Письмо в редакцию Е. Субботиной. — *Юз* (Севастополь), 1919, 8 октября.
- ¹² Письмо в редакцию А. Аверченко. — *Юз* (Севастополь), 1919, 2 ноября.
- ¹³ День Добровольческой Армии. — *Юз* (Севастополь), 1919, 1 ноября.
- ¹⁴ Аверченко А. Т. Несколько слов от Арк. Аверченко. — *Юз* (Севастополь), 1919, 1 ноября.
- ¹⁵ Первое представление пьесы Аверченко. — *Юз* (Севастополь), 1920, 4 января.
- ¹⁶ Театр Ренессанс. — *Юз* (Севастополь), 1920, 11 января.
- ¹⁷ Зритель. Игра со смертью. — Рец. в газете *Вечернее Слово* (Севастополь). Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ¹⁸ Объявление. — *Юз* (Севастополь), 1920, 11 января.
- ¹⁹ Объявление. — *Юз* (Севастополь), 1919, 31 декабря.
- ²⁰ Аверченко А. Т. Меня не поняли. — *Юз* (Севастополь), 1920, 26 января.
- ²¹ Письмо в редакцию трех податных инспекторов. — *Юз* (Севастополь), 1920, 2 февраля.
- ²² Аверченко А. Т. Ответ податным инспекторам. — *Юз* (Севастополь), 1920, 5 февраля.
- ²³ Заметка. — *Юз* (Севастополь), 1920, 5 февраля.

- ²⁴ Гнездо перелетных птиц. — *Вечернее Слово* (Севастополь), 1920, 22 апреля.
- ²⁵ Заметка. — *Юг России* (Севастополь), 1920, 26 апреля.
- ²⁶ Три заметки. — Там же, 1920, 6, 16 и 22 мая.
- ²⁷ Заметка. — Там же, 1920, 31 мая.
- ²⁸ Заметка. — Там же, 1920, 4 июня.
- ²⁹ Заметка. — *Вечернее Слово* (Севастополь), 1920, 5 июня.
- ³⁰ Заметка. — Там же, 1920, 9 июня.
- ³¹ Объявление. — Там же, 1920, 11 июня.
- ³² Три объявления. — *Юг России* (Севастополь), 1920, 12, 14 и 20 июня.
- ³³ Заметка. — Там же, 1920, 20 июня.
- ³⁴ Заметка. — Там же, 1920, 16 (29) июля.
- ³⁵ Зритель. Рец. на юмористический вечер Аркадия Аверченко в Летнем Театре в Симферополе. Вырезка без обозначения названия газеты и ее числа. — *Архив Аверченко*.
- ³⁶ Объявление. — *Юг России* (Севастополь), 1920, 7 (20) октября.
- ³⁷ Свидетельство Е. Е. Климова.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Неандер Б. Памяти Аркадия Аверченко. — *Возрождение* (Париж), 1926, 12 марта.
- ⁴⁰ The Kilgour Collection of Russian Literature 1750—1920. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1959 [51].
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Фельетон «Светлая голова».
- ⁴³ Пильский П. М. Аверченко. — *Наши Сатириканы* (Кишинев), 1921, № 3.
- ⁴⁴ Аверченко А. Т. Записки Простодушного. Я в Европе. Турция, Чехо-Словакия. Берлин, изд-во «Север», 1923, с. 3.
- ⁴⁵ Там же, с. 4.
- ⁴⁶ Михайлов О. Аркадий Аверченко. — В кн.: Аркадий Аверченко. Юмористические рассказы. М., Художественная литература, 1964, с. 19.
- ⁴⁷ Из подробного изложения в этой статье сути конфликта редакции с цензурой выясняется следующее. По представлению военного цензора города Севастополя редактора газеты Фальченко вызвали в штаб ген. Слащева. Ему Фальченко должен был дать объяснения насчет того, почему он не опубликовал в газете телеграмму группы офицеров. Копию этой телеграммы Фальченко получил от цензора, потребовавшего помещения

текста телеграммы в газете. Фальченко же считал, что цензор не имеет права предписывать редакции печатать тот или иной материал.

- ⁴⁸ Об этом свидетельствует объявление, помещенное на первой странице газеты *Юг России* (Севастополь) (1920, 24 марта, № 1). В объявлении сообщается, что, по соглашению издательств, подписчикам газеты *Юг* теперь будет высылаться газета *Юг России*. В этом же номере приводится краткое распоряжение ген. Шиллинга о закрытии газеты *Юг*, без объяснения причин этого запрета.
- ⁴⁹ В. Р. Великий Визирь, стихотворение. — Вырезка из неизвестной газеты без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ⁵⁰ Интервью с Аркадием Аверченко. — Вырезка из газеты *Тигинский Листок* (Бендеры), без указания числа. — *Архив Аверченко*.

Глава пятая

ПЕРВЫЕ ЭТАПЫ ЭМИГРАЦИИ

О своем приезде в Константинополь 15 ноября 1920 года¹ Аверченко впоследствии вспоминал в *Записках Простодушного* — сборнике рассказов, посвященных первому этапу его эмигрантской жизни. В первом рассказе этой книги — «Первый день в Константинополе» — Аверченко говорит:

... Я забрал с парохода свои вещи, сел в лодку и поехал к Галатскому берегу².

Как узнаем из того же рассказа, друзья писателя уже заранее наняли для него в Пере маленькую комнатку, в которой он и поселился.

С обычной для него энергией и трудолюбием Аверченко стал приспособливаться к жизни в новых и незнакомых условиях. Позже, давая интервью журналисту, на вопрос последнего о том, как долго он жил в Константинополе, Аверченко ответил:

Полтора года. Я писал в газетах и журналах и, кроме того, основал небольшой театрик «Гнездо перелетных птиц»³.

Аверченко здесь не упоминает о вечерах юмора с его участием. Однако есть сведения, что он устроил свой пер-

вый вечер для константинопольских русских беженцев весной 1921 года. Заметка об этом была напечатана в журнале *Зарницы*, и она гласит:

В воскресенье на Фоминой неделе в театре Всероссийского Земского Союза писатель Аркадий Аверченко устроил свой вечер, первый в Константинополе. В программу этого вечера вошли рассказы, прочитанные самим автором, и пьесы с его же участием в качестве исполнителя⁴.

Рецензент заканчивает свою рецензию словами:

Очень желательно, чтобы писатель не ограничился только вечером. Хороший, здоровый смех в нашей беженской убогой жизни явление дорогое⁵.

Устраивал ли Аверченко в дальнейшем свои вечера юмора — неизвестно. Вероятнее, что он, занимаясь журналистикой и будучи постоянным сотрудником еженедельника *Зарницы*, остававшееся от этой работы время посвящал театру «Гнездо перелетных птиц».

О деятельности этого театра и роли, которую в нем играл Аверченко, сохранились заметки в журнале *Зарницы*. Так, например, в июне 1921 года этот еженедельник сообщал:

Перелетные птицы, свившие себе гнездо в ресторане «Русский очаг», недавно вырвались на волю и несколько своих песен спели в театре, без аккомпанемента рюмок, ножей и тарелок⁶.

В этом же номере журнала находим и рецензию на это представление «Перелетных птиц», которая кончается словами:

Надо всем, конечно, царил, всеми дирижировал, всех представлял публике, за всех горой стоял добродушный хозяин сцены — старый очкастый сыч гнезда, которому тоже невмоготу стал родной и, казалось бы, привычный север, — Аркадий Аверченко, имевший, как всегда, неизменный успех⁷.

Театр «Гнездо перелетных птиц» запомнился многим русским беженцам, попавшим после поражения белых

армий в Турцию. Описывая через сорок лет Константинополь, который в начале 1920-х годов был наводнен победоносными войсками Союзников и обездоленной массой русских беженцев, один из очевидцев этой безрадостной картины вспоминает:

Возникло несметное количество кабаков на все вкусы и карманы. «Черная роза» с Вертинским, «Гнездо перелетных птиц» с Аверченко и Свободины. Их главная клиентура — американцы, обильно расшвыривающие полноценные доллары, и русские, пропивающие с бесшабашным отчаянием добытые тяжким трудом турецкие лиры или последние остатки ювелирного барахла⁸.

Определение «театрика» Аверченко словом «кабак», как это делает автор цитированных строк, пожалуй, несправедливо. Кроме приведенных выше заметок, относящихся к «Перелетным птицам» и самому Аверченко, в том же журнале *Зарницы* опубликована и другая заметка, содержащая следующие строки, посвященные детищу Аверченко:

«Гнездо»

Так в обиходе называется одно из очаровательных мест ночного Константинополя «Гнездо перелетных птиц». Здесь русский талант сверкает своей самоцветной рудой. В зимнем саду бывшего «Русского очага» царит благодушное веселье. Ни одного пошлого слова, ни одного намека, который сближал бы этот уголок с обычным грязным воздухом кафешантана. А. Т. Аверченко и В. П. Свободин ведут с публикой собеседования, пересыпанные шутками. Они знают всех своих гостей; многие сделали друзьями «гнезда», посетив его раз, многие связаны прежними отношениями к артистическим кружкам Петрограда и Москвы. В «гнездо» заходят иностранцы, воспринимающие художественность исполнения, не понимая даже русского языка⁹.

Известное представление о характере юмора, процветавшего на сцене «Гнезда», дают строчки рекламы этого театра, напечатанной в единовременном журнале Авер-

ченко под названием *Рождественский Сатирикон Аркадия Аверченко*. Объявление гласит:

ВСЕ МЫСЛЯЩИЕ РУССКИЕ

должны проводить праздничные вечера в «Гнезде перелетных птиц».

Это времяпровождение очень проясняет мысли и накладывает на все лица отпечаток истинной осмысленности. «Гнездо перелетных птиц» смело можно назвать — Академией Изящного Вкуса, Истинной Красоты и Прекрасного Интеллекта.

Человек отличается от животного главным образом тем, что он улыбается. Мы заставляем улыбаться — значит мы (т. е. «Гнездо») совершенствуем всякое человекообразное, возводя его на высшую ступень¹⁰...

Из того же журнала Аверченко можно узнать, что на Рождество 1921 года в «Гнезде», открывшем свой сезон в помещении ресторана «Паради» на Пере, шла пьеса Аверченко «Флирт Розенберга»¹¹.

С пребыванием Аверченко в Константинополе связано сообщение о получении им якобы вызова на дуэль от «неизвестного офицера», почувствовавшего себя оскорбленным одним из фельетонов писателя в его книге *Записки Простодушного*. Помимо краткой заметки об этом в вышедшей в Константинополе газете *Пресс дю Суар* («*Presse du Soir*»),¹² ссылку на тот же инцидент находим в статье, напечатанной в связи с ожидавшимся приездом Аверченко в Софию. Местная русская газета писала:

В сумасшедшем Константинополе, где можно сойти с ума даже при полном отсутствии его, веселые молодые люди вызвали на дуэль веселого Аркадия Аверченко¹³.

Каковы были истинные обстоятельства этого дела, к сожалению, выяснить не удалось. Однако весьма вероятно, что здесь речь идет просто о пущенном кем-то слухе или газетной утке. В пользу такого предположения говорят сведения, сообщаемые о газете *Presse du Soir* и о ее редакторе сотрудником нью-йоркского *Но-*

вого Русского Слова Л. Камышниковым. Вспоминая в 1925 году дни своего пребывания в Константинополе, Камышников упоминает, между прочим, о том, как усилиями журналиста Василевского (Не-Буква) в этом городе была создана газета *Пресс дю Суар*. Сам Василевский вскоре из этой газеты ушел, но она продолжала существовать и редактироваться неким Максимовым. О последнем Камышников на основании своего знакомства с ним отзывался как о «монстре», от которого пострадал и Аверченко, кратковременно сотрудничавший в газете:

Покойный Аркадий Тимофеевич Аверченко, человек очень уживчивый и податливый, достаточно натерпелся от этого монстра, который позволял себе в юмористический фельетон Аверченко проставлять имя своего знакомого, против которого «имел зуб».

Даже добродушный Аркадий Тимофеевич не снес этого. Всегда сдержанный, он возмутился и вскоре прекратил работу в «Пресс дю Суар»¹⁴.

Каких-либо иных сведений о константинопольском периоде жизни Аверченко разыскать не удалось. Во всяком случае, не будет ошибкой сказать, что этот первый этап его жизни на чужбине был нелегким началом эмигрантского пути, который еще предстоял писателю. Он сам хорошо выразил это в своем заключении к книге *Записки Простодушного*, говоря:

Доконал Константинополь русского «Простодушного». Целый ряд лет еще промелькнет перед нами... Но все эти годы уже будут обвеяны мудростью, хитростью и, может быть, — жестокостью.

Выковали из нас, — благодушных, мягких, ласковых дураков — прочное железное изделие¹⁵.

С труппой своего театра Аверченко покидает весной 1922 года Константинополь и приезжает 15 апреля в Софию.

О поездке Аверченко и его дальнейших планах пражский «Русспресс» сообщал:

В Софию приехал из Константинополя Арк. Т. Аверченко с труппой «Гнезда перелетных птиц». В Софии состоятся две гастроли этого театра. Болгарская печать очень тепло встретила русского юмориста. Из Софии А. Т. Аверченко со своей труппой совершит турне по Балканам и центральной Европе¹⁶.

Как было предусмотрено, в Софии состоялись два вечера Аверченко и его труппы в 10 человек. Оба вечера были устроены в театре «Ренессанс», первый — 19 апреля, а второй — на следующий день. Местная русская газета, давая отчет о первом вечере, говорит:

Все такой же, неувядающий, искристый, молодой постоянной молодостью — Аркадий Аверченко... Не увял его радующий талант, свеж и молод его смех. В рассказах — неизменное остроумие, в пьесах — изящная легкость и редкая литературность. София очень тепло встретила А. Т. и его сотрудников. Каждая пьеса вызывала нескончаемые аплодисменты¹⁷.

По-видимому, Аверченко имел в виду пробыть в Софии более продолжительное время, но под влиянием политических событий в Болгарии ему пришлось выехать оттуда раньше, чем предполагалось. Как известно, в 1922 году в Болгарии у власти еще было правительство Стамболийского, которое рядом своих мероприятий вызвало резкую оппозицию буржуазных кругов и офицерства, считавших социальную политику Стамболийского слишком радикальной и пытавшихся, сперва безуспешно, произвести государственный переворот.

При Стамболийском, не сочувствовавшем русским антибольшевицким эмигрантам, положение их было очень тяжелое, и право жительства в Болгарии было обусловлено рядом стеснительных ограничений, о чем сообщалось в русских эмигрантских газетах¹⁸.

Пребывание Аверченко в Софии, очевидно, совпало с какими-то очередными мерами правительства Стамболийского, направленными против антибольшевицких элементов и, в частности, против русских беженцев. Можно

думать, что это и вызвало поспешный отъезд Аверченко и его труппы из Болгарии в Югославию и послужило поводом к тому, что Аверченко сохранил неприятные воспоминания о времени, проведенном в Болгарии. Это находит отражение в некоторых газетных заметках и интервью с ним.

Так, известный русский журналист и фельетонист А. Ренников, проживавший в то время уже в Белграде и сотрудничавший в тамошней газете *Новое Время*, напечатал в этой газете по случаю приезда Аверченко в Белград фельетон, в котором, между прочим, говорит:

Нечего теперь объяснять, почему Аверченко не удержался в Болгарии. Опытный чемодан юмориста раскрылся, должно быть, сам, лишь только на улицах Софии послышался рев «да здравствует интернационал», а Аверченко покорно снял фрак, привычной рукой уложил на дно и грустно заметил:

— Ты прав, друг мой. Покатился по веселому земному шару дальше!¹⁹

На ту же тему высказался Аверченко в июне того же года в Праге, где интервьюировавший его сотрудник «Русспресса» спросил его также о том, в какой из стран, которые он проезжал, ему было лучше всего. Писатель тогда сказал следующее:

Лучше всего в Сербии, хуже всего в Болгарии. Я никак не могу простить Болгарии того, что она сделала с русскими²⁰.

Точное время отъезда Аверченко и его труппы из Софии не выяснено. Известно лишь, что их приезд в Белград ожидался 17 или 18 мая 1922 года. По приезде Аверченко с труппой в Белград в местной русской газете появляется заметка:

Приехавший из Софии писатель Аркадий Аверченко был весьма радушно встречен сербской прессой. Во многих газетах были статьи и заметки по поводу приезда талантливого писателя.

В субботу, 27 мая, в зале «Станкович», как у нас уже сообщалось, состоится вечер Аверченко, на котором, между прочим, будет разыграна законченная им на днях одноктная пьеска «О чем щебетали ласточки»²¹.

Сербская печать действительно с большой теплотой отметила приезд русского писателя, и о нем в ряде газет появились пространные статьи. Вырезки с этими статьями в газетах *Политика* (две большие статьи) и *Време* сохранились в архиве писателя. Сотрудник газеты *Време* интервьюировал Аверченко в гостинице «Астория», в которой он остановился. Из этого интервью узнаем, что вместе с Аверченко приехала группа «Гнезда» в составе трех артистов и трех артисток²².

Назначенное на 27 мая представление театра «Гнездо перелетных птиц» состоялось в зале «Станкович» и, как было отмечено в местной русской газете, «Аркадий Аверченко собрал массу публики как русской, так и сербской интеллигенции». В отчете далее отмечалось, что гостю были оказаны настоящие овации и вечер прошел с выдающимся успехом²³.

В тот же вечер в помещении «Гранд-Отеля» происходил четырнадцатый «субботник» Литературно-Художественного Общества, куда Аверченко с несколькими артистами «Гнезда» приехал после своего вечера. На чествовании писателя собралась многочисленная русская публика из Белграда и из провинции, а также сербские гости, имена которых были перечислены в рецензии. Субботник прошел с особым успехом «благодаря участию Аркадия Аверченко, который, в сущности, и был гвоздем вечера», как говорится в отчете²⁴.

Через несколько дней после этого чествования, во вторник 30 мая, Аверченко со своей труппой дал в белградском Королевском театре еще один вечер, в программу которого вошли его пьесы-миниатюры «Макс», «Старики», «Ключ» и «Птичья головка», а одна пьеса — «Сердце» — была разыграна на сербском языке. В этом спектакле, кроме самого автора, выступавшего в заглав-

ной роли в пьесе «Макс», принимали участие артистки Раич и Никитина и артисты Искольдов и Невский²⁵.

Дав этот прощальный вечер, Аверченко с труппой выезжает из Белграда к конечной цели своего путешествия — в Прагу.

По дороге в Чехословакию писатель со своей труппой остановился в Загребе, где местные хорватские театральные и журналистские круги с большой сердечностью отметили приезд русских гастролеров. Хорватская газета, сообщая о приезде русского юмориста и его предстоящем выступлении, поместила в том же номере фельетон Аверченко, а хорватский драматург Пеция Петрович посвятил писателю обстоятельную статью, в которой говорилось о писательской карьере Аверченко в старой России и о его скитаниях после революции²⁶.

На следующий день, 15 июня, в загребском Народном театре состоялся вечер юмора, на котором в ряде одноактных пьесок Аверченко выступал сам автор, приехавшие с ним артистка Раич и артист Искольдов, а также артистка загребского театра Лидия Мансветова²⁷, а через два дня, в субботу, 17 июня 1922 года, Аверченко со своими спутниками прибыл в Прагу²⁸.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Эта дата установлена на основании заметки «Последние часы Крыма» в парижской газете *Последние Новости*, 1920, 21 ноября. В заметке сообщается о прибытии в Константинополь беженцев из Крыма, среди которых упоминается «писатель Аверченко».
- ² Аверченко А.Т. Записки Простодушного. Константинополь, изд-во «Новый Сатирикон», 1921, с. 7.
- ³ Интервью с Аркадием Аверченко. — Вырезка из газеты *Тигинский листок* (Бендеры), без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ⁴ И.С. Вечер Аркадия Аверченко. — Рец. в журнале *Зарницы* (Константинополь), 1921, № 10. с. 29.
- ⁵ Там же.
- ⁶ И.С. «Гнездо перелетных птиц». — *Зарницы* (Константинополь), 1921, № 12, с. 23—24.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Р.К. Москва недавняя. — *Новое Русское Слово* (Нью-Йорк), 1963, 27 ноября.
- ⁹ Полунощник. «Гнездо». — *Зарницы* (Константинополь), 1921, № 6, с. 31.
- ¹⁰ Объявление. — *Рождественский Сатирикон Аркадия Аверченко*, посл. страница. — *Архив Аверченко*.
- ¹¹ Там же, в разделе «Театр и Искусство».
- ¹² Литературно-художественная дуэль. — *Presse du Soir* (Константинополь). Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ¹³ Литвин Николай. Племя неистовых. — *Русское Дело* (София). Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ¹⁴ Камышников Л. Юбилейное. — *Новое Русское Слово* (Нью-Йорк), 1925, 12 апреля. Сведения о газете *Presse du Soir* содержатся также и в другой статье, опубликованной уже после написания этой работы. М.Е. Вейнбаум, в некрологе «А.А.Поляков», упоминает о Константинополе как о первом этапе русской эмиграции и говорит: «Там выходила французская газета «Пресс дю Суар». А.А. Поляков, С.И. Варшавский и, кажется, Ив. В. Калишевич умудрились при этой газете выпускать вкладной лист на русском языке» (*Новое Русское Слово* (Нью-Йорк), 1971, 18 октября).
- ¹⁵ Аверченко А.Т. Записки Простодушного, с. 127.

- ¹⁶ Вырезка из газеты без обозначения ее названия и числа. — *Архив Аверченко*.
- ¹⁷ Вырезка из газеты *Русское Дело* (София) без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ¹⁸ Так, например, в газете *Руль* (Берлин), 1923, 12 июля, находим заметку о ряде тяжелых и стеснительных ограничений, которым подвергались русские эмигранты в Болгарии до свержения правительства Стамболийского.
- ¹⁹ Ренников А. А. Аверченко. — *Новое Время* (Белград). Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ²⁰ Беседа с Арк. Аверченко (Сообщение «Русспресса» из Праги). — Вырезка из газеты *Русское Эхо* (Шанхай) без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ²¹ Вечер Аверченко. — Вырезка из газеты без обозначения ее названия и числа. — *Архив Аверченко*.
- ²² С. Ш. Аверченко у Београду. — Вырезка из сербской газеты *Време*, без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ²³ Вечера Аркадия Аверченко. — Вырезка из газеты без обозначения ее названия и числа. — *Архив Аверченко*.
- ²⁴ С. «Субботник». — Вырезка из газеты без указания ее названия и числа. — *Архив Аверченко*.
- ²⁵ Р. С. Заметка о прощальном вечере Аверченко в Белграде. — Вырезка из газеты без обозначения ее названия и числа. — *Архив Аверченко*.
- ²⁶ Ресија [Ресија Petroviè]. Arkadij Timofejeviè Averèenko. — Вырезка из неизвестной газеты (Загреб), 1922, июнь. — *Архив Аверченко*.
- ²⁷ Humoristièna predstava g. Arkadija Averèenka. — Вырезка (по-видимому, из загребской газеты *Rijeè*) без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ²⁸ Arkadij Awertschenko in Prag. — *Prager Presse*, 1922, 18 Juni.

Глава шестая

В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Столица Чехословакии была первым большим европейским городом на пути Аверченко из Константинополя. Город сразу произвел на него хорошее впечатление, а прием, оказанный ему не только местными кругами русской эмиграции, но и чехами, не мог не расположить к себе писателя. Заметки о приезде «известного русского писателя-юмориста» появились в многочисленных чешских газетах, чешские иллюстрированные журналы поместили его портреты, а интервью с Аверченко были напечатаны как в чешских газетах, так и в большой газете на немецком языке, пользовавшейся поддержкой чехословацких правительственных кругов, — *Prager Presse*. На вопрос сотрудника этой газеты П. Стена, как ему понравилась Прага, Аверченко ответил:

Я вам скажу по секрету — (этого не надо опубликовывать): я прямо-таки влюбился в Прагу, но я не признаю любви без взаимности. И пока Прага не высказалась в отношении меня — я скрою свое чувство в глубине сердца¹.

Как Аверченко пояснил дальше, ему особенно пришлось по душе, что Прага «такая копченая». По мнению писателя, «десятки городов дорого бы дали, чтобы так прокоптиться и приобрести благородный налет старины»².

Слова Аверченко, сказанные им в первые дни пребывания в чешской столице, оказались не только комплиментом, высказанным местному журналисту из вежливости. Аверченко очень скоро привязался к Праге, ставшей его постоянным местом жительства, и приобрел там многочисленных друзей и почитателей своего таланта как в русских, так и в чешских кругах. Из пражских друзей Аверченко здесь следует особенно отметить несколько лиц, много сделавших для популяризации литературного творчества писателя в Чехословакии и оказывавших ему много услуг до конца его жизни.

К этим новым друзьям Аверченко относится в первую очередь В.Ф. Швиговский, директор «Русспресса», и один из членов основателей Союза Русских Писателей и Журналистов в Чехословацкой республике, который взял на себя заботу по защите авторских прав Аверченко перед чешскими издателями. Затем — Константин П. Бельговский, журналист и пражский корреспондент ряда русских эмигрантских газет и местной газеты на немецком языке *Prager Presse*, писавший много статей и заметок об Аверченко и его деятельности. И, наконец, чешские писатели и журналисты В. Червинка и А. Неси своими переводами на чешский язык рассказов и пьес Аверченко и статьями о нем в чешской печати содействовали популярности русского писателя в Чехословакии.

Вскоре по приезде Аверченко в Прагу была закончена подготовка для его первого выступления перед местной публикой, которая была оповещена об этом через пражские газеты на чешском и немецком языках. Так, уже 22 июня в *Prager Presse* появилась заметка о том, что теперь определенно установлен день первого вечера Аверченко в Праге, который состоится 3 июля в Сметановом зале Обецкого Дома. Газета при этом отметила, что с литературными произведениями Аверченко пражская публика познакомилась уже давно, а теперь ей впервые будет дана возможность увидеть автора, выступающего в качестве актера в собственных пьесах.

Вечер 3 июля (на русском языке) имел большой успех, отмеченный в нескольких чешских газетах лестными для Аверченко рецензиями, а Бельговский озаглавил свою статью о пребывании писателя в Праге для софийской газеты *Русь* словами «Победа русского смеха». В ней он писал:

Я едва ли ошибусь, если скажу, что одним из наиболее ярких событий в Пражской жизни за последний месяц был приезд в Прагу короля русского смеха Аркадия Аверченко.

Несмотря на мертвый летний сезон, несмотря на то, что половина пражан разъехалась по дачам, а другая половина проводит дни у воды на обмелевшей Влтаве, Аркадий Аверченко сумел приковать к себе общее внимание, завоевать всю прессу от социалистической до национальной, и — о, небывалое явление в июле, — наполнить один из самых больших пражских залов — Сметанов своими почитателями и поклонниками.

С приездом Аркадия Аверченко мягкий русский смех зазвучал в Праге и увлек, развеселил не только русских, но и чехов, заставил просветлеть хмурые озабоченные лица, забыть все печальное в текущей невеселой жизни, отойти в сторону от повседневщины³.

После столь успешного выступления в столице Чехословакии Аверченко предпринимает под руководством импресарио Ж. большое турне по провинциальным городам республики. На основании собранных газетных заметок можно восстановить довольно точно отдельные этапы этой поездки и выступления Аверченко и его труппы в разных городах Чехословакии. Выехав из Праги в начале июля 1922 года, он вернулся в чешскую столицу только в первой половине сентября того же года.

Подобно тому, как это было в Праге, и в провинциальных городах Чехословакии местная нерусская печать всюду откликнулась на приезд русского писателя-юмориста, и корреспонденции о его успешных выступлениях продолжали появляться также и в больших чешских столичных газетах.

Брно, столица Моравии, была первым этапом чехословацкого турне Аверченко. Там он дал со своей труппой

два спектакля, из которых первый состоялся 13 июля. Приезд Аверченко в Брно, встреча, оказанная ему на вокзале, успешное выступление в Старом Театре и повторный вечер, — все это описано в нескольких корреспонденциях, появившихся в пражской газете *Lidove Noviny*. Как пишет в своей статье корреспондент этой газеты Эдвард Валента, когда поезд, в котором приехал Аверченко, остановился на станции, «послышались приветственные клики из уст нескольких десятков русских, бежавших по перрону»⁴.

Заканчивает Валента свою пространную статью следующими словами о том, какое впечатление на него произвела первая встреча с Аверченко:

Я не думал о том, что из вагона выходит великий писатель, я не думал о том, что это олицетворенный смех, я не замечал, что это эlegantный человек с добрым лицом, я видел только, что из вагона выходит человек великого чистого сердца⁵.

Короткая заметка в берлинской русской газете *Руль* о пребывании русского юмориста в Брно гласит:

Вечер Арк. Аверченко в Брно, столице Моравии, прошел при переполненном зале с исключительным успехом. По просьбе публики вечер будет повторен. Из артистов труппы Арк. Аверченко наибольшим успехом пользовалась г-жа Раич и г-н Искольдов⁶.

Сам Аверченко, видимо, был тронут восторженностью приема, который ему был оказан в Брно. В короткой открытке оттуда, адресованной Бельговскому, Аверченко писал:

Вечер состоялся. Он был хороший. Лучше, чем в Праге. Виновика торжества встречали так, что он минут пять стоял и кланялся. Еще бы пять минут и голова отвалилась бы, как спелая груша⁷.

Через городок Пардубицы Аверченко с труппой направился в Пильзен, где должны были состояться два выступления. Пардубицы, небольшой провинциальный городок, очевидно, ничем не заинтересовал гастролеров, и Аверченко оттуда писал Бельговскому:

Вы знаете, мы сейчас едем в Пильзен и пробудем там дней пять. Если удастся, я удеру к вам в Прагу, по которой соскучился. Какое болото эти Пардубицы, где мы находимся сейчас. Скоро Ж. устроит мой вечер в оазисе пустыни Калахари для десятка воющих шакалов и семьи берберийских львов. У Ж. жуткие планы насчет ряда таинственных городов⁸.

В Пильзене, как и предполагалось, Аверченко провел около пяти дней, в течение которых состоялись два театральные представления с той же программой, какая была показана в Праге. Вечера состоялись 21 и 25 июля, и короткие заметки о них появились в чешской газете *Èeský Denník*⁹.

За двумя вечерами в Пильзене последовали два выступления в городе Чешские Будеевицы, 27 и 28 июля, о которых сообщала газета *Republican*¹⁰.

Первоначально, когда Аверченко выехал из Праги в свое турне, предполагалось, что после гастролей в Чешских Будеевицах он со своей труппой отправится в Карпатскую Русь, чтобы там дать вечера в Ужгороде и Мукачеве. Однако по каким-то причинам этот план был изменен, и поездка в Карпатскую Русь была отложена на более поздний срок. Сообщая об этом своим читателям, ужгородская газета *Русская Земля* писала:

— Телеграмма! В последний момент, когда наша газета уже была в машине, получили мы от Аркадия Аверченко телеграмму, в которой сообщает нам, что его вечер юмора, назначенный на 1 августа т.г., не состоится, потому что Аверченко сейчас нарасхват приглашают многие города в Чехии и Моравии. Аркадий Аверченко приедет к нам в половине месяца августа. Аверченко сейчас в Чешских Будеевицах¹¹.

В соответствии с измененным маршрутом оказалось, что одним из «таинственных городов», о котором писателю говорил его импресарио, был город Моравская Острава, центр угольного района на северо-востоке Чехословакии. Здесь Аверченко и его труппа дали два вечера в местном театре, 9 и 11 августа. Об этих выступлениях

сохранилось больше откликов, чем о гастролях в Пильзене и Чешских Будеевицах. Местные газеты *Moravsko-Slezský Denník* и *Moravsko-Slezský Veðerník* поместили на своих страницах несколько заметок и рецензий о вечерах, сохранившихся в виде вырезок в архиве писателя.

О впечатлениях самого Аверченко от пребывания в Моравской Острове можно судить лишь по кратким юмористическим строкам из его письма оттуда:

Здесь столько угля, что у всех жителей в носах, ушах и легких — есть по доброму килограмму этого полезного топлива. Думаю открыть разработку — хотите в компанию?¹²

Следующий этап турне — столица Словакии, город Братислава, куда Аверченко и его труппа прибыли 15 августа и где состоялись два юмористических вечера в Словацком Национальном Театре, 21 и 23 августа. На приезд Аверченко в Братиславу откликнулась не только местная печать. В отделе «*Bühne und Kunst*»* берлинской газеты *Berliner Zeitung am Abend* появилась корреспонденция из Братиславы от 18 августа, в которой давались биографические сведения об Аверченко и говорилось о его литературной деятельности, причем статья начиналась следующими словами оценки писателя:

In Bratislava weilt seit drei Tagen der beste gegenwärtige russische Humorist und Satiriker Arkadij Timofejewitsch Awertschenko, dessen Werke in alle europäischen Sprachen übertragen wurden und sich überall grosser Beliebtheit erfreuten¹³ **.

Можно отметить как курьез тот факт, что некоторые другие газеты, очевидно, имели довольно смутное представление о том, кто такой Аверченко, и местная немец-

* «Сцена и искусство» (нем.).

** Вот уже три дня в Братиславе находится лучший современный русский юморист и сатирик Аркадий Тимофеевич Аверченко, произведения которого переводились на все европейские языки, пользуясь повсюду большой популярностью (нем.).

кая газета *Pressburger Zeitung*, отмечая приезд русского юмориста, писала о нем как о женщине.

Выясняется это забавное недоразумение из письма Аверченко в редакцию газеты *Slovenský Denník*. В своем письме Аверченко говорил:

Уважаемый господин редактор! В №59 «*Pressburger Zeitung*» появились обо мне заметки, в которые вкралась небольшая ошибка. Пишут там обо мне, что я — женщина, но у меня есть важные причины утверждать обратное. Опасаясь приставания со стороны уличных ухажеров и вообще всевозможных недоразумений, прошу точным образом довести до всеобщего сведения мой пол: я — мужчина и в течение всех 38 лет своей жизни не наблюдал никаких отклонений от этой застарелой привычки.

Аркадий Аверченко¹⁴.

Приезду Аверченко в Братиславу особенно много места на своих страницах уделило несколько венгерских газет, в которых появились интервью с остановившимся в гостинице «Савой» русским писателем. Из всех изложений этого интервью, данного 18 августа, наиболее полное и представляющее интерес находим в статье журналиста Майор Дежсö в газете *Jövö*.

Как сообщает Майор Д., Аверченко особенно охотно высказывался насчет политического положения на его родине. «Современная Россия, — сказал писатель, — это одна ложь», и объяснил, что страна, где люди не могут смеяться, не может быть здоровой¹⁵.

На вопрос относительно русских писателей, классиков и современных, Аверченко говорит, что он считает величайшим русским писателем Достоевского, который вместе с тем, по его мнению, является мировым гением и достоянием всего человечества. Высказываясь о писателях современных, Аверченко рассказывает, что лично был знаком с Леонидом Андреевым, Куприным, Горьким, Арцыбашевым и Чириковым и что наиболее выдающимся из них считает Леонида Андреева. Что касается Горького,

то, вполне признавая его писательский талант, Аверченко думает, что его поступки в настоящее время недостойны честного человека. Из писателей мировой литературы он особенно ценит Диккенса, считая его настроение ближе всего русскому характеру. Из венгерских писателей знает Йокаи и Мольнара¹⁶.

Очевидно, под влиянием соприкосновения с рядом венгерских журналистов, с которыми он вел продолжительную беседу, Аверченко в своем очередном письме в Прагу специально упоминает в обычной для него шуточной форме о своих попытках объясняться по-венгерски. Его письмо из Словакии начинается так:

Я теперь «глоб-троттер»*. Если не знаете, что это такое, то спросите у англичан, а мне объяснять нет места: открытка маленькая, а я большой, а если заклеить меня открытками, то на это пойдет альбома два-три. Пытаюсь говорить по-мадьярски и этим вызываю всеобщее молчаливое изумление¹⁷.

Покинув Братиславу и направляясь к конечной цели турне, Аверченко остановился в Словенских Кошицах. По случаю приезда русского юмориста местная словенская газета поместила приветственную статью своего сотрудника, которая заканчивалась патетически звучащими словами:

Приветствуем вас как апостола русского народа, как привет великой надежды, которая является спасительницей в отчаянии. Здравствуйте!¹⁸

В той же газете затем была напечатана и более пространная статья, озаглавленная «Разговор с Аркадием Аверченко», из которой читатели могли узнать биографические сведения о писателе и его отношении к большевизму. В конце беседы, происходившей в редакции газеты, Аверченко спросили, почему он до сих пор не женился. На это он ответил следующим образом:

* Глоб-троттер — путешественник по земному шару (*Прим. ред.*).

Мой принцип таков: кто хочет жить, как человек, и умереть, как собака, пусть остается холостым. Кто же хочет жить, как собака, и умереть, как человек, тот женится¹⁹.

Эти слова Аверченко пояснил журналистам указанием на тот факт, что в дореволюционной России существовала большая разница между взаимоотношениями супругов в крестьянской среде и в кругах городской интеллигенции. В то время как в деревне муж был полновластным господином своей жены, городской интеллигент, наоборот, часто был подвластен своей жене, женщине, обычно в высшей степени эмансипированной.

В Словенских Кошицах Аверченко и его труппа давали два вечера юмора, из которых второй состоялся 27 августа, после чего русские гастролеры уехали в Карпатскую Русь.

В Ужгороде, главном городе края, приезда Аверченко ожидали с нетерпением, которое усугублялось тем обстоятельством, что ожидавшееся в начале августа прибытие русского юмориста несколько раз откладывалось. Теперь, наконец, было окончательно установлено, что в Ужгороде, в городском театре, будут устроены два вечера юмора, а именно: 31 августа и 1 сентября. Извещая об этом своих читателей, местная газета *Русская Земля* писала, что она «надеется и верит, что все русские жители Ужгорода, невзирая на партийную принадлежность, придут порадоваться настоящему русскому юмору»²⁰.

Карпатская Русь вошла в состав Чехословацкой республики после окончания первой мировой войны в результате распада Австро-Венгерской империи. В начале 1920-х годов ряд вопросов, связанных с культурной автономией края и языком преподавания в местных школах, еще не был разрешен в форме, удовлетворяющей разные национальные группы. Острота противоречий между ними, а также национальные чувства части карпатороссов, находят выражение в статье, появившейся в газете *Русская Земля* в связи с приездом русского писателя. Сообщая своим читателям сведения о чехословацком турне Аверченко, сотрудник этой газеты говорит:

Аркадий Тимофеевич имеет случай повидать и узнать наш народ, убедиться воочию, что и за пределами России, на склоне Карпатских гор живет русский народ — у которого душа, сердце, язык — родные, — русские²¹.

Затем, сообщая биографические сведения о приехавшем писателе и отметив его литературный успех, автор статьи уделяет особое внимание тому, кто такой Аркадий Аверченко по своему национальному происхождению и каковы его политические взгляды, и сообщает читателям:

Аверченко сам — не «москаль», но коренной малоросс, точь-в-точь как мы, карпатороссы. Он беспартийный и политической не занимается. К малорусскому сепаратизму, т. зв. украинизму относится с самой отрицательной точки зрения²².

Пребывание Аверченко в Ужгороде не оставила без внимания и местная венгерская газета. Интервью с Аверченко, появившееся в этой газете под датой 30 августа, интересно тем, что венгерский журналист и здесь, как это случилось в Братиславе, особенно интересовался русскими писателями и теми из них, которые предпочли жизни в условиях большевицкого террора и цензуры участь изгнанников. К этим писателям-эмигрантам Аверченко причислял Куприна, Мережковского, Амфитеатрова, Бунина, Гиппиус, Сургучева, Тэффи, Чирикова. «А Максим Горький?» — спросил венгерский журналист. На это Аверченко сказал:

Горького не считаю эмигрантом, он просто человек конъюнктуры. Когда дела в Совдепии шли хорошо, он был пламенным большевиком; когда же дела пошли хуже, он без зазрения совести покинул коммунистическую родину²³.

После второго спектакля в Ужгороде, при содействии общества «Боянь», в помещении общества «Русское Касино» в честь Аверченко был устроен прощальный вечер, на котором присутствовала многочисленная русско-чешская публика. Чествование русского писателя носило характер манифестации славянского единства, о которой газета *Русская Земля* писала следующим образом на своем своеобразном русском языке с примесью местных диалектизмов:

Было произнесено несколько речей, в которых подчеркивалось, что мы, карпатороссы с чехами, — славяне, а не ракушаки, что мы хотим и будем жить дружно и в братской любви, а будем презирать махинации ракушак. И если между нами будет любовь — будет счастлив и доволен и наш карпаторусский народ и чешский братский народ не будет опасаться «ирриденцы» или ненависти со стороны русского народа. Хотим верить, что вечера Аверченка положили угольный камень для нового сближения нас, карпатороссов, с чехами²⁴.

За день до прощального чествования в Ужгороде Аверченко писал оттуда в Прагу:

Еще сегодня и завтра Ужгород, послезавтра Мукачево, и мы с треском и шумом влетаем в Прагу. «То-то весело будет в подпольи», как говорил Жуковский. Получили ли вы «Русскую Землю» — там мой новый фельетон о мадыарском языке. Становлюсь лингвистом. Корректурка ужасная, но люди в Ужгороде теплые²⁵.

В субботу, 2 сентября, в городском театре в Мукачево был устроен единственный вечер Аверченко²⁶, который на этом закончил свое первое чехословацкое турне и вернулся со своими спутниками в Прагу, по которой он так соскучился.

Подводя итоги двухмесячного турне Аверченко, во время которого с его произведениями, его юмором и с ним лично смогли познакомиться не только русские эмигранты, но и многочисленная публика разноплеменного славянского населения Чехословакии, Бельговский дал такую оценку выступлениям русского писателя:

Аркадий Аверченко делает в настоящее время большое, огромное дело для России. И не только потому, что он ведет жестокую борьбу с поработителями и насильниками России — большевиками, не только потому, что он своим ласковым смехом вливает бодрость и энергию в души уставших и отчаявшихся, не потому, что он клеймит жестоко и беспощадно все злое, низкое, а потому, что приоткрывает завесу над скрытым в настоящее время лицом истинной России — честной, доброй, всепро-

щающей; бичуя Россию поддельную, фальшивую, он резко и яснее выделяет лучшие черты истинной России²⁷.

Возвращение в Прагу означало для Аверченко лишь кратковременный отдых, за которым последовала обычная для него напряженная работа — журналистическая и артистическая.

Уже в сентябре газета *Prager Presse* сообщает своим читателям, что ей удалось привлечь в число своих постоянных сотрудников «широко известного» русского писателя Аркадия Аверченко, теперь постоянно проживающего в Праге. Помещая по этому поводу на страницах того же номера интервью с Аверченко, газета говорит о писателе как о высоком полном брюнете с ясным, открытым взглядом, охотно отвечающем на задаваемые вопросы. Первый из них был: «Ваша национальность?» — на что писатель отвечал:

До революции одесские евреи говорили обо мне: «Аверченко так хорошо пишет потому, что он еврей», а черносотенцы писали: «Аверченко пишет хорошо, хотя он еврей». Я должен сознаться в том, что я ввел в заблуждение и тех и других: я — русский²⁸.

Вслед за оповещением о сотрудничестве Аверченко в *Prager Presse* на страницах этой газеты стали еженедельно появляться новые рассказы и фельетоны писателя в переводе на немецкий язык. Некоторые из этих фельетонов, как, например, «Чехи» и «Кнедлики», были посвящены юмористической характеристике чехов, и появление этих новых произведений русского писателя с удовлетворением отмечалось в чешских газетах.

Однако то обстоятельство, что именно в газете *Prager Presse* были напечатаны рассказы о чехах, в которых они изображались как вежливый, невозмутимый и терпимый к своим критикам народ, приходящий в ярость лишь тогда, когда хулят их любимое блюдо — кнедлики, вызвало довольно недружелюбную отповедь со стороны другой местной газеты, немецкой не только по языку, но и по духу.

Эту газету возмутило то, что в сопроводительных строках к фельетону Аверченко назвал издательство *Prager Presse* «симпатичным», а его редактора «талантливым».

«Конечно, — иронически признается в статье немецкой газеты, — могут существовать и люди, находящие симпатичным издательство, которое плывет под вывеской немецкой фирмы, но содержится на правительственные деньги для того, чтобы клеветать на немцев и причинять им неприятности». Но, по мнению той же газеты, Аверченко, прежде чем расточать комплименты, должен был собрать соответствующие сведения. А что касается похвалы чехам, которых будто бы ничем нельзя вывести из себя, то газета советовала русскому писателю попробовать громко запеть на улице чешского города немецкую песню или спросить о чем-либо по-немецки завязатого чешского национал-демократа. «Такая попытка вывела бы и Аверченко из себя в большей степени, чем это было бы ему приятно», — замечает немецкая газета²⁹.

Так, уже в первые годы своего эмигрантского существования русский юморист очутился «среди двух огней» за похвальный отзыв о народе, радушно его принявшем в своей стране.

Одновременно с журналистической деятельностью шла подготовка вечера юмора (на русском языке) в одном из пражских театров. Вечер состоялся 26 сентября в Ставовском Театре, и рецензии о нем появились в ряде чешских газет, а также в *Prager Presse*, писавшей, что сам автор успешно выступал в своих одноактных пьесах и что некоторые из этих пьес психологически довольно хорошо обоснованы. Вместе с этим рецензент отметил, что драматизированные юморески Аверченко несколько теряют в «своей естественной и наивной веселости», когда их разыгрывают на большой сцене. Не удовлетворила рецензента и режиссура. Говоря об этом, он заканчивает свою статью следующими словами:

Die Regie liess leider viel zu wunschen übrig und die Schauspieler zeigten mehr guten Willen als ernste Kunst. Herr

Awertschenko trat auch als Kabarettier auf und rief mit seinen Anekdoten viel Heiterkeit hervor³⁰ *.

Прожив в Праге с месяц, Аверченко во второй половине октября отправился в Берлин. Прибыв туда в воскресенье, 22 октября, Аверченко в тот же день выступил на закрытом вечере, устроенном в его честь Союзом Русских Журналистов и Литераторов для своих членов и их семей в помещении ресторана «Лейтгауз». Члены Союза встретили своего приехавшего собрата шумными аплодисментами. Собрание открыл И. В. Гессен, который в своем приветственном слове отметил, что «Аркадий Аверченко, несмотря на все тяжелые переживания последних лет, сохранил в себе бодрость духа и свежий неисчерпываемый юмор»³¹.

Аверченко прочитал на вечере несколько своих рассказов и вызвал смех, «давно уже не слышанный на русских собраниях»³².

В последующие дни своего пребывания в Берлине Аверченко дал два открытых вечера в зале «Брюдерфрейнгауза», 25 и 27 октября, на которых артистками Муравьевой, Раич и Токарской и артистами Искольдывым, Кваниным и Налетовым были разыграны пьески Аверченко, в числе которых были «Сердцеед» (с участием автора) и «Приглашение в концерт»³³.

Сообщая о своем пребывании в Берлине, Аверченко писал в Прагу:

Я действительно в Берлине. Город небольшой, но смешной — играю я не в Берлине, а в Шарлоттенбурге — назван так по-немецки, а по-русски — «город шарлатанов». Вчера меня чествовали — скоро совершенно привыкну к роскошной жизни. Кормят всюду замечательно, а денег ни у кого нет. По Праге очень скучаю, потому что она милая, и потому, что здесь никто не понимает чешского языка, — зря я учился, что ли!³⁴

* К сожалению, режиссура, пожалуй, оставляла желать много лучшего, и актеры проявили больше доброй воли, чем серьезного искусства. Г-н Аверченко выступил как артист кабаре и своими остротами вызвал большое веселье (*нем.*).

На исходе 1922 года Аверченко мог отметить еще один успех. В ноябре на сценах нескольких чешских театров была поставлена — в первый раз на чешском языке — его трех-актная комедия «Игра со смертью» в переводе В. Червинки.

Пьеса впервые шла по-чешски 16 ноября на провинциальной сцене, в Народном Театре в Моравской Остраве. Местный рецензент, давая отчет о спектакле, о достоинствах пьесы и игре артистов, закончил свою рецензию словами:

Думаю, что Аверченко мог бы быть удовлетворен исполнением его пьесы на нашей сцене и что он не был бы разочарован тем, как артисты восприняли и поняли свои роли³⁵.

В самой Праге премьера «Игры со смертью» состоялась 29 ноября в Виноградском Городском Театре в постановке режиссера Б. Кривецкого. Спектакль прошел весьма успешно, публика вызывала автора несколько раз, а местная печать — чешская и немецкая — поместила о премьере пространные рецензии, в которых были отмечены как достоинства, так и слабые места комедии и игры артистов. Подчеркивая занимательность пьесы и отсутствие в ней каких-либо нравоучительных или глубоко психологических элементов, рецензент *Prager Presse* закончил свою статью словами:

Unser russischer Gast hat mit seinem Spiel wohl kein anderes Ziel verfolgt, als das Publikum angenehm zu unterhalten — was ihm auch in vollem Masse gelungen ist³⁶ *.

Хлопотливый, полный новых впечатлений и переездов из одного незнакомого места в другое, — первый год «глобтроттерства»**, Аверченко подходил к концу. Последний месяц этого года был, наконец, довольно спокойным, и писатель провел его, оставаясь в полюбившейся ему Праге.

* Наш русский гость едва ли преследовал какую-то цель, кроме желания доставить публике приятное развлечение, в чем он вполне преуспел (нем.).

** См. сноску на с. 108.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Sten Paul. Unterredung mit Awertschenko. — *Prager Presse*, 1922, 20 Juni, № 166. Слова из беседы приводятся в переводе на русский язык.
- ² Там же.
- ³ Бельговский К.П. Победа русского смеха. — Вырезка из газеты *Русь* (София) без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ⁴ Valenta Edvard. Veliký smích na prknech. — Вырезка из газеты *Lidove Noviny* (Praha) без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ⁵ Русский перевод слов Э. Валенты в статье Бельговского К.П. «Победа русского смеха» в газете *Русь* (София).
- ⁶ Заметка в газете *Руль*. — Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ⁷ Бельговский К.П. Письма Арк. Аверченко. — *Иллюстрированная Россия*, 1926, № 10, с. 6—7.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Вырезка из названной газеты без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ¹⁰ Вырезка из названной газеты без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ¹¹ Вырезка из названной газеты без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ¹² Бельговский К.П. Письма Арк. Аверченко.
- ¹³ Вырезка из названной газеты без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ¹⁴ Письмо в редакцию Аркадия Аверченко в переводе на русский язык. Вырезка из названной газеты. — *Архив Аверченко*. Слова Аверченко о том, что ему 38 лет в 1922 году, один из тех случаев, которые, по-видимому, давали повод иногда указывать год рождения писателя 1884, а не 1881. Так поступили и его пражские друзья при сооружении памятника на его могиле, отметив в надписи, что Аверченко родился в 1884 году. Вместе с тем, как указывалось выше, было бы правильно считать, что он родился в 1881 году.
- ¹⁵ Major Dezső. Beszélgetés Arkadij Avercsenkovál. — Вырезка из газеты *Jövő* (Братислава), [1922, 18 августа]. — *Архив Аверченко*.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Бельговский К.П. Письма Арк. Аверченко.

- ¹⁸ Sukovský. Zdrastvujte! — Вырезка из газеты *Slovenský Východ* (Košice) без указания числа. — *Архив Аверченко*. Заключительные слова статьи приводятся в переводе на русский язык.
- ¹⁹ D k. Rozhovor s Arkadijom Avereňkom. — Вырезка из газеты *Slovenský Východ* (Košice) без указания числа. — *Архив Аверченко*. Слова писателя приводятся в переводе на русский язык.
- ²⁰ Вырезка из газеты *Русская Земля* (Ужгород) без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ²¹ Г. С-ычъ. Аверченко среди нас. — *Русская Земля* (Ужгород), 1922, 18 (31) августа.
- ²² Там же.
- ²³ Egu zokogó humorista. — Вырезка из газеты *Uj Közlöny* (Ужгород), 1922, 30 августа. — *Архив Аверченко*. Цит. слова приводятся в переводе на русский язык.
- ²⁴ Вырезка из газеты *Русская Земля* (Ужгород) без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ²⁵ Бельговский К. П. Письма Арк. Аверченко.
- ²⁶ Аркадий Аверченко в Мукачеве. — Вырезка из газеты *Русская Земля* (Ужгород) без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ²⁷ Бельговский К. П. Письма Арк. Аверченко.
- ²⁸ Tagesbericht. — *Prager Presse*, 1922, 16 September. Заметка приводится в переводе на русский язык.
- ²⁹ Arkadij Awertschenko und die Prager Presse. — Вырезка из газеты *Socialdemokratischer Volksfreund*, 1922, 27 September. — *Архив Аверченко*. Содержание заметки приводится в переводе на русский язык.
- ³⁰ T. Tschechisches Theater: Awertschenko. — *Prager Presse*, 1922, 28 September, № 266.
- ³¹ Вырезка из газеты *Пуль* без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Бельговский К. П. Письма Арк. Аверченко.
- ³⁵ Z.D. Arkadij Avereňko: Hra sa smrtí (Narodní divadlo mor. — Slezské, 16. 11). — Рец. в газете *Moravsko-Slezsky Denník* (Brno). — Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ³⁶ Awertschenko-Uraufführung: Das Spiel mit dem Tode. — *Prager Presse*, 1922, 1 Dezember, № 330.

Глава седьмая

ГАСТРОЛЬНЫЕ ПОЕЗДКИ

Новый, 1923 год, Аверченко встречал в Берлине, специально приехав туда из Праги для участия в «Новогодней встрече у юмористов». Она происходила в залах «Скала», переполненных берлинской русской публикой. Вечер открыл юморист Лери, конферировала Тэффи, разыграна была пьеска Аверченко «Птичья головка», а ее автор, кроме того, выступал как рассказчик, сменяясь с Тэффи¹.

Берлинские дни Аверченко были первым этапом большого турне по новообразовавшимся после первой мировой войны восточноевропейским государствам, в каждом из которых проживало или довольно многочисленное коренное русское население, или сосредоточились колонии русских эмигрантов.

В сопровождении супружеской четы — артистки Раич и артиста Искольдова — Аверченко выехал из Берлина в Прибалтику, где первой остановкой турне был город Ковно (по-литовски Каунас, столица Литовской республики). Прибыв сюда в первой половине января и давая первое интервью представителю местной русской газеты, Аверченко на вопрос о том, куда он едет дальше, отвечал:

Мне все равно. Раньше я был русским гражданином и для меня поездка из Петербурга в Третье Парголово была

подвигом. А теперь я гражданин мира, и страны мелькают передо мной, как придорожные столбы. Земной шар сделался мал. За последние три года он высох и съезжился, как старый лимон².

Журналист дальше поинтересовался узнать, где Аверченко учился актерскому искусству, и услышал в ответ от писателя:

У большевиков. Не будь их — мне и в голову бы не пришло так энергично вступить на подмостки³.

Следующий вопрос, с которым обратились к Аверченко, касался его отношения к большевизму, на что он пояснил:

Это дело вкуса. Некоторым и индийская чума нравится. В особенности, если она не у него, а у его соседа⁴.

Под конец интервью, подтвердив расспрашивавшему его журналисту, что Ленин действительно похвалил одну его книгу, Аверченко сказал насчет этого следующее:

Очень похвалил. Я, прочитав статью, сразу же организовал «Общество защиты от ласкового обращения»⁵.

В Ковно состоялись два вечера Аверченко и его ансамбля. Давая рецензию о первом вечере, сотрудник местной газеты А. Панин писал:

Имя Арк. Аверченко, одного из популярнейших современных русских писателей, привлекло массу публики, которой было интересно увидеть «живого Аверченко», и, судя по настроению в зрительном зале, она не разочаровалась: Аверченко не только талантливый юморист, но и прекрасный рассказчик. Его чтение все время прерывалось дружным смехом слушателей⁶.

Второй вечер, данный 15 января, как писала та же русская газета, прошел с неменьшим успехом, чем первый.

Из Литвы путь Аверченко и его спутников шел в Латвию. В ее столице — Риге, самом большом и многолюдном городе из трех прибалтийских стран, с многочисленным коренным русским населением и постоянным рус-

ским театром, можно было рассчитывать на несколько успешных гастролой.

Приезд русского писателя и его пребывание в Риге были отмечены разноязычной печатью города. Одна из самых больших русских газет зарубежья, *Сегодня*, поместила заметку о приезде Аверченко и затем дала ряд статей и рецензий по поводу его выступлений. Латышский иллюстрированный еженедельник в связи с предстоящими гастрольями писателя в Театре Русской Драмы поместил его портрет. Другие местные русские газеты тоже поместили рецензии о выступлениях Аверченко, а об одном из вечеров дал обзор в немецкой газете известный театральный критик О. Гросберг.

После первого гастрольного выступления в Театре Русской Драмы в пятницу, 19 января, редакция газеты *Сегодня* предложила Аверченко самому написать отчет о спектакле, что он и сделал в виде фельетона, в заключении которого речь идет о том, как играл на сцене сам писатель. Вот как это звучит в изложении самого Аверченко:

Скажут ему:

— Плохо вы играете, молодой человек!

— А мне что? Я писатель, а не актер.

А если кто-нибудь из читателей заметит:

— Отвратительный вы написали рассказ, Аркадий Тимофеевич!

— Это не моя специальность, — скромно возразит Аверченко, — я, в сущности, актер.

Есть люди, которые даже в погребальной колеснице устраиваются удобно и уютно⁷.

Ввиду большого успеха двух вечеров, устроенных согласно первоначальному плану в Театре Русской Драмы, на которых его одноактные пьески разыграли приехавшие с ним артисты и артистки рижского театра, а он сам выступал и как актер, и как рассказчик (19 и 25 января), состоялся также дополнительный, прощальный вечер Аверченко в субботу, 27 января, в помещении того же театра.

Рецензии в местных русских газетах были без исключения весьма благоприятны для гастролера как автора, рассказчика и актера, и в этих рецензиях обычно отмечалось, что публика сопровождала каждое выступление Аверченко шумными аплодисментами.

Несколько иное впечатление оставила игра Аверченко на немецкого критика, который заметил, что:

Herr Awertschenko hat sich als Schauspieler weniger bewährt, als auf seinem angestammten Felde⁸ *.

Из той же немецкой рецензии явствует, что две из разыгранных пьесок понравились автору заметки, в то время как две другие ни по своему содержанию, ни по исполнению его не удовлетворили.

Наконец, чтобы дать по возможности полную сводку оценок и впечатлений от выступлений Аверченко и чтобы отметить различное восприятие программных номеров его вечеров русскими и иностранными критиками, уместно будет привести заключение рецензии немецкого критика, гласящее:

Ein Awertschenko-Abend ist mit einem Feuerwerk zu vergleichen; man sieht da Leuchtraketen aufsteigen, Brillantlichter verstreuen Leuchtkugeln des Witzes und Fontänen glänzender und überraschender Einfälle sprühen auf. Es gibt dröhnende Kanoneschläge und den Beschluss macht ein pot à feu von Bonmots. Wenn das alles verpufft und verknallt ist, dann geht man nach Hause und behält in Erinnerung das dürre technische Gerüst, an welchem die Feuerwerkskörper befestigt gewesen waren⁹ **.

* Как актер г-н Аверченко проявил себя не столь ярко, как в своей собственной области (*нем.*).

** Любой вечер Аверченко можно сравнить с фейерверком: мы видим, как взмывают осветительные ракеты; разлетаются подобные бриллиантам огненные шары остроумия; бьют фонтаны блистательных парадоксов. Гремят пушечные выстрелы, а в заключение все озаряется потоком остроумия. Когда же все отсыяло и отшумело, мы уходим домой, унося в памяти сухую техническую основу, на которой держались все эти фигуры фейерверка (*нем.*).

За время пребывания Аверченко в Риге, кроме трех вечеров, на которых он сам выступал, 23 января в Театре Русской Драмы состоялся бенефис артистки труппы этого театра Елены Маршевой, выступившей в постановке комедии Аверченко «Игра со смертью».

Критика отметила, что роль артистки в этой пьесе не дала ей возможности развернуть все стороны своего таланта, а относительно самой пьесы было сказано, что ее достоинства — интригующая завязка, живой и остроумный диалог, в то время как ее слабые стороны — водевильность приемов и растянутость актов¹⁰.

Положительных указаний насчет того, ограничилось ли пребывание Аверченко в Латвии одними лишь гастролями в Риге или он успел выступить также и в провинциальных городах страны со значительным русским населением (как, например, г. Двинск), — не удалось найти. Известно только, что после пребывания в Риге, закончившегося прощальным вечером 27 января, Аверченко со своими спутниками в первой половине февраля приехал в Эстонию.

В Ревеле, столице Эстонии (по-эстонски Таллин)*, Аверченко встретился со своим старым приятелем, писателем и журналистом Петром Пильским, который проживал тогда в этом городе, сотрудничая в местной русской газете *Последние Известия*. Из нескольких статей в этой газете, посвященных приезду Аверченко в Ревель, а также из воспоминаний Пильского, можно в общих чертах восстановить отдельные моменты пребывания русского юмориста в Эстонии.

О встрече с Аверченко Пильский вспоминает:

Почти тотчас же по приезде он пришел в редакцию. Мы встретились после многих лет разлуки, не выдав друг друга более пяти лет. Аверченко был все тот же¹¹.

После первого его вечера в Ревеле (который, по-видимому, состоялся 5 февраля), два рецензента русской

* Автор использует написание, принятое в период работы над диссертацией. (Прим. ред.)

газеты коснулись вопроса об игре Аверченко на сцене и, в общем, дали весьма схожие оценки его как актера. Вот как об этом пишет Пильский:

Но Аверченко-актер предстал передо мною впервые [...] Сила Аверченко — совсем не в этом сценическом артистизме. Его сила — в каком-то особом гипнотизме юмориста. Он — заразителен, ярок, прост, натурален и искрометен. И этими радостями, этим ровным сиянием таланта был пронизан весь его вечер¹².

Приблизительно так же отзывается об игре Аверченко другой рецензент той же газеты Леонид Лучинин, говоря:

Мне не хотелось бы разбирать Аверченко как актера. Именно в нем нет актерства [...] Личины он не носит, и перевоплощения в нем нет.

Да этого для него и не нужно.

Юмор Аверченко на сцене, в личном его толковании, — тот же, что в его книгах, фельетонах, шутках [...]

Все, что рассказывал, представлял, играл в свой вечер Аверченко в Драма-Театре, было интересно, как ожившая книга его рассказов¹³.

Эти оценки русских критиков перекликаются с замечаниями литературного критика местной немецкой газеты, который в своей заметке о вечере Аверченко писал:

Awertschenko gehört zu den mit der Patengabe des Humors Beschenkten, die dieses Feengeschenk mit ihren Mitmenschen durch die Feder zu teilen berufen sind [...]

Da verschlägt es wenig, dass er kein genialer Schauspieler ist und auch als Erzähler nicht an den grossen Masstab gemessen werden darf. Er lässt uns lachen, das genügt und ist, besonders in unseren Zeiten, mehr als wenn er uns weinen lassen würde¹⁴.*

* Аверченко принадлежит к тем наделенным добрым даром юмора людям, которые призваны посредством своего пера делиться со своими ближними этим подарком феи [...].

Не так уж важно, что он отнюдь не является гениальным актером, да и не может считаться новеллистом крупного калибра. Он смешит нас, этого достаточно, и это важнее, — особенно в наше время, — чем если бы он заставлял нас плакать (нем.).

В Ревеле Аверченко дал в общей сложности три вечера, с той же, приблизительно, программой, как и в Риге, причем после третьего, прощального вечера в зале «Эстония» состоялось чествование писателя, в виде ужина по подписке, устроенного редакцией газеты *Последние Известия*¹⁵.

Между своими выступлениями в эстонской столице Аверченко успел съездить на гастрольные вечера и в провинциальные города страны: Юрьев (по-эстонски Тарту) и Нарву. Вечер в Нарве дал Аверченко повод к написанию фельетона, и об этом Пильский сообщает следующее:

Слегка, чуть-чуть его огорчила Нарва. Ему показалось, что с его спектакля взяли слишком большой налог. И со своей обычной беззаботностью, добродушно посмеиваясь, он написал об этом фельетон, а в нем говорил:

«Все знают, что я известен своей скромностью по всему побережью. Но вместе с тем не могу не удержаться, чтобы не похвастать: есть такой город, который я содержу на свой счет! Этот город — Нарва. Я приезжаю в город, привожу свою труппу, выпускаю афиши, снимаю театр, в день своего вечера играю пьесы, читаю рассказы, получаю за это деньги, и потом... все деньги аккуратно вношу нарвским отцам города. На мои деньги эти отцы благоустраивают мостовые, проводят электричество, исправляют водопровод и... ах, мало ли у города Нарвы нужд! И обо всем я должен позаботиться, все оплатить. Хлопотливая штука!»¹⁶

Воспоминания Пильского вообще содержат много интересного в смысле того, как Аверченко себя чувствовал в роли странствующего актера и как относился к своей судьбе. У Пильского находим по этому поводу несколько штрихов, вроде следующих:

Как страстно ни любил Аверченко театр, — крепко связанный с ним многообразными узами автора, зрителя, друга, — доля кочующего актера была не по нем и не для него¹⁷.

Вспоминая дальше о том, как он зашел к Аверченко перед началом первого ревельского спектакля в уборную, Пильский дополняет сказанное словами:

И вот тут, в эти короткие минуты, оставшиеся до поднятия занавеса, он пожаловался мне на свою актерскую тяготу. Ему были неприятны эти однообразные повторения одних и тех же пьес, эти переезды, упаковки и распаковки чемоданов, номера гостиниц, афиши, хождение за визами. Особенно надоело играть свои собственные вещи¹⁸.

Распрощавшись с Пильским, с которым ему уже не суждено было больше встретиться, после обеда в гостинице «Золотой Лев», в которой он остановился в Ревеле, Аверченко уехал на вокзал. Его поезд в Польшу отходил в 6 часов вечера.

Первый город в пределах тогдашней Польши, в котором Аверченко остановился по дороге в Варшаву, был Вильно* (по-литовски Вильнюс). Здесь, в Городском Зале, он дал со своей труппой два представления: 18 и 23 февраля. Местная русская газета *Виленское Утро* посвятила приезду писателя и его выступлениям несколько заметок, а перед отъездом на Белосток сотрудник газеты поинтересовался, как Аверченко понравился город. Он ответил:

Я могу считать себя старым виленцем, так как до войны приезжал сюда из Петербурга раза 4-5 на благотворительные концерты.

У меня к этому городу осталась некоторая слабость, как к памятнику моих первых сценических шагов¹⁹.

В Варшаве приезд русского писателя-юмориста был отмечен как польской печатью, оповещавшей своих читателей о том, что в польскую столицу приехал «знаменитый русский писатель Аркадий Аверченко»²⁰, так и местной русской газетой *За Свободу*. В этой газете также была помещена рецензия о первом выступлении Аверченко и его труппы, которое состоялось 25 февраля в кинотеатре «Рококо»²¹. После этого вечера гастролеры

* Город последовательно назывался: по-русски — Вильна, по-польски — Вильно, а по-литовски — Вильнюс. (*Прим. ред.*)

поехали на короткое время в Лодзь, чтобы затем снова вернуться в Варшаву.

В Лодзи спектакль Аверченко и его труппы был устроен в Зале Филармонии, который публика заполнила до отказа. Местные рецензии о спектакле (который проводился на русском языке), появились в лодзинской польской и немецкой газетах. Из заметки в польской газете узнаем, что ее читатели уже неоднократно имели возможность познакомиться с произведениями Аверченко, печатавшимися в польском переводе на страницах газеты, причем и в данном ее номере как раз давалось окончание одного из фельетонов²².

Рецензент лодзинской немецкой газеты, замечая, что репутация русского писателя, так же как и хорошая реклама, обеспечили вечеру переполненный зал, писал:

Und man ist auch so ziemlich zufrieden heimgegangen, denn die Russen haben ihre Sache ganz gut gemacht²³ *.

В Польше Аверченко провел целый месяц, дав по три вечера в Варшаве и Лодзи, а кроме того, выступив 10 марта в Ровно, где, как сообщала местная русская газета, «театр был переполнен свыше всякой меры, и многим не удалось попасть в зал. В проходах стояла толпа. Сбор был рекордный»²⁴.

В Варшаве Аверченко встретился с проживавшим там писателем Брешко-Брешковским, описавшим эту встречу в статье в связи с десятилетием смерти Аверченко. В статье этой находим упоминание о том, что он выезжал из Варшавы в провинциальные города Польши Ровно и Пинск²⁵.

Пребывание Аверченко в Польше закончилось его прощальным выступлением в Варшаве 24 марта, в Зале Техников, а затем он направился в Берлин²⁶.

В берлинской газете *Рувль* находим две заметки о том, что по дороге в Берлин Аверченко намерен остановиться

* И люди ушли домой, вполне довольные еще и тем, что русские очень хорошо справились со своим делом (нем.).

в Цоппоте*, где в конце марта предполагались два его гастрольных выступления²⁷. К сожалению, осталось невыясненным, удалось ли ему осуществить этот план. Известно только, что 11 апреля утром Аверченко прибыл в Берлин, где в тот же день вечером он участвовал в спектакле, устроенном в пользу Союза Русских Журналистов и Литераторов в Германии в помещении театра «Синяя Птица». На этом вечере в роли конферансье чередовались Южный и Аверченко, причем об успехе последнего *Руль* писал:

Аверченко — прекрасный, первоклассный рассказчик, и не мудрено, что публика не отпускала его с подмостков, требуя все новых и новых рассказов²⁸.

В Берлине Аверченко оставался не менее недели и за это время вел там переговоры относительно постановки его пьесы «Игра со смертью» в каком-либо немецком театре, а также насчет своих дальнейших гастрольных поездок.

Что касается первого дела, то в берлинском *Руле* появилось сообщение о том, что 14 апреля после спектакля в театре «Синяя Птица» Аверченко в том же помещении читал свою комедию, которая предполагается к постановке в одном из берлинских театров²⁹. Сведения об этом дошли через некоторое время и до Нью-Йорка, где выходящая там газета *Новое Русское Слово* поместила заметку следующего содержания:

А. Аверченко передал обществу «Русская Трибуна» в Берлине для перевода и устройства на местной сцене свою новую комедию «Игра со смертью». Перевод поручен Ф. Р. Яроши³⁰.

В связи с планами Аверченко предпринять еще несколько гастрольных поездок впервые упоминается воз-

* Когда Аверченко поехал в Цоппот, то этот курорт находился на территории Вольного города Данцига, где официальный язык был немецкий. Имеется в виду современный Сопот. (*Прим. ред.*)

возможность его приезда в Соединенные Штаты. Слухи об этом нашли отражение в заметке в газете *Руль*, в которой говорится:

Арк. Аверченко подписал контракт с антрепризой Мери Бран и Е. Искольдова на большое турне по Румынии, Сербии, Болгарии, Чехии и Франции. Для участия в вечерах А. Аверченко приглашена его постоянная партнерша Р. П. Раич. Турне начнется в сентябре и закончится гастролями в Америке 1 февраля 1924 г. В начале июня А. Аверченко даст два вечера в Цоппоте³¹.

Сведения, сообщенные *Рулем*, были преувеличенными и неточными, так как, судя по тому, что известно о последующих поездках Аверченко, можно заключить, что речь шла о предварительных проектах и пожеланиях, а не о точно выработанных этапах и датах турне, действительно зафиксированных в контракте.

Надо полагать, что после короткого пребывания в Берлине Аверченко вернулся в Прагу, где отдыхал от своей продолжительной и утомительной поездки по окраинным государствам. Когда именно он поехал из Праги в Цоппот и как долго он там прожил — неясно. Весьма вероятно, что его пребывание в этом приморском курорте было довольно продолжительным, так как именно там он писал и закончил свой роман «Шутка Мецената». На некоторую продолжительность пребывания в Цоппоте указывает, как будто, и другое небольшое обстоятельство. Дело в том, что в Цоппоте Аверченко остановился не в гостинице, как он это сделал бы, если бы приехал только на несколько дней. Он снял в Цоппоте комнату в частном доме, адрес которой указан на первой странице записной книжечки с разными адресами знакомых Аверченко, сохранившейся в архиве писателя и, видимо, приобретенной в Цоппоте.

Предполагавшиеся в июне гастроли Аверченко в этом курорте, очевидно, не состоялись в этом месяце, а только в июле. Так, в начале этого месяца газета *Руль* помещает заметку следующего содержания:

В Цоппоте находится Аркадий Аверченко, заканчивающий свой новый роман. В пятницу, 6 июля, в городском театре в Цоппоте состоится вечер Аркадия Аверченко при участии Р. П. Раич, Н. Валимовой, М. Чернова, Павла Троицкого, Александра Волошина и Е. Искольдова³².

В одном из своих писем в Прагу Аверченко описывает свой образ жизни в Цоппоте следующими юмористическими строками:

Ни разу в кинематографе не был. Это, тебе, не Прага. Веду себя, как Франциск Ассизский. Скоро доберусь до Праги, и тогда удивлю своей расцветшей красотой и изяществом поз. Пока же послезавтра еду в Ригу один. Страшно!³³

Неясно, как долго Аверченко еще прожил в Цоппоте. Известно лишь, что он вернулся в Прагу, так и не съездив в Ригу.

Более точные следы путешествий писателя удастся найти с сентября, когда началось его турне по Румынии, последнее в 1923 году. Оно оказалось самой неприятной из всех предпринятых им за годы эмиграции гастрольных поездок и было связано со множеством хлопот по преодолению въездных формальностей, а потом — с необходимостью уладить инцидент, носивший характер почти что политический.

Турне Аверченко по Румынии устраивал антрепренер Н. Золотарев, натолкнувшийся на затруднения при получении виз для писателя и его труппы. Приезд Аверченко в Бухарест поэтому несколько раз откладывался. Эти изменения сроков прибытия Аверченко в Румынию породили разнообразные слухи, нашедшие отражение в бухарестской русской газете, в которой появилась заметка, озаглавленная «Грипп или виза». В заметке говорилось следующее:

Приедет или не приедет Аркадий Аверченко? «Голос» уверяет, что А. Аверченко, мол, в Бухаресте и что он, якобы, заболел гриппом... Но все это, конечно, не верно.

Гриппом заболел антрепренер Золотарев, а Аркадий Аверченко заболел не гриппом, а «визой», и не в Бухаресте, а в Праге³⁴.

В конце концов виза все же была получена, и Аверченко через Бухарест приехал в Кишинев, о чем сейчас же появилось известие в берлинском *Руле* в виде заметки, гласившей:

В Праге получена из Кишинева телеграмма о приезде туда Арк. Аверченко. А. Аверченко удалось с большим трудом получить визу в Бессарабию, где он устраивает ряд вечеров своих пьес и рассказов³⁵.

В Кишиневе давно ожидали приезда Аверченко, и уже 23 сентября русский критик Леонид Добронравов, знавший писателя еще по Петербургу, по случаю его предстоящего выступления в Кишиневе написал в местной русской газете большую статью о характере литературного творчества Аверченко. Когда Добронравов писал свою статью, ожидалось, что первое выступление Аверченко в Кишиневе состоится 2 октября. Однако вечер этот, в конце концов, смог состояться только 6 октября.

Поместив об этом вечере рецензию, газета *Бессарабия* отметила, что, хотя вечер откладывался несколько раз, но «благодаря энергичному вмешательству Г.В. Пынти кишиневская публика смогла увидеть и услышать любимого писателя»³⁶. В этой же заметке было сказано, что переполнившая зал Пушкинского Театра публика устроила своему любимому юмористу такие овации, каких не удостоился даже Д. Смирнов. Успех вечера был так велик, что через несколько дней, 9 октября, был устроен в том же Пушкинском зале второй вечер, на котором Аверченко и выступавшие с ним артистка Раич и артист Искольдов опять заслужили несмолкаемые аплодисменты.

В связи с приездом Аверченко и его двумя выступлениями в Кишиневе местные русские газеты поместили ряд статей и рецензий критиков Л. Добронравова, А. Вершовского, Витана, Аргуса и Тангейзера³⁷.

Из Кишинева Аверченко со своей труппой выехал в Бендеры с тем, чтобы 13 октября дать там спектакль, а затем — посетить ряд других провинциальных городов Бессарабии. Однако восстановить в точном хронологическом порядке отдельные этапы этого бессарабского турне, а также дату возвращения в Бухарест не удалось. Ясно только, что планы и предположения Аверченко и его антрепренера относительно гастролей в Румынии оказались несостоятельными ввиду неожиданного происшествия в Бухаресте.

Для уяснения обстоятельств этого дела приведем сначала сообщение самого Аверченко из его письма в Прагу, написанного вскоре после инцидента, который потребовал личного присутствия русского юмориста в Бухаресте. Вот что писал Аверченко Бельговскому:

Начал свои гастролы очень хорошо, как вдруг появляется в «Универсуле» форменный донос, что я «враг» Румынии. Вызывают меня в Кишинев, я вместо того еду в Бухарест. Спектакли, конечно, прекращаются. Тщетно я доказывал, что свой фельетон о Румынии я писал восемь лет тому назад, когда она еще не вступила в войну, что дело восьмилетней давности пора бы и забыть. Доказывал, что нет на свете такой страны, которую бы я не ругал в свое время, — румыны очень обиделись и запретили мне спектакли. Тогда я поднял на ноги целый ряд симпатичных людей (маршал Ангелеску, министр иностранных дел Дука, министр Бессарабии Инкулец, сенатор Лошко), — и они меня отстояли. Не только отменили высылку, но министр внутренних дел Франесович (очень симпатичный парень) даже дал разрешение на спектакли, — и вот я завтра опять еду в глухие дебри Бессарабии³⁸.

Статья в румынской столичной газете *Universul* была напечатана 16 октября под заглавием «Что происходит в Бессарабии?». В этой статье некий д-р Дусчан высказывает удивление по поводу того, что румынское правительство разрешило въезд и устройство спектаклей человеку, которого он называл «еврейским писателем из Рос-

сии», пользующимся псевдонимом Аверченко, и который «после Пуришкевича установил в прежней России мысль, что Румыния не нация, но профессия — цыган-скрипачей»³⁹.

Далее, ссылаясь на фельетон Аверченко в одном из номеров *Сатирикона* времен первой мировой войны, д-р Дусчан указывал на то, что русский писатель «даже изобрел особое слово, которое он применял к румынам, — «Тудасюдеску», а теперь он разъезжает по Бессарабии, где ему население устраивает овации. По мнению автора статьи, правительство должно было запретить выступления Аверченко и тем указать ему и бессарабскому населению, что нельзя безнаказанно издеваться над румынским народом»⁴⁰.

Статья д-ра Дусчана, как видно из цитированного письма Аверченко, произвела желаемое впечатление, и русский писатель должен был прервать свое турне и поехать в Бухарест, чтобы там как-то уладить инцидент.

Можно предположить, что направленные против Аверченко мероприятия румынского правительства, вызванные появлением в печати статьи д-ра Дусчана, отразились на планах Аверченко только через некоторое время после ее напечатания 16 октября в *Универсуле*, так как еще 19 октября состоялся второй вечер Аверченко и его труппы в театре «Королева Мария» в городе Аккермане. Представитель местной русской газеты имел с Аверченко беседу, в течение которой, как говорится в газете, «были затронуты, главным образом, вопросы чисто злободневные». Одним из таких вопросов был и вопрос о том, как Аверченко относится к «провокационной выходке д-ра Дусчана». В ответ на это Аверченко сказал:

Очень рад, что вы затронули этот вопрос. Передайте, пожалуйста, всем, что я никогда не был ненавистником. Я люблю всех людей, и ни к какой нации не относился и не отношусь враждебно⁴¹.

По всей вероятности, именно после гастролей в Аккермане Аверченко отправился в Бухарест, чтобы уладить дело, вызванное статьей д-ра Дусчана. Как сам Аверченко впоследствии, вернувшись в Прагу, рассказывал об этом инциденте корреспонденту берлинского *Эхо*, когда сотрудник *Универсула* д-р Дусчан (которого Аверченко в интервью назвал «русско-сербско-молдаванским шпионом») напечатал свой донос — «вся страна закричала, будто ее ножом ткнули». Журналист поинтересовался, выслали ли Аверченко из Румынии, и услышал в ответ такое объяснение:

Нет, по этому поводу было только постановление совета министров. Но несколько умных дальновидных румын приняли в моем деле горячее участие и сумели доказать, что меня обижать не следует. И я остался и дал еще ряд спектаклей по Бессарабии и Строму Регату⁴².

Кто были эти влиятельные румыны, предотвратившие высылку Аверченко из Румынии, известно уже из цитированного письма писателя Бельговскому. Вместе с тем, благополучным исходом инцидента Аверченко был обязан и энергичному вмешательству чешских дипломатов в Румынии, и он неоднократно с благодарностью подчеркивал этот факт. Так, в том же интервью для берлинского *Эхо* Аверченко говорил:

Прошу отметить в вашем журнале то исключительно горячее, благородное участие, которое приняло в этом деле чехословацкое посольство во главе с посланником г. Веверка и первым секретарем д-ром Гавелка⁴³.

Чувство благодарности за отзывчивое отношение новых чешских друзей к нему, бездомному эмигранту, Аверченко выразил в еще более теплых и прочувственных словах в частном, уже упомянутом письме из Бухареста, сразу же после инцидента со статьей д-ра Дусчана. Аверченко тогда закончил свое письмо Бельговскому такими словами:

Кстати, среди местных чехов имею массу друзей, а чешский посланник Веверка — одна прелесть. Я у них в по-

сольстве бываю, как свой, и вообще Веверка много для меня сделал. Они уже на меня смотрят, как на своего, тем более, что я по-чешски стал болтать невероятно нахально. При всех случаях стоят за меня горой. Не встречал я другого подобного народа⁴⁴.

Итак, благополучно уладив в Бухаресте дело, возбужденное против него газетой *Universul*, и добившись не только отмены постановления о высылке, но и получив разрешение на продолжение гастрольных выступлений, Аверченко вернулся в Бессарабию и выступил там, кроме Кишинева, Бендер и Аккермана, также в Измаиле, Рени, Болграде, Бельцах, Килии и Галаце. Что касается столицы Румынии, то, очевидно, разрешение на продолжение турне по стране все же не распространялось на Бухарест. Как пояснил сам Аверченко в интервью для берлинского *Эхо*, из его планов выступить в румынской столице ничего не вышло. Вот его слова по этому поводу:

Впрочем, в Бухаресте два раза назначались мои вечера и два раза они запрещались перед самым началом. Однако, уехал я по своей воле. И расстался с ними по-хорошему⁴⁵.

Один из запрещенных вечеров Аверченко в Бухаресте должен был состояться там в понедельник, 12 ноября, в зале «Лидертафель», о чем упоминается в статье, опубликованной в местной русской газете⁴⁶. Эта ноябрьская дата — одна из немногих, по которой можно судить о продолжительности пребывания Аверченко в Румынии. Видимо, он провел здесь не только весь ноябрь, но также часть декабря или даже весь этот месяц. Во всяком случае, сведения о последующем этапе гастрольной поездки Аверченко относятся уже к январю 1924 года, когда он приехал в Белград.

О своем приезде туда Аверченко рассказывает в упоминавшемся интервью для журнала *Эхо*, говоря:

Из Румынии я перепорхнул в Сербию. Опять-таки благодаря исключительной любезности сербского посланника в Бухаресте⁴⁷.

Первый месяц нового года Аверченко провел в Белграде. Приехав сюда в первых числах января, он первоначально, по-видимому, имел в виду дать только один вечер юмора, а затем вернуться в Прагу. Об этом говорилось в заметке, напечатанной в местной русской газете, извещавшей своих читателей о том, что в четверг, 10 января, Аверченко даст свой единственный вечер в зале «Станкович»⁴⁸. Статьи о приехавшем русском писателе-юмористе поместили также сербские белградские газеты *Политика* и *Време*, отметившие тот факт, что местная публика уже знакома с некоторыми произведениями Аверченко, появившимися в переводе на сербский язык в виде двух книг с его юморесками⁴⁹.

Вопреки первоначальным предположениям пребывание Аверченко и его труппы в Белграде затянулось почти до конца месяца. После первого вечера юмора (10 января) рецензент русской газеты, сообщая об успехе, с которым прошло выступление писателя, говорил о нем следующее:

А.Т. Аверченко выступал одновременно как писатель, рассказчик и актер. Кто из них лучше, сказать трудно, но, по-видимому, все же на первом месте был Аверченко-писатель⁵⁰.

За первым спектаклем последовали выступления Аверченко и его труппы на встрече Нового Года (по старому стилю) в гостинице «Сплендид», а затем — вечер одноактных пьес («Ольга Николаевна», «Самоубийца», «Женщина и вор») в зале «Манежа». Приглашая местную русскую публику пойти на этот вечер, известный журналист-фельетонист А. Ренников писал об Аверченко:

По-моему, по жизнерадостности сейчас это первый человек в мире. Во всех сторонах жизни он всегда найдет долю радости, вызывающую на лице улыбку; даже мрачную нашу действительность в состоянии он своим смехом преломить так, что ярче становится надежда на будущее, яснее видна несомненность торжества рассудка над человеческой глупостью⁵¹.

Выступлением 22 января вечером в зале «Манежа» закончились гастроли Аверченко и его труппы в Белграде. За несколько дней до отъезда оттуда в Прагу Аверченко писал Бельговскому:

Како стэ. Молим лепо не забуравьте мнэ, као я Вас не забуравил (словечко-то, а? Это значит по-сербски «забыть»!) Еще три-четыре дня и я буду путовать до Злата Прага. Ну, что у вас там все здорово изменилось?⁵²

Возвратившись в Прагу и остановившись там, как обычно, в гостинице «Злата Гуса», Аверченко вскоре принял местного корреспондента берлинского русского еженедельника *Эхо* и поделился с ним впечатлениями от своего утомительного турне по Румынии и Югославии. Журналист застал Аверченко за писанием многочисленных писем. Занятие это писатель не считал работой:

Это я принимаю еженедельную ванну: омываю свою грешную совесть перед корреспондентами⁵³.

Отдельные части интервью уже приводились в цитатах в связи с изложением тех затруднений, которые создались для Аверченко в Румынии после статьи д-ра Дусчана в бухарестской газете. Но интервью интересно и в другом отношении. Из него мы узнаем о планах Аверченко на будущее. Когда его об этом спросили, он ответил:

— Я получил предложение от одной американской газеты сотрудничать; конечно, опять перевод — но что делать? Вероятно, придется поехать в Америку, но если возможность будет говорить «с места», то засяду с весны в Италии и буду в промежутках писать новый роман⁵⁴.

Эти слова — не первое упоминание перспектив поездки Аверченко в Соединенные Штаты. Так, уже приводилась заметка в газете *Рувль* о предполагающемся турне писателя, которое должно было закончиться выступлениями в Соединенных Штатах в феврале 1924 года (см. выше с. 127—128).

Затем, ранней осенью 1923 года в нью-йоркской газете *Новое Русское Слово* появилась заметка следующего содержания:

Усиленно говорят о приезде в Нью-Йорк известного юмориста Аркадия Тимофеевича Аверченко. Он давно уже стремится в Нью-Йорк, как, впрочем, и другие русские писатели.

На приезде Аверченко в Америку главным образом настаивает певица Иза Кремер. Она и ее импресарио Гросман заранее стараются обеспечить талантливому юмористу какую-нибудь подходящую работу. Но это не так легко⁵⁵.

Слухи о попытках устроить приезд Аверченко в Соединенные Штаты нашли также отражение и в одном из интервью, которое писатель дал во время своей гостевой поездки по Румынии. В нем он, между прочим, говорил:

Зовут меня в Америку, где почему-то неожиданно вырос интерес ко мне и моим произведениям. но не знаю — поеду ли. Жалко покинуть эту дряхлую, выживающую из ума старуху — Европу⁵⁶.

Это заявление Аверченко бендерскому журналисту, очевидно, основано на каких-то известиях, полученных писателем из Нью-Йорка как раз перед его гастролями в Румынии, которые начались в первых числах октября 1923 года. 4 октября нью-йоркское *Новое Русское Слово* повторно сообщило о возможности приезда Аверченко в Соединенные Штаты, причем в этот раз с некоторыми дополнительными подробностями финансового порядка, а именно:

Все настойчивее говорят о приезде известного русского писателя-юмориста Аркадия Тимофеевича Аверченко. За время его странствования по Европе американские газеты в большом изобилии питались его музой — говоря проще: перепечатывали в переводе и в переделке его всегда отсроумные фельетоны. Разумеется, за это автор ничего не получал — кроме славы, из которой в наше

время, как, впрочем, и в предыдущие времена — шубы не сошьешь.

Некоторые газеты теперь согласились уплатить Аверченко за пользование его материалом. Это, хотя и необычно, но очень мило. Аверченко привозит с собой много интересных рукописей. Ждут его в октябре⁵⁷.

Несмотря на то, что переговоры о переезде Аверченко в Соединенные Штаты, судя по всем приведенным сообщениям, велись довольно продолжительное время, план поездки не осуществился. Кроме поездки в Берлин, Аверченко уже не было суждено покинуть пределы Чехословакии, ставшей его второй родиной.

В Праге в начале марта шли приготовления к устройству благотворительного вечера Союза Русских Студентов в Чехословакии. Вечер состоялся в помещении Сметховского Народного Дома 6 марта. Как сообщалось в русской зарубежной печати, среди посетивших вечер был депутат чехословацкого парламента, большой друг русских эмигрантов д-р К. Крамарж, проректор Карлова Университета проф. Немец и многочисленные представители русской профессуры. Успеху вечера способствовал Аверченко, конферировавший все номера программы и прочитавший несколько своих рассказов⁵⁸.

В том же месяце Аверченко удалось подписать контракт с пражским театром «Комедия» на устройство нескольких спектаклей его пьес на чешском языке. Первое из этих представлений в «Комедии» состоялось 17 марта, и рецензии о нем появились в нескольких пражских чешских газетах, отметивших, что пьесы шли в переводе В. Червинки и А. Неси⁵⁹.

В конце апреля, по приглашению концертной дирекции Мери Бран, Аверченко выехал в Берлин. Там, в зале «Брюдерферейна» 30 апреля состоялся вечер юмора, в программу которого вошли одноактные пьесы Аверченко «Сильный характер» (при участии Р. П. Раич и Е. Е. Искольдова), «Флирт Розенберга» (при участии Р. П. Раич и Д. П. Дольского), «Новогодняя Пасха» (при участии

автора и Павла Троицкого) и, наконец, рассказы Аверченко в его исполнении⁶⁰.

По случаю его приезда в Берлин местный *Руль*, обыкновенно редко печатавший рассказы и фельетоны, в номере от 30 апреля поместил на своих страницах фельетон Аверченко «Искусство рассказывать анекдоты», а в еженедельном иллюстрированном приложении к этой газете появился его рассказ «Спортсмен и дуэлист».

В Берлине Аверченко задержался на некоторое время и через неделю после своего первого выступления, 6 мая, он устроил «интимный вечер» в ресторане «Оливье»⁶¹.

Гастрольная поездка Аверченко в Берлин весной 1924 года была последним заграничным путешествием писателя и, очевидно, вообще его последним выступлением перед публикой. Уместно поэтому будет привести рецензию о его вечере 30 апреля, которая появилась в берлинском *Руле*. Вот что писал рецензент газеты В.Т.:

В наше печальное время особенно ценишь смех. Он выпадает на нашу долю не часто. В особенности такой хороший, не злобный смех, который всегда вызывает юмор Аверченко. В нем нет едкого яда политической сатиры, нет неизбежной приправы русского юмора — гражданской скорби, нет — и это большая заслуга — даже намека на сальность. Юмор Аверченко скорее приближается к лучшим образцам английского юмора, добродушного, здорового и спокойного⁶².

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Новогодняя встреча у юмористов. — *Руль* (Берлин), 1923, 4 января.
- ² Аркадий Аверченко. Интервью. — Вырезка из газеты *Эхо* (Ковно) без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Панин А. Вечер Арк. Аверченко. — Рец. в газете *Эхо* (Ковно). Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ⁷ Вырезка из названной газеты без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ⁸ G-g O. [Grosberg Oskar]. Russisches Dramatisches Theater: Awertschenko-Abend. — *Rigasche Rundschau*, 1923, № 2.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Эстет. Русская Драма. Бенефис Е. А. Маршевой. — Рец. в газете *Рижский Курьер*. Вырезка без указания числа. См. также вырезку из *Сегодня* с анонимной рецензией, также без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ¹¹ Пильский П. М. Аркадий Аверченко. — В кн.: Затуманившийся мир. Рига, изд-во «Граматы Драугс», 1929, с. 133.
- ¹² Пильский П. М. Вечер Аркадия Аверченко. — Рец. в газете *Последние Известия* (Ревель) 1923, февраль. Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ¹³ Лучинин Л. Вечер Аркадия Аверченко. — Рец. в газете *Последние Известия* (Ревель). Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ¹⁴ M. Edg. Humoristischer Abend von Arkadij Awertschenko. — Рец. в газете *Revaler Bote*. Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ¹⁵ Чествование. — Вырезка из газеты *Последние Известия* (Ревель) без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ¹⁶ Пильский П. М. Аркадий Аверченко.
- ¹⁷ Там же, с. 137.
- ¹⁸ Там же, с. 138.
- ¹⁹ Отъезд Аркадия Аверченко. — Вырезка из газеты *Виленское утро* без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ²⁰ Osobisty wystep znakomitego pisarza rosyjskiego Arkadij Awerczenko. — Вырезка из польской газеты, название которой обозначено

- лишь как *Kurjer*. Поэтому неясно, в которой из варшавских газет — *Kurjer Poranny* или *Kurjer Polski* — заметка была напечатана. — *Архив Аверченко*.
- ²¹ W. Вечер Аркадия Аверченко. — Вырезка из газеты *Za Swobodu* (Варшава) без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ²² Występi Awerzcztnki. — Рец. в газете *Rozwój* (Лодзь), 1923, 2 марта. — *Архив Аверченко*.
- ²³ Dr. В-s. Der erste Awerzschenko-Abend. Рец. в газете *Lodzer Freie Presse*, 1923, 2 марта. — *Архив Аверченко*.
- ²⁴ Аверченко в Ровно. — Рец. в газете *Вольнское Слово* (Ровно). Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ²⁵ Брешко-Брешковский Н.Н. А.Т. Аверченко. К десятилетию со дня смерти русского юмориста. — *Иллюстрированная Россия*, 1935, №13, с. 16.
- ²⁶ К сегодняшнему вечеру Аркадия Аверченко. — Вырезка из газеты *Za Swobodu* (Варшава), 1923, 24 марта. — *Архив Аверченко*.
- ²⁷ Заметка в газете *Руль* (Берлин) 1923, 18 марта. См. также заметку «Турне Аркадия Аверченко» в той же газете, 1923, 22 марта.
- ²⁸ Спектакль в пользу Союза Журналистов. — Рец. в газете *Руль*, 1923, 13 апреля.
- ²⁹ Заметка в газете *Руль*, 1923, 18 апреля.
- ³⁰ Новая пьеса Арк. Аверченко. — *Новое Русское Слово* (Нью-Йорк), 1923, 18 мая.
- ³¹ Турне Аркадия Аверченко. — *Руль*, 1923, 14 апреля.
- ³² Заметка в газете *Руль* (Берлин), 1923, 5 июля.
- ³³ Бельговский К. П. Письма Арк. Аверченко. — *Иллюстрированная Россия* (Париж), 1926, №10.
- ³⁴ Грипп или виза? — Вырезка из газеты *Наша Жизнь* (Бухарест) без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ³⁵ Среди русских журналистов и писателей. Вести об Арк. Аверченко. — *Руль* (Берлин), 1923, 6 октября.
- ³⁶ Первый вечер А. Аверченко. — Рец. в газете *Бессарабия* (Кишинев). Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ³⁷ Статьи: Добронравов Л. Аркадий Аверченко (эскиз) (в газете *Бессарабия*); Вершховский А. Аркадий Аверченко (в газете *Голос*); Тангейзер. Эхо (в газете *Бессарабия*); Без подписи. Аверченко о самом себе (интервью, данное газете *Бессарабская Почта*). Рецензии: Добронравов Л. Светлый вечер (в газете *Бессарабия*), Аскольд. Цветные стекла (в той же газете), Анат. В.

- [Вершковский А.] Вечер А. Аверченко, а также: Второй вечер А. Аверченко (обе рец. в газете *Голос*), Витан. Первый вечер А. Аверченко (в газете *Бессарабская Почта*) и Аргус М. К. В наши дни (в той же газете). Вырезки из названных газет без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ³⁸ Бельговский К.П. Письма Арк. Аверченко.
- ³⁹ Duscian I. Ce se petrece in Bessarabia. — *Universul* (Bucure^oti), Anul. XLI. — 1923, 16 октября, №266 bis. — *Архив Аверченко*.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ И.Р. У А.Т. Аверченко. — Вырезка из газеты *Новая Мысль* (Акерман) без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ⁴² Б. [Бельговский К.П.] Аверченко о самом себе. — *Эхо* (Берлин), 1924, 2 марта. — *Архив Аверченко*.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Бельговский К.П. Письма Арк. Аверченко.
- ⁴⁵ Б. [Бельговский К.П.] Аверченко о самом себе.
- ⁴⁶ Гр. Б. Девиер. Аркадий Аверченко (к его вечеру). Вырезка из газеты *Наша Речь* (Бухарест) без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ⁴⁷ Б. [Бельговский К.П.] Аверченко о самом себе.
- ⁴⁸ Вечер Аркадия Аверченко. Вырезка из газеты *Новое Время* (Белград) без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ⁴⁹ Вырезки из сербских газет *Време* и *Политика* без указания числа. *Архив Аверченко*.
- ⁵⁰ С. О. «Вечер смеха». — Вырезка из газ. *Новое Время* (Белград) без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ⁵¹ Ренников А. Маленький фельетон. Разговор, содержание которого выяснится сегодня. Вырезка из газеты *Новое Время* (Белград) без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ⁵² Бельговский К.П. Письма Арк. Аверченко.
- ⁵³ Б. [Бельговский К.П.] Аверченко о самом себе.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Всезнайка. Встречи и разговоры. — *Новое Русское Слово* (Нью-Йорк), 1923, 2 августа.
- ⁵⁶ Интервью с Аркадием Аверченко. Вырезка из газеты *Тигинский Листок* (Бендеры) без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ⁵⁷ Некто. Новости дня. — *Новое Русское Слово* (Нью-Йорк), 1923, 4 октября.
- ⁵⁸ Вечер Союза Русских Студентов. — *Руль* (Берлин), 1924, 13 марта.

- ⁵⁹ Engelmüller Karel. Hra sa smrtí: Komédie o tóech di jstvích, napsal Arkadij Averčenko, přeložil Vincenc Ěervinka. — Рец. в газете *Národní Politika* (Praha). Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ⁶⁰ Вечер А. Аверченко. — *Руль* (Берлин), 1924, 25 апреля.
- ⁶¹ Заметка в газете *Руль* (Берлин), 1924, 6 мая.
- ⁶² В. Т. Вечер Аркадия Аверченко. — Рец. в газете *Руль* (Берлин), 1924, 4 мая.

Глава восьмая

БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ

На летний сезон 1924 года Аверченко строил всевозможные планы. Касались они не только возможности получения контракта на поездку в Соединенные Штаты, но и отдыха в Италии или на Рижском взморье. В конце концов Аверченко решил отправиться в Ригу и в середине июля начал готовиться к поездке в Латвию через Германию. Этому намерению, однако, не суждено было осуществиться.

Аверченко уже уложил вещи, как вдруг, накануне отъезда, у него разболелся левый глаз, которым он и раньше плохо видел. Относительно возможности серьезной болезни этого глаза врачи предупреждали Аверченко давно, еще 18 лет тому назад в Харькове. Поэтому, почувствовав теперь признаки этой болезни, он немедленно обратился к врачу. Чешский переводчик его произведения А. Неси направил его к известному в Праге профессору по глазным болезням Брукнеру. Осмотрев глаз Аверченко, профессор Брукнер заявил, что необходима немедленная операция, на которую писатель согласился. На следующий же день под местным наркозом была произведена операция удаления левого глаза, продолжавшаяся около часа. Операцию Аверченко перенес с большим са-

мообладанием, но просил, чтобы до его смерти никому не говорили об удалении глаза¹.

Лечение в больнице, а затем хождение на перевязки, продолжалось около двух месяцев, и потом Аверченко вставили искусственный глаз.

В конце июля известие о болезни писателя проникло в печать, и в ряде русских эмигрантских и чешских газет об этом появились короткие заметки. Так, например, в берлинском *Руле* сообщалось:

На днях писателю Аркадию Аверченко в чешской клинике проф. Дейля была сделана серьезная глазная операция. В настоящее время А.Т. Аверченко еще находится в клинике, где заканчивает лечение².

Другие русские и чешские газеты ограничились заметками приблизительно такого же содержания с некоторыми дополнительными сведениями. Сообщалось, что на почве переутомления и давнишнего ранения левого глаза у писателя пропало зрение. Благодаря немедленной операции удалось сохранить правый глаз, но, как указывали газеты, положение больного — очень тяжелое и потребует долгого и серьезного лечения.

За первым сообщением о болезни Аверченко в берлинском *Руле* в этой же газете появилась краткая корреспонденция из Праги о том, как русские писатели проводят лето. В этой корреспонденции было сказано:

Арк. Аверченко вследствие болезни вынужден был отложить свою предполагавшуюся поездку на Рижское взморье и остаться в Праге, где он еще находится под наблюдением врача³.

На болезнь русского писателя откликнулась и берлинская немецкая газета, поместившая заметку такого содержания:

АВЕРЧЕНКО В НИЩЕТЕ. По сообщениям польских газет, известный русский сатирик Аверченко в данный момент лежит в Праге в больнице без гроша денег и ослеп. Аверченко в свое время должен был покинуть Россию за

статью «Стамболийский и коммунисты» и при бегстве был ранен в левый глаз. Затем, через Константинополь и Белград, он приехал в Прагу⁴.

Кто-то из друзей писателя прислал ему вырезку с этой заметкой. Ввиду фантастических утверждений, сохранившихся в заметке, Аверченко счел своим долгом оповестить русскую эмиграцию о своем действительном положении и опровергнуть утверждения немецкой газеты. Объяснения Аверченко в форме «Письма в редакцию» появились в конце августа и в начале сентября в ряде русских зарубежных газет. В этом письме, текст которого в разных газетах содержит незначительные вариации, писатель просил редактора «для успокоения моих читателей и, вообще, друзей» напечатать его разъяснения, в которых он, между прочим, писал в своей обычной шуточной форме следующее:

- 1) Я уже поправляюсь после операции и не ослеп, я вижу так же хорошо, как и до операции.
- 2) Я не в больнице, а у себя дома в отеле «Злата Гуса».
- 3) С точки зрения Гуго Стиннеса или Пирпонта Моргана я, может быть, и нищий, но, работая в нескольких русских, чешских, немецких и американских издательствах, — чувствую себя недурно. Благополучие мое дошло даже до того, что я (кажется, единственный) отказался от субсидии, выплачиваемой чешским правительством русским писателям, живущим в Чехии.
- 4) «Без пфеннига» я нахожусь, может быть, потому, что все расчеты веду на чешские кроны и доллары⁵.

Исправляя далее остальные неточности заметки немецкой газеты и указывая на то, что он был ранен в глаз уже 18 лет тому назад, что уехал из России четыре года тому назад и что его статья «Стамболийский и коммунисты» была написана им в Праге в 1923 году, Аверченко заканчивает свое письмо в редакцию такими словами:

Вот и все.

Во всем остальном заметка «Берлинер Берзен Курир» совершенно правильна⁶.

По свидетельству Бельговского, в октябре Аверченко настолько оправился от операции глаза, что опять начал готовиться к поездке в Ригу через Германию. Однако к концу того же месяца он временами уже чувствовал недомогание, которому сперва не придавал особого значения. Но на самом деле состояние его здоровья оказалось более серьезным, чем он предполагал. От поездки в Ригу пришлось отказаться, равно как от каких-либо выступлений и систематической работы. Когда в декабре журналист Б. Оречкин обратился к Аверченко с просьбой поделиться с читателями *Эхо* своими пожеланиями на Новый Год, писатель, по словам Оречкина, «в первый раз в жизни ответил серьезно». Аверченко написал:

Врачи на время запретили мне работать, запретили читать и писать, и я лишен поэтому возможности формулировать свои новогодние пожелания так подробно, как я бы это сделал, если бы был здоров. В двух строках мои пожелания таковы:

— На будущий год я желаю России снова сделаться Россией, а русской эмиграции перестать быть эмиграцией⁷.

Как отмечает Оречкин, «чувство оптимизма впервые обмануло Аверченко. Увы! Не временно, а навсегда сложил он свое перо»⁸.

Страдая от приступов одышки и чувствуя ухудшение состояния здоровья, Аверченко по настоянию друзей в середине декабря отправился на исследование к специалисту по сердечным заболеваниям и артериосклерозу профессору Младеевскому. Подвергнув больного тщательному осмотру, Младеевский предписал ему диету, дал лекарства и посоветовал отправиться на шесть недель на курорт для сердечных больных Подебрады. Туда Аверченко и выехал 22 декабря⁹. В Подебрады писатель отправился в сопровождении близко стоявшего к нему Бельговского, который впоследствии описывал эту поездку следующим образом:

За три дня до сочельника мы с Аркадием Тимофеевичем ехали в Подебрады, — курорт для сердечных больных

под Прагой. Ехали полные верой в то, что там его ждет исцеление. Ведь врач сказал, что через шесть недель одышка прекратится, правильное дыхание восстановится, можно будет приступить к работе¹⁰.

Бельговский позже вспоминал, что уже тогда Аверченко под влиянием продолжительной болезни так изменился, что швейцар гостиницы, в которой писатель остановился в Подебрадах, узнав фамилию приезжего и взглянув на него, воскликнул с оттенком какого-то ужаса: «Боже, пане Аверченко, где же ваш юмор?»¹¹

Пребывание на курорте больному не помогло, одышка не прекращалась, и общее состояние здоровья ухудшалось. Бельговский раза два в неделю ездил в Подебрады и, по его словам, «с ужасом наблюдал, как Аркадий Тимофеевич постепенно таял и все сильнее и сильнее начинал задыхаться». Бельговский обратился к другому врачу с просьбой осмотреть больного, и этот врач настоял на немедленном переводе Аверченко в клинику в Праге¹².

23 января 1925 года его перевезли в почти бессознательном состоянии в клинику по внутренним болезням проф. Силлабы в Пражской городской больнице. Из автомобиля, в котором Аверченко привезли с пражского вокзала до больницы, его уже несли, а затем двое суток он пролежал там в полубессознательном состоянии и временами бредил. В клинике врачи, осмотревшие больного писателя, установили у него почти полное ослабление сердечного мускула, расширение аорты и склероз почек.

К больному Аверченко применены были всевозможные способы лечения, и он в начале февраля почувствовал значительное облегчение. Как говорили врачи, количество шансов на выздоровление увеличилось, однако продолжала существовать опасность неожиданного осложнения.

Юмор Аверченко, вопреки мнению швейцара подебрадской гостиницы, не покидал писателя и во время продолжительной и мучительной болезни. Бельговский, продолжавший навещать Аверченко в пражской больнице,

сообщает о том, что больной писатель не сомневался в благополучном исходе лечения и собирался в первом же фельетоне, который он напишет по выздоровлении, описать клинику и переживания лежащего в ней больного. Бельговский свидетельствует также о том, что врачи и сестры, заботившиеся о писателе в последние дни его жизни, не могли без улыбки приблизиться к постели больного. Для них всех у Аверченко обычно бывала какая-нибудь шутка, хотя ему нередко мешала говорить одышка. Так, однажды Аверченко, очень не любивший, чтобы ему ставили термометр, опять не держал его так, как это следовало по больничным правилам. Пришла сестра, взяла градусник и с удивлением сказала: «35 градусов? Невозможно! Поставьте градусник еще раз», на что Аверченко возразил, обращаясь к навестившим его друзьям: «Конечно, 35 градусов — неприятно. Однако как-то у меня было только 7 градусов... Правда, я держал градусник не с того конца»¹³.

Из кратких газетных заметок о ходе болезни Аверченко, в частности из корреспонденций Бельговского, можно узнать, что писатель был помещен в клинику профессора Силлабы и что лечение больного вел ассистент профессора Силлабы д-р Вебер и еще два врача¹⁴.

При чтении этих сообщений создается впечатление, что Аверченко лежал в первоклассно оборудованной больнице, пользуясь всеми доступными по тому времени удобствами и средствами лечения. Впечатление это, однако, нуждается в поправке.

Хотя смертельно больной писатель, по-видимому, находился под наблюдением опытных и известных в Праге врачей, условия, в которых он проводил в больнице последние недели своей жизни, были далеки от идеальных в смысле комфорта. Лежал Аверченко в белой железной больничной постели под № 2516. Как впоследствии писал Бельговский, постель эта «стояла в большой комнате в Пражской городской больнице сначала первой слева от входа, а затем второй слева»¹⁵.

Выясняется, таким образом, что лежал Аверченко в большой общей палате городской больницы, в постели с очень неудобной твердой подушкой, наполненной соломой. Об этом узнаем из письма некоей Н.В. Модрас, приятельницы Ольги Тимофеевны, сестры писателя. Эта дама, сама болевшая во время последних дней Аверченко, после его смерти, по просьбе его парижских родных, наводила справки о том, как он провел свои последние дни.

В своем письме Н.В. Модрас передает слова молодой секретарши из редакции пражского издательства *Пламя*, хорошо знавшей Аверченко и навещавшей его в больнице, которая «принесла ему свою подушку, так как бедняжка лежал на соломенной подушке и жаловался, что твердо»¹⁶.

В том же письме Модрас сообщает, передавая слова секретарши, что в последние дни перед смертью Аверченко очень грустил и говорил ей, как тяжело быть одиноким, прибавив: «А я думал, что у меня много друзей». Она предложила: «Давайте выпишем сестер», на что больной ответил: «Не стоит их тревожить, у них своя семья, а главное — визу получить трудно», и добавил: «Скоро поправлюсь»¹⁷.

Болезнь отразилась и на зрении здорового глаза, и, как сообщается в том же письме, Аверченко «в последние дни почти не видел своим глазом, с трудом различая лица знакомых, узнавал скорее по голосу»¹⁸.

Видя мучительное положение больного и его беспомощность, друзья писателя старались развлекать его чтением вслух. Об этом также сообщает Модрас в своем письме сестре писателя. Она пишет, что в те часы, когда секретарша из издательства навещала в больнице Аркадия Тимофеевича, у его постели «все время сидел и читал один студент, некто Сережа Ситенко». Основываясь на этом, Модрас делает заключение:

На мой взгляд, Аркадий Тимофеевич не был брошен своими друзьями, и его все время навещали, а грустил он о чем-то другом¹⁹.

Больному Аверченко приходилось все время лежать на спине, и по ночам его мучила бессонница. Об этом сообщает Бельговский:

Начались ночи полубольного творчества. В бессонные ночи Аркадий Тимофеевич создавал новые повести и рассказы, новые пьесы. Его удивительная память сохраняла все детали до утра, и он передавал потом содержание написанных в уме рассказов, ушедших теперь в вечность²⁰.

В положении больного писателя наступали периоды улучшения и ухудшения его состояния, физические силы то прибывали, то убывали, и в менее мучительные минуты Аверченко, шутя, определял свое положение, как «деликатное»²¹.

Но вот наступило 8 марта, которое Бельговский назвал «днем рокового предзнаменования». Внезапное кровоизлияние, причиной которого был лопнувший кровеносный сосуд в желудке, «вызвало несколько часов томительных волнений». Затем больному стало лучше, но врачи запретили ему разговаривать и усилили диету, ограничив еду только жидкой пищей.

Временное улучшение состояния больного оказалось обманчивым. Через несколько дней, 12 марта в 4 часа утра произошло второе кровоизлияние, после которого, не приходя уже больше в сознание, в 9 часов с минутами утра, Аркадий Тимофеевич Аверченко скончался.

Смерть Аверченко вызвала в Праге всеобщее сожаление как в русских, так и в чешских кругах. Книжные магазины выставили его портреты в траурной рамке, а также его книги, вышедшие за последнее время в Праге²².

Чехословацкая печать рядом статей отметила кончину русского писателя-юмориста.

Газета *Národní Politika* писала, что русская литература потеряла крупного писателя-юмориста, выдающегося стилем, изобретательностью и умением захватывать читателя²³.

Газета *Lidové Noviny* отметила, что сорока четырех лет от роду уходит тот, кого одна революция побудила к творчеству, а другая — затравила²⁴.

Газета *Prager Presse* в своей заметке о кончине Аверченко назвала его «самым значительным юмористом России предвоенных лет»²⁵.

Похоронили Аверченко в русской части пражского Ольшанского кладбища, рядом со строившейся тогда православной церковью, в субботу, 14 марта 1925 года.

Из довольно полного описания погребения писателя, которое появилось в ряде зарубежных русских газет, узнаем подробности печальной церемонии, вылившейся в яркое проявление любви и симпатии русской эмиграции к Аверченко, человеку и писателю, и в манифестации совместного русско-чешского уважения к памяти покойного русского писателя-юмориста, прошедшего свой земной путь как верный патриот своей родины и стойкий боец за идеал свободного творчества писателя.

О пришедших поклониться праху скончавшегося Аверченко в газетных сообщениях говорится следующее:

Среди официальных делегаций, присутствовавших на погребении, отметим делегацию министерства иностранных дел Чехословацкой республики во главе с советником Благошем, делегацию пражского гарнизона, делегацию синдиката чехословацкой печати во главе с председателем г. Пихлем и журналистами В. Червинкой и Бендой. Общество славянской взаимности было представлено г. Гейретом, чехословацкие писатели — А. Чапеком-Ходом. Было много русских писателей и журналистов, среди них Вас. Ив. Немирович-Данченко, Е.Н. Чириков и В.Ф. Булгаков, председатель Союза Русских Писателей и Журналистов, взявшего на себя организацию похорон. Отпевание совершил епископ Сергей в сослужении с причтом церкви Св. Николая²⁶.

Тело покойного писателя было заключено в металлический гроб и специальный футляр, в предвидении того, что в будущем, может быть, родственники покойного или представители русских культурных организаций пожела-

ют перевезти останки Аверченко в Россию. С правой руки покойного был сделан гипсовый слепок²⁷.

Из каплички крематория, где происходило отпевание, гроб покойного был вынесен русскими писателями и журналистами и близкими друзьями усопшего. Когда процессия пришла к могиле, участники похорон окружили ее, и первое слово памяти скончавшегося произнес председатель Союза Русских Писателей и Журналистов в Чехословацкой республике В.Ф. Булгаков. От имени чешских писателей и журналистов по-чешски и по-русски говорил В.О. Червинка. Далее оценку покойному в своих речах дали: проф. Е. Спекторский (от имени Союза Русских Академических Организаций), С.И. Варшавский и В.А. Лазаревский (от имени Союза Русских Эмигрантских Студенческих Организаций).

Речи закончились около трех часов дня, когда могилу закопали землей и могильный холм был покрыт цветами и многочисленными венками, возложенными от имени разных организаций и друзей покойного А.Т. Аверченко²⁸.

Весть о трагическом исходе болезни писателя, о последних днях его жизни, о смерти и погребении, — немедленно распространилась по всем крупным центрам многочисленной в то время русской эмиграции, и наиболее распространенные зарубежные русские органы печати, как например парижские *Последние Новости* и *Иллюстрированная Россия*, берлинский *Руль*, рижское *Сегодня* и нью-йоркское *Новое Русское Слово*, — откликнулись на смерть популярного писателя подробными сообщениями из Праги, некрологами и воспоминаниями о покойном.

В субботу, 21 марта, в девятый день кончины Аверченко в Праге, Париже, Берлине и Риге в местных православных храмах при большом стечении молящихся были отслужены панихиды по покойном писателе²⁹.

Затем, 24 марта в Париже и 20 мая в Праге, состоялись вечера памяти Аверченко, на которых выступали многочисленные представители русского писательского

и журналистического мира, лично знавшие покойного писателя и поделившиеся со слушателями своими воспоминаниями о нем и давшие свою оценку его творчества и заслуг в области юмористической литературы. К сожалению, содержание лишь некоторых из этих выступлений сохранилось в виде соответствующих газетных статей авторов выступлений, большинство же произнесенных речей и устных воспоминаний не было опубликовано и не может теперь быть восстановлено.

Как выясняется из газетных сообщений, вечер памяти Аверченко в Париже, устроенный Литературно-Артистическим Кружком, привлек чрезвычайно многочисленную публику. Зрительный зал, боковые помещения и все проходы были заполнены желающими услышать слова памяти скончавшегося популярного юмориста, которые произнесут известные русские писатели. Вечер открыл кратким словом А.И. Куприн, проникновенными словами напомнимый собранию о том, какого самобытного и неподражаемого изобразителя русского быта потеряла современная русская литература в лице Аркадия Аверченко. Н.А. Тэффи прочла свои личные воспоминания о первых шагах покойного и о его особенностях в жизни и творчестве. А. Черный прочитал свое стихотворение *Сатирикон*, в котором ярко обрисовал роль Аверченко в создании и развитии этого популярного в России сатирического журнала. Последовали выступления Б.К. Зайцева, Семена Юшкевича, И.Д. Сургучева и И.Э. Дуван-Торцова, читавших рассказы Аверченко. Во второй части вечера были исполнены две комедии покойного писателя³⁰.

В Праге вечер памяти Аверченко был устроен Союзом Русских Писателей и Журналистов в зале «Мещанской беседы» и собрал много друзей и почитателей таланта покойного. Как отмечалось в отчете о вечере, он «носил чешско-русский характер», и из нерусских, посетивших вечер, были названы д-р К. Крамарж, югославянский проф. Мурко и скульптор Обровский. Характеристику личности и творчества Аверченко сделали в своих

докладах В.О. Червинка — по-чешски, а Е.Н. Чириков и С.И. Варшавский — по-русски. Во втором и третьем отделениях программы были исполнены пьесы Аверченко, причем на русском языке они были разыграны артистами Пражской Русской Драмы под управлением В.П. Свободина, а на чешском языке — группой чешских артистов во главе с Млчковским. В.Т. Чирикова-Иолшина и А.А. Брей прочитали несколько рассказов покойного писателя³¹.

В момент смерти Аверченко в Праге не было никого из его родственников. Его мать и три сестры остались в Сов. России, а две другие сестры и их мужья, находившиеся в эмиграции, проживали в Париже. Завещания Аверченко не оставил. Поэтому пражские друзья покойного решили взять на себя заботу по урегулированию наследственных формальностей.

По ходатайству Союза Русских Писателей и Журналистов в Чехословацкой республике соответствующим пражским судом была учреждена опека над имуществом А.Т. Аверченко в лице Вячеслава Францевича Швиговского, которому также была поручена охрана авторских прав усопшего. Всем лицам и учреждениям, которых это касалось, надлежало обращаться по адресу Швиговского в Праге³².

О ходе наследственного дела в пражских судебных учреждениях Швиговский по мере необходимости извещал сестер умершего писателя в Париже — Ольгу Тимофеевну Фальченко и Екатерину Тимофеевну Ростопчину. В курсе ведения наследственных дел был также Бельговский, который, со своей стороны, переписывался с парижскими родственниками Аверченко и отвечал на их запросы, поскольку Швиговский был обременен делами в качестве директора крупного газетного предприятия и обширной перепиской по делу наследства Аверченко.

Ввиду его сложности дело о наследстве А.Т. Аверченко тянулось около двух лет. В одном из своих писем Бельговский писал по этому поводу следующее:

Дело о наследстве, действительно, очень сложное, потому что чешский суд требует ряд формальностей. И, на-

пример, только благодаря авторитету Вячеслава Францевича в Праге, — в суде ему удалось добиться того, что судья отказался от своего права требовать нотариального и заверенного в дипломатических миссиях перевода всех документов, полученных от наследников. В противном случае дело затянулось бы еще.

Есть еще одно обстоятельство, которое усложняет дело, — это полученное Вячеславом Францевичем через советскую миссию требование о наследстве от сына Аркадия Тимофеевича из Харькова³³.

О неожиданном заявлении претензии на наследство со стороны лица, именовавшего себя сыном Аверченко, писал в Париж и сам Швиговский, сообщая в одном из своих писем Ольге Тимофеевне Фальченко, между прочим, следующее:

Считаю своим долгом сообщить, что ко мне поступило заявление Аркадия Аркадьевича Аверченко, который предъявляет свои права в качестве сына покойного и обязывается документально подтвердить, что он сын Аркадия Тимофеевича Аверченко³⁴.

Известно, что Аверченко не был женат, и об упоминаемом в цитированных письмах «сыне Аркадия Тимофеевича из Харькова» не удалось найти каких-либо сведений.

Если такое лицо — внебрачный сын писателя, — действительно существовало, то оно, очевидно, не пожелало или не смогло предъявить пражскому суду необходимых доказательств своего происхождения и прав на наследство, и суд его претензии не принял во внимание. Об этом свидетельствует официальный акт суда о передаче наследства. Копия его перевода на русский язык сохранилась у Ольги Тимофеевны Фальченко (по второму браку Смирдиной) в Париже. Из содержания акта явствует, что «все наследство умершего 12 марта 1925 года Аркадия Тимофеевича Аверченко, писателя и журналиста, жившего в Праге в отеле «Злата Гуса», передается его матери и его пяти сестрам». Мать писателя — Сусанна

Павловна Аверченко — получила половину наследства, а вторая половина его в равных долях была присуждена трем его сестрам, оставшимся в Сов. России (Надежде, Любове и Марии), и двум сестрам в Париже: Ольге Тимофеевне Фальченко (по второму браку Смирдиной) и Екатерине Тимофеевне Ростопчиной.

Как следует из содержания «акта о передаче наследства», этот документ был вручен опекуну наследства, то есть В.Ф. Швиговскому, 31 марта 1927 года.

Надо полагать, что наследственная масса, подлежащая разделу между наследниками Аверченко, состояла лишь из незначительных денежных сумм, оставшихся после него, а может быть, и из тех денег, которые были выручены от продажи его какого-нибудь имущества. Эти подробности неизвестны. С другой стороны, личные вещи писателя, не представлявшие в момент его смерти материальной ценности, как например, все его бумаги, фотографии, записки и т.п., были отправлены в декабре 1928 года в Париж и оставались там в распоряжении сестры Аверченко — Ольги Тимофеевны Смирдиной, скончавшейся в декабре 1965 года. Эти вещи были пересланы из Праги по поручению адвоката, д-ра К. Кенига, известившего о высылке четырех чемоданов «со всеми книгами, манускриптами и другими вещами» О.Т. Смирдиной (тогда еще Фальченко) письмом, сохранившимся среди ее бумаг.

На могиле Аверченко на Ольшанском кладбище в Праге друзьями покойного писателя был сперва водружен деревянный крест с надписью. Фотографический снимок могилы с крестом вскоре был помещен в парижском еженедельнике *Иллюстрированная Россия*³⁵. О заботах по сохранению могилы в порядке Бельговский писал через два года после смерти писателя его сестре в Париже следующее:

На могиле Аркадия Тимофеевича стоит деревянный крест с надписью. Могила обшита дерном. Конечно, желательно было бы поставить какой-либо более прочный памят-

ник. В этом отношении предполагается принять меры по сбору средств. В данное время на каменный памятник, который может стоить, минимум, несколько тысяч крон, — нет средств. Периодически Вячеслав Францевич делает распоряжения в конторе кладбища относительно обновления дерна и поливки цветов на могиле, а также посыпки песком дорожек вокруг нее³⁶.

Многочисленные друзья и почитатели таланта Аверченко не забывали покойного писателя, и меры по сбору средств на сооружение памятника, о которых писал Бельговский, через некоторое время дали желаемый результат.

Стараниями членов чешско-русского общества «Мир» в Праге на могиле писателя был сооружен каменный памятник. Его освящение состоялось 26 декабря 1930 года. Об этом событии подробный отчет, напечатанный в рижской газете *Сегодня*, дал ее пражский корреспондент К. Бельговский.

Из его корреспонденции узнаем, что у могильного холмика, увенчанного свежей зеленью венка с большими русскими национальными лентами, собралась многочисленная группа людей. Среди них слышалась попеременно русская и чешская речь. Бельговский отмечает:

Среди чехов много простонародья. Ведь А.Т. Аверченко был так популярен в Чехословакии, что его знали буквально в каждом доме. Аркадий Тимофеевич здесь не только писал, не только печатал свои рассказы во всех почти газетах, не только выпустил первое систематизированное полное собрание своих сочинений на чешском языке, но и выступал на многочисленных вечерах и театральных представлениях. Своих вечеров в Чехословакии А.Т. Аверченко устроил свыше 80-ти!³⁷

Панихиду служил епископ Сергей Пражский, часть возгласов произносивший по-чешски. После окончания панихиды слово, посвященное характеристике личности и таланта покойного писателя, произнес иеромонах Исаакий. Среди присутствовавших на открытии памятника были и представители города Праги, и чешских литера-

турных и журналистических кругов. Из них в корреспонденции отмечаются В.О. Червинка и И. Гейрет³⁸.

Союз Русских Писателей и Журналистов представляли его председатель Н. И. Астров и члены Союза К. П. Бельговский и В. И. Ильинский.

Председатель чешско-русского общества «Мир» открыл памятник и произнес речь, в которой, между прочим, сказал:

Чешские и русские члены Общества решили увековечить память русского писателя до тех пор, пока Россия сама не почтит память деятелей, служивших ее культуре и прославлению ее имени во всем мире³⁹.

Корреспонденция Бельговского заканчивается сообщением, что на белом мраморном памятнике сделана надпись:

А.Т. Аверченко, родился в Севастополе...
умер в Праге...

Еще до сооружения и освящения каменного памятника на могиле Аверченко многочисленные друзья писателя отметили пятую годовщину со дня его смерти.

В Праге, по инициативе Союза Русских Писателей и Журналистов в Чехословацкой республике, 12 марта 1930 года епископом Сергием Пражским была отслужена панихида на могиле Аверченко на Ольшанском кладбище, на которой присутствовала группа русских и чешских пражан⁴⁰.

В Берлине, в апреле того же года, был устроен вечер памяти Аверченко, на котором с речью выступил Сергей Горный. Эта речь затем полностью была напечатана в местной русской газете *Руль*. В своей речи, некоторые выдержки из которой уже приводились (см. выше, с. 50—51), С. Горный поделился с присутствовавшими своими воспоминаниями о покойном писателе, особенно отметив привлекательные черты его характера:

Аверченко ходил меж нас, — солнечный увалень, с душой, словно вечно шурящейся от смеха. Увалень, — он

никогда не «толкался». Не «работал» локтями. В театре ли, в родной ли «вотчине» — в *Сатириконе* — уже на отлете в Крыму, — или на «тычке» в Константинополе, — он был со всеми ровно деликатен. Подлинно «прощал» всех. Этот смех, этот дар видеть смешное в неожиданных гранях жизни — может быть, и помогал ему относиться к людям мягко, беззлобно. Имейте в виду: не снисходительно... У него этого не было⁴¹.

Не прошло незамеченным также десятилетие со дня смерти Аверченко, отмечавшееся в марте 1935 года. В пространенном русском зарубежном журнале *Иллюстрированная Россия* появилась большая статья писателя Н.Н. Брешко-Брешковского, посвященная памяти скончавшегося юмориста, некоторые выдержки из которой также уже приводились (см. выше, с. 18, 20, 33, 47, 52, 62). Статья начинается словами:

Вот уже десять лет минуло, как ушел от нас Аверченко, ушел навсегда. Но как-то не верится, что его нет, что он умер⁴².

Давая затем в статье сведения о жизни и деятельности Аверченко, автор высказывает в конце статьи сожаление, что об Аверченко мало пишут его «братья-писатели». Наоборот, читатели, по мнению автора статьи, оказались более постоянными в своей верности любимому юмористу:

Читатель не забыл Аверченко. Растет новый читатель среди молодого поколения. В отчетах двухсот пятидесяти библиотек эмигрантского зарубежья Аверченко стоит на одном из первых мест⁴³.

Упрек Брешко-Брешковского, брошенный «братьям-писателям», был не вполне справедлив. В русской зарубежной периодической печати того времени все же удалось найти несколько сообщений, из которых явствует, что друзья Аверченко и его коллеги-журналисты не упустили случая откликнуться на десятилетие со дня его смерти. Так, например, в рижской газете *Сегодня* находим следующее сообщение в связи с исполнившимся десятилетием со дня смерти Аверченко:

Памятник на могиле Аркадия Аверченко
на Ольшанском кладбище в Праге.
Фотография 1971 г.

10-летие со дня смерти талантливого писателя-юмориста решил, между прочим, отметить венский радиодифон. 16 марта в 5.30 дня Пауль Прангер будет читать в венском радиодифоне отрывки из произведений Аверченко. Вступительное слово скажет Морис Гиришман⁴⁴.

Через месяц в той же газете ее литературный критик Петр Пильский, давая свой очередной литературно-критический обзор, поместил в нем несколько строк, в которых коснулся вопроса об отношении покойного юмориста к женщинам и детям. Пильский писал:

Только что исполнилось 10 лет со дня смерти Аркадия Аверченко. Одна из лучших его книг называлась «О маленьких для больших». В надписи, сделанной им на экземпляре, подаренном мне, звучала грустная нотка: «Если я так люблю чужих детей, то как бы я любил и ласкал своих». Почему Аверченко не женился, не стал отцом, — другой вопрос. Думаю, что в своем тайном скептицизме он не особенно доверял женщинам вообще, не вручил бы им судьбу собственной жизни и своего счастья⁴⁵.

Разразившаяся через четыре года вторая мировая война привела к необычайным разрушениям и опустошениям многих европейских городов, в том числе и тех, которые представляли собой в период между двумя мировыми войнами крупные культурные центры русской эмиграции. На ее рядах, и до того постоянно редевших по причинам естественным, катастрофические годы войны сказались особенно тяжело. Политические изменения в Европе, с которыми был связан исход войны, привели к тому, что те русские эмигранты, которые благополучно ее пережили, принуждены были подвергнуться вторичному всесветному рассеянию. Значительная часть уцелевших эмигрантов должна была покинуть насиженные места, и ряд прежних центров эмиграции опустел. В числе этих опустевших центров русской эмиграции оказалась и Прага, которой почти не коснулись военные разрушения, но которую большинство русских предпочло покинуть перед занятием Чехословакии советскими войсками.

Не пострадали от военных действий ни могила Аверченко, ни воздвигнутый над ней памятник, но теперь некому заботиться о месте упокоения русского писателя. О том, что это место, о котором прежде постоянно бережно заботились русские пражане, в настоящее время никем не содержится в порядке и постепенно приходит в забвение и запустение, находим недвусмысленное свидетельство советского писателя Г. Е. Рыклина, который пишет:

Дождь лениво и небрежно смывал пыль с могильных плит и крестов. Мы, группа советских туристов, ходим по длинным улицам и укромным переулкам Ольшанского кладбища в окрестностях Праги.

Хорошо помню, как я был поражен, очутившись перед одной запущенной могилой. Как?! Неужели это он? Неужели он здесь, на окраине чехословацкой столицы? Сомнений быть не может. На пожелтевшей, слегка треснувшей мраморной доске буквы, которые когда-то были похожи на золотые, рассказывают коротко и ясно: «Здесь покоится русский писатель А.Т. Аверченко»⁴⁶.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Эти подробности болезни Аверченко приводятся на основании статьи К.П. Бельговского (появившейся уже после смерти писателя) «Ход болезни Аркадия Аверченко (Письмо в редакцию)», напечатанной в газете *Новое Русское Слово* (Нью-Йорк), 1925, 4 апреля.
- ² Болезнь А.Т. Аверченко. — *Руль* (Берлин), 1924, 30 июля.
- ³ Русские писатели летом. — *Руль* (Берлин), 1924, 7 августа.
- ⁴ Awertschenko im Elend. Вырезка из газеты *Berliner Börsen-Courier*, 1924, № 388. — *Архив Аверченко*. Заметка приводится в переводе на русский язык.
- ⁵ Аверченко А.Т. Письмо в редакцию газеты *Новые Русские Вести* (Хельсинки). Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*. Схожие письма в редакцию находим в газетах *Руль* (Берлин) (1924, 24 августа), *Новое Русское Слово* (Нью-Йорк) (1924, 6 сентября) и *Сегодня* (Рига) без указания числа.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Оречкин Б.С. Рыцарь улыбки. — Статья памяти Аверченко, вырезка (по-видимому, из берлинского *Эхо*) без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Бельговский К.П. Ход болезни Аркадия Аверченко. Письмо в редакцию.
- ¹⁰ Бельговский К.П. Как умирал Аркадий Аверченко. — *Сегодня* (Рига), 1925, 17 марта.
- ¹¹ Там же.
- ¹² [Бельговский К.П.] Последние дни Аверченко. — *Сегодня* (Рига), 1925, 13 марта.
- ¹³ Belgovskij Konst. Die letzten Tage Arkadij Awertschenkos. — *Prager Presse*, 1925, März, № 71. Слова из статьи приводятся в переводе на русский язык. Об этом же эпизоде Бельговский сообщает в указанной статье «Последние дни Аверченко».
- ¹⁴ Бельговский К.П. Ход болезни Аркадия Аверченко.
- ¹⁵ Бельговский К.П. Как умирал Аркадий Аверченко.
- ¹⁶ Модрас Н.В. Письмо сестре Аркадия Аверченко, О.Т. Фальченко. Прага, 1925, июнь. — *Архив Аверченко*.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.

- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Бельговский К.П. Как умирал Аркадий Аверченко.
- ²¹ Там же.
- ²² На похоронах Аркадия Аверченко. — *Новое Русское Слово* (Нью-Йорк), 1925, 26 марта.
- ²³ [Бельговский К.П.] Последние дни Арк. Аверченко. — *Новое Русское Слово* (Нью-Йорк), 1925, 2 апреля.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Arkadij Awertschenko gestorben. — *Prager Presse*, 1925, 12 März, № 70.
- ²⁶ Похороны А.Т. Аверченко. — *Последние Новости*, 1925, 20 марта.
- ²⁷ На похоронах Аркадия Аверченко.
- ²⁸ Там же. См. также: К погребению А.Т. Аверченко. — *Руль* (Берлин), 1925, 18 марта.
- ²⁹ Сообщения об этом находим в газетах *Сегодня* (Рига), 1925, 21 марта, *Русская Газета* (Париж) и *Руль* (Берлин), 1925, 19 марта.
- ³⁰ Вечер памяти А.Т. Аверченко. — *Последние Новости* (Париж), 1925, 26 марта. См. также: Вечер памяти А.Т. Аверченко в Париже. — *Новое Русское Слово* (Нью-Йорк), 1925, 19 апреля.
- ³¹ Памяти Арк. Аверченко. — *Руль* (Берлин), 1925, 26 мая.
- ³² Опека над наследством А.Т. Аверченко. — *Руль* (Берлин), 1925, 27 марта.
- ³³ Бельговский К.П. Письмо сестре Аркадия Аверченко, О.Т. Фальченко, Прага, 1927, 25 ноября. — *Архив Аверченко*.
- ³⁴ Швиговский В.Ф. Письмо сестре Аркадия Аверченко, О.Т. Фальченко, Прага, 1927, 15 октября. — *Архив Аверченко*.
- ³⁵ *Иллюстрированная Россия*, 1926, № 10 (43), с. 6.
- ³⁶ Бельговский К.П. Письмо сестре Аркадия Аверченко, О.Т. Фальченко.
- ³⁷ Б. Конст. [Бельговский К.П.] Открытие памятника на могиле А.Т. Аверченко. — *Сегодня* (Рига), 1930, 30 декабря. Там же — снимок памятника.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Панихида по А.Т. Аверченко в Праге. — *Сегодня* (Рига), 1930, 16 марта.
- ⁴¹ Горный С. [Оцуп А.А.] Памяти А.Т. Аверченко. — *Руль* (Берлин), 1930, 28 апреля.
- ⁴² Брешко-Брешковский Н.Н. А.Т. Аверченко. К десятилетию со

дня смерти русского юмориста. — *Иллюстрированная Россия* (Париж), 1935, № 13.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Десятилетие со дня смерти Аркадия Аверченко. — *Сегодня* (Рига), 1935, 15 марта.

⁴⁵ Пильский П.М. Аверченко и дети. — В статье: «Юра» — новая книга В. Корсака. — *Сегодня* (Рига), 1935, 13 апреля.

⁴⁶ Рыклин Г.Е. Несколько слов о «Сатириконе». — В кн.: Поэты «Сатирикона». М.—Л.: Советский писатель, 1966, с. 5.

Установить дословный текст надписи на памятнике удалось только после написания диссертации. Как явствует из полученного фотографического снимка памятника, высеченная в его верхней части надпись гласит:

по-чешски —

A.T. AVERÈENKO

Ruský spisovatel.

по-русски —

А.Т. Аверченко

род. 6.Ш. 1884 в Севастополе.

умер 12.Ш. 1925 в Праге.

В нижней части памятника высечена надпись, сообщающая о сооружении памятника 26 декабря 1930 г. чешско-русским обществом «Мир». Эта надпись на чешском языке гласит:

Pomník tento postavil

Rusko-èeský spolek

«MIR»

Praha 26. XII. 1930

Как видно из текста надписи на памятнике, при его сооружении пражские друзья и почитатели Аверченко обозначили как год его рождения 1884, а не 1881, который следовало бы признать действительным годом рождения писателя (см. об этом выше, на с. 9—11).

Часть вторая

**ПИСАТЕЛЬСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Глава первая

ПЕРВЫЕ ШАГИ

О начале своей писательской карьеры Аверченко рассказывает:

Литературная моя деятельность была начата в 1905 году и была она, как мне казалось, сплошным триумфом. Во-первых, я написал рассказ... Во-вторых, я отнес его в «Южный Край». И в-третьих, (до сих пор я того мнения, что в рассказе это самое главное), в-третьих, он был напечатан!

Датируя начало своей литературной деятельности 1905 годом, Аверченко, очевидно, допускает ошибку. На это указывает Михайлов, сообщая, что еще 31 октября 1903 года в харьковской газете *Южный Край* появился рассказ Аверченко «Как мне пришлось застраховать жизнь». По словам Михайлова, этот рассказ — вариант появившегося впоследствии в журнале *Сатирикон* рассказа Аверченко «Рыцарь индустрии»². В нем речь идет о назойливом коммивояжере Цацкине — персонаже, не раз фигурировавшем в рассказах Аверченко.

Был ли упоминаемый Михайловым рассказ, напечатанный в газете *Южный Край*, единственной пробой пера Аверченко до революционных событий 1905 года — не удалось установить за отсутствием в зарубежных библиотеках комплектов тогдашних харьковских газет. По

той же причине невозможно было проверить, когда стали впервые появляться рассказы Аверченко в харьковской газете *Утро*. О том, что он сотрудничал в этой газете в первоначальный период своей писательской деятельности, упоминается в тех кратких сведениях об Аверченко, которые можно найти в русских энциклопедиях³.

Решение всецело отдаться журналистике и бросить службу в конторе в воспоминаниях самого Аверченко связывается с революционным 1905 годом, о чем он писал:

[...] подкатился 1905 год, и, подхватив меня, закрутил, как щепку. Я стал редактировать журнал «Штык», имевший в Харькове большой успех. и совершенно забросил службу⁴.

Эти слова Аверченко нуждаются в некотором фактическом дополнении. Дело в том, что первым юмористическим журналом, в котором он начал печататься, был не *Штык*, а юмористический листок *Харьковский будильник*. Его включает в свой список сатирико-юмористических журналов А. Тимонич, указывая, что в 1905 году вышел первый выпуск этого журнала в харьковском издательстве «Иголочка». Не называя ни редактора, ни сотрудников *Харьковского будильника*, Тимонич ограничивает сведения, сообщаемые им об этом листке, следующей отметкой: «А. Аверченко. Д. ц. 28/2 — 1905»⁵.

Роль Аверченко в издании *Харьковского будильника* полностью не выяснена за неимением каких-либо других сведений об этом листке. Вероятно, однако, что сотрудничество в нем было первым шагом Аверченко на поприще работы в юмористическом журнале. За это говорит и дата выхода журнала, то есть 1905 год, который, по словам писателя, «подхватил и закрутил» его.

Упомянутый Аверченко *Штык*, — журнал сатирической литературы и юмора, — начал выходить в Харькове только годом позже. Более подробные сведения находим об этом журнале в двух советских трудах, посвященных сатирико-юмористическим журналам периода 1905—1907 годов.

Первый из этих трудов — книга Боцяновского и Голлербаха, в которой говорится, что первый номер *Штыка* вышел в 1906 году, а о самом журнале отмечается, что «он не только редактировался, но почти целиком заполнялся прозой, стихами и даже рисунками Аркадия Аверченко»⁶.

В появившемся позже труде Тимонича о журнале *Штык* даются более подробные сведения. Тимонич не соглашается со словами Минцлова, сказанными насчет *Штыка*, то есть, что вышло много номеров этого журнала и «все плохих», и замечает:

Прежде всего не так уж много, а всего девять номеров, а во-вторых, мы считаем, что такая критика очень строга и несправедлива. По внешнему виду журнал безусловно не плохой, принимая во внимание, что он печатался в провинции⁷.

Автор той же книги дальше сообщает подробные сведения о том, в какой типографии *Штык* печатался, в каком размере выходил, а также указывает, что редактором журнала сперва был А.И. Бахмач, а затем — А.Т. Аверченко. Перечисляя также сотрудников журнала, Тимонич под конец отмечает:

Рисунки: А. Аверченко, Л. Кисличенко.

В № 6 портрет М. Горького работы А. Аверченко⁸.

Журнал *Штык* за истекшее время стал библиографической редкостью, и в зарубежных библиотеках не удалось найти полного комплекта всех девяти вышедших номеров. Пришлось ознакомиться лишь с фотокопиями трех номеров этого издания (№№ 6, 7 и 8) и на их основании составить себе представление о его внешнем виде, общем содержании и участии в нем Аверченко как сотрудника и иллюстратора журнала.

В просмотренных номерах *Штыка* Аверченко уже значится редактором журнала, а содержание последнего, как правильно отметили Боцяновский и Голлербах, в значительной степени принадлежит перу Аверченко. Свои более длинные и интересные рассказы в этих номерах

Штыка он подписал своим полным именем и фамилией или «А. Аверченко», а остальные произведения, более короткие юморески и каламбуры, — разными псевдонимами. В указанных номерах журнала встречаются псевдонимы: «Аз», «Аркадий А.», «Аркадий Аз.», «Альт», и «Мимоза». Театральные заметки под заголовком «Около Мельпомены» Аверченко подписывал инициалом «А».

Как отмечается в словаре псевдонимов Масанова, в номерах журнала *Штык* Аверченко пользовался также псевдонимами «А.А.», «Ав. Аркадий», «А-ко Аркадий», и наконец «Арк. А.»⁹.

Следует отметить, что в этот период начала своей журналистической деятельности Аверченко выступал и как рисовальщик. Его рисунки (за подписью А. Аверченко) появляются на обложках журнала и как иллюстрации в тексте. Помимо этих рисунков, Аверченко в ту пору брался и за рисование шаржей на известных лиц. Например, в 6-м номере *Штыка* был помещен шарж Аверченко на Максима Горького. Горький изображен сидящим за письменным столом, держа в руке большое гусиное перо, которым он уже вывел заглавие на рукописи: «Город желтого дьявола».

Под шаржем короткий текст, гласящий:

— Тысяча желтых дьяволов!! Публика, кажется, опять стала забывать обо мне¹⁰.

По-видимому, Аверченко рисовал свой шарж с известного портрета Горького начала девятисотых годов, где писатель изображен в косоворотке. Лицо, изображенное в шарже Аверченко, имеет большое сходство с этим портретом Горького. Михайлов, также упоминающий в своей статье о шарже Аверченко, с этим не согласен и отзывается о рисунке как о «плохом шарже, весьма отдаленно напоминающем Максима Горького»¹¹.

Об обстоятельствах своего первого личного знакомства с Горьким Аверченко, впоследствии, будучи уже политическим эмигрантом, рассказал иностранным журналистам, давая в 1922 году в Братиславе интервью представителю местной венгерской газеты. Из этого интервью узнаем, что Авер-

ченко, будучи совсем молодым, начинающим писателем, навещил проживавшего тогда в Ялте Максима Горького и передал ему для отзыва несколько своих рассказов. Через несколько дней Аверченко получил сухое короткое письмо, в котором Горький писал: «Господин Аверченко, бросьте писать, так как из вас никогда не выйдет писатель»¹².

В том же интервью Аверченко еще рассказал, что через семь лет, когда он в России уже приобрел известность как писатель-юморист, он опять встретился с Горьким. На сей раз на острове Капри, где он посетил его, путешествуя впервые по Италии. Здесь Аверченко напомнил Горькому о нелестном совете, полученном от него при первой встрече. Горький будто бы забыл (или сделал вид, что забыл) об этом эпизоде и только ответил, что если он и дал такой совет, то Аверченко поступил правильно, не последовав ему.

Для него самого, как Аверченко пояснил журналисту, случай с Горьким послужил хорошим уроком. Аверченко поставил себе правилом никогда не отталкивать неосторожным категорическим суждением начинающего писателя и соблюдал это правило будучи редактором *Сатирикона*. Это помогло ему привлечь к сотрудничеству в журнале молодые таланты.

Рассказанный Аверченко эпизод мог бы послужить дополнительным штрихом к той характеристике Горького, которую, со своей стороны, дал Куприн, написавший:

Судьба одарила этого странного писателя несомненным умом и подлинным большим талантом, но совсем обидела его вкусом, мерюю и юмором¹³.

Этим отсутствием чувства юмора, по-видимому, в какой-то мере объясняются неприязненно-презрительные отзывы об Аверченко в тех немногочисленных строках, в которых Горький упоминает о нем в своих сочинениях¹⁴.

Свои способности рисовальщика карикатур и шаржей Аверченко впоследствии не развивал или, может быть, он обнаружил вскоре недостаточность своего таланта в этой области и поэтому прекратил заниматься рисованием.

Иначе дело обстояло с его дарованием фельетониста и писателя коротких юмористических рассказов. В трех упоминавшихся номерах *Штыка* было напечатано несколько весьма удачных фельетонов и рассказов, которые по своему построению и стилю уже вполне напоминают более поздние произведения этого жанра, создавшие через несколько лет Аверченко репутацию одного из талантливейших юмористов России. Некоторые из рассказов, опубликованных в *Штыке*, были напечатаны без изменений в петербургских журналах *Стрекоза* и *Сатирикон*¹⁵.

В юмористическом изображении самого Аверченко его многосторонняя деятельность по редактированию и заполнению содержанием журнала *Штык* вскоре закончилась закрытием журнала.

Случилось это будто бы следующим образом:

Лихорадочно писал я, рисовал карикатуры, редактировал и корректировал, и на девятом номере дорисовался до того, что генерал-губернатор Пешков оштрафовал меня на 500 рублей, мечтая, что немедленно заплачу их из карманных денег¹⁶.

Известно, что *Штык* действительно прекратил свое существование на 9-ом номере, и нет оснований сомневаться в том, что он был закрыт по распоряжению властей. Это подтверждается и тем обстоятельством, что следующий журнал, который редактировал Аверченко, был как бы продолжением закрытого *Штыка*. Этот новый журнал, под названием *Меч*, печатался в той же типографии, где раньше печатался *Штык*, и издательницей *Меча* опять значилась Е.А. Тихонович.

Из списка сатирических журналов в книге Тимонича явствует, что в течение 1907 года было выпущено три номера журнала *Меч*, в которых большая часть содержания принадлежала перу Аркадия Аверченко. В журнале, как указывает Тимонич, встречаются также уже знакомые по *Штыку* псевдонимы Аверченко: «Мимоза», «Интервьюер», «Аз», «Альт». Рисунки в журнале сделаны Аркадием Аверченко¹⁷.

Сведения, сообщаемые Тимоничем, совпадают с тем, что об этом журнале говорит сам Аверченко в своей «Автобиографии»:

И я уехал, успев все-таки до отъезда выпустить 3 номера журнала «Меч» [...] ¹⁸

К сожалению, не было возможности ознакомиться хотя бы с одним номером журнала *Меч* и выяснить, какие именно из ранних произведений Аверченко были в нем опубликованы.

Первые литературные шаги Аверченко, сделанные им за время его шестилетнего пребывания в Харькове, оказались прекрасной практической школой в смысле знакомства с работой редакторской, а также и со спецификой оформления юмористического журнала.

Обогащенный таким разносторонним опытом, Аверченко уезжает в конце 1907 года в столицу.

О первых месяцах пребывания Аверченко в Петербурге Михайлов говорит:

В столице ему пришлось начинать сотрудничать во второстепенных изданиях, в том числе в плохоньком, терявшем подписчиков журнале М.Г. Корнфельда «Стрекоза»¹⁹.

Какие другие издания, кроме *Стрекозы*, имеет в виду Михайлов — неясно, но это и не так существенно, принимая во внимание ту исключительную роль, которую сыграло в писательской судьбе Аверченко его сотрудничество именно в журнале Корнфельда. Просмотр комплекта номеров журнала *Стрекоза* за 1908 год показывает, что Аверченко с самого начала этого года весьма деятельно сотрудничал в этом журнале, где ему предстояло установить свою репутацию писателя-юмориста. Эта работа, можно полагать, в значительной степени поглощала его время и энергию.

Работу Аверченко в *Стрекозе* было бы правильно относить еще к первому, начальному этапу его писательской деятельности. По существу, эти первые месяцы петербургской жизни были как бы кратковременным дебю-

том провинциального начинающего писателя-юмориста перед искусственной и придирчивой столичной публикой. На страницах журнала *Стрекоза* за время с начала января 1908 года по 1 июня того же года появился ряд его фельетонов, рассказов и шаржей (числом 14) и несколько театральных рецензий. При этом любопытно отметить, что первый из напечатанных в *Стрекозе* рассказов носил название «Дебютант».

Почему Аверченко в своей «Автобиографии» опускает упоминание о своей работе в *Стрекозе*²⁰, — не совсем понятно, вероятнее всего, что он не считал существенным, упоминание о своем кратковременном сотрудничестве в этом журнале, вскоре прекратившем свое существование. Во всяком случае, когда он через пять лет вспоминал о своих первых петербургских шагах, Аверченко упоминает работу в *Стрекозе*, говоря:

Даже в момент моего первого появления в «Стрекозе», когда она уже была серьезно реформирована, когда ее печатали в несколько красок, когда уже большинство будущих сатириконцев работало в ней — она все же не вызывала ничьего внимания, ни один новый читатель не заинтересовался ею²¹.

Вполне вероятно, что число подписчиков *Стрекозы* не изменилось со времени начала сотрудничества Аверченко в этом журнале. Однако есть авторитетное свидетельство о том, как появление нового, неизвестного столичной публике юмористического таланта не осталось все же незамеченным. Куприн вспоминает, как он однажды сидел в пивной лавке на углу Чернышева переулка и Фонтанки, где искусно варили раков, и читал *Стрекозу*:

Я прочитал в «Стрекозе» один из прелестных маленьких рассказов Аверченко, а прочитав, взволновался, умилился, рассмеялся и обрадовался²².

Так оценил дебют Аверченко известный уже на всю Россию писатель, и вместе с ним, можно думать, порадовались юмору Аверченко и другие читатели журнала. В то же время не менее важным обстоятельством для последу-

ющей литературно-журналистической деятельности Аверченко было то, что его работа в *Стрекозе* была несомненно оценена как издателем Корнфельдом, так и сотрудниками журнала. Через короткий срок Аверченко становится секретарем редакции, а начиная с вышедшего 6 июля 1908 года № 23 *Стрекозы* значится редактором журнала.

Когда возникла мысль превратить *Стрекозу* в более современное и отвечающее вкусам широкой публики юмористическое издание, решено было дать этому новому журналу и новое название. По свидетельству Аверченко, новое название — *Сатирикон* — было предложено художником А.А. Радаковым и утверждено после бурных прений²³.

Первый номер *Сатирикона* вышел 1 апреля 1908 года, и целых два месяца этот журнал выходил параллельно со старой *Стрекозой*, а затем, когда явно обозначился успех нового издания, произошло слияние или, вернее, поглощение *Сатириконом* старой *Стрекозы*.

Аверченко замечает:

Эта операция переименования нам удалась блестяще. Подписчики «Стрекозы» и опомниться не успели, как превратились в подписчиков «Сатирикона»²⁴.

Переходное время с начала апреля по начало июня, пока еженедельно выходили два разных издания, было временем напряженной работы Аверченко. Из просмотра номеров *Стрекозы* за это время выясняется, что Аверченко приходилось писать для каждого из этих изданий разные фельетоны, рассказы и театральные рецензии. Несомненно, что первые месяцы усиленной работы в редакции преобразуемой *Стрекозы* упрочили репутацию Аверченко как талантливого юмориста, как работоспособного и полного новых и оригинальных замыслов редактора и как способного организатора.

Только первые номера *Сатирикона* подписываются Радаковым, а с 9-го номера журнал расширяется (вместо прежних 12-ти теперь еженедельно выходит 16 страниц), и его редактором становится Аркадий Аверченко.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Аверченко А.Т. Автобиография. — В кн.: Аркадий Аверченко. Веселые Устрицы. Юмористические рассказы, изд. 3-е. С.-Петербург, изд-во М.Г. Корнфельда, 1910, с. 13.
- ² Михайлов О. Аркадий Аверченко. — В кн.: Аркадий Аверченко. Юмористические рассказы. М., Художественная литература, 1964, с. 5. Рассказ «Рыцарь индустрии» был напечатан в журнале *Сатирикон*, 1909, № 33, с. 7—8.
- ³ Новый Энциклопедический Словарь, т. 1. С.-Петербург, 1911, с. 191 и Большая Советская Энциклопедия, изд. 1-е, т. 1. М., 1926, с. 142.
- ⁴ Аверченко А.Т. Автобиография с. 13.
- ⁵ Тимонич А.А. Русские сатирико-юмористические журналы 1905—1907 годов. Материалы для библиографии. М., 1930, с. 124.
- ⁶ Боцяновский В., Голлербах Э. Русская сатира первой революции 1905—1906 гг. Л., Государственное издательство, 1925, с. 69.
- ⁷ Тимонич А.А. Указ. соч., с. 127.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей, т. I — IV. М., изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1956—1960, т. 1, с. 28, 67, 71, 79.
- ¹⁰ *Штык* (Харьков), № 6, с. 16.
- ¹¹ Михайлов О. Указ. соч., с. 6.
- ¹² Major Dezső. Beszélgetés Arkadij Avercsenkovál. — *Jövö* (Bratislava), [1922, 18 августа]. — *Архив Аверченко*.
- ¹³ Куприн А.И. Аверченко и «Сатирикон». — *Сегодня* (Рига), 1925, 29 марта.
- ¹⁴ Горький М. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 25. М., Государственное издательство художественной литературы, 1949—1955, с. 478; т. 27, с. 311 и т. 29, с. 123.
- ¹⁵ Так, например, фельетон «Тяжелый характер», напечатанный в журнале *Штык* № 6, впоследствии появился в журнале *Сатирикон*, 1908, № 28, под измененным названием «Раб закона» за подписью «Медуза-Горгона» (причем опущен был эпиграф, как потерявший свою актуальность), а фельетон «Из-за презренного металла», напечатанный в журнале *Штык*, № 8, был затем помещен под тем же названием в журнале *Стрекоза*, 1908, № 20.
- ¹⁶ Аверченко А.Т. Автобиография, с. 13.

- ¹⁷ Тимонич А.А. Указ. соч., с. 86.
- ¹⁸ В «Автобиографии» на с. 14 сказано: «Первые мои шаги были связаны с основанным нами журналом „Сатирикон“».
- ¹⁹ Михайлов О. Указ. соч., с. 6.
- ²⁰ Аверченко А.Т. Автобиография, с.14.
- ²¹ Аверченко А.Т. Мы за пять лет. — *Новый Сатирикон*, 1913, № 28, с. 6.
- ²² Куприн А.И. Указ. соч.
- ²³ Аверченко А.Т. Мы за пять лет, с. 7.
- ²⁴ Там же.

Глава вторая

АВЕРЧЕНКО И «САТИРИКОН»

Редакторская работа Аверченко в ведущем столичном журнале юмора и сатиры продолжалась немногим более целого десятилетия. С формальной точки зрения этот десятилетний период необходимо разбить на два, внешне как будто различных этапа, а именно: 1)редактирование и сотрудничество в журнале *Сатирикон*, владельцем которого был М.Г. Корнфельд, и 2)редактирование и работа в журнале *Новый Сатирикон*, издававшемся товариществом *Новый Сатирикон*, владельцами которого на равных паях были Аверченко, Радаков и Ремизов.

Прекращение существования *Сатирикона* и появление журнала под названием *Новый Сатирикон* связано с конфликтом, который возник в мае 1913 года между издателем *Сатирикона* Корнфельдом — с одной стороны, и тремя сотрудниками журнала: Аверченко, Радаковым и Ремизовым — с другой. 10 мая упомянутого года вышел № 19 *Сатирикона*, в котором в последний раз Аверченко значился как редактор журнала и в котором была помещена заметка «От редактора» следующего содержания:

Прошу всю адресованную на мое имя корреспонденцию направлять по адресу: СПб, улица Гоголя, 9, Аркадию Тимофеевичу Аверченко¹.

Очередной, 20-й номер *Сатирикона* вышел 17 мая за подписью одного лишь Корнфельда в качестве «редактора-издателя». В этом номере Аверченко доводил до сведения читателей, что он больше не состоит редактором журнала.

Разбираться во всех обстоятельствах, приведших Корнфельда к конфликту с его сотрудниками, не представляется существенным. Конфликт освещен обеими сторонами в ряде документов², из содержания которых здесь отмечается лишь тот факт, что 18 мая издатель *Сатирикона* Корнфельд передал на рассмотрение суда чести при Всероссийском Литературном Обществе свой конфликт с членами редакции журнала: Аверченко, Радаковым и Ремизовым. Последние со своей стороны выразили согласие на рассмотрение дела судом чести. Этот суд в составе В.Д. Набокова (председательствующего), С. А. Венгерова, Л.Ф. Пантелеева и Л.А. Слонимского собирався на заседания 5 и 7 июня, причем во время второго заседания выяснилось, что обе стороны в своих изданиях не прекратили взаимных нападок даже тогда, когда суд чести уже приступил к рассмотрению спора. Принимая во внимание такое нарушение обязательных условий при обращении к суду чести, последний единогласно постановил:

Признать, что дальнейшее рассмотрение данного дела было бы излишне и не соответствовало бы достоинству суда чести, и потому все производство прекратить³.

Попытки разрешить спор путем возобновления его рассмотрения в суде чести (на что суд согласился) или третейским судом — ни к чему не привели, так как постепенно стало выясняться, что в основе спора в сущности лежали не этические соображения, а материальные, которые должны были поступить на рассмотрение коронного суда. К нему обе стороны и обратились по некоторым вопросам своих материальных взаимоотношений.

На вопрос, заданный Корнфельду в Париже в 1964 году о роли, которую сыграл в конфликте Аверченко, бывший издатель *Сатирикона* ответил:

В основе конфликта были вопросы материального порядка, а зачинщиком в споре был отнюдь не Аркадий Аверченко, а Радаков. Аверченко ушел из журнала под влиянием Радакова, с которым был очень близок⁴.

Это свидетельство совпадает с тем, что выясняется из содержания документов, опубликованных в свое время обеими сторонами в конфликте. Поэтому объяснение возникновения конфликта другими причинами, как это делается, например, в статье о русской журналистике советского автора К.Д. Муратовой, — должно быть отвергнуто. Муратова пишет:

Оскудение журнала «Сатирикон» вызвало уход из него коренных сотрудников журнала, основавших в июне 1913 года журнал «Новый Сатирикон»⁵.

Равным образом, нельзя согласиться и с другим утверждением того же автора. Продолжая сообщение об основании *Нового Сатирикона*, Муратова говорит об этом журнале:

По тону своему он вначале несколько отличался от «Сатирикона» 1910 — 1913 годов. Наряду с бытовой сатирой в нем стала появляться политическая тематика. За нападки на царскую бюрократию журнал подвергался цензурным репрессиям⁶.

Просмотр номеров *Сатирикона* за указываемые Муратовой годы убедительно показывает, что и тогда уже политическая тематика была представлена в журнале заметным образом, вследствие чего Аверченко, как его ответственный редактор, имел в то время неприятности с цензурой⁷.

На самом деле, Аверченко и его ближайшие сотрудники повели дело издания своего *Нового Сатирикона* в том же духе и в том же стиле, в каких они до того с таким успехом вели *Сатирикон*. Это, впрочем, отмечает также другими советскими авторами. Биограф Маяковского, В.О. Перцов, упоминая в своем труде Аверченко и основание им нового журнала, говорит:

Его «Новый Сатирикон», мало чем по своему духу и направлению отличавшийся от старого [«Сатирикона»...]»⁸.

То же самое подтверждает и Михайлов, когда пишет об основании *Нового Сатирикона*, говоря:

Вплоть до лета 1914 года он продолжает и развивает традиции прежнего журнала [...]»⁹.

В том, что *Новый Сатирикон* фактически был продолжением *Сатирикона*, легко убедиться, сравнивая номера обоих журналов. Поэтому вполне справедливо то, что Аверченко сам писал от лица редакции в первом номере *Нового Сатирикона*:

Увидев заголовок «Новый Сатирикон», читатель, вероятно, в первый момент будет неприятно удивлен: — Что это за узурпаторы, назвавшие свое детище именем одного из самых популярных за последнее пятилетие журналов в России?

И, перелистав настоящий номер, читатель будет удивлен еще больше: он увидит в списке сотрудников весь, без исключения, состав ближайших фактических участников прежнего «Сатирикона».

Итак (только жизнь может ошеломить такими парадоксами), «Новый Сатирикон» — это старый «Сатирикон», а старый «Сатирикон» — это фактически новый «Сатирикон», начавший свою жизнь всего две—три недели тому назад [...]»¹⁰.

В этом же обращении к читателям редакция *Нового Сатирикона* советовала старому журналу избрать себе какое-нибудь новое название:

Потому что настоящий «Сатирикон» — это журнал нескольких индивидуальностей, а раз они все ушли in corpore — получится совершенно новый журнал, будем надеяться, даже лучший — но это не «Сатирикон»¹¹.

Однако старый *Сатирикон*, лишившись своего собственного, утвердившего репутацию журнала редактора и его талантливых сотрудников, не смог продолжать существования. Только с десятков номеров *Сатирикона* еще

появился после ухода Аверченко, а в конце июня 1913 года журнал перестал выходить.

В то же время *Новый Сатирикон* в короткий срок завоевал признание публики и обеспечил себя необходимым числом читателей и постоянных подписчиков. Аверченко смог уже в декабре того же года сообщить про свой журнал, что он «в течение трех месяцев достиг того же тиража, который имел при нас прежний *Сатирикон*¹².

Деятельность Аверченко в качестве редактора журнала требовала от него чрезвычайного напряжения сил, времени, изобретательности и одновременно — собственной творческой работы.

Хотя в журнале сотрудничал ряд известных писателей-юмористов и серьезных писателей-прозаиков и поэтов, а страницы его украшались выдающимися художниками и рисовальщиками-карикатуристами, сам Аверченко неизменно давал лично от себя для каждого очередного номера журнала значительную часть материала.

В этом можно убедиться, просматривая годовые комплекты *Сатирикона* и *Нового Сатирикона*.

В подтверждение сказанного выше приводятся несколько примеров, показывающих долю участия самого Аверченко, как писателя, в содержании номеров его журнала.

Вот, например, тот номер *Сатирикона*, который впервые был подписан Аверченко в качестве редактора и расширенный по объему до 16 страниц¹³. В нем находим:

Страница

- 2—3 за подписью «Аркадий Аверченко» — фельетон «Тяжелые времена» (на тему о трудностях работы редактора при существующих строгих правилах цензуры);
- 4—5 за подписью «Медуза-Горгона» — рассказ «Пропавшая калоша Доббльса» (пародия на рассказ Конан Дойля о сыщике Шерлоке Холмсе);

- 6—7 за подписью «Аркадий Аве» — театральная рецензия: «Театр и сад ФАРС»;
- 15 — за подписью «Аве» — «Почтовый ящик «Сатирикона».

Не менее показателен также хотя бы первый номер *Нового Сатирикона*, выпущенный во время конфликта с Корнфельдом¹⁴. В этом номере находим:

Страница

- 2 — за подписью «Редакция» — пояснение о причинах выхода нового журнала, по стилю, несомненно, принадлежащее перу Аверченко;
- 3 — за подписью «Фома Опискин» — фельетон «Кубок» (об околоточном, который намеревается взыскать с редактора штраф на основании нового закона о печати);
- 6—7 за подписью «Аркадий Аверченко» — рассказ «Одиннадцать слонов» (о некоем Стряпухине, верившем в приметы и потому собиравшем фарфоровых слонов);
- 13 — за подписью «Н. Сатирикон» — ответ *Нового Сатирикона* (на статью Корнфельда «Pro domo sua») тоже, по-видимому, написанный Аверченко;
- 14 — за подписью «Аве» — «Почтовый ящик «Н. Сатирикона».

В годы первой мировой войны хозяйственные затруднения отразились и на издательствах и вынуждали их к экономии расходовании бумаги. Это привело к тому, что и редакции *Нового Сатирикона* пришлось сократить объем журнала до 12 страниц. В этом урезанном содержании военных номеров журнала произведения Аверченко также занимают центральное место и свидетельствуют о непрекращавшемся творческом труде писателя и в изменившихся трудных условиях жизни.

В свете сказанного о роли Аверченко в деле заполнения литературным материалом очередных номеров редактируемого им журнала убедительно звучат слова Михайлова:

Но «гвоздем» каждого номера были произведения Аверченко, который устраивал на страницах «Сатирикона» веселый карнавал масок. Под псевдонимами Медуза-Горгона, Фальстаф, Фома Опискин Аверченко выступал с передовицами и злободневными фельетонами. Волк (тот же Аверченко) давал юмористическую «мелочь». Ave (все тот же Аверченко) писал о театрах, вернисажах, музыкальных вечерах и остроумно вел знаменитый «Почтовый ящик». И лишь рассказы он подписывал своей фамилией¹⁵.

Перечисленные в этой выдержке псевдонимы не исчерпывают всего того списка псевдонимов, которыми Аверченко пользовался за десятилетие своей редакторской и писательской деятельности. Подробный перечень псевдонимов Аверченко, которыми он подписывал свои произведения вплоть до того времени, когда он навсегда покинул Петроград, приводится в «Словаре псевдонимов» Масанова. Он насчитывает в общей сложности сорок восемь разных псевдонимов и их вариаций и указывает, где и когда Аверченко соответствующим псевдонимом подписывал свои произведения¹⁶.

Приведенные слова Михайлова о том, какой жанр своих произведений он подписывал тем или иным псевдонимом, тоже нуждаются в известной оговорке. Дело в том, что свои «мелочи» он, по-видимому, никогда не подписывал полным именем и фамилией. «Почтовый ящик» без исключения подписывался псевдонимом «Ave». Что касается его театральных рецензий, то, как правило, Аверченко подписывал их тоже псевдонимом «Ave». Но при просмотре всех десяти комплектов журнала выясняется, что некоторые рецензии он подписывал и другими псевдонимами, а именно: «Фальстаф», «Фома Опискин», «Марк Васильев», «М». и «М.В.», «Медуза-Горгона» и «Аркадий А.», а также — «Покойный Фома Опискин».

Следует, таким образом, признать, что у Аверченко не было вполне выдержанной «системы» применения псевдонимов для произведений различных жанров. Если такую систему Аверченко и имел в виду, то на практике он соблюдал ее лишь относительно.

Насколько плодovit Аверченко был за время своей редакторской деятельности, выясняется из подсчета его произведений, опубликованных в журнале с момента основания *Сатирикона* и вплоть до закрытия *Нового Сатирикона* в 1918 году. В этих журналах было напечатано общей сложностью свыше 650 рассказов, фельетонов и юморесок, не считая, конечно, его мелких вещиц (шуток, каламбуров, текстов-пояснений к рисункам) и театральных рецензий.

«Перья из хвоста» и «Волчьи ягоды». Писательская деятельность Аверченко не ограничивалась произведениями, которые появлялись за его подписью или псевдонимом. На страницах почти каждого журнала читатель находил раздел, носивший заголовок «Волчьи ягоды» или раздел «Перья из хвоста», а нередко даже оба эти раздела в одном и том же номере журнала.

В разделе «Перья из хвоста» публиковались короткие цитаты из современных русских газет и журналов на актуальные темы, к которым составитель отдела давал остроумные комментарии, уморительным образом высмеивая либо ошибки и неуклюжесть языка, либо глупость или бессмысленность сообщения, либо, наконец, ту или иную несуразность общественной или политической действительности, проявившейся в содержании цитаты.

Ниже приводятся две заметки из этого популярного среди читателей раздела журнала Аверченко, иллюстрирующие сказанное о «Перьях из хвоста».

В *Сатириконе* за 1910 год находим следующую заметку:

В великолуцком земском собрании обсуждали ассигнование пособия на памятник Тургеневу.

Гласный Творовский (Творовский — дети, помните!) сказал:

— Не стоит. Тургенев был самым заурядным писателем. — И потряс отрицательно головой... И когда потряс — все услышали тот характерный треск, который получается от вытряхивания из самовара перегоревших углей¹⁷.

А *Новый Сатирикон* в 1914 году отмечает:

В Умани чисто-местное радостное торжество: переход ноздри из женского рода в мужской. По крайней мере, «Провинц. голос» пишет: «Г. Илевский начал править и требовал смотреть к (?) нему правым глазом, ступать правой ногой, сморкаться и чихать правым ноздрем и т.д.» — Чего они пристают? — обидится «Провинциальный голос» — кулаком бы их по ухе, перестали бы на нас нападаться»¹⁸.

В разделе «Волчьи ягоды», который сперва назывался «Горошины (Мелочи журналистики)», высмеивались обывательские нравы или недостойные приемы провинциальных администраторов, общественных организаций и отдельных деятелей.

В обоих названных разделах (то есть и в «Перьях из хвоста» и в «Волчьих ягодах») внимание публики обращалось, между прочим, и на бессовестность плагиаторов, в частности тех, которые, по мере роста популярности Аверченко, без зазрения совести перепечатывали его произведения, не имея на то его разрешения. Аверченко протестовал против этого не только в обычном судебном порядке, но и высмеивая виновников нарушения его авторских прав. Вот что он, например, писал в 1910 году в разделе «Волчьи ягоды»:

Дневник происшествий

Дерзкий грабеж. — 16 октября на скромно живущего в Петербурге писателя Арк. Аверченко было совершено дерзкое нападение. Редакция газеты «Симбирянин», издающейся в Симбирске, набросилась на помянутого писателя, схватила за шиворот, ограбила у него рассказ «Четверг» из «Веселых устриц» и, изменив заглавие и фамилии действующих лиц, напечатала его за подписью какого-то Несчастливцева.

Пострадавший чувствует себя бодро¹⁹.

В том же разделе Аверченко далее сообщает в виде «Дневника происшествий» еще один случай плагиата:

Кража альбома. — У скромно проживающего в Петербурге Арк. Аверченко совершено похищение его «Альбо-

ма», напечатанного в «Одесских Новостях» и вошедшего потом в книгу «Зайчики на стене».

Обстоятельства дела заключаются в следующем: в журнале «Кривое Зеркало», издающемся в Москве, напечатан рассказ под заглавием «Фамильная Гордость», за подписью «Гамма».

Этот рассказ не должен быть фамильной гордостью упомянутого Гаммы, потому что он утащен почти целиком у Аверченко.

Здоровье пострадавшего плохо, т. к. в украденном рассказе он натолкнулся на такую фразу:

«Как-то, бродя по Сухаревке, Филареткину попался под руку кожаный альбом».

Как мог кожаный альбом бродить по Сухаревке? Неужели альбомы обладают способностью передвижения? Куда он брел? Зачем?

Эти тяжелые вопросы в конце расстроили слабое здоровье добродушного писателя.

Нельзя так²⁰.

Когда через несколько лет Аверченко приобрел известность не только как писатель рассказов и фельетонов, но и как автор театральных миниатюр и когда он сам стал выступать на благотворительных вечерах в качестве чтеца, его именем начали злоупотреблять разными иными способами. В 1916 году это дало повод к следующей заметке в «Волчьих ягодах»:

«Журнал Журналов» сообщает:

«В Сибири в настоящее время пожинает лавры некий новоиспеченный Аркадий Аверченко. Новый «Аверченко» выступает, как оказывается, с куплетами в тамошних кино». В газете «Голос Тайги» читаем:

«После каждого сеанса «Знаменитый трансформатор» Арк. Аверченко. Куплеты, трансформации на сцене и в публике».

Если во время «трансформации в публике» этого Аркадия Аверченко у кого-нибудь из зрителей пропадет кошелек — мы надеемся, что настоящего Аркадия Аверченко, живущего в Петрограде, не привлекут к ответственности за грехи его удивительного однофамильца.

А «Дальний Восток» сообщает другое:

«Опереточный антрепренер Вольский уехал в Петроград, где им законтрактована для Сибири и Дальнего Востока труппа А. Аверченко».

Когда Арк. Аверченко узнал, что у него есть собственная труппа, он впал в глубокое безвыходное изумление. Он даже не подозревал, что у него есть труппа²¹.

«Перья из хвоста» и «Волчьи ягоды» печатались обычно на страницах журнала без подписи, но в подборе материала для этих разделов и в весело-хлестких комментариях, вскрывавших непорядки и отрицательные стороны тогдашнего быта и общественно-политической жизни, чувствуется рука Аверченко. Поэтому его и считали автором-составителем этих разделов, о чем свидетельствуют, например, слова М.И. Ганфмана, написанные в его статье по случаю смерти писателя:

«Перья из хвоста», которые с таким мастерством выдергивал из политического и обывательского болота Аверченко, разлетались в виде острых стрел по всей России. И стрелы эти больно ранили, больно язвили²².

«Почтовый ящик «Сатирикона»». Аверченко лично вел и этот отдел, печатавшийся обычно на последних страницах текста журнала за подписью «Аве». В «Почтовом ящике» помещались ответы на присылаемые в редакцию журнала рукописи, о чем образно рассказывает один из близких сотрудников Аверченко по работе в *Сатириконе*, поэт А. Черный, в своей статье-некрологе. В ней он писал:

Почта приносила в *Сатирикон* со всех концов России груды рукописей (вернее сказать, «ногописей»). Оглушительно нелепые цитаты, смешившие всех в «Почтовом ящике», не сочинялись шутки ради самим редактором, как казалось многим. Сотни и сотни акцизных и почтово-телеграфных графоманов заваливали своими корявыми куплетами и набросками редакционный стол. Аверченко все сам читал, молниеносно процеживал, натывал несчастных авторов, как жуков, на булавки своего юмора, двумя-тремя словами распластывал на последней странице и хоронил на дне редакционной корзинки²³.

«Булавки юмора», на которые, по выражению А. Черного, натыкал незадачливых авторов Аверченко, заключались в резюме, которое давалось Аверченко вместе с цитируемой выдержкой из рукописи. Меткие замечания Аверченко, искрящиеся юмором, неизбежно вызывают в читателе, просматривающем комплекты *Сатирикона*, веселый смех. Михайлов по этому поводу справедливо замечает, что реплики Аверченко «не уступают блеском юмора, неожиданностью поворотов аверченковским рассказам»²⁴.

Обыкновенно свои «рецензии» Аверченко давал в предельно краткой и сжатой форме, как явствует из нескольких примеров, которые приводятся ниже.

Так, например, находим в «Почтовом ящике» следующую заметку Аверченко:

Обглаживать «переднюю ножку цыпленка» нельзя. Если же вы будете утверждать это — цыпленок может протестующе захрюкать²⁵.

В другом случае Аверченко цитирует присланное «рифмословие»:

Море мне шепчет песни свои,
Море мне лижет ботинки,
Море мне лижет ботинки мои,
Тихо смывая пылинки.

По поводу этого четверостишия Аверченко замечает:

Едва ли тот или другой способ чистки ваших ботинок может заинтересовать широкого читателя...²⁶

Некий Якубович из Одессы написал в редакцию:

Хочу сотрудничать, присылая корреспонденции. Меня в городе всякая собака знает.

Ответ Аверченко:

Рекомендация одесских собак для нашего журнала не обязательна²⁷.

Реже встречаются рецензии, имеющие вид почти самостоятельной короткой юморески. Это случилось, когда Аверченко создавал пародию на выдержку из присланного сочинения. Так, например, Аверченко цитирует в «Почтовом ящике» из присланной рукописи:

Никоноров прицелился в стоящего графа. Раздался выстрел... Граф, услышав выстрел, пожал плечами и хладнокровно уклонился в сторону. Пуля пролетела мимо.

Аверченко замечает:

Можно было бы написать так:

Около трех часов дня Никоноров выстрелил в графа. Граф, увидя летящую прямо в него пулю, пожал презрительно плечами и сказал:

— Не боюсь вашей пули. Возьму и отойду в сторону.

— Ха-ха! — зловеще засмеялся Н. — Не успеете.

— Не успею? Однако, вы слишком самоуверенны.

Пробило половину четвертого. Граф лениво отошел в сторону — и во время!. Через несколько минут пуля пролетела мимо него...

Можете забирать ваш рассказ!²⁸

Снабжая «Почтовый ящик» своими писаниями, его многочисленные «сотрудники» во всех концах России, которые знали, что за подписью «Аве» скрывается Аверченко, не раз пытались получить более подробные сведения о личности редактора журнала. Печатавая такие вопросы, Аверченко сопровождал их своими смешными пояснениями. Так, например, в связи с письмом некоего жителя Мелитополя, читаем:

Сообщите, пожалуйста, кроме того, кто Аверченко — русский он или нет?

Китаец.

О вас же не спрашиваем: все ясно и без того²⁹.

По поводу нелепо сформулированного вопроса, заданного другим читателем, приводится замечание:

Есть ли в продаже карточки Арк. Аверченко и как (?) это сделать?

Ввиду того, что названный писатель не является предметом первой необходимости — карточная система к нему еще не применена³⁰.

Читательница из Кисловодска обеспокоилась насчет фотогеничности редактора журнала. В «Почтовом ящике» ей была уделена такая заметка:

Ваш ледящий душу вопрос: «Почему Аркадий Аверченко так плохо выходит на фотографиях?» — убивает и его самого же. Положение отчаянное. Опасаются за жизнь.

Больше никаких вопросов не будет?³¹

Среди посылавших рукописи в редакцию журнала были, видимо, не только почитатели таланта Аверченко. Например, о читателе, подписавшемся «Глобус», который нелестно высказался о юморе Аверченко, в журнале говорится:

Откровенность Глобуса должна привлечь к нему все сердца. «Не знаю, понравятся ли вам мои рассказы, но (?) так, как пишет ваш Аверченко, может написать всякий дурак».

Оказывается — не всякий.

Вы, например, не так пишете. Хуже³².

Обидчивость безвестных провинциалов, пытавшихся испробовать свои писательские таланты, давала обильный юмористический материал для журнала и не могла ему повредить. Не так просто обстояло дело, когда на отказ напечатать присланный рассказ обижался кто-либо из составивших себе имя журналистов. Такой случай произошел с Д.И. Заславским, ставшим впоследствии известным фельетонистом советской *Правды*. Как сообщалось в связи с его смертью в 1965 году, до революции Заславский был одним из популярных публицистов в России. Кроме социалистической печати, он выдвинулся в качестве сотрудника радикальных газет *Киевская мысль* и петербургского *Дня*³³.

В *Киевской мысли* Заславский сотрудничал под псевдонимом *Notunculus*, и за такой подписью в этой газете

появилась весьма нелестная оценка *Сатирикона*, которая заканчивалась такими словами:

Предусмотрительные люди даже стараются на такое расстояние отойти от «Сатирикона», чтобы скрыть следы знакомства с ним³⁴.

Из заметки в разделе «Волчьи ягоды» выясняется, что именно послужило поводом для столь критических высказываний Заславского. Прочитав полностью слова Нотункулус'а, редакция журнала замечает:

Суровый приговор... Надеемся, что на вышеприведенное мнение почтенного публициста не повлиял тот немного запоздалый ответ в почтовом ящике этого номера, который мы адресуем почтенному публицисту из Киева г. Нотункулус'у, приславшему недавно нам свое произведение для помещения в «Сатириконе»³⁵.

В 1913 году, когда уже выяснился большой интерес читателей к «Почтовому ящику», Аверченко посвятил ему специальный номер *Нового Сатирикона*. Во вступительной статье к этому номеру, отмечая популярность «Почтового ящика», Аверченко особо откликнулся на часто высказывавшиеся сомнения:

Не может быть, чтобы цитаты «Почтового ящика» были настоящими. Слишком они дики. чудовищны... Ave, наконец, сам их выдумывает...³⁶

Этим сомневающимся в подлинности цитируемых выдержек из присылаемых рукописей Аверченко говорит:

Господа! Неужели вы не понимаете, что самый изощренный юморист не выдумает того, что дает прочный союз безграмотности с бесталанностью, пошлости — с претензией, напыщенности — с глупостью.

Зачем же придумывать, зачем трудиться, если так легко устроиться: распечатать сотню писем и дать на них десяток ответов³⁷.

В конце своей статьи Аверченко утешает безвестных сотрудников «Почтового ящика» и просит их не огор-

чаться и не опускать рук, потому что, как он говорил, «ни одно дарование не остается неотмеченным, ни одна строка непрочитанной». В подтверждение Аверченко указывает на трех постоянных сотрудников журнала, а именно: Владимира Воинова, Г. Ландау и Ив. Кузьм. Пруткова, о которых говорит как об «отысканных нами через «Почтовый ящик»³⁸.

Можно предположить, что усилия графоманов не только давали обильный материал для выбора смешных цитат и как бы зажигали фейерверк аверченковского юмора, но иной раз выполняли и другую, полезную для него функцию. Дело в том, что в некоторых посланных в «Почтовый ящик» вещицах заключалась сама по себе удачная игра слов, которую при умении можно было развить в юмористическое произведение. Так, например, в одном из номеров журнала находим в «Почтовом ящике» заметку:

Вы спрашиваете, почему говорят: вы-веска, а не ты-веска? Как вам сказать... Если вы пили с ней на брудершафт — можно назвать и так³⁹.

Напрашивается мысль, что, отделавшись такой репликой, Аверченко вместе с тем сохранил в памяти игру слов из присланной рукописи и впоследствии использовал ее в качестве основы для своего известного рассказа «Грозное местоимение».

Сомнения насчет того, кто в действительности сочинял цитаты, печатаемые в «Почтовом ящике», продолжали упорно высказываться читателями журнала, несмотря на неоднократные заверения редакции, что она их не сочиняла. Это, наконец, побудило Аверченко еще раз, уже в 1917 году, незадолго до февральской революции, написать для сведения читателей:

В тысячу первый раз мы энергично утверждаем, что наш почтовый ящик — отражение действительной умственной и политической жизни пишущей России. В тысячу первый раз мы должны указать на то, что гораздо легче брать из присылаемого готовый материал, чем трудиться над сочинением его⁴⁰.

В том же номере журнала, заключая «Почтовый ящик», Аверченко приводит выдержку из рукописи, присланной неким «Дряквой», и говорит:

— Дряква взывает: «Герзай мое тело! Я боли хочу!»
Все вы так говорите до первого тумака. А вздуй мы вас как следует — крику не оберешься!⁴¹

Работа по ведению «Почтового ящика» требовала немало внимания и времени от редактора, который должен был просматривать огромное количество присылаемой почты и систематически уделять этому делу определенные часы своего дня в редакции журнала. Это обстоятельство врезалось в память его ближайших сотрудников и специально ими отмечается. Так, упомянутый уже поэт А. Черный выступил в Париже на вечере памяти Аверченко со стихотворением, посвященным ему как редактору *Сатирикона*.

Часть стихотворения гласит:

А в сторонке в кабинете
Грузный, медленный Аркадий,
Наклонясь над грудой писем,
Почту свежую вскрывал:
Сотни диких графоманов
Изо всех уездных щелей
Насылали горы хлама, —
Хлама в прозе и стихах.

* * *

Ну и чушь! В зрачках хохлацких
Искры хитрые дрожали:
Взденет на кол — и аминь!⁴²

Аверченко как редактор и организатор. Личный вклад Аверченко в содержание журнала был, несомненно, велик. Но не только этим вкладом обеспечивался успех *Сатирикона*. На его страницах выступала целая плеяда талантливых писателей, юмористов и поэтов, создававшая разнообразие и вызывавшая неослабевавший интерес к журналу. С другой стороны, и внешнее оформление журнала

привлекало к себе внимание современной публики и делало его интересным в глазах широкой читательской массы.

Как говорит современный советский автор:

Художники «Сатирикона» (особенно Ре-Ми — Н. Ремизов, А. Радаков и др.) работали в совершенно новой манере, основу которой составляли свободное владение гротескно-шаржированной (но не абстрактно-схематической) линией, умение, не слишком безобразя человека подчеркиванием физического уродства, фактурой рисунка вызывать у зрителя ощущение того, что перед ним действительно сатирический персонаж⁴³.

Часть сотрудников журнала — художников и писателей — Аверченко унаследовал со времени реорганизации *Стрекозы* и основания *Сатирикона*. Другая часть привлекалась им к сотрудничеству постепенно. За десятилетие, в течение которого выходил *Сатирикон* и его фактическое продолжение — *Новый Сатирикон*, на страницах журнала встречаются имена писателей: Тэффи, О. Дымова, О. Л. Д'Ора, С. Горного, Петра Пильского, Влад. Азова и Аркадия Бухова; поэтов: Саши Черного и С. Городецкого, позднее также О. Мандельштама, В. Маяковского, Н. Гумилева и Н. Агнивцева, а иногда и произведения Л. Андреева, А. Куприна, Ф. Сологуба, М. Арцыбашева и А. Толстого.

Из художников кроме постоянных сотрудников Н. Ремизова, А. Радакова и А. Юнгера в журнале участвовали от времени до времени также художники: Л. Бакст, И. Билибин, А. Бенуа и М. Добужинский.

Как видно из приведенного списка, в журнале сотрудничала внушительная часть талантов тогдашнего литературно-художественного мира России. Что эти разнородные по своим вкусам, взглядам и личным качествам литераторы и художники мирно сотрудничали и что редакция журнала не переживала каких-либо серьезных потрясений (как это случилось в 1913 году в корнфельдовском *Сатириконе*), очевидно, в значительной степени было заслугой Аверченко.

На редакторском посту он проявил недюжинные организаторские способности, а его личные качества: ровность и мягкость в обращении с людьми, отзывчивость к их нуждам и особенностям, — способствовали созданию среди членов редакции и сотрудников журнала коллегиальных и дружеских взаимоотношений. Это обеспечивало плодотворность совместной работы и нашло отражение в ряде теплых воспоминаний бывших сотрудников Аверченко. Среди них следует в первую очередь отметить свидетельство ныне здравствующего Ремизова (Ре-Ми):

Редактировал журнал Аверченко единолично, и весь литературный материал проходил через его руки. Его отношение к сотрудникам и к литературному материалу было беспристрастное, он был отзывчив на все талантливое, и многим удалось «опериться» в «Сатириконе» при личном участии Аверченко⁴⁴.

С другой стороны, Ремизов отмечает, что общее направление журнала вырабатывалось коллегией, состоявшей из всех «коренников» журнала. Эта коллегия еженедельно собиралась на заседания. На них обсуждались темы рисунков и разбирались те актуальные события, на которые была желательна реакция журнала. Ремизов особенно подчеркивает ту благоприятную атмосферу, которая, по его словам, была «исключительной» и которая заключалась во взаимном уважении к работе друг друга и любви к общему делу. Он заканчивает соответствующую часть своих высказываний словами:

Эта атмосфера питала нас и морально поддерживала все годы существования журнала⁴⁵.

Не менее положительно о стиле редакторской работы Аверченко отзывается литературный критик Пильский, который хотя и не был постоянным сотрудником *Сатирикона*, но хорошо знал Аверченко по совместной работе в понедельничных газетах *Эпоха*, *Межа* и *Эшафот*. Подчеркивая уменье Аверченко не позволять себе быть скучным с другими, Пильский вспоминает:

У него и редакционные заседания «Сатириконе» проходили тоже серьезно и весело. Несколько раз нам пришлось работать в одних и тех же органах, бок о бок, и всегда он меня поражал своей деятельностью, внимательностью, какой-то трудовой логичностью, неторопливостью и внятностью⁴⁶.

Совмещение ряда качеств, среди которых особенно важно для успеха коллегиальной работы — умение объединять, примирять и сглаживать недоразумения, определило ту исключительную роль, которую Аверченко играл в *Сатириконе*. Пильский это весьма выразительно формулирует:

И в своем «Сатириконе» он был не только центральной фигурой редактора, не только создателем нового журнального типа, но и основой редакционной спайки, строителем редакционной семьи, ее цементом, ее душой, символом ее единства, взаимодоверия и слитности⁴⁷.

Коллеги и друзья Аверченко, соприкасавшиеся с ним по совместной редакционной работе, единодушны в своей похвале ему как способному и умелому организатору. Б. Неандер, ближе познакомившийся с Аверченко позже, уже во время гражданской войны, тоже отмечает в нем «организаторские способности, секрет которых, безусловно, заключается в объединяющей привлекательности его личности»⁴⁸.

Среди разбросанных в разных эмигрантских газетах и журналах воспоминаниях об Аверченко, опубликованных после его смерти, особенно прочувственные строки посвятил его памяти поэт А. Черный. Он подчеркивает в Аверченко исключительную работоспособность, никогда ему не изменявшую, которая так необходима в работе редактора. У Аверченко, по словам поэта, было именно это «уменье работать, не поддаваясь никаким настроениям, с точностью машиниста, ведущего свой поезд от станции до станции»⁴⁹.

Подобным же образом характеризует эту способность Аверченко Ремизов, когда вспоминает:

В своей работе Аверченко был так же ровен, как в своих отношениях с людьми. Он никогда не запаздывал с рукописью, материал к номеру журнала сдавался в набор в срок [...] ⁵⁰

Усидчиво проработав в своем редакторском кабинете с утра до полудня, Аверченко, как пишет А. Черный, прерывал занятия:

Ровно в полдень встанет. Баста!
Сатирическая банда,
Гулко топая ногами,
Вдоль Фонтанки шла за ним
К Чернышеву переулку...
Там, в гостинице «Московской»
Можно вдосталь съесть и выпить,
Можно всласть похохотать⁵¹.

Здесь, в гостинице, находившейся в двух шагах от редакции, иногда происходили или продолжались совещания:

Председатель-редактор, внешне сдержанный и неповоротливый, был среди своих неистощимо весел, но как-то под сурдинку, исподтишка, точно раскачивая других. И собрания эти проходили словно нескончаемый пикник молодых центавров, которые в числе прочих развлечений вздумали выпускать еженедельный «смешной» журнал⁵².

Веселая и вместе с тем деловая атмосфера, царившая на редакционных совещаниях, не нарушалась даже тогда, когда к работе в журнале был привлечен Маяковский. Он начал сотрудничать в *Новом Сатириконе* в первые месяцы 1915 года и стал поэтому появляться на пятничных редакционных совещаниях, во время которых обсуждали содержание очередного номера журнала.

В своей статье — воспоминаниях о Маяковском П. Трубников сообщает об эпизоде, рассказанном ему поэтом П. Потемкиным, сотрудником журнала. По словам Трубникова, Потемкин, «отличавшийся всегда искренней наивностью», как-то сказал Маяковскому: «У нас вы со-

всем не хамите, Владимир Владимирович». Маяковский покраснел и ответил: «Если вас это мучает, могу сепаратно зайти к вам домой и нахамить»⁵³.

Появление на страницах *Нового Сатирикона* стихотворений Маяковского вызвало в литературных кругах Петрограда понятное недоумение. Общеизвестно было, что декадентов и футуристов редакция журнала не жаловала и не раз помещала заметки и фельетоны, в которых высмеивались выступления футуристов и их произведения. Так, например, в 1913 году, вскоре после основания *Нового Сатирикона* на его страницах находим заметку о том, что К. Чуковский читал реферат о футуристах, после которого он «демонстрировал несколько живых футуристов». По словам газеты:

Футурист Кручиных с искаженным лицом и растопыренными пальцами проговорил что-то бредовое и закончил оригинальным аккордом: стукнулся головой о стол⁵⁴.

Редакция журнала по поводу этого сообщения дала следующий комментарий:

Вот, может быть, единственный правильный путь, по которому нужно направить футуристов⁵⁵.

Совсем не выносил Маяковского постоянный сотрудник журнала Аркадий Бухов, который, как сообщает биограф Маяковского В.О.Перцов, систематически травил его в *Журнале Журналов* и говорил про него:

[Он] замечен только в хорошем издании, где все пишут грамотно и талантливо, замечен как чирей на здоровом теле⁵⁶.

Пильский был не лучшего мнения о произведениях Маяковского, куда, по его словам, «поэзия не кинула даже косога взгляда». Вспоминая уже в годы эмиграции о Маяковском, с которым он встречался во время войны в Петрограде, Пильский писал:

Тогда Маяковского начали кое-где печатать. Между прочим, его корявые, колючие вещицы помещал в «Сатириконе» Аверченко⁵⁷.

Об удивлении, вызванном тем, что Маяковский стал печататься в *Новом Сатириконе*, свидетельствует критическая заметка Vindex'a, появившаяся после того, как в журнале было напечатано стихотворение Маяковского «Теплое слово кое-каким пророкам»⁵⁸. Автор заметки считает, что это стихотворение относится к числу таких «исповедей», которые обычно печатаются под рубрикой «В мире шулеров». Он говорит, что «такая безудержная развязность» никогда еще не попадалась читателям *Сатирикона* и спрашивает:

Неужели «Новый Сатирикон» с его читательскими симпатиями завидует славе уголовного журнальчика?⁵⁹

Считая, что от строк Маяковского «жутко и тошнит», Vindex объясняет появление его стихотворения в журнале «очевидно, по упущению безусловно талантливого и чуткого редактора Арк. Аверченко»⁶⁰.

По-видимому, отношение Vindex'a к поэзии Маяковского разделялось многими читателями журнала Аверченко, потому что Перцов сообщает, что в редакцию приходило много «обидных писем» по поводу появления стихов поэта-футуриста⁶¹.

При таком неблагоприятном отклике, который имело сотрудничество Маяковского в *Новом Сатириконе*, возникает вопрос, чем Аверченко руководствовался, когда приглашал к работе в своем журнале непризнанного еще тогда поэта и человека с репутацией футуриста и бунтаря? Не опасался ли он за репутацию редактируемого журнала и за мирные взаимоотношения между его сотрудниками?

Касаясь этого вопроса, нельзя также упускать из виду, что критическое и насмешливое отношение к футуристам, которое недвусмысленно проявлялось редакцией *Нового Сатирикона* во все предыдущие годы, не было односторонним проявлением порицания и пренебрежения. Сами футуристы платили редактору журнала тою же монетой и, как говорит упоминавшийся биограф Ма-

яковского Перцов, «всего три года назад Аверченко был весьма нелюбезно упомянут в «Пощечине общественному вкусу»⁶². Здесь Перцов имеет в виду подписанный Маяковским и появившийся в 1912 году «Манифест футуристов». В этом манифесте, вместе с другими знаменитыми в то время русскими писателями, Аверченко объявляется ничтожеством, на которое футуристы смотрят с высоты небоскребов⁶³.

Весьма вероятно, что самолюбие Аверченко не особенно было задето этими словами футуристического «манифеста», относившихся, к тому же огульно, ко множеству его видных современников, да и злопамятным человеком он не был. Наоборот, по единодушным отзывам лиц, близко его знавших, он отличался добродушием и доброжелательностью, так что пренебрежительный отзыв о нем футуристов в прошлом вряд ли мог быть препятствием для сотрудничества с Маяковским.

Что касается более принципиального вопроса об отношении Аверченко к творчеству футуристов и оценки им этого творчества с точки зрения его пригодности в качестве материала для юмористического журнала, то на этот счет имеется свидетельство, появившееся в русской зарубежной печати. В статье о Маяковском Трубников пишет:

Я хорошо помню время, когда Маяковский впервые начал печататься в «Новом Сатириконе». А.Т. Аверченко уверял меня, что футуризм может быть для журнала неплохой приправой. — Да Маяковский и ведет себя у нас, как послушный мальчик⁶⁴.

Советские авторы трудов о Маяковском приблизительно так же объясняют мотивы Аверченко, особенно подчеркивая его предпринимательскую заинтересованность в распространении журнала. Во вступительной статье, предпосланной книге стихов и поэм Маяковского, В.В.Дувакин говорит про Аверченко:

Он рассчитывал, что чудные стихи Маяковского будут способствовать увеличению числа подписчиков⁶⁵.

В том же духе высказывался Перцов, отзывающийся, кроме того, об Аверченко как о «прожженном дельце, превратившем свой талант в источник наживы»⁶⁶. По мнению Перцова, Аверченко руководствовался соображением, что шум вокруг журнала будет лучшей рекламой. Тот же автор, правда, утверждает далее, что стихи Маяковского нравились Аркадию Аверченко и что он «ценил в своем неожиданном сотруднике оригинальный талант»⁶⁷.

Из биографии Маяковского в изложении Перцова выясняется, что Аверченко познакомился с Маяковским через художника Радакова, который, по словам автора, был завсегдатаем «Бродячей собаки» и слышал там, как Маяковский читал свои стихи⁶⁸.

В настоящее время, конечно, нельзя выяснить с определенностью, что именно побудило Аверченко пригласить Маяковского к сотрудничеству в *Новом Сатириконе*. Несомненно, что для Аверченко, как для редактора, ответственного за успех журнала, было вполне естественно заботиться об увеличении числа его подписчиков. С другой стороны, нельзя упускать из виду, что в то время имя Маяковского широкой публике ничего не говорило, а его первые стихотворения, напечатанные в журнале, не столько нравились читателям, сколько вызывали нарекания. Поэтому вряд ли можно считать аксиомой, что одно лишь появление стихов Маяковского на страницах *Нового Сатирикона* должно было вызвать всеобщий интерес публики и обеспечить наплыв новых подписчиков. Такое предположение остается гадательным и не подкрепленным какими-либо фактическими данными.

Зато другая сторона дела, заключающаяся в том, что Аверченко, может быть, искренне считал Маяковского талантливым начинающим писателем и по своему обыкновению был не прочь помочь ему материально и предоставить возможность испробовать свои силы, независимо от того, очень ли это выгодно для журнала, по-видимому, не может быть исключена.

Равным образом, не исключено предположение, что на Аверченко в этом вопросе мог повлиять Радаков, с которым он вообще был близок, по свидетельству Корнфельда.

Каковы бы ни были причины, по которым началось сотрудничество Маяковского в журнале *Новый Сатирикон*, оно не означало, что Аверченко собирался изменить направление, в котором велась политическая линия журнала. Она была определенно патриотической (или, как говорили в революционных кругах, «оборонческой») в смысле внешнеполитическом, а в критике существовавшего в стране политического строя эта линия отнюдь не совпадала со взглядами Маяковского. Это очень правильно сформулировано автором недавно опубликованной советской книги о поэтах *Сатириконе*, в которой, в частности, говорится:

В критике буржуазного строя сатириконцы кое в чем соприкасались с Маяковским. Однако они не призывали к уничтожению современного мира, они лишь вышучивали ненормальный порядок вещей. При всем своем фронтдерстве, сатириконцы не покушались на общественные устои в целом⁶⁹.

Поэтому слова Аверченко, с которыми он (согласно сообщению Дувакина)⁷⁰ обратился к Маяковскому, — «Вы пишете, как хотите: чем чуднее, тем смешнее» — надо полагать, не означали своего рода «карт бланш», выданной Маяковскому для политического содержания его сатиры. Слова Аверченко, очевидно, следует понимать как выражение его готовности принимать к печатанию произведения поэта, не взирая на необычность их формы и стиля.

В феврале 1915 года в *Новом Сатириконе* впервые появилось произведение Маяковского. Это было его стихотворение «Судья»⁷¹. За ним последовал ряд других, причисляемых советскими исследователями творчества Маяковского к числу его «стихотворений-гимнов». Но, как говорит Перцов, в журнале Аверченко поэт переключился на иносказание и эзопов язык, что, по мнению того

же автора, и было единственно возможным выходом для поэта, поскольку «Маяковский противодействовал империалистической войне, [а] *Новый Сатирик* ее поддерживал»⁷².

За время своего двухлетнего сотрудничества с Аверченко Маяковский опубликовал в его журнале свыше двадцати стихотворений. Михайлов считает, что не может быть случайностью, что именно в ту пору одним из авторов *Нового Сатирика* становится молодой Маяковский, по словам того же автора «из номера в номер публикующий антивоенные стихи»⁷³.

Однако ознакомление с циклом опубликованных в *Новом Сатириконе* стихотворений Маяковского не подтверждает мнения Михайлова об их антивоенности, а скорее свидетельствует о правильности несколько иного суждения Перцова, который пишет, что «Маяковский обрушивается со страниц журнала исступленные крики ненависти к капиталистической действительности»⁷⁴. Антивоенная же тема, как идущая вразрез с линией журнала, стоящего на позиции необходимости всенародных усилий для отражения внешнего врага, звучит лишь в немногих стихах, и выражена она была, как указывалось Перцовым, иносказательно. Этот же автор замечает про эти стихи, что в них не было «сатирической конкретности»⁷⁵.

Среди стихотворений Маяковского, появившихся в журнале Аверченко, есть и такое, которое носит только шуточный характер. Это его стихотворение «Пустяк у Оки», в котором содержатся строки, посвященные редактору журнала:

А там, где кончается звездочки точка,
Месяц улыбается и заверчен, как будто на небе строчка
из Аверченко...⁷⁶

Появление «Пустяка у Оки», подписанного лишь инициалами «В.М.», сейчас же дало повод критику *Журнала Журналов* написать заметку под заголовком «Воспарение». Прочитывая почти все стихотворение, безымянный рецензент писал:

Кокетнуть рифмой это приятно. Но зачем на небе строчка из Аверченко?

— Не называй ее небесной и от земли не отнимай⁷⁷.

В своей автобиографии Маяковский говорит, что ему пришлось писать в журнале Аверченко «в рассуждении чего б покушать»⁷⁸. Известно также, что ему не удавалось публиковать свои стихотворения в каком-либо распространённом журнале с широким кругом читателей. Об этом вспоминает уже цитированный Трубников, сообщая в своей статье:

Сотрудничество в «буржуазном» «Новом Сатириконе» Маяковскому льстило. Теперь Арк. Бухов вспоминает, что неистовый футурист весьма дорожил своей работой в этом журнале. До тех пор его нигде не печатали⁷⁹.

С таким объяснением зарубежного автора сходится и мнение советских биографов Маяковского. Перцов говорит:

Работа в «Новом Сатириконе» заставила Маяковского считаться с широкой публикой, на которую он не мог рассчитывать ранее в групповых футуристических изданиях⁸⁰.

Более замаскированно, но по сути дела то же самое говорит в своей статье Дувакин:

Люди, более далекие от поэзии, познакомились со стихами Маяковского несколько позднее, через журнал «Новый Сатирикон», издававшийся популярным до революции буржуазным писателем-юмористом Аркадием Аверченко⁸¹.

Начавшееся в феврале 1915 года сотрудничество Маяковского в *Новом Сатириконе* продолжалось затем весь 1916 год и закончилось в 1917 году, сразу же после февральской революции. В первом номере журнала, вышедшем из печати после падения монархии, было напечатано стихотворение Маяковского «Восстанавливаю», представлявшее собою отрывок из его поэмы «Облако в штанах», которая старой цензурой в свое время не была пропущена полностью⁸².

На этом, в изменившихся политических условиях, пути редакции *Нового Сатирикона* и Маяковского разошлись. Аверченко и большинство сатириконцев, приветствуя политическую свободу, провозглашенную Временным Правительством, всецело поддерживали его и те попытки, которые оно делало для спасения страны от анархии и террора. Маяковский же, как говорят советские авторы, увидел «неприглядное лицо Временного антинародного буржуазного правительства»⁸³ и вскоре примкнул к тем, кто «углублял революцию» по рецепту:

Выньте, гулящие, руки из брюк —
берите камень, нож или бомбу...

Подводя итоги двухлетнему сотрудничеству Маяковского в *Новом Сатириконе*, можно сказать, что остается невыясненным, оправдались ли приписываемые Аверченко расчеты на то, что появление на страницах его журнала стихов Маяковского будет содействовать увеличению числа подписчиков. Вместе с тем и то, что было сказано о нареканиях и критике в связи с напечатанными в журнале произведениями Маяковского, не дает основания сделать заключение, что «приправа футуризма» заметно повредила журналу в глазах читательской массы.

Несомненным остается лишь тот факт, что ни сотрудничество Маяковского в *Новом Сатириконе*, ни его уход из этого журнала не отразились каким-либо заметным образом на количестве его сотрудников и на их взаимоотношениях с редактором.

У советских авторов, упоминающих в своих трудах *Новый Сатирикон*, заметна тенденция изображать дело так, будто этот журнал до появления в нем стихов Маяковского начал хиреть, а после его ухода — вообще стал сходить на нет. Показательно для такого изображения положения журнала замечание Перцова, который пишет:

Литературно-политическая слава «Нового Сатирикона» к моменту появления в нем Маяковского в значительной степени была уже в прошлом⁸⁴.

В подтверждение этого Перцов, однако, не приводит никаких доводов, ссылаясь лишь на то обстоятельство, что поэт Саша Черный уже несколько лет до того перестал печататься в *Сатириконе*.

Ершов старается внушить то же самое, что и Перцов, но в более определенной форме, говоря:

От «Сатирикона», лучшего сатирико-юмористического журнала XX века, стали отходить авторы еще задолго до революции. Маяковский весьма непродолжительный срок сотрудничал в «Новом Сатириконе». Разошлись пути с этим органом и у поэтов Вас. Князева и М. Пустынина, в послеоктябрьский период активно сотрудничавших в ряде советских сатирических изданий⁸⁵.

В другом месте своего труда этот автор точнее определяет время происшедшего будто бы разрыва Князева с редакцией аверченковского журнала. Говоря о советском сатирическом журнале *Красная колокольня* Ершов сообщает:

Редактировал этот орган бывший сатириконовец поэт Князев, порвавший с Аверченко еще в 1914 году⁸⁶.

Авторы приведенных выдержек как будто придают важное значение тому факту, что, кроме Маяковского, два других сотрудника журнала вышли из него. Создается впечатление, что разрыв между Аверченко и этими сотрудниками имел какие-то серьезные принципиальные причины.

О причинах, по которым якобы перестал работать для журнала Аверченко упомянутый Ершовым М. Пустынин, не удалось найти каких-либо сведений. Однако если и состоялся временный уход этого сотрудника, то он вряд ли мог чувствительно отозваться на популярности издания, вследствие той незначительной роли, которую Пустынин играл в журнале. Кстати, его имя даже не упоминается в вышедшей в 1966 г. книге *Поэты Сатирикона*⁸⁷.

Что касается Князева, то насчет его выхода из журнала Аверченко и относительно той роли, которую он в этом журнале играл, имеются достаточно полные сведения. Судя, например, по воспоминаниям А. Черного, поэт Василий Князев был своего рода *enfant terrible* среди сотрудников *Сатирикона*, и Черный сообщает о нем следующий эпизод:

Аверченко только однажды, помнится, вышел из себя. Василий Князев, нынешний советский лжепиит, случайно присосавшийся тогда к «Сатирикону», как-то до одури надоел всем в редакции, выпрашивая тему для своих очередных виршей. Аверченко молча взял его за плечи, втокнул в чулан с бракованными номерами и продержал там до окончания редакционного дня⁸⁸.

В 1913 году, во время конфликта с Корнфельдом, Князев сперва примкнул к группе Аверченко и дал несколько своих стихотворений для *Нового Сатирикона*⁸⁹. Затем Князев поместил в газетах оповещение о том, что больше не состоит сотрудником этого журнала⁹⁰. Можно полагать, что приблизительно в это же время появился стихотворный памфлет Князева «Аркадий Лейкин», направленный против Аверченко. В этом памфлете, между прочим, находим такие строки:

Его животный смех, столь милый нам вначале,
Приелся, потеряв пикантность новизны,
И тщетно в нем искать застрочных нот печали,
Духовной ценности, идейной белизны.
Веселый, грубый смех. Смех клоуна...⁹¹

Если Аверченко за этот памфлет и обиделся на Князева, то, очевидно, на непродолжительный срок, потому что, вопреки утверждениям Ершова, Князев тогда не окончательно порвал с редакцией *Нового Сатирикона*. В этом журнале уже с конца 1914 года опять регулярно печатались стихи Князева как под его настоящим именем, так и под несколькими его псевдонимами⁹². Даже в 1917 году, перед октябрьским переворотом и непосредственно пос-

ле него, Князев и Пустынин (у которого, по словам Ершова «разошлись пути» с журналом Аверченко) состояли постоянными сотрудниками *Нового Сатирикона*, в котором печатались их произведения⁹³.

В свете приведенных фактов, попытку Перцова и Ершова изобразить дело так, будто накануне революционных событий 1917 года популярность *Нового Сатирикона* была на ущербе и что он терял своих постоянных сотрудников, следует признать неудавшейся. Основное ядро сотрудников Аверченко, которое с ним создало и поддерживало репутацию *Нового Сатирикона* как лучшего юмористического журнала России, продолжало в нем сотрудничать, невзирая на то, ушел ли из журнала Маяковский или временно выбыл из него Князев.

Аверченко удалось благополучно провести свой журнал через тяжелые военные годы и через потрясения, вызванные февральскими и октябрьскими событиями 1917 года. Просматривая комплекты *Нового Сатирикона* за 1917 и начало 1918 года, находим на страницах журнала знакомые имена сотрудников: Тэффи, Куприна, Арк. Бухова, Владимира Азова, Валентина Горянского, О. Л. Д'Ора, Евг. Венского, Владимира Воинова, Д. Цензора, Б. Мирского, Ал. Вознесенского, Исидора Гуревича, В. Князева, М. Пустынина и некоторых других, менее известных, причем за последние полтора года существования журнала к перечисленным именам его сотрудников присоединяются имена и А.С. Грина и Н. Гумилева.

За тот же период постепенно рядом с Аверченко, который по-прежнему давал свои рассказы и фельетоны почти для каждого номера журнала, выдвигается Арк. Бухов. Фельетоны и рассказы этого писателя-юмориста, подписанные или его настоящим именем и фамилией, или его псевдонимом Л. Аркадский, появляются в очередных номерах *Нового Сатирикона* на видном месте. В 1917 году Бухов, надо полагать, стал вообще играть более заметную роль в редакционной работе и временно, с середины мая, становится соредактором журнала.

Двухлетний эпизод сотрудничества Маяковского в *Новом Сатириконе*, а затем и дальнейшее редактирование журнала в течение беспокойного периода между двумя переворотами 1917 года, лишь дополняют представление об Аверченко как способном редакторе и организаторе. С этими качествами Аверченко сочетал практическую жилку, позволявшую ему вести журнал не только как литературно-юмористическое издание, но и как коммерческое предприятие. В заботах об этой стороне дела он проявлял независимость суждения, привлекая к работе в журнале новые и спорные таланты, и одновременно — отсутствие предвзятости и доктринерства в выборе произведений, принимаемых к печатанию.

Исключительная роль Аверченко в создании и существовании редактируемого им журнала, название которого неразрывно связано с именем его долголетнего редактора, была отмечена уже в первые годы издания *Сатирикона*. На его страницах тогда появились шуточные стихи одного из сотрудников журнала:

А.Т. Аверченко

В колчане сажень крепких стрел,
И полон рот острот,
Он в быте полсобаки съел,
А в юморе — шестьсот.

По темпераменту сей гой
Единый на земле;
Живет с Медузой и с Фомой,
И с волком, и с Ave.

Нельзя простить лишь одного —
Кровосмеситель он:
«Сатирикон» родил его,
А он — «Сатирикон»⁹⁴.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Сатириконе*, 1913, № 19, с. 3.
- ² В журнале *Сатириконе* за 1913 г.: «Pro domo sua» (№ 21, с. 11), «Письмо в редакцию» (за подписью М.Г. Корнфельда, № 28, с. 13), «Уклонившимся от суда чести при Всероссийском Литературном Обществе гг. Аверченко, Радакову и Ремизову» (№ 30, с. 13), а также в журнале *Новый Сатириконе* за 1913 г.: «От редакции» (№ 1, с. 2), «Ответ «Нового Сатириконе»» (№ 1, с.13), «Конфликт сатириконец с М.Г. Корнфельдом и результаты суда чести» (№ 3, с. 14), «К отказу М.Г. Корнфельда от третейского суда с нами» (№ 7, с. 11).
- ³ *Речь*, 1913, 8 (21) июня.
- ⁴ Свидетельство М.Г. Корнфельда.
- ⁵ Муратова К.Д. Журналистика. — В кн.: История русской литературы. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947—1954, с. 95. Следует, однако, отметить, что в одной из новейших книг, посвященных творчеству сатириконец, уже дается правильное освещение конфликта. Автор вступительной статьи в этой книге пишет: «Причиной раскола были отнюдь не принципиальные разногласия, а денежные недоразумения и конфликт между главными пайщиками журнала: издателем Корнфельдом, с одной стороны, и Аверченко, Радаковым и Ремизовым — с другой» (Евстигнеева Л.А. Поэты-сатириконецы. — В кн.: «Поэты «Сатириконе». М.—Л., Советский писатель, 1966, с. 33—34).
- ⁶ Там же.
- ⁷ Так, например, Аверченко был оштрафован на 300 рублей с заменой двухмесячным арестом за появившуюся в журнале статью «Доклад министра Сазонова». Об этом сообщалось в заметке, помещенной в *Сатириконе* № 45 за 1912 г., а в № 13 того же журнала за 1913 г. находим сообщение о том, что Аверченко приговорен к семидневному аресту по делу диффамации витебского полицмейстера.
- ⁸ Перцов В.О. Маяковский. Жизнь и творчество, т. I. М., Советский писатель, 1954, с. 273.
- ⁹ Михайлов О. Аркадий Аверченко. — В кн.: Аркадий Аверченко. Юмористические рассказы. М., Художественная литература, 1964, с. 17.
- ¹⁰ *Новый Сатириконе*, 1913, № 1, с. 2.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Аверченко А. Мы за пять лет. — *Новый Сатириконе*, 1913, № 28, с. 7.
- ¹³ *Сатириконе*, 1908, № 9, (*Стрекоза*, № 23).

- ¹⁴ *Новый Сатирикон*, 1913, № 1.
- ¹⁵ Михайлов О. Указ. соч., с. 8.
- ¹⁶ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей», тома I—IV. М., Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1956, т. IV, с. 26—27.
- ¹⁷ *Сатирикон*, 1910, № 44, с. 3.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ *Новый Сатирикон*, 1914, № 25, с. 12.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ *Новый Сатирикон*, 1916, № 15, с. 7.
- ²² М.Г. [Ганфман М.И.] А.Т. Аверченко. — *Сегодня* (Рига), 1925, 13 марта.
- ²³ Черный А. [Гликберг А.М.] Памяти Аверченко. — *Иллюстрированная Россия*, 1925, № 16, с. 8—9.
- ²⁴ Михайлов О. Указ. соч., с. 15.
- ²⁵ *Сатирикон*, 1912, № 19, с. 11.
- ²⁶ *Сатирикон*, 1916, № 6, с. 10.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ *Сатирикон*, 1912, № 28, с. 8.
- ²⁹ *Новый Сатирикон*, 1916, № 6, с. 10.
- ³⁰ Там же, 1916, № 52, с. 14.
- ³¹ *Новый Сатирикон*, 1917, № 20, с. 15.
- ³² *Новый Сатирикон*, 1915, № 52, с. 12.
- ³³ Аронсон Г.Я. Одним сталинцем меньше. — *Новое Русское Слово* (Нью-Йорк), 1925, 19 апреля.
- ³⁴ *Сатирикон*, 1911, № 48, с. 3.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Почтовый ящик — именинник. — *Новый Сатирикон*, 1913, № 10, с. 2.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ *Сатирикон*, 1909, № 2, с. 11.
- ⁴⁰ *Новый Сатирикон*, 1917, № 7, с. 15.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Черный А. Сатирикон. Стихотворение памяти Аркадия Аверченко. — *Русская газета* (Париж), 1925, 25 марта.
- ⁴³ Ершов Л.Ф. Советская сатирическая проза 20-х годов. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, с. 25—26.
- ⁴⁴ Свидетельство Ремизова.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Пильский П.М. А.Т. Аверченко. — *Сегодня* (Рига), 1925, 15 марта.

- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Неандер Б.Н. Памяти Аркадия Аверченко. — *Возрождение* (Париж), 1926, 12 марта.
- ⁴⁹ Черный А. [Гликберг А.М.] Памяти Аверченко.
- ⁵⁰ Свидетельство Ремизова.
- ⁵¹ Черный А. Сатирикон.
- ⁵² Черный А. [Гликберг А.М.] Памяти Аверченко.
- ⁵³ Трубников П. [Пильский П.М.] Маяковский. — *Сегодня* (Рига), 1935, 2 мая.
- ⁵⁴ *Новый Сатирикон*, 1913, № 20, с. 10. В этой заметке, по-видимому, имеется в виду футурист А.Е. Крученых.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Перцов В.О. Маяковский. Жизнь и творчество (до Великой Октябрьской социалистической революции). М., Советский писатель, 1951, с. 298.
- ⁵⁷ Пильский П.М. Затуманившийся мир. Рига, изд-во «Граматы Драугс», 1929, с. 203 и 206.
- ⁵⁸ *Новый Сатирикон*, 1915, № 30, с. 6.
- ⁵⁹ Vindex [Голиков В.Г.] Поэзо-исповедь. — *Журнал Журналов*, 1915, № 16, с. 18.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Перцов В.О. Маяковский. Жизнь и творчество (до Великой Октябрьской социалистической революции). М., Советский писатель, 1951, с. 299.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Соответствующий абзац «манифеста» в переводе на английский язык гласит: «Throw Pushkin, Dostoyevsky, Tolstoy, etc., overboard from the steamer of modernity... All these Maxim Gorkys, Bloks, Sologubs, Remizovs, Averchenkos, Chernys, Kuzmins, etc. — all they want is a villa by the river... From the height of skyscrapers we look down on their insignificance... (Blake, Patriue(ed.). Vladimir Maykovsky: The Bedbug and Selected Poetry. Cleveland, The World Publishing Company, 1960, p. 17—18).
- ⁶⁴ Трубников П. [Пильский П.М.] Маяковский.
- ⁶⁵ Дувакин В.В. Великий русский поэт-революционер. — В кн.: Маяковский В. Стихотворения. Поэмы. М., Государственное издательство детской литературы, 1960, с. 10.
- ⁶⁶ Перцов В.О. Маяковский. Жизнь и творчество (до Великой Октябрьской социалистической революции). М., Советский писатель, 1951, с. 275.
- ⁶⁷ Там же, с. 299.

- ⁶⁸ Там же, с. 275.
- ⁶⁹ Евстигнеева Л.А. Поэты «Сатирикона», с. 8—48.
- ⁷⁰ Дувакин В.В. Указ. соч., с. 10.
- ⁷¹ *Новый Сатирикон*, 1915, № 9, с. 2.
- ⁷² Перцов В.О. Маяковский. Жизнь и творчество (до Великой Октябрьской социалистической революции). М., Советский писатель, 1951, с. 282.
- ⁷³ Михайлов О. Указ. соч., с. 18.
- ⁷⁴ Перцов В.О. Маяковский. Жизнь и творчество (до Великой Октябрьской социалистической революции). М., Советский писатель, 1951, с. 284.
- ⁷⁵ Там же, с. 285.
- ⁷⁶ *Новый Сатирикон*, 1915, № 33, с. 10.
- ⁷⁷ Без подписи. Воспарение. — *Журнал Журналов*, 1915, № 18, с. 16.
- ⁷⁸ Перцов В.О. Маяковский. Жизнь и творчество (до Великой Октябрьской социалистической революции). М., Советский писатель, 1951, с. 275.
- ⁷⁹ Трубников П. [Пильский П.М.] Маяковский.
- ⁸⁰ Перцов В.О. Маяковский. Жизнь и творчество (до Великой Октябрьской социалистической революции). М., Советский писатель, 1951, с. 301.
- ⁸¹ Дувакин В.В. Указ. соч., с. 10.
- ⁸² *Новый Сатирикон*, 1917, № 11, с. 10.
- ⁸³ Бураков Н., Пелисов Г., Уханов И. Русская литература в XX веке, дооктябрьский период. М., Издательство Министерства просвещения РСФСР, 1961, с. 288.
- ⁸⁴ Перцов В.О. Маяковский. Жизнь и творчество (до Великой Октябрьской социалистической революции). М., Советский писатель, 1951, с. 275.
- ⁸⁵ Ершов А.Ф. Указ соч., с. 39.
- ⁸⁶ Там же, с. 37.
- ⁸⁷ Евстигнеева Л.А. Указ соч.
- ⁸⁸ Черный А. [Гликберг А.М.] Памяти Аверченко.
- ⁸⁹ *Новый Сатирикон*, 1913, №№ 2—6.
- ⁹⁰ Корнфельдовский *Сатирикон*, 1913, № 30, с. 13.
- ⁹¹ Евстигнеева Л.А. Указ соч., с. 221.
- ⁹² Начиная с №№ 50 и 51 *Нового Сатирикона* за 1914 г.
- ⁹³ Стихи Князева. — *Новый Сатирикон*, 1917, №№ 5, 6, 30, 31, 34, 35, 36, 37, 38, 41 и 42.
- ⁹⁴ *Сатирикон*, 1909, № 52, с. 11.

Глава третья

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ

Война 1914 — 1918 годов. На объявление Германией войны России летом 1914 года редакция *Нового Сатирикона* откликнулась в последнем июльском номере журнала статьей, в которой отразилось охватившее страну патриотическое воодушевление и в которой редакция определяла свое отношение к разразившейся войне.

В редакционной статье говорилось, что «перед наступающими великими событиями» дело издания юмористического журнала показалось в первый момент ненужным и никому не интересным. Возникла поэтому сперва мысль — на время войны прекратить выход журнала. Но затем редакция сказала себе, что в переживаемое грозное время каждый может и должен послужить родине по своим способностям. Поэтому, говорила редакция:

Мы считаем своей необходимой задачей, своей обязанностью, внести свою хотя бы крошечную долю, увеличивающую всеобщее воодушевление, внести хотя бы каплю в ту огромную волну патриотизма, в стихийный девятый вал, который мощно поднимает на своем гребне к небу всех нас, заставляя забывать партийные раздоры, счеты и ссоры мирного времени¹.

Цитируя затем слова из императорского манифеста — «В грозный час испытаний да будут забыты внутренние распри» — и провозглашая, что отечество в опасности, редакция заключала свою декларативную статью словами:

Мы были бы счастливы, если бы «Н. Сатирикону» удалось запечатлеть на своих страницах наше великое и страшное время. Запечатлеть наших врагов и друзей, геройство, страдание, ужас, печаль, коварство, красоту и мерзость войны².

В соответствии с таким отношением журнала к начавшейся войне его содержание, понятно, в значительной степени изменилось. Главной мишенью, в которую сатириконцы теперь обращают стрелы своего остроумия и сарказма, становится внешний враг. Германцев и их союзников журнал высмеивает в карикатурах, комментариях к сообщениям о ходе войны, в рассказах и фельетонах. В это осмеяние немцев и их союзников, далеко не всегда остроумное и достойное, включился и Аверченко, помещавший за время первого военного полугодия почти в каждом номере журнала свои военные фельетоны. Их излюбленной темой было изображение германского императора Вильгельма, его сыновей и военачальников, союзников Вильгельма — австрийцев и турок — и, наконец, болгарского царя Фердинанда в виде смешных, жалких и недостойных фигур.

Часто само название фельетона давало читателю возможность догадаться, кто будет комичным, недалеким героем сатирического повествования. Так, находим за вторую половину 1914 года ряд фельетонов Аверченко, озаглавленных: «План генерала Мольтке», «Четыре стороны Вильгельма», «Немцы после войны» и другие³.

В этих фельетонах нет прежнего беззаботного смеха Аверченко, и он платит в них дань распространившемуся во враждующих странах ура-патриотизму и шовинистическому стилю проявления чувств любви к родине. Читая эти ранние военные фельетоны Аверченко, современный

читатель причислит их, очевидно, к самым слабым произведениям писателя. К ним вполне применимо определение: фельетоны-однодневки.

Они не убеждают читателя, не всегда смешны в наше время и оставляют впечатление, что, создавая их, Аверченко писал не по внутреннему убеждению, а скорее по обязанности, во исполнение той задачи, которую редакция *Нового Сатирикона* себе поставила в декларативной статье — «внести от себя хотя бы каплю в ту огромную волну патриотизма, в стихийный девятый вал», охвативший в первые месяцы войны даже миролюбиво настроенную русскую либеральную интеллигенцию.

Видимо, самому Аверченко было не по душе заниматься как бы по заказу сочинением фельетонов, в которых остроумие и насмешливая критика в изображении объекта сатиры заменялись дешевым поношением противника и злобствованием по его адресу. Об этом свидетельствует последующее изменение тематики его произведений, которая, по мере того, как война принимала затяжной характер, теряла свою почти исключительную направленность в сторону внешнего врага.

В то время, как за первое военное полугодие фельетоны, посвященные уничтожению неприятеля, занимают заметное место среди других произведений Аверченко на страницах журнала, уже с начала 1915 года писатель или обращается к сатирическому осуждению отрицательных явлений в жизни страны, которые были порождением военных обстоятельств, или просто возвращается к обычной для него прежде тематике: быту горожан, смешным или пошлым сторонам их жизни и поведения, к детскому миру и детской психологии.

Если, таким образом, в течение первого полугодия войны в творчестве Аверченко и преобладали кажущиеся нам теперь неудачными и аляповатыми ура-патриотические фельетоны, то это не значит, что за тот же период всеобщего военного психоза он не был способен создать более удачные, не теряющие своей ценности произведе-

ния, в которых трагизм переживаемого времени мог найти достойное выражение.

К таким глубоко человеческим документам военного времени следует отнести рассказ Аверченко «Страшный Мальчик», носящий отчасти автобиографический характер⁴. В нем Аверченко описывает неожиданную и производшую на него глубокое впечатление встречу с раненым офицером в одном из военных госпиталей, которые он посещал.

Этот офицер (приятель автора по детским и юношеским годам), будучи подростком, выделялся среди своих сверстников как отчаянный озорник и забияка. Призванный на фронт, он отличился своей храбростью и в бою с превосходившими силами противника был ранен и потерял правую руку.

Но с героизмом, проявляемым войсками на фронте, редакции журнала и самому Аверченко, выпускавшим *Новый Сатирикон* в далеком тылу, приходилось соприкасаться лишь изредка. Кругом были тыловые будни, и в глаза сильнее бросалась «мерзость войны». Изображение этой стороны переживаемого «великого и страшного времени» становится темой рассказов и фельетонов Аверченко в течение 1915 и 1916 годов.

Возмущение бессовестностью торговцев и спекулянтов, пользовавшихся обстоятельствами военной экономики в целях личной наживы, отсутствие чувства ответственности и любви к родине — находят теперь выражение в ряде произведений Аверченко.

Советский автор Перцов считает, что «призывы к войне до «победного конца» притупили острое жало сатиры» в журнале⁵. С этим вряд ли можно согласиться, читая, например, фельетоны Аверченко «О тюркосах, фокусниках и румынских дамах», «Один час в кафе», «Человек, каких теперь много», «Корова, которую нужно повесить», «Сто ящиков сардин» и ряд других⁶.

Перечисляя рассказы Аверченко той же тематики, а именно: «Деликатные люди», «Одесситы в Петрогра-

де» и «Биржевики на прогулке»⁷, другой советский автор, Михайлов, не придерживается оценки Перцова и признает, что в перечисленных им фельетонах Аверченко «бичует разгул спекуляции, воровства и взяточничества»⁸.

Можно сказать, что слова Перцова о том, что «жалю сатиры притупилось», не следует понимать в прямом смысле, то есть в отношении качества сатиры Аверченко — остроты ее, а в том смысле, что жало его сатиры не было направлено, по мнению советского автора, в желательную для большевиков сторону. Это значит, что сатира Аверченко не имела целью призыва к радикальной социально-политической революции. Потрясение основ страны в разгар кровопролитной и изнурительной войны содействовало бы проигрышу войны, а такая «пораженческая» пропаганда, видимо, была для Аверченко несовместима с его патриотизмом. Когда в одном из своих фельетонов он говорит, что к бессовестному торговцу, без основания повышающему цены на товары первой необходимости, следует обратиться со словами: «Где же ваш патриотизм, которым охвачена вся порядочная, приличная Россия?», — то нет оснований сомневаться в искренности патриотических чувств самого Аверченко. В то же время эти его слова для советского автора звучат лишь «патетическим упреком» и проявлением «видимости критики»⁹, а не выражением подлинного возмущения писателя и его желания своим призывом устыдить торговцев-спекулянтов.

Уже в самом начале войны Аверченко в своем фельетоне «Язва»¹⁰ осуждает распространителей тревожных и злостных слухов, в фельетоне «Вязанка сена»¹¹ высмеивает Генри Форда с его «миссией мира», в фельетоне «Без бумаги»¹² призывает подписываться на военный заем и помещает в одном из номеров своего журнала объявление под названием «Из хроники газет»¹³, в котором укаывает, на прискорбно слабый отклик монастырей на призывы жертвовать на нужды раненых.

Сам он, кроме того, посильно помогал пострадавшим от войны, выступая на благотворительных вечерах, сбор с которых шел на оказание помощи раненым. Он также посещал лазареты и читал там свои рассказы.

Аверченко удачно сочетал насмешливое и критическое отношение к недостаткам своих соотечественников и к недочетам русской жизни с горячей любовью к России и к ее народу. Он верил, что народ в своей массе здоров и нормален, он осуждал односторонне мрачное изображение русской действительности и безудержное самоуничтожение некоторых писателей, считая, что необходимо заботиться о сохранении национального достоинства и веры в свой народ.

В этом смысле показательна его рецензия на спектакль Московского Художественного Театра, показавшего в Петрограде комедию Салтыкова-Щедрина «Смерть Пазухина». В конце своей статьи об этом спектакле Аверченко говорит:

Страшная пьеса — «Смерть Пазухина» [...] Но иностранцу я ни за что не показал бы этой пьесы. Ибо после лицезрения этой пьесы такое возмывает иностранец мнение о русских людях и о русской жизни, что пойти нужно после этого русскому человеку и повеситься от стыда на русской осине.

Впрочем, не так страшен чорт, как его малюют¹⁴.

Такое оптимистическое суждение Аверченко основывает на том, что, по его мнению, в любой стотысячной толпе можно найти больных, злодеев и дураков. Но в стотысячной толпе десяток таких людей незаметен. Однако, говорит Аверченко:

В паноптикумах основателем его стотысячная толпа презрительно отбрасывается, а выбираются с исключительной любовью только злодеи, больные ужасными болезнями и знаменитые дураки.

«Смерть Пазухина» — тщательно оборудованный паноптикум, из которого хочется скорее выскочить на воздух, к обыкновенной русской стотысячной толпе... Ффу!¹⁵

Как видим, юмор Салтыкова-Щедрина, о котором один из русских литературоведов сказал, что он «переходит в намеренное искажение, в какое-то мстительное пресыщение болью, злобой и надругательством»¹⁶, производил именно такое впечатление и на Аверченко с его жизнеутверждающим, жизнерадостным характером. Поэтому и лозунг радикальных деятелей революции — «чем хуже, тем лучше» — не мог служить для Аверченко руководством в его деятельности, и отрицание такого подхода отразилось на отношении писателя к последующим революционным событиям.

В начале войны, сосредоточив свое внимание на военной и внешнеполитической тематике, Аверченко в своих фельетонах не касается внутренней политики, и из его произведений этого периода исчезает упоминание Думы и думских деятелей. Только в сентябре 1915 года появляется первый за время войны фельетон в духе тех, которые он так часто помещал в журнале в предвоенные годы, под названием «Министр без портфеля»¹⁷, а сейчас же после этого он печатает два выпада против строгостей военной цензуры. Это два фельетона под названиями «Разговор с самим собой»¹⁸ и «Добрые калифорнийские нравы»¹⁹.

Затем, вплоть до февральских событий, находим всего лишь два-три отклика на внутриполитическую сторону жизни страны в форме фельетонов «Юбилей»²⁰, по случаю 10-летия Государственной Думы, и «Слово — серебро»²¹, по поводу думского выступления Милюкова.

Корнфельд, характеризуя Аверченко, замечает, что он не был «политическим человеком»²². Действительно, политика не стояла в центре внимания и интересов писателя и не поглощала его. Аверченко не принадлежал ни к какой политической партии или группировке и не исповедовал какой-либо определенной социально-политической программы. Партийно-политическая узость, доктринерство и нетерпимость, распространенные среди русской радикальной интеллигенции, были чужды

Аверченко, что, в частности, нашло свое выражение в эпизоде с приглашением писателя во дворец (см. выше с. 42—48).

При всем том все же нельзя сказать, что Аверченко вообще не интересовался политикой в широком смысле этого слова. Конечно, он не был равнодушен к политике, если под ней понимать события и вопросы внутренней и международной общественной жизни, непосредственно отражающиеся на гражданах государства и его судьбах. Поэтому, пользуясь условиями относительной политической свободы, в которых жила Россия думского периода, Аверченко не раз включался в те или иные общественно-политические акции. При этом он подчас проявлял в своих выступлениях большой темперамент и гражданское мужество²³. Об этом упоминает современник Аверченко, петербургский журналист и публицист М. Г. Ганфман:

Если Аверченко касался общественных явлений, то мы всегда знали, на чьей стороне его симпатии. Мы знали, что он высмеивал и вскрывал пошлость того, что вызывало негодование и недовольство лучшей части русского общества [...] «Сатириконцев» больше всего боялись в темных мрачных закоулках реакции²⁴.

Будучи в течение целого десятилетия ответственным редактором столичного сатирико-юмористического журнала, Аверченко уже по своему положению не мог оставаться безучастным к политическим и общественным событиям, волновавшим Россию. Постоянное общение с теми или иными административными властями, в частности, с цензурой, стеснения которой должны были особенно ощущаться редактором такого журнала как *Новый Сатирикон*, не могли не отразиться на политических воззрениях, симпатиях и антипатиях Аверченко.

Судя по некоторым выступлениям писателя против цензурных и административных ограничений²⁵, стеснявших и усложнявших работу ответственного редактора журнала, можно предположить, что именно эта сторона

тогдашней русской политической действительности раздражала и возмущала Аверченко и побуждала его желать каких-нибудь перемен в сторону больших свобод для печати.

Поскольку Аверченко к тому же всегда стоял на патриотических позициях, действительно боролся против поражения и искренне поддерживал мероприятия, направленные на успешное ведение войны до победного конца, всякий случай необоснованного бюрократического недоверия или стеснения должен был казаться ему вдвойне обидным и часто просто непатриотическим.

К такому раздражению, вызванному его специальным положением редактора, в 1916 и 1917 годах присоединилось усиливавшееся беспокойство за будущее в связи с резко ухудшавшимися условиями жизни в столице. В Петрограде затруднения в снабжении населения ощущались сильнее, чем в провинции и вызывали в петроградцах уныние и недовольство, заражавшие и жизнерадостного писателя. Это находит выражение в некоторых его рассказах. Например, перед самой революцией появляется его рассказ «Уют пропал», передающий безнадежное настроение небольшой компании петроградцев, проводящих вечер за стаканом скверного чая, при тусклом свете электричества, в нетопленной квартире. Концовка этого унылого рассказа гласит:

Муфта вывалилась из окна, и ветер острой, холодной волной дунул нам в лицо, донесся до наших ушей обрывок чьего-то нечеловеческого, жуткого по своей безысходности, крика на улице:

— Изво-о-о-зчик! Изво-о-о...²⁶

В Петрограде создалась атмосфера ожидания каких-то перемен к лучшему, чьих-то решительных действий, которые повлекут за собой поворот к большей свободе выражения общественного мнения, к более успешному и энергичному ведению войны. Эти настроения и эти ожидания, видимо, разделял и Аверченко.

Падение монархии и Временное Правительство. Когда наступили февральские события 1917 года и обнаружен был манифест об отречении императора, Аверченко со всей редакцией *Нового Сатирикона* приветствовал происшедший переворот и присоединился к выражениям бурной радости в ожидании установления лучшего, более справедливого и свободного строя.

На обложке первого номера журнала, печатавшегося уже после образования Временного Правительства, большими буквами значилось: «Да здравствует республика!»²⁷. Под помещенным в журнале текстом манифеста государя об отречении крупными буквами было напечатано:

Прочел с удовольствием. Аркадий Аверченко²⁸.

Далее, в обращении к читателям, озаглавленном «Цепи сброшены», редакция журнала объявляла свою полную поддержку новому правительству и говорила:

Читатели! Все спасенье, счастье и слава России сейчас в руках нового Временного Правительства, взявшего на себя в момент разрухи — тяжелую и ответственную обязанность организации порядка и законности.

Им верьте. Их поддерживайте. Около них организуйтесь. Вне этого — мрак, отчаяние, могила. Да здравствует свободная Россия! Да здравствует Учредительное Собрание!²⁹

В том же номере журнала Аверченко поместил длинный рассказ, озаглавленный «Мой разговор с Николаем Романовым». Он интересен в двух отношениях.

Во-первых, тем, что Аверченко, описывая в нем воображаемое — якобы происшедшее в 1916 году — свидание с монархом в дворцовом саду, по специальному приглашению императора, выдерживает повествование в своем обычном шутовском тоне, без грубых и недостойных выпадов против личности отрекшегося царя.

Во-вторых, этот рассказ вскрывает причины, по которым Аверченко приветствовал падение монархии, и объясняет, что именно его больше всего раздражало в

прежних порядках. Это цензура, дело Распутина и отказ дать ответственное министерство*. По этому поводу говорится:

Ах, ваше величество! Если бы вы знали, как легко государю сделаться популярным! Мне, частному человеку, нужно десяток лет употребить на то, чего вы можете достичь в один день. Народ добр, кроток и незлопамятен. Дайте ответственное министерство, исполните свой же манифест 17 октября (ведь обещали же) — да вас на руках носить будут³⁰.

Тема цензурных стеснений, граничивших в изображении Аверченко часто с нелепостью, продолжала его занимать. В следующем же номере журнала он помещает длинную статью «О бывшей цензуре (Воспоминания)», давая в ней выход чувствам, накопившимся за долгие годы соприкосновения с цензорами. О них он говорит:

Цензором назначали обязательно дурака. [...] Были ли эти цензурные дураки злы? Нет, по совести говоря, не были. Они даже не мстили, если мы пробовали посмеяться над ними в журнале.

Надо быть справедливым: народ все был незлой, не яростный, но до бесконечности глупый³¹.

В своей пространной статье о старой цензуре Аверченко приводит многочисленные примеры смешных, анекдотических случаев «зарезанных» рисунков и статей и заканчивает свое повествование словами благодарности за «сорванные с нас цепи».

Поддавшись затем распространенному в первые месяцы революции психозу, выражавшемуся в беспричинной бурной радости и огульном осуждении павшего режима, Аверченко пишет еще два фельетона, в которых касается уже личности отрекшегося императора в менее почтитель-

* В России, согласно Основным Законам 1906 г., Совет Министров назначался монархом и перед ним нес ответственность. Левые же политические партии добивались такого порядка, при котором министры несли бы ответственность перед Думой.

ной форме. Один из этих фельетонов называется «Что я об этом думаю». Поводом к его написанию, говорит Аверченко, послужила найденная им повестка от судебного следователя явиться в качестве обвиняемого по делу об оскорблении челябинского исправника. И вот сознание, что ему теперь не надо исполнять предписания следователя, наполняет писателя неожиданной и безудержной радостью:

Господа читатели! Да ведь что же это такое? Ведь совсем еще свежая бумажка, а я республиканец, и мне начихать на всех исправников настоящего, прошедшего и будущего!.. Да что исправников! Губернаторов громко и смело посылаю я ко всем чертям! Ур-ра! Я, можно сказать, такой человек, что и царя нашего Николая Александровича Романова, всероссийского самодержца, презираю и считаю его форменным ничтожеством³².

Бурная радость и «наплевательское» отношение к прошлому порядку и его представителям кажутся не совсем объяснимы для самого автора, и несколько смешными, что находит выражение в словах:

Смотрите, в какое я неожиданное оживление пришел, и почему бы, кажется?³³

Радостная экзальтация автора сменяется затем более серьезным и задумчивым настроением. Оно обнаруживается в первых словах второй части фельетона:

Странное дело: я не знаю почему, но чаще, чем нужно, мои мысли обращаются к бывшему царю. Я о нем много думаю, часто он снится мне по ночам. А ведь лично мы не были знакомы [...] ³⁴

Размышления о бывшем царе сводятся к тому, что Аверченко старается уяснить себе, какой, собственно говоря, человек был отрекшийся монарх, как он правил страной, не будучи «профессионалом», как он пережил отречение и как этот акт восприняла императрица. Вывод автора, заключающийся в концовке фельетона, звучит следующим образом:

Около двух десятков лет правила нами, умными, свободными людьми, эта мещанская скучная чета. Кто допустил? ³⁵

Написав три фельетона, в которых он занимался, видимо, мучившим его вопросом о значении монархической власти, об окружавшей ее мистике и об отсутствии дарований правителя и соответствующей подготовки у последнего императора, Аверченко как бы пытается убедить себя в разумности происшедшего и в его неизбежности. Затем он уже не возвращается к этой теме.

Зато рисовальщики карикатур более продолжительное время не прекращали непочтительного изображения отрекшегося монарха и его жены в своих рисунках и шаржах. Через несколько лет после этого, когда и большая часть русской интеллигенции произвела переоценку своих верований и воззрений, Аверченко, по свидетельству Неандера, глубоко сожалел, что допустил на страницах своего журнала эту недостойную травлю, считая свое попустительство «грехом страшным и непростительным».

Об этом Неандер рассказал после смерти писателя в статье памяти Аверченко. В Крыму, возвращаясь мысленно к своему опьянению февральскими событиями и к своей редакторской ответственности за появившиеся тогда в журнале грубые выходы против бывшего монарха и его семьи, Аверченко говорил автору статьи:

Кто, господа, когда-нибудь будет писать мою биографию, — отметьте, пожалуйста, в главе «Аверченко-писатель», в главе «Аверченко-гражданин», в главе «Аверченко-человек», — во всех главах, — отметьте, господа, ради Бога, что бедный Аверченко и как писатель, и как гражданин, и как человек, жестоко раскаивается³⁶.

Можно сделать попытку уяснить себе политическое кредо Аверченко периода февральских потрясений, основываясь на тех элементах его общественно-политических воззрений, которые нашли выражение в его фельетонах того времени. Если при этом по возможности сохранять собственные формулировки писателя, встречающиеся в при-

веденных цитатах из его произведений начала 1917 года, то существенные составные части тогдашнего политического мировоззрения Аверченко представляются в следующем упрощенном виде.

Во-первых, это убеждение в том, что русский народ в своей массе «добр, кроток и незлопамятен». Во-вторых, мнение, что старый режим был плохим во многих отношениях, в частности, потому, что страной при нем правил «форменное ничтожество», которое, не будучи к тому профессионально подготовленным, управляло «свободными, умными людьми», к которым Аверченко причислял и себя. В-третьих, наконец, уверенность, что эти умные и свободные люди способны вывести Россию на путь большей законности, свободы и благополучия при условии, что им будет передана власть в виде «ответственного министерства».

В создавшихся к началу 1917 года обстоятельствах для Аверченко было естественным причислять известных в столице либерально-революционных деятелей, из которых составилось Временное Правительство, к разряду людей, по его определению «умных и свободных», которые будут в состоянии переустроить жизнь страны в желаемом направлении. Поэтому писатель, совместно с большей частью интеллигенции, призывал верить новому правительству и поддерживать его.

Как известно из истории русской революции, события, последовавшие за падением старого режима, обернулись вскоре жестоким разочарованием для либеральной интеллигенции. Ход событий обнаружил, что ее чаяния и политические мечты основывались не столько на понимании политических реальностей и знании русской действительности, сколько на вере, что в мире социальных явлений достаточно добрых намерений и слов для торжества разумного и справедливого над неразумным и несправедливым. Вместо ожидавшегося царства свободы и идеального правопорядка в России наступило состояние, так поразившее Бунина, когда он в апреле 1917 года

приехал в Петроград. Впоследствии он вспоминал о впечатлениях от этой поездки:

В мире тогда уже произошло нечто невообразимое: брошена была на полный произвол судьбы — и не когда-нибудь, а во время величайшей мировой войны — величайшая на земле страна³⁷.

В фельетонах Аверченко, печатавшихся в *Новом Сатириконе* в течение месяцев, следовавших за «февралем», последовательно отражается быстрая эволюция политических настроений и взглядов писателя и его оценок происходящего. Бросается в глаза, как болезненно он переживал сперва — крушение надежд на воцарение в России законности, свободы и справедливости, затем — сознание, что срочно необходимы строжайшие мероприятия для предотвращения надвигающегося хаоса и, наконец, отчаяние и ужас, когда вскоре обнаружилось, что Временное Правительство, по существу, перестало быть государственной властью.

Уже в мае появляется фельетон Аверченко «Мое самоопределение», в котором отражается недоумение и первое ощущение того, что его прежние представления о всеобщем равенстве как-то не совпадают с понятием об этом состоянии у народных масс, которые его, либерального и свободолюбивого писателя, не считают «своим» и причисляют к какой-то особой людской категории «буржуев». Автор спрашивает: «С чего начались мои сомнения?» и поясняет, что он недавно участвовал в митинге, на котором произнес речь в защиту Временного Правительства, после чего какой-то гражданин «уверенно сказал, поведя широким ноздристым носом: „Буржуй разговаривает“».

Впечатление, которое эти слова произвели на него, Аверченко описывает словами:

Странное чувство овладело мною, когда я услышал такое определение. Вероятно, такое же чувство овладевает страусом, беззаботно бегавшим по безлюдным африканским пустыням, когда он впервые с разбега налетел на человека и тот уверенно заметил вслух: — Ба! Да это страус.

Всю жизнь прожил беззаботный вольный страус и не знал, что его имя страус. А пришел охотник, и сразу открыл ему глаза, и сразу наклеил ярлык: — Ты — страус³⁸.

Аверченко рассказывает дальше в фельетоне, как он пытался в разговоре с человеком, обозвавшим его «буржуем», выяснить понятие равенства, и что в результате этого разговора ему стала ясна бессмысленность попыток разъяснить некоторые вопросы глупому человеку. Разговор с ним он кончает в своем воображении так:

Вот тебе и равенство. Я — умнее тебя. Как ты в этом со мной сравняешься?³⁹

Можно считать, что уже через месяц после написания этого фельетона Аверченко растерял часть иллюзий, которые у него были в первые дни революции. Бездействие правительства, его колебания и видимая боязнь выступить энергично против антипатриотической пропаганды и саботажа его мероприятий со стороны большевиков встречают решительную отповедь Аверченко.

В июне появляется его фельетон «Как мы это понимаем», в котором он клеймит разрушительную пораженческую политику большевиков и обращается к Временному Правительству со следующими знаменательными словами:

Мы, сатириконцы, заслужили право говорить с любым правительством резким прямым языком [...]

Так неужели мы теперь побоимся исполнить свой гражданский долг и бросить в лицо Временному Правительству и Исполнительному Комитету С.Р. и С. Депутатов простые человеческие слова?

— Стыдитесь! Вам народ вручил власть — во что вы ее превратили?! Всякий хам, всякий мерзавец топчет ногами русское достоинство и русскую честь, — что вы делаете, чтобы прекратить это? Вы боитесь, как чорт ладана, насилия над врагами порядка, над чортовой анархией, так знайте, что эта анархия не боится насилия над вами и она сама пожрет вас⁴⁰.

Эти слова Аверченко, человека по своей природе мягкого и невоинственного, очевидно свидетельствуют о на-

раставшем у него лично и у его окружающих сознании необходимости установления сильной власти и принятия чрезвычайных мер для пресечения усиливавшейся анархии. Показательно, что в конце своего фельетона Аверченко рекомендует правительству меру, совершенно не популярную в либерально-революционных кругах, а именно — введение диктатуры, если она необходима для спасения страны. Об этом он пишет:

Довольно мямлить! Договаривайте все слова! Ставьте точки над «і». Вам нужна для спасения России диктатура — вводите ее! И если Керенский для порядка прикажет повесить меня первого — я скажу: вешайте, если это нужно. Но я требую: схватите также властной рукой за шиворот и выбросьте вон из России тех, кто развращает армию, подстрекает устно и письменно малосознательный народ, кто губит всю Россию⁴¹.

После этого бесполезного призыва к Временному Правительству Аверченко из номера в номер высмеивает на страницах *Нового Сатирикона* бездействие власти, охватившую страну манию митингования и произнесения бессмысленных речей и резолюций.

Так, в фельетоне «Молодой человек на рельсах» ведется повествование об одном «развеселом» молодом человеке, который стал на рельсах трамвая и твердо заявил, что он не пропустит ни одного трамвая. Вагоновожатые, публика и милиционеры безуспешно пытались весь день уговорить его сойти с рельсов, но все — напрасно. Наконец, под вечер, милиционеры, устроившие летучий митинг, приняли резолюцию:

Так как принуждение голодом — суть насилие, а насилие в свободной стране не должно быть, то 1) молодого человека накормить, 2) еще раз разъяснить ему неправильность его действий и 3) написать письмо в редакцию пролетарской газеты с протестом против тактики молодого человека⁴².

Молодой человек остался ночевать на рельсах, а на следующий день с утра пассажиры трамвая и густая тол-

па, собравшаяся вокруг него, стала опять увещевать молодого человека. Но все уговоры, угрозы и резолюции не действовали и упирались в категорическое заявление: «Не хочу, чтобы здесь трамвай ходил». Концовка фельетона гласит: «К ночи ждали Керенского»⁴³.

В следующем номере журнала появляется фельетон Аверченко с многозначительным заголовком «Взбунтовавшиеся рабы», в котором находим фразу, показывающую, насколько успели измениться представления автора о народных массах. Разбирая вопрос, почему прежних царских министров слушались, а министров Временного Правительства ни во что не ставят, Аверченко говорит:

Граждане! Товарищи! Братья! Сделайте вывод: раз коллективному всероссийскому дурню нужна расписная торба (ибо нерасписную он пренебрежительно тычет сапогом при каждом удобном случае) — так дайте ему эту «писаную торбу»⁴⁴.

Под этой торбой Аверченко подразумевал те внешние атрибуты власти, которые прежде отличали министров и вообще людей, облеченных властью, и над которыми было принято подтрунивать в среде свободолобивой интеллигенции. Теперь, по словам автора, оказалось, что подчеркнутая демократичность представителей новой власти во главе с Керенским, прославившимся своим «пожатием руки курьера», не столько заслужила признательность народа, сколько привела к тому, что с представителями Временного Правительства просто перестали считаться.

В течение лета и осени 1917 года две темы, сменяя друг друга, продолжают господствовать в фельетонах Аверченко.

Первая тема — необходимость решительных действий правительства против государственной разрухи и усиливающейся анархии.

Вторая — предупреждение об опасности, которую большевизм представляет для осуществления «февральских» идеалов и для страны вообще.

В цикле фельетонов первой тематики Аверченко обращается к Временному Правительству с настойчивыми призывами прекратить поток слов и перейти к действиям. Подчас в этих фельетонах уже звучит отчаяние и горькое сознание того, что призывы и увещевания патриотических граждан не влияют на правительство и не смогут предотвратить катастрофы.

К этой первой категории произведений Аверченко, кроме уже разобранных, относятся следующие.

Фельетон «Салат из булавок», в котором автор приходит к заключению:

Много, много у нас говорят. Так много, что, боюсь я, останется Россия, в конце концов, и без седла, и без гуся...⁴⁵

Фельетон «Кроткие городовые», в котором Аверченко напоминает о том, как прежде городовые должны были охранять публику от назойливости пьяных, чтобы они не могли обрушиться на прохожих или угрожать движению. Теперь роль этих назойливых пьяных взяли на себя большевики и анархисты, призывающие к грабёжам, захватам и убийствам. Но их не осмеливаются обуздать:

Бредут они через всю Россию, пьяные от безнаказанности и жажды крови, а за ними тихо и кротко шествует городовой в виде Временного Правительства, и на его лице написано такое благоговейное преклонение перед свободой личности гнусного пьяницы, что оторопь берет⁴⁶.

В фельетоне «Капли крови» Аверченко вспоминает о том, как революционные деятели, вроде лейтенанта Шмидта, прежде прощались с жизнью со словами: «Умираю за свободу России». Теперь же забота о родине никого не волнует, и слышны одни лишь лозунги: «Да здравствует пролетариат!», «Да здравствует „Интернационал“!» и «Да здравствует Циммервальд!» По этому поводу автор пишет:

А ведь было бы так просто написать: Да здравствует Россия! Никому из них в голову не приходит этот архаический лозунг⁴⁷.

Автор дальше рассказывает о том, что трамваи теперь переполнены «невыносимо развязными и опьяневшими от безнаказанности» жалкими хамами. При их виде у Аверченко «всплывает ужасная мысль» — нужны ли были вообще жертвы благородных и храбрых борцов за свободу?

Фельетон «Доской по голове» — один из тех, в которых обнаруживается предвидение автором того, что ожидает Россию, и понимание, что дальнейшие призывы к правительству, по существу, бессмысленны. Аверченко пишет:

Разве я могу за что-нибудь поручиться? Вот сегодня, 27 августа я сижу спокойно у себя на Троицкой, а может быть, через две недели, когда должен будет появиться в Петрограде мой фельетон, это будет уже не Троицкая, а какая-нибудь Дрейштрассе, и от моего журнала останутся несколько разнесенных по ветру обрывков бумаги[...] ⁴⁸

Сознавая безвыходность положения, Аверченко все же продолжает писать, отмечая:

Отчаяние, безнадежность светится в моем взгляде, а я все пишу... Дойдет ли?⁴⁹

Последние слова автор в первую очередь относит к Керенскому, восклицавшему, как сообщалось, на московском совещании, что он ищет огненных слов, которые дошли бы до сердца и ума русского народа. Аверченко отвечает ему: «Не будьте ребенком, Александр Федорович — таких слов нет»⁵⁰.

Автор поясняет, что если уж искать слова, то следовало бы вспомнить о «подлинно-русском — не циммервальдском слове», то есть о слове «работать». Но работать в России, по мнению Аверченко, перестали, и он с горечью замечает:

Иногда глаза мои открываются, как у пророка, и я подлинно вижу, что Россия — страна безумцев и идиотов⁵¹.

Два фельетона — «Пустая мельница» и «Недержание слова» — посвящены той же теме бесплодных разговоров, которыми правительство занимается вместо того, чтобы действовать. В связи с этим Аверченко во втором из названных фельетонов говорит:

Меня уже тошнит от этих бесконечных речей и разговоров⁵².

И он заканчивает тот же фельетон словами:

Я против самосудов, конечно. И я одобряю самосуд над человеком только в том случае, когда он говорит.
Тут уже разрешаю вам, читатель, бить чем ни попадет⁵³.

Два последующих фельетона — «Трамвай» и «Я разговариваю с Керенским» — написаны, судя по всему, непосредственно перед захватом власти большевиками. Содержание как первого, так и второго фельетона свидетельствует о том, что Аверченко окончательно потерял веру в спасительность революции для России и что пошатнулись важнейшие элементы его прежнего политического кредо: уверенность в торжестве здравого смысла и в добросердечии народа, которым, якобы, можно управлять без применения строгих мер.

В фельетоне «Трамвай» дается картина петроградского трамвайного вагона, который битком набит недисциплинированными, развязными солдатами. Автор разговаривает с одним из спутников о бессмысленности предоставленного солдатам права бесплатного проезда в трамваях. Разговор кончается репликой спутника:

Говорите о чем угодно, но забудьте логику.
— Почему? — Потому, что логика в наше время контрреволюционна⁵⁴.

Второй фельетон — «Я разговариваю с Керенским» — содержит горестные размышления, приходящие автору в голову при виде портрета Керенского. Как раз в эти дни

стало известно, что в Донецкой области рабочие совершенно перестали работать, исключая тем возможность снабжения фронта. Для переговоров с рабочими Керенский послал комиссара. Этот шаг представляется автору заранее обреченным на неудачу и поэтому он рекомендует:

Не комиссара нужно этим дикарям без чести и совести, а две—три тысячи казаков с неограниченными для них полномочиями. Это говорю я, — мирный, кроткий писатель⁵⁵.

Таков был цикл фельетонов на первую тему — о необходимости для правительства перейти от слов к делу спасения родины.

Вторая тема — предупреждение об опасности, которую представляют собой большевики, — находит свое выражение в цикле фельетонов о Ленине как вожде большевицкого движения, о его ближайших сотрудниках и о губительных последствиях, которые будет иметь их приход к власти.

Угрожающую стране и осуществлению «февральских идеалов» опасность со стороны Ленина Аверченко почувал с первых же дней появления большевицкого вождя в Петрограде и без колебаний сразу же начал ратовать за необходимость принятия строгих мер против деятельности и пропаганды большевиков. К циклу фельетонов на эту тему относятся: «Дар Данайцев» и «Made in Germany» — два фельетона, появившиеся в одном из апрельских номеров журнала; они были написаны по поводу приезда Ленина из Германии «в plombированном вагоне». Говоря о немецкой изобретательности вообще, автор считает, что самое остроумное немецкое изобретение — это отправка в Россию Ленина, «мечта которого — немедленное заключение сепаратного мира с Германией и гражданская война в России»⁵⁶.

«Как мы это понимаем» — фельетон, выдержки из которого частью уже приводились (см. выше с. 232—233). Фельетон был написан в июне, то есть уже через два месяца после приезда Ленина в Петроград. В своей первой части фельетон содержит иносказательное изображение

поведения большевиков среди благодушных деятелей февральской революции. Дело происходит таким образом.

К мужу и жене Маниловым, у которых двое детей, приехал погостить их знакомый, господин Ердацагин. Когда он «ввалился невымытый, небритый, нечесаный» к Маниловым, они встретили его радушно и предоставили в его распоряжение комнату. Но господин Ердацагин своим хамским поведением и пагубным влиянием на воспитанных малолетних детей Маниловых в течение суток разрушил порядок и уют, царившие в доме, и запугал его добродушных хозяев. Они, по своей деликатности, не могли ему прекословить и тем паче не могли его выгнать из своего дома. Красочно изобразив картину развала в доме и террор гостя над хозяевами, Аверченко говорит:

У нас есть коллективная семья Маниловых: это Совет Рабочих и Солдатских Депутатов и наше коалиционное Временное Правительство. У нас есть свой Ердацагин — неряшливые развязные парни с небритыми лохматыми сердцами, приехавшие в гости к этим сахарным розовощекиМ Маниловым, развалившиеся у нас в России [...] ⁵⁷

Аверченко считает, что наступила пора прекратить такое невыносимое положение, и он обращается к правительству с призывом:

Министры! Жестким кулаком сотрите со своего лица сахарную маниловскую мину, пусть будет грозен и величествен лик ваш. Мы, весь русский народ, облекли вас властью — сметайте все гнусное, вредное для дела свободы на своем пути⁵⁸.

«Десять миллионеров» — фельетон, в котором Аверченко высмеивает то представление о привольной жизни, которую якобы ведут так называемые «капиталисты», по словам большевицких пропагандистов⁵⁹.

«История большевиков» — фельетон, написанный, очевидно, под влиянием неудачи июльского выступления большевиков; он отражает временный оптимизм, распространившийся в столице в связи с подавлением восстания. Автор кончает свой фельетон словами:

И смахнут большевика со стола, как надоедливую муху со лба, а он потрет лапками и полетит дальше, жужжа, как муха, в длинный, скучный, томительный июльский день [...] И в этом будет конец большевизма на Руси⁶⁰.

«Салат из булавок» — фельетон, состоящий из нескольких коротких глав. Одна из них, под заглавием «Слепорожденные», касается той же темы июльского восстания большевиков. Под слепорожденными подразумевается Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских депутатов, который не только имеет «бельмо на глазу в виде контрреволюции и буржуазии», но и политически слеп, так как не смог прочесть донесение контрразведки о том, что большевицкое восстание было организовано на немецкие деньги⁶¹.

Выдержки из перечисленных фельетонов Аверченко дают довольно ясное представление о радикальной эволюции политических взглядов писателя по мере того, как в стране разрушался правопорядок.

То обстоятельство, что он не был «политическим человеком» в партийно-политическом смысле этого слова, спасало Аверченко от необходимости подчинять свои выводы из наблюдаемых фактов велениям партийной догмы. Здравый смысл побуждал его не только метко и убедительно запечатлевать в фельетонах происходившую на его глазах общественно-политическую разруху, но и критически переосмысливать свою прежнюю романтическую веру в революцию как панацею от всех бед русской жизни. Очень быстро Аверченко сознает, к каким губительным последствиям ведет вера радикальной интеллигенции в революцию как в самоцель и в безграничную свободу. Он имеет мужество признаться в несостоятельности своих прежних убеждений и чаяний и призывает своих читателей произвести необходимую «переоценку ценностей». Это отмечает Леонид Добронравов, когда говорит об Аверченко:

Для него не существует фетишей, и не раз он вонзал острые стрелы смеха в сердце кумиров, перед которыми преклонялась толпа⁶².

Развенчание фетиша революции и неограниченной свободы нашло особенно яркое выражение в двух фельетонах Аверченко, появившихся в его журнале в августе и сентябре 1917 года.

Первый из этих фельетонов — «Когда мне жарко», — был написан в августе под впечатлением все чаще раздававшегося популярного лозунга о необходимости «спасения революции».

Аверченко по этому поводу замечает:

Сейчас мы все — тот же доктор, у постели тяжело больной России. И если мы ее только 8-ю часами небрежного ленивого труда лечить будем, — скоро она, матушка, протянет ноги от такого лечения.

А то завели еще люди — даже самые первейшие министры — твердить к месту и не к месту преглупую фразу: — Мы должны стоять на страже революции.

Россию вы, голубчики, спасайте, а не революцию. Что она за цаца такая, ваша революция? Революция это болезнь, это жестокая лихорадка, которую переживает Россия.

О спасении больной, милые люди, думайте, а не о сохранении лихорадки⁶³.

Второй фельетон — «Отрыжка» — появился в сентябре того же года. В нем Аверченко сравнивает первый месяц революции — март — с медовым месяцем, после которого молодой муж с ужасом обнаруживает, что так долго и страстно любимая им девушка оказалась «дурой и распустехой». Писатель говорит:

Как мы все мечтали о свободе для России, — помните? О свободе с заглавной буквы...

Добились... Что это была за великолепная пышная свадьба: красные цветы, веселые огни горящих участков, поздравления соседей, милая стыдливая улыбка на лице прекрасной невесты Свободы, ликующие восторженные лица граждан на улицах, — так отпраздновали свадьбу, что дай Бог каждому.

Ну что ж... Вот и отпраздновали.

И медовый месяц был очень хороший — март⁶⁴.

Когда прошел этот месяц, муж очнулся от угара страсти и понял, что жена его — «жирная, жадная, неопрятная женщина», с которой он совсем не сможет «идти рука об руку навстречу лучезарному солнцу»⁶⁵.

Как свидетельствует содержание приводившихся в перечне фельетонов Аверченко, созданных за время между двумя переворотами (февральским и октябрьским), он выступает и действует в этот период не столько как юмористический писатель, зарисовывающий окружающий его быт со своими смешными сторонами, сколько как гражданин-публицист, остро переживающий сознание надвигающейся катастрофы и исполняющий свой гражданский долг — предупреждать об опасности, угрожающей родине.

Способность Аверченко разбираться в происходящем и трезво оценивать обстановку, создавшуюся в России в 1917 году, равно как и его публицистическое мужество, отмечается многими его современниками. Так, например, Куприн говорил:

Но не один только смех знал покойный Аркадий Тимофеевич. Еще до октября 1917 года он зорко увидел дьявольскую сущность надвигающегося большевизма, и до самого того дня, когда «Сатирикону» приказали умереть, он, как истинный рыцарь, боролся с насильниками родины⁶⁶.

Не менее положительно высказался на тот же счет редактор и публицист Ганфман, писавший:

А тут подоспела революция. Аверченко на страницах *Сатирикона* ринулся в бой с красной пошлостью, которая так скоро превратилась в бесчеловечную жестокость, и *Сатирикон* вместе со всей русской печатью замолк⁶⁷.

Начиная с первого октябрьского номера, на обложке *Нового Сатирикона* большими буквами печаталось: «Отечество в опасности», но угрожавшую стране опасность не удалось предотвратить и, как известно, в конце октября 1917 года власть в России перешла в руки большевиков.

Октябрьский переворот и конец *Сатирикона*.

После происшедшего переворота сознание обреченности и безысходности охватило Аверченко, и эти переживания он выразил в фельетоне «За гробом матери», напечатанном в одном из декабрьских номеров журнала. Этот фельетон — как бы заключительное произведение в цикле его патриотическо-публицистических фельетонов, свидетельствующее о чувстве трагической непоправимости происшедшего. Вряд ли можно отнести этот фельетон к произведениям юмористической или сатирической литературы — настолько содержание его трагично и настолько искренне и серьезно автор выражает в нем свою любовь к родине и скорбь по поводу ее гибели. Аверченко пишет:

Подумайте, какая трагедия: смех это наша профессия, это стихия сатириконцев, а мы не можем смеяться... Отчего бы это? Целый океан смеха, а мы задыхаемся на сухом берегу, судорожно открывая рты⁶⁸.

Вместе с тем, по мнению Аверченко, происходящее в России настолько гротескно, что сатириконцы, не лишившись окончательно чувства юмора, не могут не видеть смешного в перипетиях быстро сменяющейся политической обстановки:

Разве не смешно, что Керенский вызвал Корнилова против большевиков, на полдороге спохватился, объявил Корнилова контрреволюционером, предал Корнилова большевикам, потом сам попал им в лапы, потом вырвался, потом пошел на них, по Корниловскому рецепту, с войсками, а потом, преданный войсками, был теми же большевиками, которых он спас от Корнилова, объявлен контрреволюционером и корниловцем⁶⁹.

Аверченко затем приводит другие примеры до смешного нелепых событий, происходящих в России, и спрашивает: «Однако почему же, чорт его побери, не хочется смеяться?»

Отвечая на свой риторический вопрос, Аверченко пишет:

Россия! Мать моя! За что я люблю тебя, пьяная ты, несчастная, жестокая дура? [...] Ах, если бы все, что сейчас происходит, касалось не тебя, как бы мы посмеялись [...] У кого из нас, детей ее, хватит чести и совести разразиться над полутрупом насмешливым хохотом?

Нет. Мы не из тех, которые идут за гробом матери, приплясывая.

Креп на руке, проклятие убийцам на устах, открытая рана в сердце.

Плачьте, русские!⁷⁰

Захват власти большевиками первоначально не отразился непосредственно на возможностях продолжать издание журнала. Его политическая позиция — бескомпромиссного неприятия власти большевиков и вводимых ими порядков — определилась еще задолго до октябрьского переворота, и Аверченко продолжал вести *Новый Сатирикон* в том же духе до конца своей редакторской деятельности.

Как и до «октября», тематика аверченковских фельетонов остается по преимуществу политической, но с написания фельетона «За гробом матери» как-то чувствуется, что гражданские и патриотические нотки, так патетически звучавшие в произведениях Аверченко периода Временного Правительства, теперь уступают место настроениям несколько иной окраски. В журнале стало преобладать сатирическое изображение воцаряющегося примитивного быта; одновременно высмеиваются нелепости новых порядков и осуждаются репрессивные мероприятия власти. Такая позиция *Нового Сатирикона* дает повод советскому автору сказать:

Октябрьскую революцию журнал встретил в штыки. Первые послеоктябрьские номера полны неумной клеветы на большевиков. *Новый Сатирикон* усердно перепевает тему о «раздетых людях и раздеваемой государственности». Теперь, пожалуй, он отдает предпочтение сатире политической⁷¹.

К числу фельетонов выше охарактеризованных категорий относятся фельетоны Аверченко: «Россия под большевиками», «Дипломат из Смольного», «Вся власть мне», «Самое важное», «Учитель и ученики» и «Тонкая поли-

тика» (в специальном номере журнала о Карле Марксе), «Русские калифорнийцы», «От сицилиста через социалиста к сицилисту»⁷² и некоторые другие.

О впечатлении, которое производили тогдашние сатирические выступления Аверченко, свидетельствуют слова Леонида Добронравова, написанные через несколько лет, уже в эмиграции:

Его номер *Сатирикона*, выпущенный ко дню столетнего юбилея Карла Маркса, был оглушительной пощечиной революции, как и номер о «пролеткульте».

В этой смелости, в этом вызове всегда заключалось большое общественное значение Аверченко. При красном режиме он был так же мало приятен, как и при черном⁷³.

Наряду с сатирическими фельетонами на злободневные политические темы Аверченко за это время создает несколько фельетонов, в которых сквозит грусть и тоска по упорядоченной и мирной предреволюционной жизни с проскальзывающими автобиографическими элементами, как например, «Болотные туманы»⁷⁴ или просто характера автобиографического, как, например, фельетон «Молодняк»⁷⁵.

Сознание, что не видно выхода из трагического положения, в какое попала Россия, воплощается в мрачном рождественском рассказе Аверченко «Последняя елка».

В нем автор рассказывает, как несколько вариантов рождественской истории, которые он читал вслух сотрудникам журнала, забраковывались ими как совершенно не соответствующие установившемуся положению вещей. Рассказ пришлось переделывать, снова и снова сокращать, пока окончательная редакция его текста не свелась к следующему лаконизму:

Последняя елка

Рождественский рассказ Арк. Аверченко

Был декабрь 1917 года.

Офицер Семенов, прихрамывая, взбежал по лестнице.

Хлопнули выстрелы.

Арк. Аверченко⁷⁶.

К той же категории произведений, в которых автор выражает мучительное сознание непоправимости совершившегося на его родине, относится фельетон «Слабая голова». Это фельетон, канвой которому послужил старый популярный аверченковский фельетон «История болезни Иванова», написанный писателем задолго до войны и революции.

В старом фельетоне читатель находит такое начало:

Однажды беспартийный житель Петербурга Иванов бежал бледный, растерянный в комнату жены и, выронив газету, схватился руками за голову.

— Что с тобой? — спросила жена.

— Плохо! — сказал Иванов. — Я левею⁷⁷.

Теперь в фельетоне, озаглавленном «Слабая голова», начало его звучит по-новому:

Проснулся Иванов, потянулся, повернул голову к окну, посмотрел на гроздь обрызганной росой сирени, дремавшей в саду, подумал немного и вдруг, дико закричав, вскочил с постели:

— Боже ты мой! Да ведь России нет больше!⁷⁸

Жена резонно заметила мужу, что «давно уже к этому шло» и непонятно, как он только это сейчас заметил. Иванов объясняет жене, что он чувствует себя как старушка-мать, хоронившая сына. За все время хлопот по устройству похорон она знала, что сын умер, «но все это скользило мимо» нее, а потом «вдруг среди этих дел и хлопот осознала она вся, с головы до ног, всем мозгом и сердцем: да ведь сына-то нет!» Так и он, Иванов, «сегодня утром взглянул на сирень, на росу, на солнце, да и взвыл, как пес по покойнику: да ведь России-то нет!⁷⁹

В своей тоске Иванов обращается к висевшему на стене его комнаты портрету Пушкина, с которым ведет длинный разговор о всем невероятном ужасе, воцарившемся в России, которую они оба так любили.

У дореволюционного Иванова быстро прогрессирующая болезнь «полевения» привела его в конце концов

к тому, что пришедший пристав установил: «Готов! Доспел!» — после чего «сел писать проходное свидетельство до Вологодской губернии»⁸⁰.

Судьба Иванова большевицкой эпохи складывается по-иному. Доктор и ассистент, вызванные женой, «взяли под руки русского человека и отвезли его в домик, находившийся в ведении совнарздрава». Заканчивает свой новый фельетон Аверченко мрачными словами — предсказанием: «Все там будем»⁸¹.

Помимо сатирико-юмористического материала, даваемого самим Аверченко, Арк. Буховым и другими сотрудниками *Нового Сатирикона*, в журнале продолжали печататься разделы «Волчи ягоды» и «Перья из хвоста». В заметках, помещавшихся в них, запечатлевались нужда и страх запуганных обывателей, беззаконие, самоволие властей, одичание нравов и пренебрежение новой власти к интересам страны и ее населения. Это делалось на основании сообщений свободных органов печати, пока еще не закрытых властями или еще не перекинувшихся в лагерь победителей-большевиков.

Находим на страницах *Нового Сатирикона* множество заметок, характеризующих эпоху первых лет коммунизма в России, как, например, следующая:

Круги Дантова ада

По новому декрету Петроградцев предположено кормить хлебом по категориям... Рабочие получают 1/2 фунта хлеба... В эту категорию входят печатники, дворники, прачки и гладильщицы... В третью категорию входят писатели, инженеры, артисты и парикмахеры... Они будут получать по 1/8 фунта в день.

И так Шекспир, Эйфель и Гаррик должны жить на осьмушку.

А чтобы им не было обидно, им в компанию дали парикмахера.

Это концентрическое распределение по категориям не напоминает ли кругов Дантова ада: в одном кругу плохо, а в других еще хуже...⁸²

В связи с пропагандой большевицких газет, призывавших к решительным мероприятиям против врагов новой власти, находим такую заметку:

Головотяпы

«Красная газета» добросовестно описывает свою платформу:

Мы бьем врагов зверски, беспощадно, купаясь в их крови, но не иначе, как в открытом, честном бою! «По чужую голову итти — свою нести», это мы знаем и несем ее, свою голову, гордо и высоко приподнятой: — сруби, если можешь, но берегись: промахнешься — твоя полетит!

Представляя так храбро свою голову, «Красная газета» знает, что ничем не рискует: потеряв даже этот бесполезный для них отросток, красногазетчики станут ни глупее, ни умнее... Только рост убавится⁸³.

Отражается в «Волчьих ягодах» и постепенное закрытие антибольшевицких газет и воцарившееся в провинции бесправие.

Вот одна из таких заметок:

Хоровод

В Иркутске закрыты «Сибирь», «Свободный Край», «Свободная Сибирь». Редактор «Сибири» Гольдберг был арестован, но на другой день освобожден прокурором, за это последний в свою очередь арестован.

А если бы прокурор, вместо освобождения, застрелил Гольдберга — поди, он еще награду какую получил или «медаль за усердие». Потому она, большевицкая Сибирь тово...⁸⁴

Позиция *Нового Сатирикона* не могла, конечно, не вызвать сильнейшей реакции со стороны органов большевицкой печати. Бывший сотрудник журнала Аверченко, поэт В. Князев, перешедший в лагерь большевиков вскоре после октябрьского переворота и ставший редактором «журнала художников-коммунаров» «Красная колокольня», — желая выслужиться перед новой властью, грубо ругал в этом журнале своих бывших долголетних

коллег по *Новому Сатирикону*, называя их «литературной сволочью из *Сатирикона* и «обер-клоунами невских панелей»⁸⁵.

Излагая становление советской сатирической прозы в первые годы после октябрьского переворота, советский автор Ершов в своем труде следующим образом высказывается о роли *Нового Сатирикона* в то время:

В первые годы революции (1917—1918) продолжали выходить такие буржуазные юмористические журналы, как «Новый Сатирикон», «Будильник», «Осколки», «Бич». Их содержанием была желчно-озлобленная «сатира» на декреты советской власти, на большевиков, Ленина, «Правду». Социалистическую революцию встретили в этих журналах [...] со скрежетом зубным, как поправление февральских завоеваний, уже давших, дескать, «все» свободы⁸⁶.

В сентябре 1917 года Аверченко, полный мрачных предчувствий, писал в фельетоне «Доской по голове» о том, что он считает с возможностью, что через короткий срок его журнал должен будет прекратить свое существование (см. выше с. 236). В то время он, надо думать, имел прежде всего в виду угрожавшее Петрограду наступление германских войск, прорвавших фронт и взявших Ригу. Эта военная угроза столице и существованию журнала Аверченко не сбылась. *Новый Сатирикон* продолжал выходить еще целый год, но тучи над ним сгущались. Ершов в связи с этим отмечает:

Год существования молодой советской республики ничему не научил большинство деятелей буржуазной юмористики. Советской власти оставалось только одно — закрыть эти издания, что и было осуществлено в ноябре 1918 года⁸⁷.

Ершов здесь говорит о закрытии нескольких «буржуазных» юмористических изданий и указывает месяц ноябрь как месяц прекращения их существования. Возможно, что некоторые из неугодных советской власти журналов и были закрыты только в ноябре, но что каса-

ется *Нового Сатирикона*, то Ершов здесь допускает очевидную ошибку. Журнал Аверченко был закрыт раньше, а именно — еще в августе 1918 года. Об этом упоминает другой советский автор, Муратова, в своей статье о русской журналистике, когда она говорит:

После октября 1917 года «Новый Сатирикон» выродился в грубо тенденциозный антисоветский журнал и был закрыт в августе 1918 г.⁸⁸

Те же сведения находим и в советском справочнике о русской периодической печати, в котором о *Новом Сатириконе* сообщается:

После февральской революции журнал не пошел дальше запоздалых нападок на царскую бюрократию. После октября превратился в антисоветское издание, закрыт в августе 1918⁸⁹.

Наконец, в недавно вышедшей книге о поэтах *Сатирикона* даже указывается номер последнего выпуска *Нового Сатирикона*. Отмечая, что сатириконтцы не понимали нового строя и не сочувствовали ему, автор книги пишет:

Бытовые лишения заслонили от них великий смысл происходящих в России событий. Народную власть они всячески старались подорвать. «Я саботирую» — красовалось на обложке одного из последних номеров «Нового Сатирикона». Естественно, что в 1918 году по решению Советского правительства журнал был закрыт на восемнадцатом номере⁹⁰.

Таким образом, нет сомнений, что *Новый Сатирикон* должен был прекратить свое существование на восемнадцатом номере, вышедшем в августе 1918 года.

Конец его журнала был для Аверченко последним ударом по тем революционным иллюзиям, которые у него, может быть, еще оставались к этому времени. Закрытие журнала побудило Аверченко совсем по-иному взглянуть на те «цепи» предреволюционных цензурных ограничений, падение которых полтора года назад вызвало его

бурное ликование (см. выше с. 227). «Переоценка ценностей», к которой пришел Аверченко, как нельзя лучше была выражена им через два года в фельетоне, написанном уже в Константинополе. В этом фельетоне Аверченко говорит о том, как он счастлив, что никогда не был политиком. Это позволяет ему высказывать «мысли — отчасти ребенка, отчасти — поэта» и во всеуслышание крикнуть: «А ведь король-то голый!»

Автор сообщает, что теперь, когда еще «все взрослые люди типа Зензинова, Милюкова и Минора — все эти бородатые дяди, все Керенские, Абрамовичи, Черновы и Мартовы» продолжают рассматривать голого короля и рассуждать о приемлемости или неприемлемости цвета и фасона якобы надетого на него платья, он, Аверченко, откровенно может сказать, что предпочитает золотопогонников. Он дальше пишет:

Я имел удовольствие редактировать свой «Сатирикон» и при золотопогонниках и при рабоче-крестьянской власти.

Ах, как меня жали золотопогонники...

Бывало, выругаешь генерал-губернатора или министра — штраф. Целых 500 рублей.

Нарисуешь карикатуру на Распутина — с цензурой целый день приходится торговаться, пока пропустят...

Как, бывало, острая политическая тема — так мы торговались с цензурой, будто два маклака из-за кривой лошади.

Тяжелое было время.

А рабоче-крестьянская власть оказалась проще...

Нарисовали мы в «Сатириконе» карикатуру на Троцкого, который рабоче-крестьянам речь держит — так за это двинули сапогом по «Сатирикону» так, что я со своими сотрудниками два года из Петербурга бежал!

И от пустяка мы бежали — от Гороховой, 2.

Так после такого со мной обращения «рабоче-крестьянской», для меня золотопогонники приятней родного любимого дяди!⁹¹

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Новый Сатирикон*, 1914, № 31, с. 2.
- ² Там же.
- ³ Там же, 1914, №№ 33, 35, 41.
- ⁴ Там же, 1914, № 51.
- ⁵ Перцов В.О. Маяковский. Жизнь и творчество (до Великой Октябрьской Социалистической революции). М., Советский писатель, 1951, с. 276.
- ⁶ *Новый Сатирикон*, 1915, №№ 9 и 38; 1916, №№ 13, 38 и 45.
- ⁷ Там же, 1915, №№ 35 и 42; 1916, № 49.
- ⁸ Михайлов О. Аркадий Аверченко. — В кн.: Аркадий Аверченко. Юмористические рассказы. М. Художественная литература, 1964, с. 18.
- ⁹ Перцов В.О. Указ. соч., с. 276.
- ¹⁰ *Новый Сатирикон*, 1914, № 42.
- ¹¹ Там же, 1915, № 50.
- ¹² Там же, 1916, № 21.
- ¹³ Там же, 1915, № 32.
- ¹⁴ Там же, 1915, № 21, с. 7.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Тхоржевский И.И. Русская литература. Париж, Возрождение, 1950, с. 323.
- ¹⁷ *Новый Сатирикон*, 1915, № 36.
- ¹⁸ Там же, № 38.
- ¹⁹ Там же, 1915, № 45.
- ²⁰ Там же, 1916, № 18.
- ²¹ Там же, 1916, № 47.
- ²² Свидетельство Корнфельда.
- ²³ Примером такого выступления можно считать кампанию по преданию суду священника Восторгова. Он обвинялся в совращении малолетних учениц, причем появились сообщения, что будто бы некоторые девушки покончили самоубийством. Аверченко написал несколько темпераментных статей, требуя, чтобы Восторгов был предан суду. Эти статьи Аверченко были напечатаны в *Новом Сатириконе* за 1910 г. в №№ 33, 34, 35, 36 и 37.
- ²⁴ М.Г. [Ганфман М.И.] А.Т. Аверченко. — *Сегодня* (Рига), 1925, 13 марта.

- ²⁵ В качестве примера подобного выступления против цензурных ограничений можно указать на пространную статью Аверченко «Мы за пять лет», напечатанную в *Новом Сатириконе* № 28 за 1913 г. Заключительный абзац этой статьи посвящен перечислению всех тех тем, касаться которых запрещала цензура. Кроме того, здесь же можно указать на юмореску «Лебедь, рак и щука», которая появилась в *Сатириконе* № 45 за 1912 г.
- ²⁶ *Новый Сатирикон*, 1917, № 6, с. 10.
- ²⁷ Там же, 1917, № 11.
- ²⁸ Там же, с. 2.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же, с. 7.
- ³¹ Там же, 1917, № 12, с. 3.
- ³² Там же, 1917, № 14, с. 2.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же, с. 3.
- ³⁵ Там же, 1917, № 14, с. 4.
- ³⁶ Неандер Б.М. Памяти Аркадия Аверченко. — *Возрождение* (Париж), 1926, 12 марта.
- ³⁷ Бунин И.А. Окаянные дни. В кн.: Бунин И.А. Собр. соч., т. X. Берлин, Петрополис, 1935, с. 109.
- ³⁸ *Новый Сатирикон*, 1917, № 17, с. 11.
- ³⁹ Там же, с. 14.
- ⁴⁰ Там же, 1917, № 19, с. 11.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же, 1917, № 20, с. 3.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же, 1917, № 21, с. 7.
- ⁴⁵ Там же, 1917, № 22, с. 3.
- ⁴⁶ Там же, 1917, № 24, с. 9.
- ⁴⁷ Там же, 1917, № 25, с. 11.
- ⁴⁸ Там же, 1917, № 35, с. 3.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же, 1917, № 39, с. 6.
- ⁵³ Там же, с. 7. Фельетон «Пустая мельница» был напечатан в предшествовавшем номере журнала (№ 38).
- ⁵⁴ Там же, 1917, № 40, с. 6.

- ⁵⁵ Там же, 1917, № 41, с. 6.
- ⁵⁶ Там же, 1917, № 15, с. 6.
- ⁵⁷ Там же, 1917, № 19, с. 11.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же, 1917, № 26.
- ⁶⁰ Там же, 1917, № 27, с. 6.
- ⁶¹ Там же, 1917, № 28, с. 6.
- ⁶² Добронравов Л.М. Аркадий Аверченко (эскиз). — *Бессарабия* (Кишинев), 1923, 29 сентября.
- ⁶³ *Новый Сатирикон*, 1917, № 31, с. 10
- ⁶⁴ Там же, 1917, № 33, с. 13.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Куприн А.И. Аверченко и «Сатирикон». — *Сегодня* (Рига), 1925, 13 марта.
- ⁶⁷ М.Г. [Ганфман М.И.] Указ. соч.
- ⁶⁸ *Новый Сатирикон*, 1917, № 43, с. 2.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Там же, с. 3.
- ⁷¹ Евстигнеева Л.А. Поэты-сатириконцы. — В кн.: Поэты «Сатирикона». М.—Л., Советский писатель, 1966, с. 45.
- ⁷² *Новый Сатирикон*, 1917, №№ 42 и 44; 1918, №№ 1, 3, 11, 13 и 14.
- ⁷³ Добронравов Л.М. Указ. соч.
- ⁷⁴ *Новый Сатирикон*, 1918, № 2.
- ⁷⁵ Там же, 1918, № 9.
- ⁷⁶ Там же, 1917, № 45, с. 11.
- ⁷⁷ Аверченко А. Веселые устрицы. С.-Петербург, Изд-во М.Г. Корнфельда, 1910, с. 19.
- ⁷⁸ *Новый Сатирикон*, 1918, № 15, с. 11.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ Аверченко А. Веселые устрицы, с. 23.
- ⁸¹ *Новый Сатирикон*, 1918, № 15, с. 11.
- ⁸² Там же, 1918, № 14, «Волчьи ягоды».
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Там же, 1918, № 9, «Волчьи ягоды»
- ⁸⁵ Ершов Л.Ф. Советская сатирическая проза 20-х годов. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, с. 37.
- ⁸⁶ Там же, с. 40.
- ⁸⁷ Там же.

- ⁸⁸ Муратова К.Д. Журналистика. — В кн.: История русской литературы. Литература 1850—1917 годов, т. X, с. 96. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947—1954.
- ⁸⁹ Черепанов М.С., Фингерит Е.М. Русская периодическая печать (1895—октябрь 1917). М., Государственное издательство политической литературы, 1957, с. 209.
- ⁹⁰ Евстигнеева Л.А. Указ. соч., с. 46.
- ⁹¹ Аверченко А. Две власти (золотопогонники и рабоче-крестьянская). — *Зарницы* (Константинополь), 1921, № 11, с. 6.

Глава четвертая

ПЕРВЫЕ ИЗДАНИЯ РАССКАЗОВ

Хотя *Сатирикон* и был тем делом, в которое Аверченко, по словам критика, «вложил всю свою душу, весь пыл редактора, страсть юмориста, нежность создателя, все свое внимание и заботливость»¹, он все же в петербургский период своей деятельности находил время и на сотрудничество в других периодических органах печати, и на издание своих книг.

Говоря о его сотрудничестве в журналах и альманахах, следует в первую очередь упомянуть *Синий Журнал*. Просмотреть все номера журнала и составить полный перечень произведений Аверченко, напечатанных в этом издании, не было возможности за неимением комплектов *Синего Журнала* в зарубежных книгохранилищах. Приходится ограничиться указанием на некоторые номера этого журнала, в которых были помещены произведения писателя и о которых соответствующие заметки появлялись в отделе объявлений *Сатирикона*.

Так, например, встречаются указания на то, что в 1911 году в *Синем журнале* были напечатаны рассказы Аверченко «О бильярдной игре, бильярдных игроках, бильярдных неудачниках и прочем», «Первая победа», «Сильная раса (из путевых впечатлений)» и «Как меня приглашают на концерты»².

Помимо того известно, что Аверченко участвовал в написании коллективного романа «Три буквы», печатание которого началось в № 14 *Синего Журнала* за 1911 год. Авторами отдельных глав этого романа, кроме Аверченко, были некоторые известные русские писатели, в числе которых названы: А.И. Куприн, А.А. Измайлов, А.П. Каменский, В.И. Немирович-Данченко и Н.А. Тэффи.

Аверченко перестал сотрудничать в *Синем Журнале* летом 1913 года, когда произошел конфликт с Корнфельдом, который был издателем как *Сатирикона*, так и *Синего Журнала*.

В издательстве Корнфельда выходил, кроме того, детский иллюстрированный еженедельник *Галченок*. Об его основании в 1911 году сообщалось в *Сатириконе*, причем в соответствующем объявлении было указано, что редактором журнала станет А.А. Радаков, а литературный отдел будет вести Аркадий Аверченко³. Из дальнейших объявлений в *Сатириконе* узнаем о выходе очередных номеров *Галчénка*, в которых помещались не только рассказы Аверченко, но и его рисунки. Ознакомиться хотя бы с отдельными номерами *Галчénка* и установить степень участия Аверченко в его содержании тоже не оказалось возможным.

Сотрудничество Аверченко в *Галчénке* прекратилось в 1913 году, о чем было сообщено на страницах незадолго до того основанного *Нового Сатирикона* в виде «открытого письма матерям» за подписью Радакова и Аверченко. В этом письме они говорили следующее:

«Галченок» был основан в 1911 году при нашем содействии и при нашем постоянном сотрудничестве [...] В марте текущего года, вследствие несогласий, возникших между нами и Корнфельдом, — весь состав постоянных сотрудников «Галчénка» во главе с редактором вышел из состава редакции⁴.

Когда в 1910 году возник журнал *Солнце России*, в состав его сотрудников был привлечен и Аверченко, изредка помещавший в этом журнале свои произведения, как например, рассказ «Операция под хлороформом»⁵.

После февральской революции 1917 года Аверченко непосредственно участвовал в создании двух журналов, преимущественно политико-сатирического характера.

С мая 1917 года в Петрограде стал выходить сатирический журнал *Барабан*, редактором которого был М.С. Линский. Журнал выходил в издательстве «Нового Сатирикона», и ближайшее участие в нем принимал Аверченко. Объявления о подписке на журнал появились в нескольких номерах *Нового Сатирикона*, и в этих коротких юмористических призывах подписываться на *Барабан* чувствуется «рука» Аверченко⁶.

Степень его участия в основании и издании *Барабана* не выяснена, но известно, что Аверченко называл его «своим» журналом, когда впоследствии вспоминал о репрессиях, которые применяла по отношению к нему «рабоче-крестьянская» власть. Об этом свидетельствуют его слова в фельетоне «Две власти», написанном в Константинополе. В этом фельетоне Аверченко говорит:

Нарисовал я в своем журнале «Барабан» карикатуру на Брест-Литовский мир — хлоп! Так двинули ногой по «Барабану», что одна зияющая дыра осталась⁷.

В июле 1917 года в *Новом Сатириконе* было помещено объявление о выходе первого номера органа памфлетов *Эшафот*, под редакцией Петра Пильского и при участии видных писателей и журналистов, в числе которых, кроме Аверченко, значились А.И. Куприн, В.И. Немирович-Данченко и другие. Возвещая об основании *Эшафота*, его редакция писала про свой журнал, что «он будет выходить в дни имени Глупости и Бесчестия»⁸. Впоследствии, уже живя в эмиграции, Пильский вспоминал:

Аверченко обязаны многие и многим. Не без его помощи возник мой первый в России журнал памфлетов — «Эшафот», потому что и он был выпущен в издании все того же «Сатирикона», с благословения и согласия Аверченко⁹.

Приведенный перечень журналов, конечно, далеко не исчерпывает всех тех органов русской периодической печати, в которых Аверченко сотрудничал во время своей жизни в Петербурге, и есть указания, что он писал свои произведения и для других газет и журналов. Некоторые из них называет Пильский в своем некрологе по Аверченко. Пильский здесь упоминает понедельничные газеты *Эпоха* и *Межа*, в которых он работал «бок о бок» с Аверченко. Вспоминая дальше в своей статье о спайке, связывавшей редактора *Сатирикона* с другими сотрудниками журнала, Пильский говорит об Аверченко:

Он и в другие редакции входил не иначе, как вместе со своими «сатириконскими друзьями», как вошел на моих глазах в «Русскую Волю», тоже купно с Ре-Ми и Радаковым¹⁰.

Много писал Аверченко для разных альманахов и коллективных изданий, выходивших в издательстве корнфельдовского «Сатирикона», а затем — в издательстве товарищества «Новый Сатирикон».

Из появившихся в этих издательствах коллективных трудов следует отметить первое из подобных изданий. Это был иллюстрированный альбом *Современный Все-петербург*, вышедший под редакцией Аверченко в 1908 году. Рисунки и шаржи для этого альбома нарисовали художники Ре-Ми, Радаков, Юнгер, Яковлев и другие, а текст — юмористическое описание столицы — написал Аверченко.

Особую популярность приобрел другой из коллективных трудов сотрудников *Сатирикона*, а именно вышедшая в 1910 году тоже под редакцией Аверченко книга *Всеобщая история, обработанная «Сатириконом» под его углом зрения*. В этой юмористической всеобщей истории были части, из которых первая — «Древняя история» — была написана Тэффи, а третья — «Новая история» — Аркадием Аверченко.

Книга имела большой успех, несколько раз переиздавалась, в последний раз в 1917 году, уже в издательстве

«Новый Сатирикон». Факсимиле титульного листа этой популярной в старой России книги воспроизведено в альбоме Килгуровской коллекции¹¹.

Через год после выхода *Всеобщей истории*, тоже в издании М.Г. Корнфельда, вышла книга, рассылавшаяся в виде бесплатного приложения всем подписчикам *Сатирикона* и носившая название *Экспедиция в Западную Европу сатириконцев: Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова*. Книга была иллюстрирована Радаковым и Реми, а ее текст был написан Аверченко.

В том же 1911 году вышел из печати альманах *Сатирикона — Пауки в банке*, содержание которого состояло из произведений постоянных сотрудников журнала. Значительную часть содержания альманаха составляют произведения Аверченко (числом 24), главным образом его рассказы и фельетоны, впервые опубликованные в *Сатириконе*, преимущественно в 1909 году, с сохранением разных псевдонимов писателя, под которыми он эти произведения поместил в журнале.

Последним коллективным трудом сотрудников *Сатирикона*, напечатанным еще в издательстве М.Г. Корнфельда, была появившаяся в 1913 году *Театральная энциклопедия Сатирикона*, для которой Аверченко дал три своих рассказа¹².

Когда, после разрыва с Корнфельдом, создано было товарищество «Новый Сатирикон», это издательство продолжило дело, успешно начатое редакцией *Сатирикона*, издавая также сборники произведений сотрудников журнала *Новый Сатирикон*.

Серия сборников, выпущенных этим издательством, началась с книги *Художественно-юмористический календарь-альманах на 1914 год*, в котором были напечатаны четыре произведения Аверченко¹³.

За этим сборником нового издательства последовали другие. Так, в 1915 году вышла книга *Осиновый кол на могилу зеленого змия* (в которой перу Аверченко принадлежали рассказы и очерки: 1. «Плач на могиле», 2. «Ба-

рельеф на могиле», 3. «Сухой праздник», 4. «Гипнотизм» и 5. «Непонятное»), и книга *Теплая компания* (в которой содержался сатирический очерк Аверченко — «Турция»).

В 1916 году вышла книга с длинным названием *Самонейший письмовник с приложением: как держать себя дома и в обществе, искусство писать в альбом, руководство к танцам и к светским разговорам*. А также научная статья Аркадия Аверченко о письмовниках вообще и затем книга *Физиология и анатомия человека с приложением психологии человека*.

В 1917 году, последнем году нормальной работы издательства, была выпущена книга *Вестник знания «Нового Сатирикона»*, состоящая из трех частей: *Окультурные науки*, *Энциклопедический словарь* и *Хрестоматия для деточек*.

Во всех перечисленных книгах-сборниках содержание было написано несколькими авторами из числа сотрудников журнала, при неизменном участии самого Аверченко.

В последнем из перечисленных изданий *Нового Сатирикона*, а именно в *Вестнике знаний «Нового Сатирикона»*, Аверченко написал часть главы «Энциклопедический словарь», а также главу «Хрестоматия для деточек», в которую вошли его «Исторические нравоучительные рассказы», впоследствии не раз появлявшиеся за подписью автора в разных зарубежных периодических органах русской эмиграции¹⁴.

Свою широкую всероссийскую известность Аверченко сперва приобрел в качестве редактора наиболее популярного и читаемого юмористического журнала и как остроумный его сотрудник. Вместе с тем, его писательской известности немало содействовали книги его юмористических рассказов, о которых Куприн сказал:

Книги Аверченко шли потоками по всей России. Ими зачитывались и в Сибири, и в черте оседлости, и, во многих переводах, за границей.

Свой дебют в качестве авторов сборников только своих собственных юмористических произведений Аверченко сделал в 1910 году, когда подряд вышли три его книги. Они были выпущены издательством «Шиповник» под названием *Рассказы (юмористические)*, причем книга вторая вышла в обложке, на которой значилось название *Зайчики на стене*, а на титульном листе — «Рассказы (юмористические), книга вторая».

Вспоминая об этом первом появлении книг Аверченко, Тэффи говорит:

Первые книги выпустили мы с Аверченкой одновременно в 1910 году. Я свою — с оглядкой на «погибающих»[...] Аверченко, без Спинозы — прямо и смело и так заразительно, что засмеялась за ним вся Россия. Старые критики угрюмо потоптались, хотели было вспомнить «праздноболающих и обагряющих», наткнулись на Спинозу и согласились простить. — Пусть смеются! ¹⁵

Тэффи не называет по имени тех «старых критиков», которые, по ее словам, «угрюмо потоптались» и непременно хотели напомнить юмористам на необходимость общественного служения. Но весьма вероятно, что одним из этих критиков был Владимир Кранихфельд. В своей литературно-критической статье, мрачно озаглавленной «В подполье», этот критик, отмечая, что современные ему юмористы смеются и выпускают книгу за книгой веселых рассказов (Аверченко — целых три подряд), удивляется плодовитости авторов-юмористов и начинает свою статью с вопроса: «Неужели им весело?»¹⁶

Кранихфельд затем говорит, что Аверченко в предисловии к своей книге *Зайчики на стене* объясняет свое «многописание», которым его кто-то попрекнул, тем, что он пишет только в тех случаях, когда ему весело. Автор статьи уверяет, что у него нет оснований подозревать искренность данного объяснения, но тем не менее в длинной статье сквозит сомнение в том, что смех юмористов есть здоровое явление:

[...] эта беспредметная веселость наших юмористов, не знающих ни для чего, ни во имя чего они «играют на словах» перед своей аудиторией, и есть именно веселость подполья. Веселость отчаяния и безвыходности, смех на гвоздях. Galgenhumor — удачно окрестили это настроение немцы, сами испытывавшие его в такую же эпоху пореволюционного похмелья, какую переживает сейчас и русское общество¹⁷.

Социологический подход к литературе и искание объяснения характера творчества писателя исключительно в общественных условиях среды, в которой он живет и творит, были все еще распространены во время, когда Аверченко и Тэффи начали издавать свои книги. Вот почему Тэффи и начала свою статью памяти Аверченко пояснением:

Смех по традиции доброй старой литературы был строго-настрога запрещен. Смеяться можно было только «сквозь слезы», только предварительно четырежды прочихав¹⁸.

Все же надо признать, что дореволюционная русская критика не была сплошь столь односторонней: наряду с мрачной статьей Кранихфельда, находим и одобрительные отзывы о первых книгах Аверченко. Так, безымянный рецензент газеты *Современное Слово* по поводу книги Аверченко *Рассказы (юмористические)* писал:

Сквозь шарж, надуманность и пустое балагурство светится несомненное дарование, своеобразная наблюдательность, способность к меткой карикатуре. Внешней манерой «юмористические рассказы» г. Аверченко напоминают первые миниатюры «Антоши Чехонте». И заглавия рассказов, и фамилии персонажей, и многие положения — все это как будто немного знакомо. Но у г. Аверченко есть все-таки свое, и прежде всего — талант¹⁹.

Гораздо более положительный и, можно сказать, даже восторженный отзыв о двух первых книгах Аверченко дал критик Вячеслав Полонский. В первой части своей пространной статьи, озаглавленной «Смех и горечь», этот

критик в общем подтверждает слова Тэффи о «загоне», в котором находится в России смех. Полонский отмечает, что в русской литературе «вся сила ума и чувства, все богатство сравнений, эпитетов — ушло в сатиру». Все было обращено в яд, которым, по словам Полонского, «смазывали наконечники сатирических стрел». Полонский заключает:

Да, что говорить, не везло смеху на Руси. Стоило ему появиться на чьих-нибудь устах, как фатальным образом перерождался он в слезы, радость — превращалась в горе, веселье — в уныние [...] ²⁰

На таком, в общем весьма унылом, литературном фоне обе книги Аверченко показались Полонскому явлением исключительным. Отмечая, что читатель, прочитав обе книги, заметит, что так весело и беззлобно он уже давно не смеялся, Полонский продолжает:

Я боюсь быть пристрастным к этому писателю, боюсь преувеличивать размах и глубину его таланта. Но, право, перечитывая его рассказы (большая часть их печаталась в *Сатириконе* и других изданиях), я убеждаюсь, что книжки эти представляют крупное литературное явление. Обе они [...] говорят об авторе как крупной литературной силе, которой, быть может, суждено стать русским Твенном, если... если климат этому не помешает²¹.

Полонский выделяет в своей рецензии ряд рассказов, особенно ему понравившихся, как, например, рассказ «Страшный человек». Герой его — помощник счетовода Химиков — по мнению критика, «невероятная фигура, и все же это живой, движущийся человек, словно выхваченный из жизни»²².

Так же понравились Полонскому рассказы «Измена», «Двойник», «Ниночка», «Жалкое существо» и «Поездка в театр», все в свое время появившиеся на страницах *Сатирикона* за 1908 и 1909 годы.

Разобрав перечисленные рассказы Аверченко, Полонский делает заключение:

И интересная черта! на книжках г. Аверченко нет и следа «политики», ни в узком, ни в широком смысле [...] Вообще же следует заметить, что в рассказах г. Аверченко нет «идей», красной нитью проходящих по страницам, и вокруг которых располагаются и лица, и действия [...] Это-то отсутствие заранее вложенных «идей» и придает рассказам г. Аверченко особую живость²³.

Один только рассказ, помещенный в одном из сборников, вызвал опасение Полонского, сохранит ли творчество Аверченко и впредь свою жизнерадостность и добродушный юмор. Этот рассказ — «Еврейский анекдот» (в книге *Рассказы (юмористические)*, изд. «Шиповник»), в котором, по мнению критика, «чуется скорее ирония, насмешка, чем веселый смех»²⁴.

Рассказ этот произвел впечатление и на других критиков, поставивших его, однако, в особую заслугу автору. В то время как для Полонского настоящий юмор не вполне был совместим с иронически-трагическими нотками, Леонид Добронравов, наоборот, находил, что рассказ «Еврейский анекдот» есть образец непревзойденного юмора, обосновывая свое суждение в статье, написанной много лет спустя, следующим образом:

Но посреди смеха и шума раздался острый, страдальческий крик и вонзился в уши и слышится доселе, слышится всегда. Крик этот — рассказ о бедной еврейке, которая имела «семеро детей и ни одного мужа» и которая повезла в город, к доктору, здорового ребенка по ошибке, вместо больного. Этот веселый и трагический, страшный рассказ остался до сих пор и останется всегда образцом непревзойденного юмора, ибо на дне каждого, самого радостного смеха холодной змеею таится неотступная печаль²⁵.

Столь же положительную оценку рассказа «Еврейский анекдот» находим и у Кранихфельда, считающего, что он «мог бы послужить украшением любого юмористического сборника»²⁶.

Что касается книги в целом, то, расходясь с Полонским, Кранихфельд находит:

В ней нет цельности, нет единства. Что ни рассказ, то иная форма, иной стиль, как будто книгу писал не один Аркадий Аверченко, а вся его семья, состоящая, по крайней мере, из пяти-шести юмористов разных темпераментов и вкусов²⁷.

Различное понимание того, что называется юмором, в рецензиях трех известных критиков как нельзя лучше подтверждает мнение, высказанное Куприным в его некрологе об Аверченко: «Всего труднее определить характер юмора»²⁸.

С этой трудностью литературные критики встретились вновь, когда в том же 1910 году вышла из печати следующая книга Аверченко *Веселые устрицы*.

Если до того в сборниках рассказов Аверченко были собраны только рассказы, уже опубликованные в *Сатириконе* или иных периодических изданиях, то в этой книге Аверченко представил на суд читателей и критики исключительно новые свои рассказы, раньше еще нигде не напечатанные.

Первое произведение в книге — «Автобиография» — встретило противоречивые отклики. В газете *Речь* появилась рецензия на книгу *Веселые устрицы*, написанная Влад. Азовым, который говорил:

[...] даром — находить смешное, извлекать его на свет Божий — г. Аверченко обладает в совершенстве. Свою собственную биографию, из которой при свете меланхолического темперамента можно было бы сделать драму, г. Аверченко превратил в полную незлобного юмора гасконаду²⁹.

Не так посмотрел на «Автобиографию» Кранихфельд. В своей рецензии он относил это произведение Аверченко к числу «неудачных психологических экскурсий» автора, причисляя «Автобиографию» к самым слабым рассказам в сборнике:

Написанная «под Марка Твена», она повторяет давно известные приемы американского юмориста и не дает ни одного самостоятельного штриха для понимания внутреннего мира его русского подражателя³⁰.

Что касается остальных рассказов в книге *Веселые устрицы*, то Кранихфельд находил, что они производят «более цельное впечатление», чем рассказы, появившиеся в прежде вышедших сборниках рассказов Аверченко:

Здесь автор не так беспомощен, как он кажется в первом сборнике. Здесь он двигается на собственных ногах, не нуждаясь в подпорках и в чужих образцах, от которых он там не отводил глаз³¹.

По-иному и гораздо благожелательнее оценил новую книгу Аверченко его брат по юмористической литературе Влад. Азов, писавший:

Г.Аверченко в названии, которое он дал своей книге, отразил свое жизнеощущение [...] У автора этих рассказов юмористический темперамент. Серьезное не интересует его, грустное не омрачает его, но веселое и смешное, молодое и жизнерадостное притягивает его к себе, как магнит. Он задумчиво смеется и любит заряжать своим смехом других. Он настоящий весельчак, не по профессии, а по темпераменту, и с его «Веселыми устрицами» весело [...] ³²

Азов обратил внимание на оригинальное название, которое Аверченко дал своему сборнику рассказов, — *Веселые устрицы*. Это название стало популярным не только вследствие успеха, которым пользовалась книга у читателей, но и потому, что им часто пользовались критики и недоброжелатели Аверченко. Это отразилось в полемических статьях и заметках, появившихся на страницах *Сатирикона*. Аверченко неоднократно пользовался возможностью помещать в своем журнале ответы на критические отзывы или нападки по его адресу, проявляя в своих ответах большой полемический пыл и свойственное ему в таких случаях агрессивное остроумие.

Так, например, в одном из номеров журнала за 1911 год находим в разделе «Волчьи ягоды» заметку относительно того, что московская газета *Итоги Недели* написала:

Читатель! Не ты ли поощрял Аверченко на множество изданий его «устриц» и «зайчиков»? Не ты ли расплодил этих жирных устриц, которые ползают (?) теперь в доме русской литературы и оставляют нечистые следы³³.

В заметке *Сатирикона* в этой связи говорится:

Если сотрудник этой газеты завтракает ползающими устрицами, то мы должны его предостеречь: он принимает за устрицы что-то другое. Живое ползающее — это совсем не устрицы³⁴.

Заметка *Сатирикона* интересна и в другом отношении. Из нее выясняется большая популярность Аверченко у читающей публики, несмотря на не раз появлявшиеся неблагоприятные отзывы критиков о нем. Считаясь со вкусом публики, редакторы периодических изданий прилагали всяческие усилия к тому, чтобы заполучить писателя-юмориста в число своих сотрудников. Так именно поступила московская газета: через несколько дней после появления цитированных выше строк петербургский представитель *Итогов Недели* обращался к Аверченко, приглашая его от имени редактора сотрудничать в этой газете. Заметка в «Волчьих ягодах» заканчивает сообщение об этом словами: «Аркадий Аверченко почему-то отказался»³⁵.

Устрицы фигурировали и в другой, гораздо более серьезной и длительной полемике, которая возникла после того, как К.И. Чуковский опубликовал в газете *Речь* длинную статью, заключавшую резкую критику содержания журнала *Сатирикон* и нападки на Аверченко. Статья начиналась словами:

Иногда мне приходит в голову: уж не Байрон ли — редактор нашего *Сатирикона*? Уж не Генрик ли Ибсен? Быть может, это только пишется: «Аркадий Аверченко», а читать надлежит: «Фридрих Ницше»? ³⁶

Как выясняется из статьи Чуковского, его возмущение позицией «Сатирикона» было вызвано тем, что журнал якобы слишком презрительно относился к «серым

людям толпы», называя их уничижительно «устрицами», «мокрицами» и подобными прозвищами. Как писал Чуковский, прежде «бунт против мещанства» и против «прозябания серых будней» был чуть ли не лозунгом революции, а теперь это — «погремушка милых литературных щекотальщиков, развлекателей «чуткой» публики»³⁷.

Порицание, которое Чуковский высказывал журналу Аверченко, сводилось к тому, что *Сатирикон*, по его словам:

Слегка радикал, слегка бонвиван, слегка эстет, слегка нищеанец, — истинный сын нашего милого Невского³⁸.

Такая резкая критика чрезвычайно задела Аверченко. С Чуковским он лично познакомился вскоре после переезда в Петербург, в том же 1908 году посвятил ему свой фельетон «Большой человек»³⁹ и, видимо, имел основание предполагать, что Чуковский относится к нему с расположением, по-дружески, и ценит его талант юмориста. Это выясняется из двух пространных статей Аверченко, напечатанных в *Сатириконе* после появления критического обзора Чуковского в *Речи*. В статьях Аверченко звучит неприкрытое возмущение поведением Чуковского, которого он укоряет в двуличии и неискренности. В своих статьях Аверченко ссылается также и на некоторые другие, по его мнению, несправедливые, критические отзывы Чуковского, появившиеся в других органах печати.

Полемика между Аверченко и Чуковским продолжалась до конца 1911 года. В своей последней полемической заметке Аверченко утверждает, что Чуковский в своих статьях упрекал его в том, что «русского крестьянина и русского рабочего *Сатирикон* изображает кое-как». В конце своей заметки Аверченко лишний раз указывает на непоследовательность в высказываниях Чуковского:

Оправдываясь, К.И. Чуковский заканчивает свою статью неожиданным выкриком: — А если мои писания и расходились с моими словами — кому какое до этого дело? ⁴⁰

В результате этой полемики отношения между Аверченко и Чуковским, очевидно, навсегда испортились, и о сохранившемся у Чуковского неприязненном чувстве по отношению к Аверченко свидетельствует описание им внешности последнего как «моветонного щеголя»⁴¹.

В 1912 году вышла из печати книга рассказов Аверченко под названием *Рассказы для выздоравливающих*. Все рассказы, собранные в этой книге, уже были в свое время опубликованы на страницах *Сатирикона* в 1911 и в начале 1912 годов. В этом смысле для читателей, следивших за появлением произведений Аверченко на страницах редактируемого им журнала, содержание книги не представляло собой большой новости. Но книге было предпослано небольшое предисловие автора, которое заслуживает быть отмеченным, поскольку оно ясно отражает тогдашние взгляды писателя на значение переживаемой страной эпохи и осуждение им популярного в кругах радикальной интеллигенции воззрения на революцию и социальные потрясения как на спасительную панацею от всех бед русской жизни. В своем предисловии Аверченко говорит:

Вся Россия была больна и вся Россия выздоравливает, что бы там ни говорили бескровные нытики и рахитичные слизняки. Свежая кровь со свежей энергией переливается в освеженных жилах, — да здравствуют выздоравливающие!

Вот почему и для кого я написал эту книгу⁴².

Слова эти, столь характерные для оптимистического и жизнеутверждающего мировоззрения Аверченко, называющие революционные потрясения болезнью, а не спасительной целью, свидетельствуют об инстинктивном приятии писателем платформы и политической линии Столыпина. Предисловие Аверченко, можно сказать, перифразирует знаменитые слова этого государственного деятеля, с трибуны Государственной Думы бросившего упрек революционной оппозиции: «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия».

Таким образом, оценка, данная Аверченко эпохе, в которой протекала его редакторская и писательская деятельность до начала мировой войны, вполне могла бы быть названа «октябристской», хотя именно думские депутаты-октябристы были излюбленной мишенью его шаржей и сатирических выпадов, появлявшихся на страницах *Сатирикона*.

Утверждение Аверченко, что Россия выздоравливает, находится, конечно, в полном противоречии с тем, как ту же эпоху 1908—1912 годов воспринимал Чуковский⁴³. Вспоминая впоследствии об этом времени, советский автор, очевидно, намекает на Аверченко и других *сатириконцев*, когда пишет:

И — как апогей обывательщины — эпидемия утробного смеха: вдруг в литературу проник целый отряд смехачей-балаганщиков, появилось множество хихикающих, зубокаляющих книжек, и на фоне массовых виселиц, самоубийств и расстрелов их жирный обывательский смех звучал особенно зловеще [...] ⁴⁴

Как видно из сопоставления цитат Аверченко и Чуковского, их восприятие того, что происходило вокруг них в России в годы до войны 1914 года, настолько противоположно, что уже одно это обстоятельство — и без личных взаимных нападок — не могло не привести к разрыву между ними.

Одним из псевдонимов, которым Аверченко подписывал свои произведения, печатавшиеся в *Сатириконе* и *Новом Сатириконе*, был «Фома Опискин». В 1914 году вышла книга под названием *Сорные травы*, автором которой значился Фома Опискин. а юмористическое предисловие к ней было подписано Аркадием Аверченко.

В сборник *Сорные травы* вошла часть фельетонов и рассказов, опубликованных писателем в журнале под псевдонимом «Фома Опискин», а также произведения, подписанные псевдонимами: «Фальстаф», «Медуза-Горгона», «Марк Васильев», «NN», «В.» и — полным именем и фамилией Аверченко.

Книга была снабжена портретом якобы Фомы Опискина, которого исключительная скромность и застенчивость заставляет закрыть лицо свое обеими руками. Под портретом было факсимиле подписи: Ф. Опискин.

Последующие книги Аверченко, выходявшие во время войны, — *О хороших в сущности людях*, *Волчьи ямы*, *Чудеса в решетке* — были также сборниками его рассказов, уже до того появившихся в *Сатириконе* или *Новом Сатириконе*.

В сборник *Чудеса в решетке* был включен очерк Аверченко «Семь часов вечера», напечатанный в журнале в 1915 году. Этот очерк, по своему настроению и тону отличавшийся от обычно жизнерадостных, веселых рассказов писателя, обратил на себя внимание критики. Обозреватель еженедельников писал в *Журнале Журналов* по поводу очерка Аверченко:

Но какие-то новые нотки чудятся все же во всей концепции рассказа [...], и тон Арк. Аверченко делается неожиданно серьезным, искренним и лиричным [...]

Что это? Случайные мысли или симптом нового периода? Аркадий Аверченко — писатель молодой. Нет никаких оснований думать, что «Веселые устрицы» или «Хорошие в сущности люди» с «Одесситами» являются пределом его возможностей. От веселого юмора Антоши Чехонте есть ведь огромная, хотя и тернистая дорога к творчеству Антона Чехова⁴⁵.

Два очередных сборника рассказов Аверченко, вышедших в 1915 и 1916 годах, один — под названием *Черным по белому*, а другой — под названием *О маленьких для больших* тоже содержали лишь такие рассказы, которые уже раньше печатались в журнале Аверченко.

Второй из этих сборников обратил на себя большее внимание критиков в связи с особым отбором включенных в него рассказов. Все эти рассказы, за исключением нескольких, были посвящены изображению детей и детской психологии.

В пространной статье-обзоре, напечатанной в журнале *Солнце России*, Пильский с большим одобрением рецензировал книгу *О маленьких для больших* и писал:

Это книга о детях и первая не юмористическая книга автора. И если из нее изгнать три-четыре рассказа [...] — то вся она дышит свежестью, правдой и весной, той легкостью и простотой, которую всюду приносят с собой дети⁴⁶.

Пильский выделяет, как особо удавшиеся автору, рассказы: «День делового человека», «Нянька», «Грабители», «Дети», «Галочка» и «Человек за ширмой», отмечая, что ребенок рисуется у Аверченко «беспасмурным и бесхитростным» и что в книге «нет нарочитости, нет надуманности, ни заданий, ни преднамеренности, и оттого она как бы спета»⁴⁷.

Другой рецензент — Н. Константинов — в своем тоже подробном разборе книги *О маленьких для больших* со своей стороны отмечает, что рассказы в сборнике, по существу, не юмористические. Он приводит выдержки из рассказов, в которых дети в изображении Аверченко выступают со всеми теми чертами психологии, которая отличает их от взрослых, и говорит:

Какая-то странная, мало знакомая и удивительная секта, какой-то особый народ, неведомый нам, живет рядом с нами под видом детей наших⁴⁸.

В течение 1917 года вышли последние книги Аверченко, которые он еще смог издать в Петрограде. Из них книга *Караси и щуки* была сборником его рассказов, из числа напечатанных в *Новом Сатириконе* в 1915 и 1916 годах, а книга *Подходцев и двое других* отличалась от всех предыдущих книг Аверченко тем, что это было его первое более крупное произведение, то есть повесть, состоящая из двух частей, из которых первая разделяется на шестнадцать глав, а вторая на двенадцать. С персонажами этой повести, тремя друзьями (Подходцевым, Громовым и Клинковым) читатели *Сатирико-*

на имели возможность познакомиться еще в 1910 году. Аверченко тогда напечатал в двух номерах своего журнала рассказ под названием «Молодость»⁴⁹, в котором фигурировали эти три друга. Позже Аверченко еще несколько раз возвращался к главному герою своей будущей повести — Подходцеву, помещая в редактируемом им журнале в 1913, 1915 и 1916 годах рассказы о нем и о его двух друзьях. Эти отдельные рассказы затем легли в основу отдельных глав, перерасположенных хронологически и сведенных в одну повесть, которую Аверченко закончил в конце 1916 года и выпустил отдельной книгой в начале 1917 года.

Хронологически последняя, выпущенная в Петрограде в 1917 году, книга Аверченко называлась *Синее с золотом*.

О том, что книга вышла в свет и поступила в продажу, сообщалось в объявлении, помещенном в *Новом Сатириконе* в конце 1917 года⁵⁰. Хотя из объявлений в последующих номерах журнала, уже в 1918 году, известно, что книга вышла, по крайней мере, тремя изданиями, не удалось найти никаких сведений об ее содержании. Книга эта не упоминается ни в одном из просмотренных библиографических списков произведений Аверченко, как опубликованных в Советском Союзе (два справочника Владиславлева и библиографический указатель под редакцией К.Д. Муратовой)⁵¹, так и выпущенных за рубежом⁵².

Следов *Синего с золотом* не удалось найти также в зарубежных библиотеках. И следует, наконец, отметить и тот факт, что сам Аверченко, очутившись в Константинополе, поместил там объявление, в котором обращался к читателям с просьбой «на время одолжить или продать» ему книгу *Синее с золотом*⁵³.

Выше были перечислены главным образом книги Аверченко и коллективные труды с его участием, вышедшие в издательствах «Сатирикона» (М.Г. Корнфельда) и товарищества «Новый Сатирикон». Но произведения Авер-

ченко появлялись также в книгах других русских издательств. Поскольку дело касается изданий сборников типа альманаха, последние указываются в библиографии произведений Аркадия Аверченко, помещаемой в конце настоящей книги. Там же даются сведения о выпусках, выходивших под названием «Дешевая юмористическая библиотека «Сатирикона» (позже «Нового Сатирикона»), автором которых был Аверченко.

В дополнение к тому, что было сказано о петербургском периоде деятельности Аверченко, — самом плодотворном и утвердившем за ним славу писателя-юмориста и редактора, — остается еще отметить его театральные произведения, специально написанные для малой сцены или переделанные для нее из прежде созданных и опубликованных рассказов.

Переделывать рассказы в небольшие сценические вещи было для Аверченко, по-видимому, не слишком трудным делом, так как некоторые особенности стиля, так же как и подбор ситуаций, способствовали тому, что писатель без затруднений переходил от одного жанра к другому. В этом отношении интересен отзыв Леонида Добронравова:

Аверченко большой мастер движения в прозе, он весь динамичен. Отсюда театральность его рассказов, гибкость их для сценического воплощения⁵⁴.

Театральные произведения Аверченко появлялись в виде сборников его пьес и миниатюр для сцены⁵⁵. Для предреволюционного репертуара петербургских и провинциальных театров-миниатюр творчество Аверченко сыграло немаловажную роль, о чем, уже живя в эмиграции, вспоминал Пильский:

Без преувеличения можно сказать, что ему обязаны своим существованием театры-миниатюр, ибо без аверченковского репертуара они должны были бы сидеть на мели, без пьес, без улыбок, без сборов и без дела⁵⁶.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Пильский П.М. Арк. Аверченко. — *Последние известия* (Ревель), 1923, февраль.
- ² *Синий Журнал*, 1911, №№ 5, 6, 31, 32 и 38.
- ³ *Сатирикон*, 1911, № 41, с. 12.
- ⁴ *Новый Сатирикон*, 1913, № 15, с. 13.
- ⁵ *Солнце России*, 1916, № 314, с. 14—16.
- ⁶ *Новый Сатирикон*, 1918, № 2 и 3, объявления.
- ⁷ *Зарницы*, 1921, № 11, с. 6.
- ⁸ *Новый Сатирикон*, 1917, № 27, с. 15.
- ⁹ Пильский П.М. Указ. соч.
- ¹⁰ Пильский П.М. А.Т.Аверченко. — *Сегодня* (Рига), 1925, 15 марта.
- ¹¹ The Kilgour Collection of Russian Literature 1750—1920. — Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1959 (далее сокращенно: Kilgour Collection), [1267].
- ¹² Рассказы: 1) «Постановка — moderne», 2) «Актеры» и 3) «Данные для успеха».
- ¹³ Рассказы: 1) «Хозяйственные советы», 2) «Статистический отдел», 3) «Об анекдотах» и 4) «Пасхальные сны».
- ¹⁴ Недавно часть этих рассказов была напечатана и в Советском Союзе. Их поместила *Литературная газета*, 1967, № 2, с. 16.
- ¹⁵ Тэффи Н.А. Об Аркадии Аверченко. — *Звено* (Париж), 1925, 16 марта, № 111.
- ¹⁶ Кранихфельд В.П. В подполье. — *Современный Мир*, 1910, № 11, с. 82.
- ¹⁷ Там же, с. 84—85.
- ¹⁸ Тэффи Н.А. Указ. соч.
- ¹⁹ Без подписи. Аркадий Аверченко. Рассказы (юмористические), кн. 1-я. — *Современное Слово*, № 846, 14 (27) мая, 1910, с. 4.
- ²⁰ Полонский В.Г. Смех и горечь. — *Всеобщий Ежемесячник*, 1910, № 7, с. 95.
- ²¹ Там же, с. 98.
- ²² Там же, с. 100.
- ²³ Там же, с. 101—102.
- ²⁴ Там же, с. 102.
- ²⁵ Добронравов Л.М. Аркадий Аверченко (эскиз). — *Бессарабия* (Кишинев), 1923, 29 сентября.

- ²⁶ Кр. Вл. [Кранихфельд В.П.] Рецензия на кн.: Аркадий Аверченко. Рассказы (юмористические). СПб, изд-во «Шиповник», 1910; Аркадий Аверченко. Веселые устрицы. СПб, изд-во М.Г. Корнфельда. — *Современный Мир*, 1910, № 9, с. 172.
- ²⁷ Там же, с. 171.
- ²⁸ Куприн А.И. Аверченко и «Сатирикон». — *Сегодня* (Рига), 1925, 29 марта.
- ²⁹ Азов В. [Ашкинази В.А.] Аркадий Аверченко. Веселые устрицы. С.-Петербург, изд-во М.Г. Корнфельда, 1910. — Рец. в газете *Речь* (С.-Петербург), 1910, 27 сентября (10 октября).
- ³⁰ Кр. Вл. [Кранихфельд В.П.] Указ. соч.
- ³¹ Там же.
- ³² Азов В.А. Указ. соч.
- ³³ *Сатирикон*, 1911, № 16, с. 3.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Чуковский К.И. Устрицы и океан. — *Речь* (С.-Петербург), 1911, 20 марта (2 апреля).
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ *Сатирикон*, 1908, № 31.
- ⁴⁰ К.И. Чуковскому. Pro domo sua. — *Сатирикон*, 1911, № 50, с. 8.
- ⁴¹ Чуковский К.И. Современники. Портреты и этюды. М., Молодая гвардия, 1962, с. 383.
- ⁴² Аверченко Аркадий. Рассказы для выздоравливающих, изд. 5-е. С.-Петербург, изд-во М.Г. Корнфельда, 1913, с. 5.
- ⁴³ В своей книге «Современники. Портреты и этюды» Чуковский называет эту эпоху исключительно мрачным временем, когда, по его словам, «что ни день в одном лишь Петербурге люди стали десятками вешаться, стреляться, топиться» (с. 387).
- ⁴⁴ Чуковский К.И. Современники. Портреты и этюды, с. 387.
- ⁴⁵ Без подписи. Новые нотки. — *Журнал Журналов*, 1915, № 1, с. 11.
- ⁴⁶ Пильский П.М. Критические строки. — *Солнце России* (С.-Петербург), 1916, № 17(323).
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Константинов Н. О маленьких для больших. — Новый том Аверченко. — Рец. в *Журнале Журналов*, 1915, № 36, с. 14—15.
- ⁴⁹ *Сатирикон*, 1910, № 31 и 32.

- ⁵⁰ *Новый Сатирикон*, 1917, № 43, с. 5.
- ⁵¹ Владиславлев И.В. Русские писатели. Опыт библиографического пособия по новейшей русской литературе. М., Государственное издательство, 1924; Владиславлев И.В. Литература великого десятилетия (1917—1927), т. 1, с. 29 и История русской литературы конца XIX—начала XX века. Библиографический указатель, под ред. К.Д. Муратовой, часть II. — Personalia. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1963, с. 63—65.
- ⁵² Русская Зарубежная Книга, часть II. Библиографический указатель 1918—1924, под ред. С.П. Постникова. Прага, издание Комитета Русской Книги и изд-во «Пламя», 1924, с. 98.
- ⁵³ *Рождественский Сатирикон Аркадия Аверченко*. 1921, с. 6. Здесь же указывается тогдашний адрес писателя в Константинополе: Rue Cartal, 3.
- ⁵⁴ Добронравов Л. Указ. соч.
- ⁵⁵ Список этих сборников, насколько он мог быть восстановлен на основании доступных источников, — также включен в Библиографию произведений Аркадия Аверченко.
- ⁵⁶ Пильский П.М. Арк. Аверченко.

Глава пятая

РАБОТА В ГАЗЕТАХ «ЮГ» И «ЮГ РОССИИ» В КРЫМУ

О литературной деятельности Аверченко в течение полугодия, последовавшего за его бегством из Петрограда на юг России, доступны лишь скудные сведения. Они сводятся к кратким указаниям на то, что писатель сотрудничал в газете *Приазовский Край*, выходившей при белых в Ростове-на-Дону.

С гораздо большей полнотой оказалось возможным восстановить факты, относящиеся к писательской деятельности Аверченко за время его пребывания в белом Крыму с момента, когда он очутился в своем родном городе Севастополе.

25 июля 1919 года здесь начала выходить при ближайшем участии Аверченко ежедневная газета *Юг*, позже — 24 марта 1920 года — переименованная в газету *Юг России*.

В первом же номере *Юга* был напечатан злободневный фельетон Аверченко «Среди бела дня», темой которого были тяжелые экономические условия жизни севастопольцев при все увеличивающейся дороговизне на предметы первой необходимости.

Работа Аверченко в *Юге России* закончилась 28 октября (10 ноября) 1920 года, то есть за два дня до полной эвакуации Севастополя генералом Врангелем. В номере

газеты от 28 октября был напечатан последний фельетон Аверченко, написанный им еще в России, под названием «Светлая голова».

Просмотр сохранившихся почти полностью комплектов газет *Юг* и *Юг России* дает представление о необычайной плодовитости писателя за время его работы в этих газетах, в которых он напечатал свыше 190 фельетонов и рассказов.

С одной стороны, в своих севастопольских произведениях Аверченко выступает как бытописатель. Его фельетоны — зарисовки из жизни в материально тяжелых и психологически безрадостных условиях существования, сложившихся на территории, которая еще не была оккупирована большевиками, но в которой жители уже чувствовали себя, как в осажденной крепости.

С другой стороны, в этих фельетонах и публицистических статьях Аверченко продолжает вести патриотическую линию, подобную той, какую он вел в Петрограде в месяцы, предшествовавшие октябрьскому перевороту большевиков.

Аверченко верит в возможность победы над ними, надеется на успех антибольшевицкой борьбы, призывает русских людей к исполнению гражданского долга и к жертвенному служению делу сопротивления надвигающейся стихии разрушения, анархии и бесправия.

Аверченко клеймит эгоистов и циников, уклоняющихся от несения жертв и от участия в общем деле и предпочитающих либо отсиживаться в тылу, занимаясь там спекуляцией и легкой наживой, либо спешащих обеспечить свою безопасность скорейшим бегством за границу. В этом смысле показательны фельетоны «Эскимосы» и «*Febris extrangeris*».

В первом из этих двух фельетонов автор начинает свое повествование с того, что передает воображаемый разговор между примитивным эскимосом и человеком, желающим убедить его в необходимости мыться мылом, в то время как эскимос заинтересован в куске мыла лишь

с точки зрения его съедобных качеств. Аверченко видит вокруг себя множество людей, напоминающих ему тако-го эскимоса, и пишет:

Существует такая анекдотическая поемь: лягушки с осетром.

Такую же противоестественную поемь эскимоса с элегантным парижанином являет сейчас русский тыловой гражданин.

В городе, где нет кафешантана, он чувствует себя сиротой без папы и мамы, но попробуйте втолковать ему, что такое патриотизм и что такое любовь к родине¹.

По мнению Аверченко, такого рода «эскимосов» нельзя убедить в необходимости исполнения гражданского долга. Поэтому он ратует за принятие строгих мер против этого типа людей и находит, что каждого из них «нужно схватить за шиворот» и, угрожая револьвером, сказать: «Отдавай деньги для России, мерзавец! Или тут тебе и конец»².

Во втором фельетоне — «*Febris etrangeris*» — высмеиваются трусливые люди, вся энергия которых уходит на бесплодные поиски возможностей скорейшего бегства из Крыма³.

Наконец, исходя из занятой им уже в Петрограде бескомпромиссной антибольшевицкой позиции и включившись теперь в активную борьбу с большевизмом на стороне белых, Аверченко посвящает часть своих севастопольских фельетонов пропаганде необходимости прекращения партийно-политических споров, как ставших беспредметными в создавшихся условиях.

Одним из поводов к сатирическому осуждению партийно-политических доктринеров послужило письмо старой террористки-социалистки Маруси Спиридоновой, обращенное к ее товарищам по партии. В связи с этим обращением, получившим широкую огласку, Аверченко написал фельетон, озаглавленный «Осенний мелкий дождичек». В нем он приводит слова призыва Маруси Спиридоновой, гласящие:

— Рекомендую вам при выборе между большевиками и добровольцами предпочесть последних, потому что при добровольческом режиме, как и при царском, все же возможна подпольная работа и деятельность партийных лидеров, что представляется совершенно невозможным при большевицкой власти⁴.

Аверченко напоминает читателям о том, как Спиридонова, будучи семнадцатилетней гимназисткой, выстрелила в губернатора. С тех пор прошло много лет, в России коренным образом изменилась политическая обстановка, а сама Спиридонова стала пожилой женщиной. Несмотря на все происшедшие изменения, старая террористка все еще живет мыслями о «подпольной работе». Свой фельетон Аверченко заканчивает словами:

Какие вы все скучные человеки — так называемые партийные — пахнет от вас заношенным бельем, невымытым телом, застарелым табачным дымом, заношенной партийной программой и серой, промозглой, как половая тряпка, скукой...⁵

Осуждая таким образом партийно-политических деятелей-доктринеров, своими раздорами подрывавших, по его мнению, единение в лагере белых, Аверченко в то же время энергично выступал против попыток соглашательства с большевицкой властью. Так, например, когда стало известно о переговорах Ллойда Джорджа с представителями большевиков, Аверченко напечатал фельетон, озаглавленный «Большевизм в образах».

В этом фельетоне, обращаясь к политическим деятелям типа Ллойда Джорджа, автор им говорит:

Представьте целое организованное государство отчаянных мошенников, освобожденных от излишнего бремени морали, совести, ответственности за будущее, — вообще ответственности перед потомством, не знающим слов «неудобно», «неприлично», исповедующим только «хочу» и «выгодно»!⁶

Имея в виду такую природу большевизма, невозможно, по мнению Аверченко, бороться с этим противником,

основываясь на неправильном понимании созданной им власти, как якобы власти правового государства. Писатель поэтому делает следующее заключение:

Резюмирую: большевизм страшен не для одной России — что Россия. Он страшен для всего мира! ⁷

Исполняя то, что он считал своим гражданским долгом, Аверченко выступает в печати не только как автор сатирико-юмористических произведений, но и как автор серьезных статей или заметок, связанных с какими-либо событиями, побуждающими его высказаться и обратиться к своим соотечественникам.

К этой категории выступлений Аверченко в печати следует отнести и написанный им некролог по Леониду Андрееву, личность и произведения которого Аверченко высоко ценил. Когда пришло известие о том, что 12 сентября 1919 года в Гельсингфорсе умер Леонид Андреев, в газете *Юг* жирным шрифтом был напечатан текст телеграммы, извещавшей о кончине писателя, а вслед за этим сообщением — статья его памяти, написанная Аверченко⁸. В этой статье он подчеркивал, что покойный был, по его мнению, не только замечательным писателем, но и честным человеком и патриотом, не перешедшим в «стан упоенных победителей». Оставшись в одиночестве, претерпевая голод и лишения, Леонид Андреев не прекращал обличений поработителей родины. Свой прочувственный краткий некролог Аверченко кончил словами:

Пусть о тебе, как о писателе, скажут литературные критики, как о человеке вспомнят друзья, а я плачу о тебе сейчас, как о самом любящем сыне матери-России, прожившем на ее дрожащую исхудалую руку лучшее, что у тебя было: твое горячее сердце⁹.

Рассказы и фельетоны, печатавшиеся в газетах *Юг* и *Юг России* подписывались Аверченко полным именем и фамилией, а более короткие юмористические вещи — под названием «Маленький фельетон» — обычно появлялись под псевдонимом «Ave».

На страницах указанных двух газет находим также небольшой раздел с содержанием, напоминающим популярный в прошлом сатириконовский раздел «Перья из хвоста». Похожие на этот раздел короткие юмористические заметки и комментарии к сообщениям печати появлялись в *Юге* и *Юге России* под названием «Без заглавия» и подписывались: «Мы».

Весьма вероятно, что эти столбцы сочинялись самим Аверченко. В пользу такого предположения говорит, в первую очередь, стиль заметок раздела «Без заглавия». Кроме того, некоторые из них содержат, по-видимому, автобиографические сведения, как, например, замечание:

Когда пишущий эти строки уезжал в сентябре прошлого года из Москвы [...] ¹⁰

За время пребывания Аверченко в Крыму несколько его прежних коллег по журналистической работе в Петрограде уже уехали из пределов России и обосновались в центрах будущего скопления русских эмигрантов. Среди этих старых сотрудников Аверченко был художник и журналист М.С. Линский, в прошлом редактор сатирического журнала *Барaban*. В Париже он основал в августе 1920 года еженедельный журнал политической сатиры *Бич*.

Списавшись с Аверченко, Линский привлек его к сотрудничеству в журнале. Первым в серии фельетонов Аверченко, опубликованных в *Биче*, был фельетон «Фокус великого кино» (напечатанный в первом номере журнала), который до того уже появился в газете *Юг*. Существование *Бича* было непродолжительным. Вышло всего одиннадцать номеров этого журнала, и он перестал издаваться в октябре 1920 года.

В каждом из вышедших номеров *Бича* появлялся хотя бы один фельетон Аверченко, а иногда в журнале печатались сразу два его фельетона, причем в таких случаях один рассказ или фельетон подписывался полным именем и фамилией Аверченко, а другой, обычно более ко-

роткая юмореска, печатался под псевдонимом хорошо знакомым прежним читателям *Сатирикона* — «Аве».

В одиннадцати вышедших номерах *Бича* было опубликовано общим числом пятнадцать рассказов и фельетонов Аверченко, среди которых находим ряд хорошо известных, как, например, упомянутый фельетон «Фокус великого кино»¹¹, «Этапы самолюбия графа Звенигородского»¹², «Старый Цацкин и новый Цацкин»¹³, «Трава, примятая сапогом»¹⁴ и другие, почти все ранее появившиеся в газетах *Юг* и *Юг России*.

Вскоре после того, как была налажена посылка его произведений в Париж для журнала *Бич*, Аверченко стал сотрудником также в парижской газете *Последние Новости*. В 1920 году, в одном из сентябрьских номеров этой газеты, появился фельетон Аверченко «Осколки разбитого вдребезги» с примечанием редакции:

С настоящего номера в «Последних Новостях» начинаются печатанием фельетоны нашего постоянного сотрудника г. Аркадия Аверченко¹⁵.

Фельетоны Аверченко появлялись в *Последних Новостях* лишь до конца 1920 года, и в течение этого приблизительно четырехмесячного сотрудничества писателя в парижской газете в ней были напечатаны, кроме уже упомянутого первого фельетона, еще четыре фельетона, а именно: «Эволюция русской книги», «Тайна графа Пурсоньяка», «Благодетели человечества» и «Чудеса науки» — все ранее появившиеся в севастопольской газете *Юг России*¹⁶.

К литературно-журналистической деятельности севастопольского периода относится также попытка Аверченко наладить печатание издания, которое напоминало бы в общих чертах его любимое детище — петербургский *Сатирикон*. Речь идет о единовременном издании журнального типа, один экземпляр которого был обнаружен в архиве писателя. Это издание носит название *Газета Аркадия Аверченко*. Выпуск этой газеты, с подзаголовком «Издание светлое, праздничное», был приурочен к

празднику Пасхи, очевидно 1920 года, на что указывает текст на первой странице, гласящий: «Год первый, номер 1920-й, число, как водится, арабское».

Объем газеты — восемь страниц. Первая страница содержит пасхальную передовицу Аверченко, под которой значится: «Севастополь, некоторого числа». Статья начинается словами:

Думал ли я когда-нибудь, что эту пасхальную передовицу буду писать в моем маленьком, тихом скромном родном городе и что город этот волею судьбы и Божьим попущением будет столицей когда-то огромного Русского Государства¹⁷.

Аверченко приветствует жителей Крыма с наступающим праздником в трагическое время, когда:

Торжествующие большевики, захватив почти всю Россию, кроме маленького привеска Крыма, уже громко ликующе поют свою победную «Песнь торжествующей Свиньи»¹⁸.

Но Аверченко надеется и верит, что вскоре «снова над Россией вместо красной звезды засияет, засверкает святой, старорусский золотой крест» и что русские люди дождутся избавления от «двунадесяти коммунистических языков».

Кроме стихотворений двух старых сатириков В. Воинова и Е. Венского, все содержание *Газеты* написано самим Аверченко.

Газета содержит пасхальный (видимо, автобиографический) рассказ Аверченко «Кулич», его же фельетон «Тайны монетного двора, или жизнь Московитов в 1920 г.» и ряд остроумно смонтированных «отделов» без подписи автора. Отдел «Телеграммы» начинается с сатирических сообщений из двух русских столиц:

Москва (сов. радио). Здесь полный порядок, нет грабежей, на улицах чистота: грабить некого и сорить нечем. Работают все театры от анатомического до театра военных действий.

Петербург. Все слухи о прекращении промышленности

ложны. Чрезвычайки, например, работают круглые сутки, сырья сколько угодно¹⁹.

Последние полторы страницы *Газеты* заполнены юмористическими разделами «Хроника» и «Объявления», весьма комическими по содержанию.

Ограничилась ли попытка Аверченко в Севастополе издавать подобие местного юмористического журнала одним лишь описанным номером *Газеты* — неизвестно. Зато известно, что ему удалось издать книгу своих рассказов под названием *Нечистая сила*, о судьбах одного экземпляра которой было упомянуто в биографии писателя (см. выше, с. 80). Книжка вышла в издательстве «Новый Сатирикон», была отпечатана в Севастополе и поступила в продажу в конце августа 1920 года. Книжка представляет собой сборник из пятнадцати рассказов и фельетонов Аверченко, из которых почти все были опубликованы в газетах *Юг* и *Юг России*.

В предисловии к сборнику Аверченко пишет об уставом путнике, заночевавшем в старом замке, который пользовался у окрестных жителей дурной славой, потому что ночью, по их словам, «там нечистая сила пошаливает». Путник засыпает на короткое время, но затем просыпается от шума, треска и стонов, издаваемых вурдалаками, упырями, незакопанными покойниками и всяческой подобной нечистью, которая в безумном хороводе кружится вокруг него. Испуганный, лежит бедный путник ни жив ни мертв, и ему кажется, что уже нельзя больше вынести всего этого ужаса, что еще несколько минут — и разорвется сердце от бешеных толчков и ледящего страха. Но в последний, предсмертный момент вдруг раздаётся отдаленный крик петуха, предвестника зари, света и солнца. По мере того, как громче и громче поет петух, нечистая сила скрывается и исчезает.

Аверченко видит в трагических событиях, происходящих на его родине с момента воцарения в ней большевиков, как бы нечистую силу, которая разыгралась на Руси. Но ему кажется, что уже слышится крик петуха,

который «бодро орет, приветствуя зарю». По словам автора, этот предрассветный крик петуха есть «осиновый кол, забиваемый в разыгравшуюся в ночи нечистую силу». Как себя проявляет эта нечистая сила, автор обещает показать в своем сборнике рассказов.

Последний рассказ в книге носит название «Возвращение». Впервые этот рассказ был напечатан в газете *Юг* в августе 1919 года, в период временных успехов белого наступления, вселившего в сердце писателя надежду на скорое падение большевиков. Автор говорит в этом рассказе:

Чует, чует наше общее огромное русское сердце, что совсем уже скоро побегут красные разбойники, что падет скоро Москва и сдастся Петроград²⁰...

Хотя серия произведений, включенных в сборник *Нечистая сила*, и кончалась рассказом, оптимистически возвещавшим скорое падение красного режима и описывающим возвращение петербуржцев в родной город, общий тон рассказов свидетельствовал о том, что Аверченко уже не тот жизнерадостный весельчак, каким он был до революции. Перемена, происшедшая с писателем и отразившаяся на его творчестве севастопольского периода, особенно отмечается в рецензии Петра Пильского, которая появилась в журнале *Наш Сатирикон*, издававшемся в Кишиневе.

В заключительной части передовой статьи, посвященной Аверченко как основателю, редактору и главному сотруднику старого петербургского *Сатирикона*, Пильский касается вышедшей незадолго до того книги Аверченко *Нечистая сила* и пишет о ее авторе как о человеке, у которого «ранена душа». Пильский считает:

Прежнего Аверченко нет!
Прежний Аверченко умер!
Веселый служитель веселого смеха погиб, и сквозь напускную улыбку, сквозь навинченную удаль иной фантулы, сквозь узор смешных слов, вдруг слышится тусклый и хриплый звук злобы [...] ²¹

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Юз*, 1920, 13 февраля.
- ² Там же.
- ³ Там же, 1920, 7 марта.
- ⁴ Там же, 1919, 14 ноября.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же, 1920, 27 февраля.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Арк. Аверченко. Леонид Андреев. — *Юз*, 1919, 17 сентября.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Юз*, 1919, 18 октября.
- ¹¹ *Бич*, 1920, № 1 (*Юз*, 1919, 29 сентября).
- ¹² Там же, 1920, № 2 (*Юз России*, 1920, 15 июля).
- ¹³ Там же, 1920, № 5 (*Юз России*, 1920, 19 июня).
- ¹⁴ Там же, 1920, № 8 (*Юз*, 1919, 22 сентября).
- ¹⁵ *Последние Новости*, 1920, 5 сентября. Впервые напечатан: *Юз России*, 1920, 21 июня.
- ¹⁶ Там же, 1920, 14 июня, 22 июля, 26 сентября и 30 сентября.
- ¹⁷ *Газета Аркадия Аверченко*, с. 1.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же, с. 2.
- ²⁰ *Юз*, 1919, 18 августа.
- ²¹ Пильский П.М. Аверченко. — *Наш Сатирикон* (Кишинев), 1921, № 3.

Глава шестая

АВЕРЧЕНКО — ЭМИГРАНТ

В Константинополе, куда Аверченко прибыл 15 ноября 1920 года, он начал жизнь писателя-эмигранта. Правда, отрыв от родной почвы не сказался сразу во всей своей значительности, вследствие того, что масса русских беженцев из Крыма наводнила Константинополь и что здесь сосредоточилась на первых порах та же читательская публика, к которой Аверченко обращался до того в Севастополе. Однако условия издания органа печати на русском языке в Константинополе были усложнены не только в техническом отношении, но и в смысле стеснений со стороны Цензурного союзнического комитета, запретившего продажу русских периодических изданий в пределах города.

Все же уже в феврале 1921 года группе общественных деятелей, писателей и журналистов удалось наладить выход журнала *Зарницы*, редакция которого находилась в самом Константинополе, в то время как журнал печатался в Софии.

Первые два номера журнала обозначались редакцией как альманахи, а с шестого номера *Зарницы* превратились в «русский национальный еженедельник». С начала основания журнала Аверченко был его постоянным сотрудником, помещая в *Зарницах* свои фельетоны и серию

мелких юмористических вещиц под общим заголовком «Пауки в банке». Фельетоны Аверченко подписывал своим полным именем и фамилией, а «Пауки в банке» и маленький фельетон «Перья из хвоста» — псевдонимом Медуза-Горгона.

По сведениям, имеющимся в зарубежных библиотеках, до конца 1921 года в общей сложности вышло двадцать четыре номера журнала *Зарницы*, причем оказалось возможным ознакомиться с их содержанием. В этих номерах напечатаны двадцать один фельетон Аверченко и восемь его маленьких вещиц, относящихся к серии «Пауки в банке».

Из произведений Аверченко, опубликованных в *Зарницах*, следует особо отметить упоминавшийся уже фельетон «Две власти (Золотопогонники и рабоче-крестьянская)»¹. Фельетон этот показателен для политических взглядов и симпатий автора в годы гражданской войны в России, когда он всецело стоял на стороне вождей Белого движения и разошелся с социалистическими деятелями, к которым обращался в конце фельетона со словами:

Товарищи Мартов, Чернов и Абрамович!

Мы не сходимся с вами во вкусах... Вы говорите: «Лучше большевики, чем возврат к золотопогонникам». А я вам говорю:

— Если кто-нибудь из вас видит, действительно, на голом красном короле одежду — то он слепой глупец; если не видит ничего, кроме голого, красного, но говорит, что видит платье — то просто мошенник².

В том же журнале был напечатан фельетон Аверченко «Приятельское письмо Ленину от Аркадия Аверченко», содержащий ряд автобиографических сведений, уточняющих путь бегства писателя из Москвы на юг России, о чем упоминалось выше (см. с. 61—62).

В *Зарницах* также был напечатан фельетон «Американцы». В этом фельетоне Аверченко запечатлел бескорыстную помощь, которую оказывал нуждающимся русским беженцам Американский Красный Крест. Значитель-

ная часть содержания этого фельетона посвящена воспоминаниям детства писателя, когда слово «Америка» имело необъяснимую притягательную силу для русских мальчишек. Аверченко вспоминает:

Всякий, кто в свое время был мальчишкой, прекрасно знает, как велика тяга мальчишки в Америку, а если кто этого не знает — значит, в нем текла кровь не храброго мальчишки, а девчонки³.

Автор фельетона дальше рассказывает, что в его памяти хорошо сохранились подробности «отважной экспедиции» в Америку, в которую он однажды ночью пустился как один из храбрых мальчишек, скучавших без опасностей, пантер и индейцев. Но экспедиция не удалась. Мальчишка поймал отец и, угрожая выпороть сына, заставил его вернуться домой. Так бесславно закончилась попытка бегства в Америку.

Возвращаясь мысленно к грезам детских лет о далекой чудесной Америке, Аверченко говорит:

Казалось бы, с годами это восторженное отношение должно исчезнуть, однако нет. Думаю я сейчас, сию минуту об Америке, об американцах — теплое чувство переполняет мою грудь⁴.

Теплые чувства автора к американцам были вызваны его соприкосновением с ними уже годом раньше в Севастополе. Там, по словам Аверченко, «Американский Красный Крест» без рекламы, без шума, рисовки и треска — тихо, спокойно делал огромное дело: тысячи русских были накормлены, одеты и обуты⁵.

Припоминая затем, как Соединенные Штаты отказались заключить торговый договор с большевиками и вообще, видимо, не собирались в то время признавать законным режим, установленный большевиками в России, Аверченко кончает свой фельетон словами:

Чехов утешал: — И для нас небо будет в алмазах. Такие мы несчастные, такие всеми брошенные, что иногда думается:

— Не те ли это алмазы, не те ли несколько десятков звезд, что рассыпаны на небесном фоне американского флага⁶.

В Константинополе Аверченко предпринял очередную попытку издать небольшой юмористический журнал, напоминающий его прежний *Сатирикон*. На Рождество 1921 года вышел журнал *Рождественский Сатирикон Аркадия Аверченко*, сохранившийся в одном экземпляре в архиве писателя. Под названием журнала было обозначено: «Номер единственный».

Этот небольшой журнал своим внешним оформлением и распределением материала весьма напоминает вышедший в Севастополе пасхальный номер *Газеты Аркадия Аверченко*. Кроме произведений его самого, в *Рождественском Сатириконе* напечатаны лишь стихотворение В. Горянского и рассказ В.П. Свободина. В остальном весь материал для шести страниц журнала дал сам Аверченко.

В передовой статье под заголовком «Несколько уместных строк» Аверченко выражает надежду, что когда-нибудь удастся возродить во всем прежнем блеске петербургский *Сатирикон*, и обращается к читателям со словами:

То, что вы держите в руках — первый шелест знамени. Этот «Сатирикон» не наряден, он не блещет пышностью и яркими переливами цветов и красок, но ведь в военное время все совлекают с себя пышные одежды мирной жизни и надевают скромное серое защитное хаки. Это — временная боевая одежда⁷.

В константинопольском *Сатириконе* Аверченко поместил свой известный рассказ «Индейка с каштанами», написанный им еще в 1916 году, а также рассказ «Унылый человек». Кроме этих двух рассказов Аверченко напечатал в журнале также свой «Маленький фельетон», озаглавленный «Изречения великих людей». Среди этих изречений и кратких комментариев к ним автора встречаем каламбуры на темы беженско-бытовые и злободневно-политические.

Так, например, по поводу материального положения русских беженцев говорится:

Еду, еду — не свищу,
 А наеду — не спущу!..—
 пели беженцы, наехав в Константинополь и спустив тут
 же на пристани последние штаны⁸.

По поводу враждебной позиции, занятой вождем кадетской партии Милюковым по отношению к генералу Врангелю, Аверченко в «Изречениях» писал:

Люблю отчизну я,
 Но странную любовью... —
 декламировал Милюков, печатая в «Последних Новостях»
 письма, разлагающие армию генерала Врангеля⁹.

Наконец, много остроумных каламбуров на злободневные темы можно найти в разделах журнала «Телеграммы» и «Хроника происшествий», также, скорее всего, сочиненных самим Аверченко.

За время пребывания в Константинополе Аверченко смог издать несколько книг. Из них в первую очередь надо упомянуть его сборник рассказов под названием *Дюжина ножей в спину революции*. В этот сборник вошли рассказы Аверченко, которые он опубликовал в газетах *Юг* и *Юг России* в Севастополе. Там же началась подготовка издания сборника, о чем свидетельствует объявление, появившееся в парижской газете *Последние Новости*¹⁰. В этом объявлении, напечатанном в сентябре 1920 года (следовательно, до эвакуации Крыма), сообщалось, что вскоре в Париже выйдет из печати книга Аверченко *Дюжина ножей в спину революции*. Кроме того, об этой книге упоминает в своей статье «Памяти Аркадия Аверченко» Неандер, утверждая, что в Крыму он взял на себя издание книги Аверченко *Дюжина ножей в спину революции*¹¹.

В Париже издание книги задержалось, и она вышла из печати, по-видимому, лишь в самом конце 1921 года.

В книжке — предисловие, написанное самим Аверченко, и двенадцать его рассказов. На обложке дан портрет-шарж на писателя работы художника М.С. Линского.

Вскоре после выхода этой книжки в парижском из-

дательстве журналист и литературный критик И. Василевский, помещавший свои «Литературные заметки» в парижской газете *Последние Новости* под псевдонимом Не-Буква, дал критический обзор сборника, озаглавив свою рецензию «Картонный меч».

В этой рецензии Василевский (Не-Буква) осуждает попытку Аверченко дать в предисловии к книге свое объяснение того, какую революция должна была быть и во что она превратилась на самом деле. Автор рецензии находит, что у Аверченко «под напором тенденции сразу же облетели обычные, живые и яркие краски с его палитры»¹².

Считая вообще, что Аверченко — талантливый писатель, Василевский (Не-Буква) говорит:

Какие свежие слова, какие яркие образы появляются у Арк. Аверченко, когда он не рассуждает, а рисует¹³.

К произведениям, в которых Аверченко удалось нарисовать удачные и яркие образы, рецензент относит в первую очередь рассказ «Трава, примятая сапогом», в котором маленькая девочка, любящая, по ее словам, и «маленьких котенков», и «очень комичную козявку», обнаруживает неожиданно зрелое понимание происходящих вокруг нее боевых событий гражданской войны. Она во время стрельбы умело отличает по звуку выстрелы трехдюймовки от шрапнели и пулемета — от стрельбы пачками.

Похвально отзывается рецензент и о рассказе «Фокус великого кино». В этом рассказе, как бы разматываясь в обратную сторону, проходит кинолента, показывающая недавние события русской истории в обратном порядке. Как говорит Василевский (Не-Буква):

У Аверченко, пока он без ненависти и злобы рисует жизнь, — много выдумки, много фантазии... [...] Но выдумка и фантазия до странного резко изменяют Аверченко, когда он старается делать политику¹⁴.

По мнению автора обзора, когда Аверченко касается политики, у него остаются только надоедливо длинные

воспоминания кулинарного характера о том, как и где можно было хорошо закусить и пообедать в дореволюционной России. В заключительной части своей рецензии Василевский (Не-Буква) поэтому пишет:

Но жаль все же, что книга талантливого автора пострадала от столкновения с политикой и гастрономией.

Картонным мечом большевизма не победить, а творчество и злость так же плохо совместимы, как гений и злодейство¹⁵.

Хотя книга Аверченко *Дюжина ножей в спину революции* — только один из сборников его рассказов, посвященных темам революции и гражданской войны, она приобрела своеобразную известность и особое значение в связи с тем, что о ней высказался Ленин. Его отзыв о книге Аверченко появился в 1921 году в одном из ноябрьских номеров *Правды* под заголовком «Талантливая книжка».

Называя в своем критическом обзоре автора книжки «озлобленным почти до умопомрачения белогвардейцем», Ленин говорит:

Интересно наблюдать, как до кипения дошедшая ненависть вызвала и замечательно сильные и замечательно слабые места этой высокоталантливой книжки¹⁶.

«Слабыми местами высокоталантливой книжки» Ленин считает те рассказы, в которых Аверченко изображает его самого и Троцкого в домашней жизни. Великодушно признавая недостатки свои и Троцкого, Ленин находит, что Аверченко об этих недостатках не смог талантливо написать, так как он ни Ленина, ни Троцкого в их домашней жизни не знает.

«Превосходной вещичкой» Ленин называет рассказ «Трава, примятая сапогом», высказывая, таким образом, суждение, сходное с отзывом парижского эмигрантского критика.

Как дальше говорит Ленин в своей рецензии, «до настоящего пафоса, однако, автор поднимается лишь тогда, когда говорит о еде» и заключает свою статью словами:

Некоторые рассказы, по-моему, заслуживают перепечатки. Талант надо поощрять¹⁷.

То обстоятельство, что Ленин счел нужным лично отозваться о книге «белоэмигрантского» юмориста, было сейчас же отмечено и в русской эмигрантской печати¹⁸.

Что же касается впечатления, которое отзыв Ленина об Аверченко произвел в советской России, то надо сказать, что ленинские пожелания о перепечатывании рассказов Аверченко были советскими издательствами приняты к сведению, а ленинская оценка личности и творчества писателя продолжает до настоящего времени служить для советских критиков непререкаемой руководящей меркой, с которой они подходят к Аверченко и к его произведениям.

Книжке *Дюжина ножей в спину революции* вообще повезло в смысле внимания, которое ей уделила советская критика. Так, помимо Ленина, на выход книжки Аверченко отозвался также журнал *Красная Новь*.

Автор помещенной в этом журнале статьи, Мещеряков, признает, что «чуть не вся литературная Россия после октябрьской революции ушла в белогвардейский лагерь»¹⁹. Этим, по мнению автора, объясняется множество книг, журналов и газет, выходящих на русском языке за границей. Из многочисленных зарубежных изданий рецензент выбрал объектом своей статьи книжку Аверченко *Дюжина ножей в спину революции* и выходивший в Париже сатирический журнал *Бич*. В этом журнале было напечатано несколько фельетонов Аверченко.

Обзор Мещерякова, по сравнению с отзывом, который о книге Аверченко дал Ленин, оказывается явно односторонним. Рецензент *Красной Нови* критически разбирает главным образом те фельетоны Аверченко, в которых, по его словам, содержатся «воспоминания о прошлом, когда так привольно, сладко, беззаботно, сытно и пьяно жилось на Руси всем эксплуататорам и тем, кто умел им прислуживать»²⁰.

Затем рецензент цитирует из фельетонов Аверченко

«Поэма о голодном человеке»²¹ и «Разговор за столом»²² те места, в которых персонажи рассказов беседуют о том, какую расправу следовало бы учинить над Троцким, если бы он попал в их руки, и придумывают для него мучительные и утонченные пытки. Описания этих жестокостей побуждают рецензента сказать в заключении своей статьи:

Вот до какой мерзости, до какого «юмора висельника» дошел теперь веселый балагур Аркадий Аверченко²³.

Первой книгой Аверченко, вышедшей в Константинополе в издательстве «Новый Сатирикон», была *Записки Простодушного*. Сообщение о том, что она вышла из печати и поступила в продажу, появилось в одном из сентябрьских номеров журнала *Зарницы* за 1921 год, в разделе «Книжные новинки». О содержании книги в заметке говорилось:

Тема «Записок Простодушного» — эмигрантская жизнь России, сквозь призму незлобивого, иногда лирического юмора²⁴.

Записки Простодушного представляют собой сборник рассказов Аверченко, о которых автор говорит в подзаголовке, что в них он повествует:

о нашей жизни, страданиях, о веселых и грустных случаях, о приключениях, о том, как мы падали, поднимались, и снова падали, о нашей жестокой борьбе и о тихих радостях²⁵...

Сборник *Записки Простодушного* константинопольского издания посвящен Юлии Прокопович (Горской) и содержит автобиографическое предисловие Аверченко («Как я уехал»), девятнадцать его рассказов и заключение, в котором автор говорит о переменах, происшедших в нем после пережитых испытаний последних лет и пребывания на чужбине. Он пишет:

Снова перечитал я свои «Записки Простодушного» и, сидя сейчас за письменным столом, призадумался...

Точно ли я теперь такой «Простодушный», каким был тогда, когда, ясным, ликующим взором оглядывая пеструю Галату, высаживался на Константинопольский берег [...]

О, нет. Гляжу я искоса в зеркало, висящее в простенке, — и нет больше простодушия в выражении лица моего...

Как будто появилось что-то себе на уме, что-то хитрое, что-то как будто даже жестокое...

Во всяком случае — умер Простодушный²⁶...

Почему в выражении лица Простодушного появились черточки хитрецы и даже жестокости, читатель узнает из содержания сборника. В нем были собраны лишь новые произведения Аверченко, написанные им уже в Константинополе, за исключением рассказа «Трагедия русского писателя», опубликованного еще в Севастополе в газете *Юг России* под названием «Оторвыши»²⁷.

Общая тема сборника — тяжелая и безрадостная жизнь русских беженцев в Константинополе и их попытки приспособиться к новым и незнакомым условиям существования. В описываемых веселых и грустных эпизодах и злоключениях принимает участие сам автор под псевдонимом «Простодушный», повествующий о пережитом и о встречах с представителями разных групп беженской массы. Когда через два года Аверченко переиздал *Записки Простодушного* в Берлине, в местной русской газете *Руль* о книге была напечатана рецензия, в которой отмечалось:

В общем, рассказы блестящего юмориста при всей своей нарочитой анекдотичности разворачивают ряд характерных страниц из жизни невольных русских скитальцев²⁸.

Со своей точки зрения посмотрела на значение рассказов Аверченко в сборнике *Записки Простодушного* просоветская русская газета *Накануне*, издававшаяся в начале 20-х годов в Берлине. Ее рецензент обратил внимание читателей на одни лишь теневые стороны беженского быта, изображенного в константинопольских рас-

сказах писателя, и старался использовать все отрицательное, что он мог найти в книге, для политической пропаганды, которая проводилась газетой.

Сотрудник *Накануне* останавливается на тех рассказах в книге Аверченко, в которых писатель изображает представительниц прежнего петербургского высшего света и отставных военных, оказавшихся на чужбине без средств к существованию. Для характеристики этих персонажей, честно старающихся заработать себе кусок хлеба на непривычных амплуа прислуги, официанток и швейцаров, рецензент просоветской газеты находит лишь эпитет «жалкие». А рассказ «Константинопольский зверинец», в котором Аверченко описывает подозрительный ресторан, служащий местом встречи для сомнительных личностей и спекулянтов, дает повод тому же рецензенту заключить свою статью партийно-политической сентенцией такого рода:

Наряду с этими жалкими людьми выведены типы из «Константинопольского зверинца». Это уже хищники, плуты и прочие негодяи, вполне достойные продолжатели дела Врангеля.

Талантливо сделанная книжка оставляет жуткое впечатление. Аркадий Аверченко, может быть, помимо своей воли, воздал должное тем, кто ушел из России²⁹.

Переизданные в 1923 году *Записки Простодушного* вышли в берлинском издательстве «Север» с новым подзаголовком: «Я в Европе. Турция, Чехо-Словакия». Этот новый подзаголовок содержит упоминание о Турции потому, что в переизданный сборник автор включил теперь несколько новых рассказов, из которых три — именно «Константинопольские греки», «Утопленники» и «Дела» по своей тематике относились к серии рассказов о русских беженцах в Константинополе.

Что касается второй части нового подзаголовка — «Чехо-Словакия», то им Аверченко обозначил второй, более короткий отдел книги, в котором он поместил семь рассказов, написанных уже в Праге и изображающих в

благодушно-юмористических тонах эту столицу, ее жителей и их нравы.

О последующих двух книгах Аверченко, также печатавшихся в Константинополе, в издательстве «Культура», до их поступления в продажу сообщалось в *Рождественском Сатириконе Аркадия Аверченко*³⁰. Обе книги вышли в 1922 году.

Одна из них — *Дети*. Этот сборник рассказов с приложением «Руководства к рождению детей» представляет собой небольшую книжку, в которую вошли рассказы о детях, в свое время уже опубликованные частью еще в Петрограде (рассказы «Разговор в школе»³¹, «Костя»³², «Душистая гвоздика»³³ и «Три жолудя»³⁴), а частью в Севастополе (рассказы «Продувной мальчишка»³⁵ и «Кулич»³⁶).

Новым произведением Аверченко в книге был фельетон «Руководство к рождению детей», навеянный известным парламентским выступлением Клемансо о необходимости для Франции в интересах самосохранения иметь как можно больше детей. Автор фельетона задался целью выяснить:

Как же устранить это ужасное зло — бездетность — грозящее гибелью, вымиранием целой нации?³⁷

Чтобы найти ответ на этот «мучительный» вопрос, автор взял карандаш и репортерскую записную книжечку и отправился опрашивать русских эмигрантов, обосновавшихся в Париже, обращаясь к ним за советом: что сделать, чтобы у французов были дети?

Ответы опрошенных лиц, включая ответ маленькой русской девочки, автор записывает и представляет свои записи на суд читателей в пяти небольших отделах своего фельетона.

Сборнику *Дети* предпослано «Введение» Аверченко. В нем автор объясняет, почему он взялся описывать детей:

Для выпуска настоящего сборника у меня имелись два веских основания:

- 1) Я люблю детей.
- 2) Дети любят меня³⁸.

Далее Аверченко рассказывает, почему его любят дети:

С детьми я прикидываюсь невероятно наивным, даже жалким человечешкой, который нуждается в покровительстве и защите. Может быть, в глубине души малыш даже будет немного презирать меня. Пусть. Зато он чувствует свое превосходство, милостиво берет меня под свою защиту, и душа его раскрывается передо мной, как чашечка цветка перед лучом солнца³⁹.

Вторая книга Аверченко, выпущенная константинопольским издательством «Культура», — сборник рассказов *Кипящий котел*. Включенные в этот сборник девятнадцать рассказов были написаны автором в Севастополе, где впервые были опубликованы в газетах *Юг* и *Юг России*. Теперь автор сгруппировал рассказы в шесть отделов под заголовками, которые относились к имевшим место процессам: «Оскудение и упадок», «Обнищание культуры», «Денежная гипертрофия», «Спекуляция», «Демократия» и «Бесквартирье».

Предисловие к этой книжке Аверченко озаглавил: «Зачем я выпускаю *Кипящий котел*?» Ответил он на этот вопрос следующими словами:

Человеческая память — очень странная машина, почти всегда действующая с переборами...

Я хочу этой книгой закрепить период нашего годового кипения в раскаленном котле, в этой горячей яме, дно которой пекло пятки [...]

Мой кипящий котел — это Крым, эпохи «Врангелевского сидения»⁴⁰.

Автор считает, что по прошествии нескольких лет даже сами участники тогдашнего «сидения» забудут многие подробности, относящиеся к условиям, в которых протекала жизнь в осажденном Крыму, и будут безуспешно пытаться восстановить в памяти тот или иной факт. Аверченко говорит:

И не будет ответа! Все чудесное, курьезное, все героическое, все ироническое стерлось, как карандашная надпись резинкой... Книгой «Кипящий котел» я все это хочу закрепить⁴¹.

Автор признает, что его очерки иногда, может быть, гиперболичны или кажутся неуместно веселыми, и заворают читателей:

[...] но в основе их всегда лежит факт, истина пронизывает каждую строчку своим светлым лучом — и это моя скромная заслуга перед историей⁴².

Когда этот новый сборник рассказов Аверченко попал в руки критика Петра Пильского, переехавшего к тому времени из Кишинева в Эстонию, он написал в рижской газете *Сегодня* рецензию на *Кипящий котел*, в которой отметил, что отличительная черта книжки — это красочное изображение «крымской злободневности». Вместе с тем критик признавал, что высказанное им прежде предположение — «былой Аверченко умер» — не оправдалось. Аверченко, по мнению Пильского, пережил лишь эволюцию, но не расстался с самим собой. Книга его, по мнению рецензента, имеет много достоинств, и он резюмирует их в следующих строках:

Книжка — остра. Она полна метких карикатур, незлобиво и блестящего юмора и, что удивительнее всего, выдумки. Сама действительность была полна таких крайностей и уродливостей, спутанности и противоречий, что, казалось, беллетристической изобретательности был поставлен предел самой жизнью. Она звала сатирика. Юморист здесь был излишен. Талант Аверченко нашел для себя материал и здесь. Все 19 рассказов пронизаны добродушной улыбкой. Изредка — скорбью. Для писаний последних лет Аверченки она — характерна. Сюда ее привело последнее трехлетье⁴³.

Покинув Константинополь в апреле 1922 года, Аверченко прибыл в середине июня в столицу Чехословакии. По дороге туда из Белграда он на несколько дней остановился в Загребе. Здесь Аверченко удалось заключить

договор с местным издательством об издании двух его книг на хорватском языке, о чем он рассказал в первые дни пребывания в Праге в интервью, данном представителю газеты *Prager Presse*⁴⁴.

Надо полагать, что тогда же в Загребе Аверченко договорился и об издании одной своей книги на русском языке. Эта книга — *Рай на земле* — вышла в 1922 году в издательстве «Хорватского Штампарского завода» в Загребе. Краткое предисловие к этой книге озаглавлено «Зачем я выпускаю эту книгу?» В нем Аверченко поясняет, что теперь все человечество самым оригинальным образом резко разделилось на четыре части: 1) на мошенников, 2) на обманутых, 3) на подчиняющихся дураков и 4) на умных людей, скрежещущих зубами. Автор не причисляет себя ни к одной из этих категорий и замечает о себе:

Я могу только смеяться над людской глупостью и подтолкнуть локтем ближнего, указав ему на вселенскую подлость и гниль.

И я смеюсь.

Заверяю честью, что улыбка моя несколько не умаляет жуткой правдивости всего рассказанного в восемнадцати главах «Рая на земле»⁴⁵.

«Правдивые рассказы о русской коммуне», как гласит подзаголовок газеты, объединены в пятнадцать глав и имеют целью представить как бы разностороннее юмористическое описание России под властью коммунистов. Первая глава носит название «География России», вторая — «Прошлое и настоящее России», третья — «Почему коммунизм имеет успех?».

Начиная с изложения географии России и описывая ее границы, Аверченко про них говорит: «Любые. Сегодня такие, завтра другие».

При описании городов России, упоминая прежнюю ее столицу Петербург, автор говорит, что проектируется назвать этот город «по имени его правителя Гришки Зиновьева — Апфельбаумбургом или короче: Гришкин посад».

Оказывается, что только некоторые из последующих глав *Рая на земле* представляют собой новые произведения Аверченко. Значительную часть глав в книге составляют его фельетоны, прежде опубликованные в сева­стопольских газетах *Юг* и *Юг России* и включенные в новый сборник под другими названиями, соответствующими назначению книги — служить как бы справочником о коммунистической России. Сюда относятся, например: глава «Прошлое и настоящее России», в которой фигурирует шорник Спирька, напечатанная в газете *Юг* в виде фельетона под названием «Отдых на крапиве»;⁴⁶ глава «Почему коммунизм имеет успех?» — прежний фельетон под названием «Большевизм в образах» (выдержки из которого приводились раньше), напечатанный в газете *Юг*;⁴⁷ глава «Как они правят», напечатанная в газете *Юг России* в виде фельетона «ЦИК... или Г.Д. Уэллс в Москве»;⁴⁸ а глава «Рабочий вопрос», в которой фигурирует рабочий Пантелей Грымзин, — переименованный фельетон «Черты из жизни Пантелея Грымзина», также напечатанный в газете *Юг* ⁴⁹.

Для названия сборника Аверченко избрал заголовок одного из своих сева­стопольских фельетонов, написанных для газеты *Юг России*, — *Рай на земле*⁵⁰. Этот сборник, в котором каждая глава содержит в себе отображение той или иной черты, неотъемлемо присущей жизни и быту в «коммунистическом раю», заканчивается главой «Закат коммунизма», после которой следует отдел книги «Живые портреты», состоящий из трех рассказов, а именно: «Мадам Ленина», «Петерс» и «Красные матросы». Два из этих «портретов» тоже представляют собой прежние фельетоны Аверченко, написанные во время его пребывания в Севастополе и Константинополе⁵¹.

На выход в свет книги *Рай на земле* откликнулась белградская русская газета *Новое Время*, писавшая в краткой заметке:

Если бы не столько крови и мук, то ни одна власть в мире не дает столько материала для сатиры и юмора, как

советская. Аверченко прекрасно использовал этот богатый материал райской жизни [...] Для наших серых будней эта книжка хороший вклад⁵².

Обосновавшись на постоянное жительство в Праге, Аверченко отсюда продолжал успешно вести переговоры об издании его книг в разных эмигрантских книгоиздательствах, и в течение последующих лет ему удалось выпустить в свет ряд сборников своих произведений, как уже ранее появившихся в периодических изданиях, так и впервые публикуемых.

В 1923 году вышли в свет четыре книги Аверченко. Одна из них — *Двенадцать портретов (в формате «Будуар»)* — была выпущена издательством «Internationale Commerciale Revue». Эта книжка содержит тринадцать рассказов, часть которых была написана и опубликована в севастопольских газетах *Юг* и *Юг России* и в константинопольском журнале *Зарницы*. Сборнику предпослано краткое предисловие Аверченко, озаглавленное «От автора». В нем он замечает, что предлагаемая вниманию читателей книжка есть «нечто среднее между портретной галереей предков и альбомом карточек антропометрического бюро при сыскном отделении»⁵³.

Открывается сборник рассказами «Мадам Ленина» и «Мадам Троцкая», которые в свое время были опубликованы в журнале *Зарницы*⁵⁴. Затем помещены «портреты» чекистов Дзержинского и Петерса, за которыми следует рассказ «Максим Горький».

Обращаясь в начале рассказа к этому писателю со словами «многоуважаемый, талантливый Алексей Максимович!», Аверченко дальше говорит, что если рассказать неприкрашенной вульгарной прозой, как себя вел знаменитый автор «Буревестника» за последние годы, то получится в высшей степени непривлекательная картина. Аверченко считает, что:

Державинские хвалебные оды казались щенками перед тем огромным распухшим слоном, коего создал Максим Горький, написав ликующую, восторженную оду Ленину [...] ⁵⁵

Упрекая Горького в том, что он был «своим человеком» в компании преступных людей, которые захватили власть в России, Аверченко признает:

Правда, он был только зрителем этого нескончаемого театра грабежей и убийств, но сидел он всегда в первом ряду по почетному билету и при всяком курбете лицеде-ев — он первый восторженно хлопал в ладошки и оглашал спертый «чрезвычайный» воздух мягким пролетарским баском: Bravo, bravo! Оч-чень мило. Я всей душой с вами, товарищи! ⁵⁶

В галерее портретов Аверченко также уделил внимание Федору Шаляпину, а после него — эмигрантским социалистическим деятелям Мартову, Абрамовичу и Керенскому.

В рассказе «Мартов и Абрамович» Аверченко обращает внимание на тот факт, что эти деятели в своем *Социалистическом Вестнике* протестовали против расстрелов, происходящих в Советской России. При этом они категорически утверждали, что расстрел эсдеков — возмутительный произвол и что эсдеков большевики расстреливать не имели права. Однако о не-социалистах ничего не было сказано в протестах меньшевиков, как будто их расстреливать позволительно и не зазорно. Аверченко поэтому полагает:

Вышло как-то так, что меня — не эсдека и не эс-эра — может всякая каналья расстрелять, и ни эсдек, ни эс-эр даже не почешется.

Так как я человек беспартийный, то я стараюсь сузить этот принцип еще больше: меня зовут Аркадий, и я нака-таю обращение ко всему миру с протестом против рас-стрела всех Аркадиев.

Раз человек носит поэтическое имя: Аркадий — не трожь его, скотина! Расстреливай Геннадиев или Аполлинариев, если уж так тебе приспичило⁵⁷.

Керенский уже с лета 1917 года, когда пошатнулись надежды, возлагавшиеся на него либеральной русской интеллигенцией, стал излюбленным персонажем в фелье-

тонах Аверченко. Теперь, в новом сборнике, находим три «портрета» премьера Временного Правительства. Причину своего внимания к нему автор объясняет так:

Во всем том, что происходит в России, чрезвычайно большую роль сыграл Александр Керенский. Поэтому я и отвожу ему в своей портретной галерее целых три места⁵⁸.

В рассказе «Керенский (Первый портрет)» Аверченко говорит о прекрасном русском выражении — «со стыда готов сквозь землю провалиться», которое он относит к Керенскому, и добавляет:

Так вот: я знаю господина, который должен был бы беспрерывно, перманентно проваливаться со стыда сквозь землю⁵⁹.

Второй портрет Керенского в сборнике — старый фельетон, напечатанный еще в Константинополе под названием «Нечаянная радость»⁶⁰.

За серией рассказов о Керенском следует рассказ «Балтийский матрос», о котором сам автор в предисловии к книжке писал:

Как я ни хитрил, а в заключение должен признаться, что из всей портретной галереи мне симпатичнее всего последний портрет — балтийского матроса, в лице Шкляренко и Бондаря⁶¹.

Моряков Аверченко любил еще с детства. С ними его роднили воспоминания о приморском городе, в котором он родился и провел первые годы своей жизни. Морякам черноморского флота он посвятил прочувственные строки еще в 1917 году, когда написал:

Могу сказать с гордостью, что я вырос на руках черноморских матросов [...] Как я их любил, этих огромных здоровяков! Не было на свете чудеснее человека, чем черноморский матрос, когда он шел по узеньким севастьяпольским улицам в снежно-белом костюме, немного наклонив вперед прекрасную голову на бычачьей шее и переваливаясь с ноги на ногу с какой-то львиной грацией⁶².

Описывая в том же фельетоне перемены, которые произошли во время революции с матросами, когда они превратились в так называемую красу и гордость революции, Аверченко тогда заключил свой фельетон:

Львы превратились в шакалов, орлы — в коршунов-стервятников, а где вы, которые баюкали меня в теплых ласковых объятьях — слышите ли вы меня, чувствуете ли, что делают дети ваши, черноморские «Орлята»? ⁶³

Теперь, в рассказе «Балтийский матрос», который впервые был напечатан в газете *Юг России*⁶⁴, Аверченко опять упоминает о своей любви к цельным, здоровым натурам моряков, оставшихся в его памяти грубоватыми, но добродушными увальнями. Революция их совершенно преобразила. Герои рассказа — Шкляренко и Бондарь — два матроса, которые прошли обычный для революционных матросов путь, забросили свой корабль, ходили по Петрограду, перепоясанные пулеметными лентами, а потом стали принадлежать к своеобразной революционной аристократии: гуляли по Невскому напудренные, декольтированные, с браслетами на руках и с бриллиантовой брошкой на груди. Затем — грянуло Кронштадтское восстание, герои рассказа приняли в нем участие и на льду залива сложили свои головы:

Лежат неразлучные благоприятели. И у Никиты Шкляренко уже не румяна на щеке, а что-то потемнее и погуще.

И Бондарь украшен рубиновым знаком в том самом месте, на груди, где раньше сверкала брошка.

Расплатились честно морячки и за румяна, и за броши⁶⁵.

В том же 1923 году в берлинском издательстве «Север» вышли две книги Аверченко. Одна из них — переизданный и дополненный новыми рассказами сборник *Записки Простодушного*, о содержании которого сообщалось выше (см. с. 298—299).

Вторая книга, выпущенная тем же издательством, — *Смешное в страшном*. Это сборник рассказов с предис-

ловием, озаглавленным «Извинение автора». Аверченко начинает предисловие вопросом, не преступление ли отыскивать смешное в страшном? И не кощунство ли — весело улыбаться там, где следовало бы предаваться безудержному горю? Он находит, что оба вопроса были бы уместны, если бы Россия уже была настоящим трупом. Но это не так. Несмотря на то, что ее враги сделали много для того, чтобы превратить ее в «неподвижное, мертвое, гниющее тело», пациентка все еще жива. А если так — то смеяться не только можно, но и должно. Имеется, по мнению Аверченко, выбор:

Или пойти с тоски повеситься на крючке от украденной иконы, или — весело, рассыпчато смеяться⁶⁶.

Не удалось полностью выяснить, которые из рассказов в сборнике представляют собой новые произведения автора, впервые появившиеся, может быть, в одном из многочисленных в то время периодических органов печати русской эмиграции. Во всяком случае, часть рассказов в сборнике *Смешное в страшном* — фельетоны Аверченко, написанные им раньше, во время гражданской войны и пребывания в Константинополе. Сюда относятся, например, рассказы «Атташе Канторович»⁶⁷, «Улитки»⁶⁸, «Контроль за производством», «Тайна графа Пурсоньяка»⁶⁹.

Последним в сборнике помещен популярный фельетон Аверченко «Советский словарь», в котором на каждую букву русской азбуки автором дается злободневный каламбур, как например:

ъ (твердый знак). — При мягком отношении советской власти к населению не нужен.

□ (ять). — Составная необходимая часть хлеба. Пока его писали через ять — хлеб был. Стали писать «хлеб», и нет хлеба, а есть одуванчики, лопух и березовая кора, как известно, буквы ять не имеющие⁷⁰.

В связи с выходом в свет нового сборника рассказов Аверченко рецензент берлинской газеты *Руль* писал:

Сборник «Смешное в страшном» переносит читателя в царство коммунизма [...] Он основывается не столько на житейских наблюдениях и горестных заметках сердца, сколько на имманентных нелепостях советского строя. Это придает им несколько особый отпечаток. Чувствуется, что они не подсказаны творческой фантазией, а представляют собой протест рассудка, возмущенного нелепостями советского жизнетворчества⁷¹.

В этих особенностях, по мнению автора рецензии, отличие нового сборника от прежде вышедшей книги *Записки Простодушного*.

Наконец, четвертой книгой Аверченко, напечатанной в 1923 году, был небольшой сборник пьес и скетчей для сцены и чтения под названием *Чудаки на подмостках*, в который автор включил двенадцать своих пьес-миниатюр, пользовавшихся в свое время большой популярностью, как например, «Птичья головка», «Ключ», «Самоубийца», «Драма в доме Букиных», «Женщина и вор» и другие.

Предпослав этому сборнику, вместо предисловия, краткое предупреждение о том, что постановка помещенных здесь пьес без разрешения автора безусловно воспрещается, Аверченко к этому добавил:

Я предпочитаю лучше сам калечить свои произведения, чем предоставлять это другим⁷².

Один из своих фельетонов, написанных в Севастополе, Аверченко назвал «Отдых на крапиве». Под этим названием в 1924 году в варшавском издательстве «Добро» вышел сборник, содержащий двадцать рассказов Аверченко.

В предисловии к своей книге, которое он озаглавил «Почему?» автор объясняет причину, по которой он назвал свою книгу *Отдых на крапиве*:

Она почти вся — едкая, колючая — ну вот точь-в-точь будто вы легли на крапиву, опираясь об нее голой рукой, щекой и шеей⁷³...

Первый рассказ в сборнике называется «Венгерский язык». Этот рассказ Аверченко написал в 1922 году во время своего первого турне по провинциальным городам Чехословакии и опубликовал его тогда же в ужгородской газете *Русская Земля*, сообщив об этом в своем письме Бельговскому из Ужгорода (см. выше, с. 111).

К новым же произведениям писателя в сборнике надо отнести рассказ «Рассказчики», по-видимому сперва появившийся в 1922 году сначала на немецком языке⁷⁴, а также «Бокс в Турции и в Европе».

В сборнике *Отдых на крапиве* находим, вместе с тем, и старые рассказы Аверченко, как, например, его рассказы «Пылесос»⁷⁵ и «Уточкин»⁷⁶, напечатанные в свое время в *Новом Сатириконе*.

Критику газеты *Рижский Курьер* содержание нового сборника рассказов Аверченко понравилось, и он писал:

Зарисовка типов лаконическая и в то же время это сочные удары кисти.

На ста пятидесяти восьми страницах — портретная галерея пошляков и проходимцев, четко врезывающихся в память. Но есть в книге очаровательный рассказ. Единственный в том смысле, что это не «отдых на крапиве», а настоящий, подлинный «Зимний вечер в детской»⁷⁷.

В этой же рецензии отмечается, что в двух последних рассказах в сборнике, тема которых — нравы хорошо знакомой писателю артистической среды, Аверченко проявил объективность, не пощадив театральную братию, и изобразил невежество и наглость, присущие некоторым ее представителям. Наконец, рижский критик книги Аверченко особо отметил сжатую и красивую форму фраз в рассказах писателя, которого он называет «настоящим мастером, владеющим фразой»⁷⁸.

Не так похвально отозвался о сборнике *Отдых на крапиве* берлинский рецензент газеты *Руль*, потому что, по его мнению, от смешного в этой книге не всегда веет «тем серьезным, которое составляет сердцевину великого смеха». Автор статьи признает, что Аверченко в свои

шаржи старается облекать значительные явления жизни и гиперболизмом своей комики лишь заострять и оттенять действительную нелепость человеческих отношений. Считая, что это не всегда удается Аверченко, критик замечает:

Вот и Аркадий Аверченко рассказывает подчас такие анекдоты, которые смешат, но сейчас же порождают у читателей осадок пустоты и недоумения. Зато случается так, что его небылица вызывает не только улыбку, но и думу⁷⁹.

К таким вещам, наводящим на серьезные мысли, берлинский критик относит рассказ «Бокс в Турции и в Европе» и понравившийся также рижскому рецензенту рассказ «Зимний вечер в детской».

В том же 1924 году вышла в берлинском издательстве «Арбат» другая книга Аверченко — *Пантеон советов молодым людям, или Вернейшие способы, как иметь успех в жизни*.

В комическом предисловии «От автора» Аверченко обращается к молодым людям, которые с детства изучают разные предметы, вроде истории, географии, геометрии и т.д. Но возникает вопрос: нужна ли вся эта премудрость в жизни? Чем может, например, геометрия помочь молодому человеку, когда он объясняется в любви дорогой его сердцу девушке? Аверченко говорит:

Светская жизнь — очень хитрая запутанная штука, и не всякому удастся проникнуть в ее прихотливые изгибы и завитушки⁸⁰.

Но автор заявляет, что он сам проник во все эти хитрости, равно как и в психологию людей — включая сюда, например, психологию «тетки жениха с материнской стороны», — а потому считает своим долгом поделиться своим опытом и знаниями с молодым поколением. Это он и делает в шести главах своего *Пантеона*, а именно: «Умение держать себя в обществе и на званом обеде», «Советы начинающим полководцам», «Хозяйственные советы»,

«Пасхальные советы», «Искусство рассказывать анекдоты» и «Советы, как иметь успех у прекрасного пола».

Содержание этих объединенных в главы поучений молодым людям отчасти состоит из произведений Аверченко, которые ранее появлялись в печати как самостоятельные фельетоны. Например, «Искусство рассказывать анекдоты» взято из «Маленького фельетона», напечатанного в одной из эмигрантских газет. В этом фельетоне Аверченко давал совет:

Всякий рассказчик должен помнить три основных правила своего изящного искусства:

- 1) Анекдот должен быть кратким,
- 2) Блестящ по передаче и
- 3) В конце — неожидан.

Самое главное — пункт первый — (краткость)⁸¹.

Этот пункт, по мнению Аверченко, важен потому, что длинный анекдот «напоминает Эйфелеву башню, на которую человека заставляют взобраться пешком, без лифта».

В год смерти Аверченко, то есть в 1925 году, в пражском издательстве «Пламя» вышел последний сборник его рассказов, подготовленный им самим для печати. В этот сборник под названием *Рассказы циника* вошли двадцать восемь рассказов Аверченко, из которых значительная часть впервые была напечатана еще в Петербурге, в журнале *Новый Сатирикон*. К числу этих рассказов относятся, например, рассказы «Крыса на подносе», «Индейка с каштанами», «Джиу-Джицу», опубликованные впервые под теми же самыми названиями, под какими они вошли в новый сборник⁸². В сборник были включены также ранее опубликованные рассказы с измененными названиями, как например, рассказ «Акулы», напечатанный в *Новом Сатириконе* под названием «Биржевики на прогулке»⁸³.

В сборник *Рассказы циника* Аверченко включил также и новые рассказы, написанные им уже в годы эмиграции, как например, рассказ «Фокс-тrott» и «Пять рас-

сказов для читателя». Последний рассказ был, видимо, впервые напечатан на немецком языке для газеты *Prager Presse*⁸⁴.

Предисловием к книге служит первый рассказ в сборнике, озаглавленный «Искусство и публика (вместо предисловия)». Это — один из старых рассказов писателя, напечатанный еще в 1913 году под названием «Публика»⁸⁵.

В этом предисловии Аверченко старается разгадать, что собой представляет «зверь, именуемый публикой», и спрашивает:

Что же это за таинственный такой зверь?
Приходило ли кому-нибудь в голову математически вычислить средний культурный и эстетический уровень этого «зверя»?⁸⁶...

В 1925 году вышла также — опять таки в издательстве «Пламя» — еще одна книга Аверченко, *Шутка Мецената*, написанная им в 1923 году во время пребывания в Цоппоте. Это свое более крупное произведение Аверченко относит к жанру романа. Первоначально этот роман печатался по частям, с продолжениями, в газете *Эхо* (под названием «Причуды Мецената»), а отдельной книгой *Шутка Мецената* вышла уже в год смерти писателя.

Обзор писательской деятельности Аверченко в последние годы его жизни в Праге был бы неполным без упоминания о его журналистической работе за этот период. К тому времени, когда Аверченко переехал в Прагу, в многочисленных европейских и североамериканских центрах скопления русской эмиграции, а также в новообразовавшихся на прежней территории России государствах возникло много русских газет и журналов. Некоторые из них оказались недолговечными, иные, более крупные периодические органы печати, продолжали выходить вплоть до возникновения второй мировой войны. К сожалению, в зарубежных библиотеках лишь в редких случаях сохранились полные комплекты многочисленных

эмигрантских изданий того времени. Поэтому сведения, собранные о произведениях Аверченко, опубликованных в свое время в ряде русских зарубежных газет, остаются неполными, а вопрос о том, насколько его сотрудничество в том или ином журнале или газете было постоянным или случайным — лишь частью выясненным. Все же есть довольно определенные сведения о его постоянной работе в некоторых более крупных и долговечных периодических изданиях.

К таким в первую очередь можно отнести выходящую в Нью-Йорке газету *Новое Русское Слово*. В этой газете в течение 1924 года было напечатано около 30 фельетонов Аверченко. Некоторые из них были старые рассказы писателя, то есть написанные им еще до революции, как например, его автобиографический рассказ «О пароходных гудках»⁸⁷, а другие — более новые, написанные Аверченко уже в годы его жизни в эмиграции. Сюда относятся такие фельетоны, как «Фокс-тrott», «Рассказчики»⁸⁸ и другие, включенные затем в сборники рассказов Аверченко, выпущенные зарубежными издательствами.

Печатались рассказы Аверченко и в *Зеленом Журнале*, тоже выходившем в Нью-Йорке.

В течение нескольких лет Аверченко был постоянным сотрудником двух русских газет в прибалтийских странах: газеты *Сегодня*, выходившей вплоть до 1939 года в Риге, столице Латвии, и газеты *Последние Известия*, издававшейся в Ревеле (Таллине), столице Эстонии.

Иногда фельетоны Аверченко печатались и в тех газетах, постоянным сотрудником которых он, видимо, не был, но которые помещали его произведения в связи с пребыванием писателя и его театральными выступлениями в тех местах, где эти газеты выходили. Так, например, в газете *Русская Земля*, издававшейся в Ужгороде, в Прикарпатской Руси, по случаю выступления писателя в этом городе во время его турне по Чехословакии в

1922 году, впервые был напечатан его фельетон «Венгерский язык», а берлинская газета *Руль*, обычно не помещавшая на своих страницах юмористического материала, по случаю приезда Аверченко в Берлин в 1924 году напечатала его фельетон «Искусство рассказывать анекдоты»⁸⁹.

Известно также, что русские газеты, выходившие в присоединенной к Румынии Бессарабии, во время турне Аверченко по этой провинции в 1923 году печатали на своих страницах его фельетоны.

В архиве писателя сохранились отдельные экземпляры некоторых менее распространенных еженедельных журналов, в которых были помещены его рассказы, как например, № 1 издававшегося в Румынии литературно-художественного и юмористического журнала *Неделя*, выходившего как приложение к газете *Наша Речь*, на обложке которого был помещен портрет Аверченко. Затем — номер *Святочного альманаха* журнала *Хозяин*, издававшегося в Праге. В номере этого журнала от 25 декабря 1924 года был напечатан рассказ Аверченко «Мальчик, который не замерзнет».

Постепенно, однако, создалось такое положение, при котором печатать свои произведения на русском языке для Аверченко, как для большинства писателей-эмигрантов, стало материально не особенно выгодным. Об этом Аверченко рассказал представителям берлинского *Эхо*:

Сейчас получилось курьезное положение: иностранцы знакомятся с русскими писателями раньше русских⁹⁰.

Свои слова об этом своеобразном положении писатель пояснил указанием на тот факт, что советское правительство конфисковало в свою пользу все авторские права писателей-эмигрантов, в результате чего, например, книга Аверченко *Записки Простодушного* вскоре после выхода ее из печати за границей была переиздана Госиздатом в Советском Союзе, конечно, без уплаты какого-либо гонорара автору. Таким образом, по словам Аверченко,

эмигрантские писатели принуждены невольно обогащать Третий Интернационал, что ему не хочется делать.

В дополнение к этим словам Аверченко следует отметить, что в то время в Советском Союзе переиздавались не только книги писателя, но и отдельные его рассказы, публиковавшиеся им в заграничных изданиях. Об этом указывается в одном из справочников по советской периодической печати. Сообщая сведения о юмористическом журнале *Мухомор*, выходившем в Петрограде в начале 20-х годов, авторы справочника отмечают:

[В «Мухоморе»] довольно часто перепечатывались из зарубежных изданий рассказы Аверченко⁹¹.

Рассказывая представителю *Эхо* о невыгодном положении, в котором очутились русские писатели-эмигранты, Аверченко добавил:

А выпущу я книгу на венгерском или чешском языке — и спокоен. Хотя некоторых и это не останавливает: мои рассказы в «Прагер Прессе» на немецком языке переводятся некоторыми варшавскими газетами на польский, а бессарабскими русскими газетами с польского обратно на русский...

Когда это было видано, чтобы русского писателя переводили на русский язык?!⁹²

Упомянутая Аверченко пражская газета на немецком языке *Prager Presse* должна быть особо отмечена как орган печати на нерусском языке, в котором Аверченко некоторое время являлся постоянным сотрудником.

Через несколько месяцев после приезда Аверченко в 1922 году в Прагу в одном из сентябрьских номеров этой газеты под броским заголовком появилось следующее объявление:

Нам удалось включить в число постоянных сотрудников редакции широко известного русского писателя Аркадия Аверченко, постоянно проживающего в Праге.

В воскресенье появится рубрика «АВЕРЧЕНКО и МИР», в которой мы будем впервые печатать лишь неопубли-

кованные произведения Аверченко. Кроме того, в нашем отделе фельетонов будут помещаться вещи того же автора⁹³.

После этого сообщения газета привела интервью с Аверченко, поясняя, что она хочет познакомить читателей со своим новым сотрудником. Беседа с представителем редакции со стороны Аверченко была выдержана в его обычном шутовском тоне.

Обещанная редакцией *Prager Presse* рубрика «Аверченко и мир» (по-немецки: «Awertschenko und die Welt») в первый раз появилась на следующий же день в воскресном номере газеты. Отведенный Аверченко отдел представлял собой юмористическое обозрение злободневных политических событий с комментариями автора к ним. Эта рубрика затем регулярно появлялась в воскресных номерах газеты вплоть до конца 1922 года. Вместе с тем, в этой газете помещались рассказы и фельетоны Аверченко, в первое время исключительно новые его произведения, которые позже появились и на русском языке, как, например, серия его рассказов о Праге и пражанах, включенная во второе, дополненное издание книги *Записки Простодушного* (рассказы «Чехи»⁹⁴, «Как добыть себе комнату в Праге»⁹⁵, «Мой ученик»⁹⁶ и «Самый страшный притон Праги»⁹⁷).

В общей сложности за период со второй половины сентября по конец декабря 1922 года на страницах *Prager Presse* было напечатано около двадцати его рубрик «Аверченко и мир» и двенадцать рассказов и фельетонов, обычно в переводе Генриха Блока.

Как выяснилось при просмотре комплектов газеты за первые четыре месяца 1923 года, печатание серии «Аверченко и мир» в этом году прекратилось, и лишь в одном из февральских номеров газеты был помещен один фельетон Аверченко⁹⁸.

Когда в марте 1925 года Аверченко скончался, *Prager Presse* поместила на своих страницах сообщения о болезни и смерти своего сотрудника⁹⁹, и о его последних днях¹⁰⁰,

а также напечатала сокращенную «Автобиографию» писателя в переводе на немецкий язык¹⁰¹ и заметку о его похоронах¹⁰².

Умер Аверченко, по словам Куприна, «в среднем возрасте, который отпущен русскому литератору — 43 лет»¹⁰³, в расцвете своих творческих сил, полный писательских замыслов и желания работать и писать. Его неутомимая фантазия не иссякала даже во время смертельной болезни, в бессонные ночи, когда он, по свидетельству Бельговского, в своем уме «писал» рассказы, содержание которых утром передавал навещавшим его друзьям.

В свое время, рецензируя первые книги Аверченко, критик Полонский высказал предположение, что, быть может, этому молодому писателю суждено будет стать русским Твенем. Это предположение не сбылось. Аверченко не удалось создать произведений, которые, подобно некоторым произведениям американского юмориста, стали бы достоянием мировой литературы. Но, даже считая, что творческие достижения американского «певца здравого смысла» (так Марк Твена называл Аверченко)¹⁰⁴ и его русского почитателя неравноценны, нельзя забывать одного обстоятельства, а именно большой разницы в сроках, которые судьба отпустила обоим для писательского труда. Аверченко было только 43 года, когда преждевременная смерть прекратила его писательский труд. В том же возрасте Марк Твен как раз выпустил первую свою книгу, которой суждено было приобрести огромную популярность. Эта книга — *Приключения Тома Сойера* — предшествовала ряду других произведений, более совершенных. Эти произведения, создавшие Марку Твену не только славу «Линкольна американской литературы», по выражению его биографа (William Dean Howells)¹⁰⁵, но и обеспечили ему почетное место в литературе мировой, были написаны американским юмористом уже позже, в течение оставшихся 32 лет его долгой жизни на родной почве. Не таков был удел Аверченко.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Зарницы* (Константинополь), 1921, № 11.
- ² Там же, 1921, с. 6.
- ³ Там же, 1921, № 7, с. 8.
- ⁴ Там же, 1921, с. 9.
- ⁵ Там же, 1921, с. 8.
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Рождественский Сатириконт Аркадия Аверченко*, с. 1.
- ⁸ Там же, с. 5.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Последние Новости* (Париж), 1920, 22 сентября, объявление.
- ¹¹ Неандер Б.Н. Памяти Аркадия Аверченко. — *Возрождение* (Париж), 1926, 12 марта.
- ¹² Не-Буква [Василевский И.М.]. Картонный меч. — *Последние Новости* (Париж), 1921, 4 января.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Ленин В.И. Талантливая книжка. — *Правда*, 1921, 22 ноября, № 263.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Без подписи. Ленин и... Аверченко. — *Последние Новости* (Париж), 1921, 6 декабря.
- ¹⁹ Мещеряков Н. Наши за границей (1. Белогвардейский юмор). — *Красная новь*, 1921, № 1, с. 275.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Этот фельетон впервые был напечатан в газете *Юг* (Севастополь), 1919, 18 сентября, а затем был включен в сборник «Дюжина ножей в спину революции».
- ²² Этот фельетон был впервые опубликован в газете *Юг* (Севастополь), 1919, 13 октября, а затем напечатан в журнале *Бич*, 1920, № 7.
- ²³ Мещеряков Н. Указ. соч., с. 278.
- ²⁴ *Зарницы* (Константинополь), 1921, № 23, с. 31.
- ²⁵ Аверченко А. Записки Простодушного. Константинополь, Изд-во Новый Сатириконт, 1921.
- ²⁶ Цитируется по изданию: Аверченко А. Записки Простодушного. Берлин, изд-во «Север», 1923, с. 127.
- ²⁷ *Юг России* (Севастополь), 1920, 25 октября (7 ноября).
- ²⁸ Ш. Аркадий Аверченко. Записки Простодушного. Изд-во «Север», Берлин; Смешное в страшном. Новые рассказы. 1920—1923. Изд-во «Север», Берлин. — Рец. в газете *Рулъ* (Берлин), 1924, 23 марта.

- ²⁹ Эн. Аркадий Аверченко. Записки Простодушного. — Рец. в газете *Накануне* (Берлин). — Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ³⁰ *Рождественский Сатирикон Аркадия Аверченко*, с. 6.
- ³¹ *Новый Сатирикон*, 1916. № 24.
- ³² Там же, 1917, № 4.
- ³³ Там же, 1917, № 37.
- ³⁴ Там же, 1918, № 9, под названием «Молодняк».
- ³⁵ *Юг* (Севастополь), 1919, 25 декабря.
- ³⁶ *Рождественский Сатирикон Аркадия Аверченко*.
- ³⁷ Аверченко А. Дети. Константинополь, Культура, 1922, с. 10.
- ³⁸ Там же, с. 5.
- ³⁹ Там же, с. 6—7.
- ⁴⁰ Аверченко А. Кипящий котел. Константинополь, Культура, 1922, с. 3.
- ⁴¹ Там же, с. 5—6.
- ⁴² Там же, с. 6.
- ⁴³ П—ий [Пильский Т.М.] Аркадий Аверченко. Кипящий котел. Сб. рассказов. Книгоиздательство «Культура». Константинополь, 1922. — Рец. в газете *Сегодня* (Рига). — Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ⁴⁴ Sten Paul. Unterredung mit Awertschenko. — *Prager Presse*, 1922, 20 juni, № 166.
- ⁴⁵ Аверченко А. Рай на земле, предисловие. Загреб, изд-во Хорватского Штампарского завода, 1922.
- ⁴⁶ *Юг* (Севастополь), 1919, 1 июля.
- ⁴⁷ Там же, 1920, 27 февраля.
- ⁴⁸ *Юг России* (Севастополь), 1920, 13 (26) октября.
- ⁴⁹ *Юг* (Севастополь), 1920, 6 марта.
- ⁵⁰ *Юг России* (Севастополь), 1920, 20 мая.
- ⁵¹ Фельетон «Мадам Ленина» был напечатан под названием «Лошадь в сенате» в журнале *Зарницы* (Константинополь), 1921, № 19, а фельетон «Красные матросы» под названием «Красный матрос» в газете *Юг России* (Севастополь), 1920, 21 октября (3 ноября).
- ⁵² Газетная вырезка без обозначения числа. — *Архив Аверченко*.
- ⁵³ Аверченко А. Двенадцать портретов. Прага, Internationale Commerciale Revue, 1923, с. 5.
- ⁵⁴ В журнале эти рассказы назывались: первый — «Лошадь в сенате» (*Зарницы* (Константинополь), 1921, № 19), а второй — «Шапка Мономаха» (*Зарницы* (Константинополь), 1921, № 4).
- ⁵⁵ Аверченко А. Двенадцать портретов, с. 27.
- ⁵⁶ Там же.

- ⁵⁷ Там же, с. 39—40.
- ⁵⁸ Там же, с. 5.
- ⁵⁹ Там же, с. 44.
- ⁶⁰ *Зарницы* (Константинополь), 1921, № 2.
- ⁶¹ Аверченко А. Двенадцать портретов, с. 5.
- ⁶² Фельетон «Болотные туманы». — *Новый Сатирикон*, 1918, № 2, с. 6—7.
- ⁶³ Там же, с. 7.
- ⁶⁴ *Юг России* (Севастополь), 1920, 21 октября (3 ноября). Здесь этот фельетон был напечатан под названием «Красный матрос».
- ⁶⁵ Аверченко А. Двенадцать портретов, с. 71.
- ⁶⁶ Аверченко А. Смешное в страшном. Новые рассказы. 1920—1923. Берлин, изд-во «Север», 1923, с. 4.
- ⁶⁷ Напечатан в журнале *Зарницы* (Константинополь). 1921, № 21.
- ⁶⁸ Напечатан в газете *Юг* (Севастополь). 1920, 2 февраля.
- ⁶⁹ Два последних рассказа напечатаны в газете *Юг России* (Севастополь). Первый — 1920, 20 октября (2 ноября), второй — 1920, 22 июля (4 августа).
- ⁷⁰ Аверченко А. Смешное в страшном, с. 127.
- ⁷¹ Ш. Указ. соч.
- ⁷² «Чудаки на подмостках», нумерованная страница, следующая непосредственно за титульным листом. Не исключено, что эта книга — переиздание сборника пьес Аверченко, вышедшего под тем же названием в Петрограде в 1918 году.
- ⁷³ Аверченко А. Отдых на крапиве. Рассказы. Варшава, изд-во «Добро», 1924, с. 6.
- ⁷⁴ Erzähler. — *Prager Presse*, 1922, 25 Juni.
- ⁷⁵ *Новый Сатирикон*, 1915, № 17.
- ⁷⁶ Там же, 1916, № 4. Здесь рассказ напечатан под названием «Об Уточкине».
- ⁷⁷ Б.Б. Аркадий Аверченко. Отдых на крапиве. Рассказы. Варшава, изд-во «Добро». — Рец. в газете *Рижский курьер*. — Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Б.К. Рецензия на книгу «Отдых на крапиве». — *Руль* (Берлин), 1924.
- ⁸⁰ Аверченко А. Пантеон советов. Берлин, изд-во «Арбат», 1924, с. 5.
- ⁸¹ Вырезка из газеты без названия и числа. Фельетон датирован: март 1924. — *Архив Аверченко*.
- ⁸² *Новый Сатирикон*, 1915, № 16; 1916, № 52 и 1917, № 2.
- ⁸³ Там же, 1916, № 49.
- ⁸⁴ Fünf Geschichten für den Leser. — *Prager Presse*, 1922, November (№ 317).

- ⁸⁵ *Новый Сатирикон*, 1913, № 26.
- ⁸⁶ Аверченко А. Рассказы циника. Прага, изд-во «Пламя», 1925, с. 7.
- ⁸⁷ Этот рассказ впервые был опубликован в *Сатириконе*, 1913, № 17. В *Новом Русском Слове* (Нью-Йорк) напечатан в 1924 г., 12 октября.
- ⁸⁸ Первый напечатан в *Новом Русском Слове* (Нью-Йорк), 1924, 3 августа, а второй — там же, 1924, 17 августа.
- ⁸⁹ *Руль* (Берлин), 1924, 30 апреля.
- ⁹⁰ Б. [Бельговский К.П.] Аверченко о самом себе. — *Эхо* (Берлин), 1924, 2 марта.
- ⁹¹ Стыкалин С.И. и Кременская И.К. Советская сатирическая печать 1917—1963. М.—Л., Государственное издательство политической литературы, 1966, с. 234.
- ⁹² Б. [Бельговский К.П.] Указ. соч.
- ⁹³ Перевод на русский язык начала статьи: «Tagesbericht. Arkadij Awertschenko in der „Prager Presse“». — *Prager Presse*, 1922, 16 September (№ 254).
- ⁹⁴ Awerschenko A. Die Tschechen. — *Prager Presse*, 1922, 26 September (№ 264).
- ⁹⁵ Awerschenko A. Wie man in Prag zu einem Zimmer kommt. — *Prager Presse*, 1922, 6 Oktober (№ 274).
- ⁹⁶ Awerschenko A. Mein Schüler. — *Prager Presse*, 1922, 8 Oktober (№ 276).
- ⁹⁷ Awerschenko A. Die grausigste Spelunke Prags. — *Prager Presse*, 1922, 30 November (№ 329).
- ⁹⁸ Awerschenko A. Im Lichte des gesunden Menschenverstandes. — *Prager Presse*, 1923, 21 Februar (№ 50).
- ⁹⁹ Arkadij Awertschenko gestorben. — *Prager Presse*, 1925, 12 März (№ 70).
- ¹⁰⁰ Belgovskij K. Die letzten Tage Arkadij Awertschenkos. — *Prager Presse*, 1925, 13 März (№ 71).
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Das Begräbnis Awertschenkos. — *Prager Presse*, 1925, 15 März, (№ 73).
- ¹⁰³ Куприн А.И. Аверченко и «Сатирикон». — *Сегодня* (Рига), 1925, 29 марта.
- ¹⁰⁴ Когда в 1911 году в издательстве М.Г. Корнфельда было выпущено собрание сочинений Марка Твена на русском языке, вступительную статью для этого издания написал Аверченко, озаглавив ее «Певец здравого смысла (несколько слов о Марке Твене)». Объявление об этом: *Сатирикон*, 1911, № 44, с. 10.
- ¹⁰⁵ De L. F. [DeLancey Ferguson]. Clemens, Samuel Langhorne. — *Collier's Encyclopedia*, 1960, vol. V, p. 178.

Часть третья

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

Глава первая

БЫТОВЫЕ ТЕМЫ: РЕАЛЬНОСТЬ И ГРОТЕСК

В современных трудах, посвященных вопросам теории комического, встречается замечание об одной особенности комического в литературе. Эта особенность есть тенденция комического находить свое проявление в произведениях таких литературных жанров, которые ограничены по своим размерам. В области драматического искусства излюбленным жанром проявления комического служит комедия, а в области эпической — недлинные произведения жанра рассказа. Вольфганг Кайзер по этому поводу говорит:

[...] so erkennt man, dass das Komische von sich aus keine besondere Disposition zu grossen Strukturen, zu Grossformen mitbringt!^{*}.

В том же смысле высказывается философ Н. Гартманн:

Es liegt nämlich im Wesen des Komischen, dass es einer breit ausgeführten Behandlung widerstrebt, also die Eigentendenz hat, sich selbst zeitlich zu begrenzen² ^{**}.

* Таким образом, признано, что комическое не сопряжено само по себе с какой-то особой склонностью к крупным структурам, к крупным формам (*нем.*).

** Комическому по его природе противопоказана чрезмерная многословность изложения; следовательно, ему свойственна тенденция ставить себе временные рамки (*нем.*).

Гартманн объясняет эту тенденцию комического его структурой, которая обусловлена устремлением к развязке, к концовке (Pointe). Произвольно задерживать наступление концовки нельзя, так как читатель тогда сам собой, как бы «с заднего хода», приблизится к проникновению в суть дела и отгадает предстоящую развязку. В таком случае комическое исчерпывает себя, и даже отдельное меткое слово, если оно есть слово лишнее, уничтожает комический эффект. Поэтому, как считает Гартманн, комические темы тяготеют к краткости своего проявления и всегда сохраняют что-то от анекдота³.

Творчество Аверченко как бы подтверждает эти соображения, так как в литературном наследии писателя преобладающее место занимают короткие рассказы и фельетоны. Именно в произведениях этих жанров проявляется талант Аверченко, и именно своими юмористическими рассказами он завоевал в России и за ее пределами славу одаренного юмориста.

Число написанных Аверченко рассказов и фельетонов — нельзя не признать — внушительно. Свыше 650 его произведений этих жанров было напечатано в журналах *Сатирикон* и *Новый Сатирикон*. В петербургский же период своей деятельности Аверченко опубликовал много произведений в других периодических изданиях и альманахах, а также в сборниках, составленных из его рассказов, не напечатанных в редактировавшихся им журналах.

Столь же плодovit Аверченко был и во время гражданской войны, и, как известно, за время своего сотрудничества в севастопольских газетах *Юг* и *Юг России* он написал для них около двухсот рассказов и фельетонов.

Наконец, писательскую деятельность Аверченко не прерывал и за последнее пятилетие своей жизни на положении эмигранта. Можно поэтому считать, что общее число рассказов и фельетонов, написанных писателем, превышает тысячу.

Точный подсчет и классификация этих произведений с точки зрения их принадлежности к жанру злободневного фельетона, политической сатиры, публицистики, или к жанру юмористического рассказа с той или иной тематикой, — могли бы составить предмет специального исследования, выходящего за рамки настоящей работы. Здесь приходится ограничиться лишь некоторыми замечаниями насчет жанрового типа произведений Аверченко и насчет наиболее характерных для его творчества приемов создания юмористического эффекта.

При этом рассмотрении произведений Аверченко будут оставлены в стороне его политико-сатирические фельетоны. Сатира, по мнению Кайзера, вообще легко может выходить за пределы художественной литературы и сближаться с тем, что называется литературой дидактической⁴.

В том же смысле высказывается Ершов, считающий, что фельетон как вид сатирической прозы «находится на стыке собственно-художественной литературы и публицистики». По мнению этого автора, в фельетоне психологический анализ заменяется публицистическим и общественно-сатирическим исследованием сущности того или иного порока, и единичный факт или отдельное лицо, выводимые в журнальном фельетоне, даже к концу такого произведения «продолжают сохранять документальную основу». В результате в фельетоне, как правило, отсутствует слияние отдельного и общего, частного и типизированного⁵.

Эти признаки сатирико-политического фельетона, отмечаемые Ершовым, присущи и дореволюционным фельетонам Аверченко, которые печатались в *Сатириконе*. Они обычно были связаны с определенными деятелями и событиями думского периода русской истории, а также с пропагандно-патриотическим направлением периодической печати эпохи войны 1914—1918 годов. Как типично злободневные и не отличающиеся качествами беллетристических произведений, эти фельетоны Аверченко для со-

временного читателя представляют скорее интерес вне-литературный. Что же касается более серьезных публицистических произведений писателя, которые им публиковались в период Временного Правительства и непосредственно после захвата власти большевиками, то они, несомненно, представляя интерес исторический и будучи показательны для эволюции политических взглядов Аверченко, были уже рассмотрены в соответствующей части настоящей книги.

В предреволюционных злободневных фельетонах Аверченко персонажами нередко выступают тогдашние думские деятели, администраторы и вообще лица, известные в петербургских официальных кругах. В этих фельетонах, не представляющих собой особого интереса для читателя, не занимающегося специально изучением политической жизни описываемого времени, изображены среди видных деятелей, например, следующие лица: Пуришкевич и Марков 2-й (фельетоны «Оружие», «Каторга», «Темное пятно»)⁶, депутат Хомяков (фельетоны «Сычевский пошехонец», «Восторженный Хомяков»)⁷, Гучков (фельетон «Жизнь замечательных людей»)⁸, Суворин («Юбилейный обед», «Депутация»)⁹, Меньшиков (фельетоны «Великий мерзавец земли русской», «Первый весенний выход Меньшикова»)¹⁰.

К той же категории фельетонов Аверченко относятся и те, в которых он выводил в карикатурном виде не конкретных современников из политического мира, а вымышленные и шаржированные образы думских деятелей, преимущественно депутатов-октябристов. Сюда относятся такие фельетоны, как: «Отчет перед избирателями»¹¹, «Октябрист»¹², «Великий день»¹³, «Русская купальня»¹⁴, «17 октября»¹⁵, «Выставка октябристов»¹⁶ и другие, а также серия фельетонов о некоем Симеоне Плюмажеве, про которого советский критик Л. Евстигнеева говорит:

А. Аверченко создал сатирическую маску октябриста Симеона Плюмажева — обывателя в политике¹⁷.

Подробному рассмотрению политической сатиры сатириконцев и, в частности, самого Аверченко Евстигнеева посвящает две главы другой своей книги. Исходя из марксистского толкования предреволюционного развития в России, этот автор, говоря о *Сатириконе*, делает заключение, что «начиная с 1911 г., *Сатирикон* сам начал явно слепнуть, терять социальные ориентиры»¹⁸, а позицию *Нового Сатирикона* характеризует следующими словами: «Дух социального протеста и просто резкая критика постепенно исчезли в *Новом Сатириконе*». Эволюция этого журнала, по мнению Евстигнеевой, привела к тому, что он «становился похожим на рядовое буржуазное издание»¹⁹.

Даже после «вынесения за скобки» определенной части литературного наследства Аверченко — его политико-сатирических фельетонов, — точное и сжатое определение тематики его остальных беллетристических произведений встречает немалые затруднения. Причина этого — многообразие тем в рассказах писателя и широта охвата жизненных явлений, какие нашли отражение в его произведениях. Это обстоятельство сразу же было отмечено в критической статье Вячеслава Полонского, посвященной обзору сборников рассказов Аверченко. Полонский, между прочим, писал:

И что всего пленительнее — это удивительное разнообразие сюжетов, неистощимая фантазия, находчивость, изобретательность, рискованность — и все это непридуманно, и все с замечательной легкостью, и редким талантом, и большой убедительностью, а главное — весело, смешно и остроумно²⁰.

Такое же впечатление оставил один из этих сборников — «Веселые устрицы» — и на другого рецензента, собрата Аверченко по юмористическому перу, Влад. Азова, который отметил:

Темы рассказов г-на Аверченко очень разнообразны. В каждом доме есть смешное, надо только уметь его найти. А этим даром — находить смешное, извлекать его на свет Божий, — г-н Аверченко обладает в совершенстве²¹.

Оба отзыва о сюжетном разнообразии рассказов Аверченко были написаны в 1910 году, то есть всего лишь через два года после того, как он приехал в Петербург. Затем последовали дальнейшие годы не менее плодотворной писательской деятельности Аверченко. Подводя итог всей этой творческой работе уже в 1960-х годах, Михайлов отзывается о рассказах писателя почти так же, как это сделали его дореволюционные коллеги-критики. Михайлов пишет об Аверченко:

С легкостью фокусника извлекает молодой писатель остроумные сюжеты, он готов, кажется, создавать рассказы «из ничего» и напоминает своей богатой выдумкой сотрудника «Стрекозы» и «Будильника» Антошу Чехонте²².

При всем богатстве тематики рассказов Аверченко и разнообразии художественных приемов юмориста, можно различить две основные группы его коротких произведений.

Первая группа — это бытовые рассказы и юморески, сюжеты которых навеяны наблюдениями за окружающей жизнью. На эту сторону творчества Аверченко особо обратил внимание Куприн, отметивший в своей речи памяти писателя, что русская литература потеряла в лице Аркадия Аверченко «самобытного и неподражаемого изобразителя русского быта»²³.

Об этом же писал Потемкин:

Аверченко сумел найти живые источники юмора в быте, новые методы выявления его в литературе²⁴.

Вторая группа — рассказы, в основу которых положен комизм ситуаций и характеров, не обязательно почерпнутых из действительной жизни, но зачастую созданных фантазией автора. Это — парадоксальные эпизоды, также как и возможные варианты жизненных несуразностей, пригодные для сюжета занимательного и смешного рассказа. Эту вторую группу рассказов Аверченко можно удобно, хотя и в известной степени условно, объединить под общим наименованием «гротески».

Говоря о первой группе рассказов Аверченко, то есть о его бытовых рассказах, уместно привести мнение, высказанное еще до первой мировой войны чешским литературоведом и переводчиком произведений русского писателя на чешский язык Винценцем Червинкой. В своей статье «Аверченко и его школа» Червинка отмечает тесную связь рассказов юмориста с повседневной жизнью. По мнению чешского критика, Аверченко чутко откликается на наблюдаемый им процесс социального расслоения городского общества и избирает любимой мишенью своего юмористического творчества горожан и их быт²⁵.

Эти соображения чешского критика сохраняют свою силу и соответствуют тому, что в наше время говорит Михайлов, а именно: «Быт города — вот главный герой Аверченко»²⁶. При этом Михайлов подчеркивает, что в рассказах писателя особенно заметно отражается жизнь большого столичного города, каким был Петербург начала нашего столетия. Бурное вторжение промышленного прогресса и сопровождающих его новинок в жизненный обиход — характерная особенность быта и жизни многолюдной столицы России в десятилетие, предшествовавшее возникновению первой мировой войны. Это сказывается на сюжетах рассказов Аверченко:

Здесь каждая малость, каждая новинка быта становится для Аверченко источником неиссякаемой изобретательности и юмора. Граммофон? Извольте — рассказ «Дорогой подарок» — весьма ценный совет, как избавиться от невыносимо шумного приобретения. Телефон? Пожалуйста — «Магнит» — о бытовых мучениях, причиняемых техническими новшествами. Автомобиль? Из рассказа «Клусачев и Туркин» следует, какие трудности ожидали пятьдесят лет назад желавшего приобрести новый верх для легковой машины²⁷.

Наряду с техническими нововведениями и изменением темпа и уклада жизни в столице, ее быт продолжал сохранять и старые, привычные черты, роднившие его с образом жизни русской провинции. По-прежнему соблю-

дались традиционные обычаи хлебосољства и приемы гостей по случаю больших церковных праздников. Пасхальные визитеры, масленица и блины не раз служат сюжетом для рассказов Аверченко, один из которых так и озаглавлен — «Широкая масленица»²⁸.

Герой этого рассказа, Кулаков, пригласивший на блины гостей, задумывает сэкономить на расходах по угощению. С этой целью он уговаривается с хозяином гастрономического магазина:

— Шесть с полтиной? С ума сойти можно! Мы, Михайло Поликарпыч, сделаем тогда вот что... Вы мне дайте коробку зернистой в фунт, а завтра по весу обратно примете... Что съедим — за то заплачу. У нас-то ее не едят, а вот гость нужный на блинах будет, так для гостя, а?

Такова краткая завязка рассказа, а за ней следует само действие. Оно представляет собой сцену-диалог между хозяином и «нужным» гостем у закускогого стола в квартире Кулакова. Кулаков старается изо всех сил угостить гостя так, чтобы тот съел как можно меньше изысканных закусок и выпил как можно меньше дорогих напитков. Но гость обводил стол, по выражению автора, «опытным взором», от которого, конечно, не ускользнула заветная банка с икрой. Все попытки хозяина отвлечь внимание гостя от икры ни к чему не приводят: гость упорно налегает на этот деликатес, называя его ласково то «благороднейшей дамой», то «брюнеточкой». Кулаков, расстроенный пристрастием гостя к икре, пытается незаметным образом отодвинуть банку с угощением, но и этот маневр ему не удается:

Гость тупо посмотрел на стол и удивленно воскликнул:
— Чорт возьми! Икра, как живая. Я ее придвигаю сюда, а она отодвигается туда... Совершенно незаметно!

Упорная скрытая борьба между гостем и хозяином наконец заканчивается полным поражением последнего. Отказываясь от подсовываемого ему хозяином более дешевого напитка — водки, гость выпивает одну рюмку

дорогого коньяку за другой и с наслаждением продолжает налегать на икру. Когда он извлекает из банки большой столовой ложкой последние остатки икры, Кулаков, измученный бесплодными попытками спасти содержимое банки, истерически хохоча и плача, грохнулся на диван. Автор заканчивает юмореску словами:

Выпучив в ужасе и недоумении глаза, смотрел на него гость, и рука с последней ложкой икры неподвижно застыла в воздухе.

Приверженность петербуржцев к старому обычаю отмечать праздники обильным угощением с соответствующей выпивкой послужила сюжетом для юморески Аверченко «Пьяный»²⁹.

Эта юмореска — картинка ночного Невского проспекта, по тротуару которого бредет, направляясь к себе домой после обильных возлияний, некий господин.

Подписанная одним из псевдонимов Аверченко — «Медуза-Горгона», — юмореска имела большой успех и, по-видимому, была одним из первых произведений писателя, переведенных на немецкий язык. Под названием «Es summt» юмореска была напечатана в берлинском юмористическом журнале *Lustige Blätter*, без ведома и разрешения автора, за подписью какого-то Фридриха Кранца³⁰.

Михайлов, отмечая, что перед читателем рассказов Аверченко открывается «пестрый людской цирк», так определяет его участников:

Самодовольные обыватели, кутилы, шарлатаны от искусства, тошнотворные добряки, благородные воры, тупицы городовые, лукавые жены³¹.

Самодовольные обыватели не раз смешат читателя своей атрофией способности критически относиться к самим себе и своим пристрастием подмечать слабости и недостатки в окружающих, осуждать и оговаривать их, в то же время совершенно забывая о «бревне в собственном глазу».

Компания таких обывателей-сплетников выводится в рассказе Аверченко «Четверг»³². Четверг — это день, когда у госпожи Пылинкиной собирается общество на еженедельную «чашку чаю», на которую она обычно приглашает и двух закадычных приятелей: Ляписова и Андромахского. Ляписов заезжает к своему приятелю, чтобы напомнить ему о «четверге» и совместно с ним отправиться к Пылинкиным. Андромахский говорит, что он не испытывает особого желания идти на журфикс, ему претят пошлость и условности, соблюдаемые на таких вечерах, и бессодержательность и шаблонность разговоров, которые будут вести хозяйка дома и ее гости. По словам Андромахского, ему очень хотелось бы в ответ на один из ничего не значащих, глупых вопросов хозяйки, с которыми она обращается к приходящим гостям, сказать откровенно, что он думает, даже если бы эта правда звучала грубо и обидно. Но Ляписов сомневается в том, что Андромахский сможет сказать хозяйке дома то, что он на самом деле думает, и последний принужден признаться приятелю: «Конечно, не скажу. В том-то и ужас, что не скажу».

Оба приятеля отправляются в назначенный час к Пылинкиным. Хозяйка их любезно встречает, и они общаются с ней принятыми в таких случаях вежливыми, но бессодержательными фразами, и затем принимают участие в разговоре собравшихся гостей. Вечер проходит по предписанному для подобных «чашек чаю» ритуалу: шаблонно, скучно и во многих отношениях лицемерно, именно так, как предстоящий журфикс Андромахский заранее саркастически описал своему приятелю.

Посидев у Пылинкиных положенное время, Андромахский распрощался с хозяйкой дома и вышел из гостиной. Автор замечает:

Ласковая, немного извиняющаяся улыбка бродила на лице Андромахского до тех пор, пока он не вышел в переднюю. Когда нога его перешагнула порог — лицо его приняло выражение холодной злости, скуки и бешенства. Он оделся и вышел...

Захлопнув за собой дверь, Андромаский остановился на полутемной площадке лестницы и прислушался. До него явственно донеслись голоса: его приятеля Ляписова, толстой дамы и мадам Пылинкиной.

Оказалось, что на лестничную площадку выходило небольшое, узенькое окно из гостиной Пылинкиных. Всякое слово, сказанное там, было так отчетливо слышно, что Андромаский легко уловил свою фамилию. Он остановился, прислонившись к перилам, и стал слушать. Оживленный разговор шел о нем, причем Ляписов рассказывал о своем приятеле какие-то нелестные небылицы, а к этим измышлениям Ляписова какой-то гость, прежде никогда не встречавший Андромаского, от себя добавлял о нем всякие несуразные истории.

Разговор смолк, и Ляписов, распрощавшись с хозяйкой, вышел из квартиры на площадку. К своему большому удивлению он увидел там Андромаского. «Т-сс», — прошептал последний. «Слушайте! Это очень любопытно...» Теперь пришла очередь Ляписова услышать разговор о себе, также наполненный злостными сплетнями и небылицами.

Вскоре еще один гость, сперва испуганный присутствием Андромаского и Ляписова на полутемной площадке лестницы, присоединяется к ним и тотчас же получает возможность выслушать нелестные отзывы и комментарии хозяйки дома и некоторых гостей о нем.

Трое подслушивавших после взаимных упреков и обвинений во вранье, забыв свои обиды и претензии друг к другу, приглушенными голосами принимаются за обсуждение недостатков и пороков хозяйки дома и ее гостей, все больше оживляясь и совершенно забыв о том, где они находятся. Слова их доносятся до хозяйки, провожающей других гостей. Концовка рассказа гласит:

Госпожа Пылинкина кашлянула, сделав вид, что вышла только сейчас, и с деланным удивлением сказала: — А вы, господа, еще здесь! Заговорились? Не забудьте же — в будущий четверг!

Мелкие человеческие слабости, недостаток искренности, теплоты и действительной, а не показной заинтересованности друг в друге, наблюдаемой во взаимоотношениях людей, — служит сюжетом многих рассказов Аверченко. Показателен в этом смысле рассказ «День человеческий»³³.

В этом рассказе автор, рисуя ряд сцен из привычной жизни городского обывателя, с грустью отмечает факт: «сколько в жизни ненужного». Против этого ненужного и привычно-бессодержательного, якобы заполняющего жизнь среднего человека, пытается восстать герой рассказа.

Дома, рано утром, пока его жена еще спит, герой рассказа, от лица которого ведется повествование, в своей столовой пьет чай с теткой жены. Тетка не может удержаться от ненужных и бессодержательных замечаний, которые его раздражают и на которые он подает реплики, обижающие тетку и приводящие к тому, что на несколько минут воцаряется молчание. Автор говорит:

Но ей трудно молчать. Хотя она обижена, но я вижу, как под ее толстым, красным лбом ворочается тяжелая, беспомощная, неуклюжая мысль: что бы сказать еще? — Дни теперь стали прибавляться, — говорит, наконец, она, смотря в окно.

Слова тетки раздражают героя рассказа, и он отзывается об этом замечании как о «редком наблюдении». Это обижает тетку и она называет своего собеседника грубияном. Картинка утреннего чаепития заканчивается словами:

Да я и не грубиян вовсе. Зачем вы сочли необходимым сообщить, что дни прибавляются? Все, вплоть до маленьких детей, хорошо знают об этом. Оно и по часам видно, и по календарю, и по лампам, которые зажигаются позднее.

Тетка плачет, тряся жирным плечом.

Я одеваюсь и ухожу из дому.

На улице наш герой встречает двух знакомых, которые, подобно ему самому, спешат на службу, но считают

своим долгом обменяться с ним ничего не значащими фразами, нисколько не интересуясь тем, что в действительности, в ответ на эти фразы, их собеседник хотел бы сказать по существу.

В течение дня герою рассказа пришлось быть на поминальном обеде. За столом, уставленным бутылками, закусками и тарелками, вдова покойного и многочисленные его знакомые — как близко знавшие его, так и такие, которые о нем имели лишь отдаленное представление, обмениваются шаблонными фразами, приличествующими случаю. Автор описывает сцену, происходящую за столом:

Толстый господин утирает слезу (сейчас он отправил в рот кусок ветчины с горчицей) и спрашивает:

— А сколько дорогому покойнику было лет?

— Шестьдесят.

— Боже! — качает головой толстяк. — Жить бы ему еще да жить.

Эта классическая фраза рождает еще три классические фразы:

— Бог дал — Бог взял! — профессиональным тоном заявляет лохматый священник.

— Все под Богом ходим, — говорит лиловая женщина.

— Как это говорится: все там будем, — шумно вздыхая, соглашаются два гостя сразу.

— Именно — «как это говорится», — соглашаюсь я.

Под вечер наш герой попадает на вечеринку. Здесь он становится свидетелем такой сцены: семь гостей окружают бледную, по словам автора, «истощенную несбыточными мечтами» барышню и, настойчиво наступая на нее, упрашивают ее спеть:

— Да спойте!

— Право же, не могу...

— Да спойте!

— Уверю вас, я не в голосе сегодня!

Отмечая по этому поводу, сколько в жизни ненужного, автор говорит, что сначала можно было подумать,

что просившие очень хотели, чтобы барышня спела, а она не хотела петь. На самом же деле было наоборот: никто не добивался ее пения, а она, по его выражению, «безумно, истерически хотела спеть своим скверным голосом плохой романс». Сделать это ей и удалось; пока барышня пела, гости шептались и посмеивались и притихли только на последней ноте. Не дав гостям зааплодировать и похвалить барышню, герой рассказа, по его словам, «воспользовался минутой предварительного оцепенения» и выразил вслух свое откровенное мнение, сказав:

Да... Неважно, неважно. Слабовато. Вы действительно, вероятно, не в голосе.

«Перед сном» — называется последняя сценка рассказа, в которой происходит короткий разговор героя рассказа с женой, после того, как он пришел домой. Жена встретила его упреками за то, что он утром обидел тетку. Попытки разъяснить жене, что тетка докучает ему своими замечаниями и разговорами — не увенчались успехом. Наш герой в заключение говорит:

Жена плачет, и день мой заканчивается последней, и самой классической, фразой:
— Все вы, мужчины, одинаковы.

На рассказ «День человеческий» ссылается академик В.В. Виноградов в своей статье о стилистике современной советской литературы. По мнению Виноградова, обиходно-бытовая речь «кишит застывшими формулами». Они подобны стандартным ярлыкам, прочно припаянным к определенным ситуациям повседневной жизни и только с формально-грамматической точки зрения похожи на предложения. На самом же деле они ничего не сообщают и субъективно ничего не выражают. На это и обратил внимание Аверченко в своем рассказе, в котором, по выражению Виноградова, «разоблачается этикетная бессмысленность и бессодержательность бытовых речевых штампов»³⁴.

К тому же типу бытовых рассказов Аверченко можно отнести еще ряд других популярных его рассказов, сюжеты которых весьма разнообразны.

Молодой студент переезжает на новую квартиру и приглашает к себе нескольких приятелей-студентов отпраздновать новоселье. Бесшабашное и шумное веселье компании гостей продолжается до позднего часа и имеет последствием настоящий разгром новообставленной чистой квартиры хозяина вечеринки. На следующий день вечером он опять приходит к своим товарищам, участникам веселой пирушки накануне, с новым приглашением на новоселье. Дело в том, что хозяйка ему уже утром отказала в квартире (рассказ «Новоселье»)³⁵.

Пианист Зоофилов, отправляясь в концертное турне во время сильных морозов, занял у своего знакомого Трупакина волчью шубу. О своем человеколюбивом поступке Трупакин без устали рассказывает по всему городу. Вскоре поэтому о шубе, которую пианист надевает во время своих поездок, говорят не иначе, как о «трупакинской шубе». Постоянное упоминание в его присутствии об этой «трупакинской шубе» так надоедает пианисту, что он поддается желанию поскорее от шубы отделаться и продает ее татарину. Узнавший об этом Трупакин не перестает сетовать на людскую неблагодарность (рассказ «Волчья шуба»)³⁶.

Мелкий чиновник Стряпухин при встречах с автором удивляет и раздражает его своей непоколебимой верой во всевозможные приметы. Убежденный в том, что коллекция из одиннадцати слонов непременно должна принести ему счастье, Стряпухин приступает к приобретению довольно дорого стоящих фарфоровых слонов, несмотря на ограниченность своих средств. Однако эта коллекция не поправляет дел Стряпухина. Наоборот, ряд несчастий обрушивается на его голову и, к тому же, его денежные дела приходят в полное расстройство. И все-таки это не излечивает Стряпухина от суеверия. При очередной встрече с автором, который не скупится на на-

смешливые замечания насчет примет, неудачный коллекционер слонов неуклонно продолжает обсуждать с ним вопрос: не следует ли ожидать удачи от собирания слонов в ином количестве или другого рода фигурок («Одиннадцатый слонов»)»³⁷.

Автор говорит, что ему неудобно повторять азбучные истины, и все же это необходимо. Например, когда какого-либо человека характеризуют лишь указанием, что он родственник того-то или тех-то. По определению автора, родственник — это человек не «сам по себе», а ничтожное и безличное существо, которое на окружающих действует удручающе и «замораживающе». Такие люди — «родственники» — считают для себя обязательным время от времени, особенно на большие праздники, вас «навестить». При этом подобные визитеры-родственники своими бессодержательными и нудными расспросами и репликами наводят скуку и тоску на любое общество. Автор рекомендует читателю «гнать их в шею», чтобы они одумались, перестали быть только «родственниками» и стали людьми «сами по себе» (рассказ «Краснолапы»)»³⁸.

Степа, бедный молодой человек, приходит к своему состоятельному, но скуповатому дяде, чтобы поздравить его с праздником. Дядя приглашает племянника остаться на званый обед с тем, чтобы Степа оказал ему услугу. Когда к концу обеда подадут жареную индейку, племянник должен будет громко воскликнуть: «Зачем же нарезать индейку — и так уже все сыты!» За столом Степа разыгрывает свою роль согласно уговору, и когда при виде торжественно внесенной индейки он предлагает, чтобы ее напрасно не нарезали и унесли, гости молчат, тем как бы соглашаясь с ним. Но дядя, изображая радушного хозяина, все же еще раз предлагает отведать индейки, упомянув при этом, что она «с каштанами». Тут Степа, никогда в жизни не евший индейки с каштанами, не выдерживает и во всеуслышание заявляет, что в таком случае он не отказался бы от кусочка. Один за другим гости следуют примеру племянника и высказывают же-

вание попробовать индейки. Дядя принужден нарезать кусок за куском, пока от индейки не остались лишь жалкие остатки (рассказ «Индейка с каштанами»)³⁹.

В связи с помещением рассказа «Новоселье» в 1965 году в советском еженедельнике *Неделя*⁴⁰ писатель-юморист Аргус отметил в одном из своих фельетонов факт возрождения интереса к произведениям Аверченко в Советском Союзе и о самом рассказе высказал следующее мнение:

Рассказ Аверченко, действительно, свежий и почти современный; трудно поверить, что он был напечатан полвека (а может быть и больше) тому назад⁴¹.

Рассказы «Индейка с каштанами» и «Волчья шуба» в немецком переводе вошли в два сборника рассказов Аверченко на немецком языке, изданных в начале 1960-х годов, причем сборники получили свое название соответственно по этим двум рассказам⁴².

К числу бытовых рассказов Аверченко можно отнести и его очерк «Семь часов вечера»⁴³, о котором один из критиков в свое время сказал, что в нем зазвучали какие-то новые для писателя нотки. Автор очерка начинает его с описания своеобразно-томительного настроения, которое подчас охватывает человека:

Иногда мы, большие, взрослые люди, бородатые, усатые, суровые, с печатью важности на лице, вдруг ни с того, ни с сего становимся жалкими, беспомощными, готовыми расплакаться от того, что мама уехала в гости, а нянька ушла со двора, оставив нас в одиночестве в большой полутемной комнате.

Жалко нам себя, тоскливо до слез, и кажется нам, что мы одиноки и заброшены в этом странно-молчащем мире, ограниченном четырьмя сумрачными стенами.

В такие часы одиночества внешний мир врывается в полутемную комнату лишь изредка, как бы издалека, в виде отрывочных звуков: где-то стоят рядом или этажом выше, чьи-то пальцы трогают клавиши рояля, внизу, под

окном проходят какие-то люди, и через окно до нас доносятся обрывки их разговора. По словам автора, вам тогда кажется:

Роман, драма, фарс проплыл мимо вас, а вы в стороне, вы никому не нужны, о вас все забыли... Жизнь идет стороной; вы почти как в могиле.

В один из таких вечеров в передней автора раздался звонок. Прислуга ушла, и надо было самому отворить дверь в квартиру. Незнакомая барыня в лиловой шляпке вошла в кабинет, села на стул, внимательно и долго стала осматривать автора при свете зажженных им теперь ламп и сказала:

— Вот вы какой! Как странно: читаю вас несколько лет, а вижу в первый раз.

При словах незнакомой дамы бодрое настроение возвращается к автору: он не забыт, произведения его читают, у него есть поклонницы. Но «поклонница», зашедшая к нему, оказывается глупенькой молодой дамой. Из разговора с ней быстро выясняется, что произведений писателя, с которым она пришла познакомиться, она даже и не читала, и не имеет о них ни малейшего представления. Писателя она как-то увидела в театре, и он ей, по ее выражению, «безумно понравился», и она тогда же решила с ним познакомиться. Когда разговорчивая дама, наконец, распрощалась с автором и он опять остался один, от вспыхнувшего было при ее появлении бодрого настроения ничего не осталось. Попытки автора внушить самому себе, что он ведь не одинок, что им зачитываются, что его любят и ему завидуют, — ни к чему не приводят. Он гасит огни, падает ничком на диван, закусывает зубами угол подушки и чувствует:

Одиночество, уже грозное, уже суровое — как рыхлая могильная земля, осыпая, покрывает гроб, — осыпалось и покрыло меня.

Воцарившаяся снова тишина по-прежнему лишь изредка прерывается приглушенными аккордами рояля и

долетающими через окно отрывками фраз прохожих. Аверченко заключает свой очерк словами:

Опасно, если в такой вечер близко бритва лежит. Зарезаться можно.

В такой же тональности щемящей тоски и ощущения одиночества, в котором находит себя человек, окруженный равнодушными и пошлыми людьми, написан короткий рассказ Аверченко «Окружающие»⁴⁴.

Он начинается словами автора о том, что один человек решил жениться. Свое решение он по очереди сообщает матери, любовнице, горничной, прохожему и другу. Содержание рассказа составляют краткие диалоги героя рассказа с перечисленными людьми, его близкими и окружающими.

Мать, узнав о решении сына, сперва всплакнула, но сейчас же затем поинтересовалась узнать, получит ли он за избранницей своего сердца приличное приданое.

Любовница, которой герой рассказа сообщил о том, что теперь им придется расстаться, тоже постаралась выяснить материальное положение своей «соперницы» и, услышав, что эта девушка, кажется, богатая, как будто успокоилась. Ее утешила мысль, что он оставляет ее из-за денег: «Кажется, что это не так обидно».

Горничная, узнав от барина о его предстоящей женитьбе, осведомилась лишь о том, нужно ли ей искать нового места или она сможет остаться. В последнем случае, как объявила горничная, «имейте в виду, барин, что ежели вас двое, то жалованье тоже другое».

Прохожий, подвернувшийся на улице, был навеселе, но его полупьяное лицо располагало к себе, и наш герой не удержался от того, чтобы и ему рассказать о своем намерении жениться. Но прохожий, успев только коротко сказать: «И дурак!», затерялся в толпе.

Ни мать, ни любовница, ни горничная, ни, наконец, прохожий, как с грустью замечает автор, не спросили героя рассказа: «А любит ли тебя твоя будущая жена?»

Лишь друг был тем, кто все же задал этот вопрос,

когда он узнал о предстоящей женитьбе героя рассказа. Но услышав в ответ: «Не знаю. Думаю, что не особенно», друг осведомился о том, красивая ли будущая жена? И получив утвердительный ответ, друг довольно безразличным тоном пробормотал: «Тогда конечно... В общем, я думаю: отчего бы тебе и не жениться?»

На этом заканчивается цикл диалогов, которые ведет герой рассказа — человек, решивший жениться, — с окружающими его людьми, и автор заключает свой очерк словами:

Холодно и неудобно живется нам на белом свете.
Как тараканам за темным выступом остывшей печи.

Как побороть холодную отчужденность людей друг к другу, как придать человеческим взаимоотношениям больше теплоты и внести в жизнь уют, — вопросы, не перестававшие занимать Аверченко. К ним он возвращается и в своем автобиографическом рассказе «Быт»⁴⁵.

В этом рассказе автор вспоминает о том, как четыре года назад он приехал в Петербург «искать счастья», и как он в первые дни своего пребывания в столице пошел закусить, по его словам, в «один из самых больших и фешенебельных ресторанов». Когда автор сел за столик, на него пахнуло, по его выражению, «суровостью и враждебностью незнакомого места». В ресторане все не понравилось автору: ни публика, показавшаяся ему неприветливой и даже враждебной, ни официанты, производившие впечатление необщительных и замкнутых людей, ни, наконец, метрдотель с его слишком величественным видом. В этой неудобной обстановке у автора промелькнула мысль:

Господи! Как мало в человеческих отношениях простоты, сердечности и уюта. Ведь они все такие же люди, как я; почему же они все так накрахмалены? Чужды? Страшны?

Первое посещение известного ресторана оказалось для автора во всех отношениях неудачным. Он хотел заказать завтрак, но ему объяснили, что завтраки подают

только до определенного часа, а теперь уже на пятнадцать минут позже. Можно, конечно, заказать какое-нибудь блюдо «порционно», но такого заказа придется ждать довольно долго. Выслушав эти сухие пояснения метрдотеля, автор встал и обескураженный ушел, давая себе слово больше не заглядывать в этот чопорный ресторан.

Автор не помнит, как это случилось, что именно этот же ресторан стал его излюбленным местом, где он каждый день завтракает, почти каждый день обедает и часто ужинает. Он теперь завсегдатай ресторана, и швейцар, высаживая его из извозчика, приветствует его по имени-отчеству. Другой швейцар, снимая с него пальто, занимает его разговором о погоде и сообщает, кто из знакомых посетителей ресторана уже справлялся о нем. В зале ресторана его приветливо встречает официант, дает ему хороший столик и, подавая карточку блюд, ласково осведомляется, будет ли заказ произведен «традиционно». Буфетчик уже заранее знает, какую закуску подать и какого сорта водочкой наполнить «традиционную» рюмку. И официант, и буфетчик, и подошедший затем к столу метрдотель величают автора по имени-отчеству, обслуживают его приветливо и ласково, как близкого человека. Описание сцены привычного посещения ресторана Аверченко заключает словами:

И все, что окружает меня в этом ресторане, дышит таким уютом, таким теплом и прочной лаской, что чувствуешь себя, как дома, как в собственной маленькой столовой.

Величественный метрдотель, от которого веяло таким холодом при первой встрече, вспомнился автору в связи с другим случаем, происшедшим с ним в первые годы жизни в Петербурге, когда он, в качестве главного редактора журнала, впервые подвергся административной санкции за нарушение цензурных правил.

Об этом Аверченко пишет в рассказе:

Когда меня впервые оштрафовали за какую-то заметку, я пережил несколько очень тягостных, неприятных часов.

Так было странно и неудобно, когда утром пришел околоточный и, несмотря на то, что я еще спал, потребовал, чтобы его провели ко мне.

Узнав, что редактор еще спит, околоточный согласился подождать в приемной. Когда, наспех одевшись, автор вышел к нему в приемную, он узнал от околоточного, что тот пришел взыскать с него штраф. Как дальше пояснил околоточный, в случае, если штраф не будет уплачен, «я обязан доставить вас на предмет ареста». Все это было сказано сухо и официально, и не прозвучало, как говорит автор, «ни одной сердечной нотки... ни одного знака сочувствия». Подобно метрдетелю, когда-то отказавшему автору в завтраке из-за пятнадцатиминутного опоздания, и околоточный теперь предстал перед ним, по словам автора, как «суровый, безжизненный, холодный гранит!»

Но и в соприкосновении с администрацией привычка и более близкое знакомство друг с другом взяли свое, и Аверченко говорит, что постепенно он в полиции стал «своим человеком». Он описывает установившиеся отношения, согретые человеческим сочувствием и пониманием:

Околоточный входит ко мне утром в спальню (он милый человек, и я его не стесняюсь), потирает руки и делает несколько веских замечаний о погоде.

— Собачья погода. Снегом совсем запорошило. Теперь в наряде стоять — одна мука. Здравствуйте, Аркадий Тимофеевич!

— А! Мое почтение, Семен Иванович. Ну, что?

Он улыбается.

— Традиционно!

Последнее замечание околоточного относится к причине его посещения — взысканию штрафа за какое-то очередное нарушение редактором цензурных постановлений. Автор отмечает, что теперь при виде знакомого околоточного он уже не испытывает тягостного и неприятного чувства живого человека перед мертвой гранитной скалой. По выражению автора, «тепло, дружба и уют»

постепенно и незаметно установились в его взаимоотношениях с околоточным. Это находит выражение в тоне и содержании разговора, который происходит в спальне редактора после того, как он обменялся первым приветствием с ранним посетителем из полицейского участка.

Редактор в недоумении, не понимая, за что именно его могли оштрафовать, и слышит в ответ добродушное увещание околоточного:

— За что! Уж они найдут за что. Да вы бы, Аркадий Тимофеевич, послабже писали, что ли. Зачем так налегать... Знаете уж, что такая вещь бывает — пустили бы пожиже. Плетью обуха не перешибешь.

Разговор продолжается в том же взаимно сочувственном тоне, и редактор узнает от околоточного, что последний вполне понимает, какой он, Аркадий Тимофеевич, хороший человек и какая у него тяжелая «должность» и как ему, околоточному, «неприятно с такими вещами приходиться». От предложенного стакана чаю околоточный отказывается: ему надо спешить домой к жене, которая утром обварила кипятком руку... В конце концов с околоточным редактор уславливается, что он сам в течение дня заедет в участок и там договорится с Ильей Константиновичем об отсрочке уплаты штрафа до завтра. Позже, в участке, этот Илья Константинович встречает редактора, как близкого и милого знакомого, угощает его папиросами, обменивается с ним светскими новостями и обещает вернуть данные ему автором для прочтения книги через околоточного Семена Ивановича «в следующий раз».

Так, по мнению автора рассказа, простота и сердечность человеческих взаимоотношений, лишенных ненужной формальности, холодности и «накрахмаленности», скрашивают жизнь, придавая ей уют и теплоту.

Но установившаяся человечность отношений людей между собою, теплота и уют быта — состояние непрочное и недолговечное. Возникшее неожиданно или внезапно, казалось бы незначительное, обстоятельство раз-

рушительно действует на привычный и милый сердцу распорядок вещей, и снова на человека веет холодком, безучастностью и бездушным формализмом. Аверченко это поясняет в своем рассказе на следующем примере:

Однажды я, по обыкновению, разогнался в свой излюбленный ресторан, и вдруг швейцар остановил меня на пороге:

— Сегодня, Аркадий Тимофеевич, закрыто: по случаю начала ремонта.

Я заглянул в залу, и сердце мое сжалось: не было привычных столов, покрытых белоснежными скатертями, мягкого красного ковра и зелени трельяжей.

Такое же нарушение привычного распорядка вещей и установившихся приятных человеческих отношений поразило однажды автора рассказа при очередной встрече с околоточным Семеном Ивановичем, зашедшим как-то утром на его квартиру. Автор встретил околоточного ставшими уже шаблонными словами: «Садитесь. За какую статью? Сколько?» Но к своему удивлению он услышал в ответ:

— Нисколько. Я зашел, чтобы вы подписали протокол по делу столкновения моторов. Вы свидетелем были.

Такое несоблюдение ожидавшегося привычного хода вещей как-то неприятно подействовало на автора, и он говорит:

Чем-то чужим, неуютным пахнуло на меня [...] И разговор на этот раз не вязался. Мы были выбиты из привычной колеи.

Последние слова рассказа «Быт» содержат как бы формулировку взглядов Аверченко на то, что он понимает под этим словом и какую важную функцию, по его мнению, быт выполняет в жизни человека:

Когда нет быта, с его знакомым уютом, с его традициями — скучно жить, холодно жить.

Как подтверждают рассмотренные выше рассказы, едва ли можно согласиться с распространенным мнени-

ем об Аверченко как о писателе, не подмечавшем и не изображавшем серьезности жизни и чувства бесприютности земного существования человека. Такую «несерьезность» творчества Аверченко ему приписывает Михайлов, говоря:

Аверченко же остался юмористом по преимуществу, видящим лишь смешное в жизни своих героев⁴⁶.

Подобное суждение о характере творчества Аверченко в свете разобранных выше бытовых рассказов писателя производит впечатление некоей односторонности или поверхностности. Наоборот, гораздо более справедливым представляется вывод Леонида Добронравова, писавшего за два года до смерти писателя-юмориста:

Иногда Аверченко упрекали в смехе ради смеха. Это глубоко несправедливо [...] Глубокая тоска чувствуется порой в этом смехе и тем больше она, чем веселее смех⁴⁷.

К подобному же выводу приходит и безымянный критик, написавший вступительные строки к одному из сборников рассказов Аверченко на немецком языке. Этот критик говорит о русском юмористе:

Ein scharfer Verstand deckt menschliche Schwächen auf und geißelt sie mit beissendem Zynismus. Diese kritische Betrachtung der Dinge aber ist getragen von Melancholie und einer schmerzlich-zarten Liebe zum Menschen, die diesen kleinen Erzählungen den Hauch des Poetischen verleihen⁴⁸ *.

Затаенная глубокая тоска, чувствовавшаяся иногда уже в ранних произведениях Аверченко, стала в них проступать еще заметнее в последующие годы его писательской деятельности по мере того, как изменялся уклад

* Острый ум вскрывает человеческие слабости и бичует их въедливо и без всякого стеснения. Но в основе такого критического видения вещей — меланхолия и исполненная страдальческой нежности любовь к человеку, придающая этим маленьким рассказам аромат поэзии (*нем.*).

русской жизни под влиянием политических потрясений, испытываемых страной. Ряд рассказов и фельетонов юмориста Аверченко в период первой мировой войны, революции и последовавших за ней лет гражданской войны свидетельствует о нем как о бытописателе, сумевшем рассказать в свойственном ему стиле также и трагические черты современной ему эпохи.

Так, например, соприкосновение с первыми жертвами кровопролитных боев русской армии в кампанию 1914 года описано Аверченко в рассказе «Страшный Мальчик», упоминавшемся во второй части настоящей работы (см. с. 220)⁴⁹.

Завязка рассказа — воспоминания о детских и юношеских годах, которые автор проводил в Севастополе, в компании мальчишек — озорников и драчунов. Их игры и разговоры, пестрившие характерными словами и выражениями «южно-русского арго», с приходом юности изменялись, но не изменялся в глазах бесшабашной ватаги подростков авторитет одного из них. Он выделялся своей удалью и, как говорит автор, «вступал в любую драку просто, без вздохов и приготовлений», за что и получил прозвище «Страшный Мальчик». Плохо приходилось его противникам, ибо, по словам автора, «как некий грозный дуб, возвышается крепкий, смахивающий на железный болт кулак, венчающий худую, жилистую, подобно жгуту из проволоки, руку Страшного Мальчика». Каждый раз при встрече с этим удальцом Аверченко испытывал перед ним страх.

Развязка этого рассказа — неожиданно трагическая — происходит через много лет. Севастопольские мальчишки, среди которых автор вырос, тоже уже давно выросли и растеряли друг друга из виду. Наступила война и мобилизация, и вот, 12 ноября 1914 года, автора пригласили в лазарет прочесть раненым несколько своих рассказов. Он пишет:

Только что я вошел в большую, уставленную кроватями палату, как сзади меня с кровати послышался голос:

— Здравствуй, фрайер. Ты чего задаешься на макароны? Родной моему детскому уху тон прозвучал в словах этого бледного, заросшего бородой раненого.

Оказалось, что это окликнул автора Страшный Мальчик, теперь уже офицер, раненный на фронте. Встретившиеся так неожиданно Аверченко, ныне известный писатель, и бывший Страшный Мальчик, нынче отличившийся офицер, в короткой, оживленной беседе стали вспоминать свои прежние годы. Писатель не удержался от признания в том, что он в свое время не раз испытывал трепет перед мощным кулаком Страшного Мальчика. Тогда офицер молча высвободил из-под одеяла «короткий обрубок»: ему ампутировали правую руку, раненную в бою с неравными силами противника.

Автор замечает:

Я вспомнил, как он с опущенной головой и закинутой назад рукой слепо бросался на пятерых, и промолчал. Бедный Страшный Мальчик!

Когда разразилась первая мировая война, Аверченко писал в своем журнале, что его задача теперь — «запечатлеть героизм, ужас, печаль» войны, и эту сторону переживаемого времени Аверченко удалось отразить в рассказе «Страшный Мальчик». Но этот рассказ и в другом отношении может служить показательным для творчества Аверченко, для которого, по словам Юрия Терапиано, характерно свойственное вообще всему русскому юмору умение:

[...] порой незаметно для читателя переключать его из одного плана в другой, вызывать и веселый смех, и ощущение трагического¹⁰.

Постепенная дезорганизация жизни русской столицы и лишения, вызванные затянувшейся войной, разрушали прежний привычный быт, из которого все больше исчезал милый сердцу писателя уют. Аверченко отметил это в ряде своих рассказов и фельетонов, написанных накануне революции, причем для цикла этих произведе-

ний показательно название одного из фельетонов начала 1917 года — «Уют пропал» (см. выше, с. 225).

Бытовые рассказы Аверченко свидетельствуют о том, что писатель, наблюдая окружающую его повседневную жизнь, не проходил равнодушно мимо царствующих в ней неискренности, бездушности и безрадостности и умел передавать ощущение того, что он определил словами: «холодно и неуютно живется нам на белом свете».

Однако с неменьшим успехом Аверченко создавал рассказы, основанные на наблюдаемых смешных нелепостях жизни, по поводу которых не приходится сокрушаться и скорбеть, но над которыми можно беспечно и весело смеяться.

В этом смысле предреволюционный Петербург как центр литературно-художественной и театральной России, также представлял собой неиссякаемый источник, из которого Аверченко черпал сюжеты для серии своих рассказов, комическими персонажами которых выступают литераторы, журналисты, актеры и художники. В рассказах этой категории Аверченко выступал против так называемых «заумных» литературно-художественных произведений и высмеивал затейливость писаний модных литераторов, так же, как и подчас незадачливые искания нового слова в области изобразительного искусства. Одним из примеров этого рода произведений может служить популярный рассказ «Аполлон», впервые напечатанный писателем для сборника рассказов *Веселые устрицы*.

Название *Аполлон* было дано литературно-художественному журналу, редактором и основателем которого был С.К.Маковский. В своих воспоминаниях об Иннокентии Анненском Маковский говорит, что статьи Анненского подчас отличались шутливостью и что в них иногда можно было подметить «вычурности стиля», и приводит, как пример тому, фразу: «Тирсы наших менад примахались быстро...» Так начиналась, по свидетельству Маковского, статья Анненского, опубликованная в первом номере журнала *Аполлон*⁵¹.

Этот номер *Аполлона* дал Аверченко повод к написанию своего одноименного рассказа. В нем, слегка утрируя и видоизменяя отдельные высказывания авторов статей, помещенных в журнале и показавшихся ему вычурными и невразумительными, Аверченко юмористически передает впечатление, которое на него произвело внешнее оформление и содержание журнала.

Герой рассказа «Аполлон», от лица которого автор ведет повествование, рассказывает о том, как он купил в книжном магазине книгу, заинтересовавшую его своей необычной обложкой и непонятным для него названием. Приказчик объяснил, что заглавие книги написано по-гречески и значит «Аполлон». Это изумило нашего героя:

Почему журнал называется «Аполлон», а на рисунке изображена пронзенная стрелами ящерица?

Приказчик призадумался, но все же нашел способ рассеять недоумение покупателя. Аполлон, по словам приказчика, бог красоты и света, а ящерица — символ чего-то скользкого и противного... Вот она, очевидно, и пронзена богом света.

Такая замысловатость понравилась герою рассказа и про себя он решил:

Когда я издам книгу своих рассказов под названием «Скрежет», то на обложке попрошу нарисовать барышню, входящую в здание зубоврачебных курсов.

Чтение купленного журнала герой рассказа начал со статьи Иннокентия Анненского, которая, по словам автора, начиналась так: «Жасминовые тирсы наших первых менад примихались быстро...» Эта фраза расстроила героя рассказа и навела его на грустные размышления:

Мне отчасти до боли сделалось жаль наш бестолковый русский народ, а отчасти было досадно: ничего нельзя поручить русскому человеку... Дали ему в руки жасминовый тирс, а он обрадовался, и ну — махать им, пока примихал этот инструмент окончательно.

Дальнейшее содержание статьи «О современном лиризме» было не более утешительным для героя рассказа, и он не дочитал ее. Следующая статья в журнале, озаглавленная «В ожидании гимна Аполлону», пришлась ему по вкусу и сгладила неприятное чувство, оставшееся у нашего героя от чтения первой статьи. Во второй статье он прочитал:

Так как танец есть прекраснейшее явление в жизни, то нужно сплетаться всем людям в хороводе и танцевать. Люди должны сделаться прекрасными во всех своих действиях, и танец будет законом жизни.

Не менее понравилась герою рассказа и статья о театре, в которой, по его словам, высказывалась мысль, «что единственное спасение и возрождение театра в том, чтобы публика участвовала в действии наравне с актерами». Эту идею он одобрил, но многое осталось невыясненным, как например:

Будет ли публика на жаловании у дирекции театра или актеры будут уравниены с публикой в правах тем, что им придется приобретать в кассе билеты «на право игры»... И как отнесутся актеры к той ленивой, инертной части публики, которая предпочтет участию в игре — простое глаzenie на все происходящее...

Мысли, возбужденные чтением журнала *Аполлон*, произвели сильное впечатление на нашего героя, и в тот же день ему представился случай эти новые идеи о значении танца для общества и о сотрудничестве публики и актеров применить на практике. Вечером он был в гостях у знакомых. В гостиной собралось довольно многолюдное общество, которое разбилось на небольшие группы и обсуждало серьезные вопросы, как, например, вопрос о засилии бюрократии и т.п. Такое времяпрепровождение показалось герою рассказа скучным и не созвучным с новыми идеями, которые он почерпнул из статей *Аполлона*. Поэтому он предложил:

Господа! Не лучше ли нам сплестись в радостный хоровод и понестись в обетном плясе к Дионису?!

Но такое предложение не встретило сочувствия ни со стороны удивленных гостей, ни со стороны хозяина, который считал, что молодежь действительно сможет танцевать, когда будет устроен танцевальный вечер, но что солидным людям ни с того ни с сего «выкидывать козла» как-то неудобно. Попытка героя рассказа объяснить разумность своего предложения ссылками и цитатами из прочтенных в журнале статей привела лишь к тому, что хозяин дома стал его выпроваживать, говоря:

Надеюсь, что после всего вами сказанного вы сами поймете, что бывать вам у нас неудобно...

Огорченный таким оборотом дела, герой рассказа по пути домой решил зайти в театр и там попытаться применить на практике так понравившуюся ему идею об участии публики в театральном действии. В театре шел «Ревизор», и городничий как раз распекал стоявших перед ним на коленях купцов. Это дало повод нашему герою со своей стороны обрушиться на купцов и, встав со своего места и изобразив на лице возмущение, во всеулышание накричать на них. Однако, по словам героя рассказа, «идея участия публики в актерской игре еще не вошла в жизнь», и ему пришлось в конторе театра, где околоточный составлял на него протокол, отвечать на вопросы полицейского:

— Что побудило вас вмешаться в действие пьесы?..

Я попытался оправдаться:

— Тирсы уж очень примахались, господин околоточный...

— Знаем мы вас, — скептически сказал околоточный. —

Напьются, а потом — тирсы!..

Другим примером рассказов, в которых Аверченко высмеивает, с одной стороны, непонятные для рядового человека искания современных художников-модернистов, а с другой, — невразумительность суждений и оценок, даваемых этим произведениям художественными критиками и газетными рецензентами, может служить рассказ «Ихневмоны»⁵².

Сюжет этого рассказа — неудачная попытка журналиста-рецензента, героя рассказа, от имени которого ведется повествование, написать благоприятную, но, вместе с тем, правдивую заметку о выставке картин художников-«неоноваторов» под маркой «Ихневмон». Посылая героя рассказа на эту выставку, редактор газеты подчеркнул необходимость похвалить художников-новаторов, объясняя свое желание:

Неудобно, если газета плетется в хвосте новых течений и носит обидный облик отсталости и консерватизма.

Картины, которые были развешаны по стенам выставочного помещения, носили громкие и интригующие названия. Но то, что было изображено на полотнах, мало соответствовало названиям и представляло собой в большинстве случаев причудливые пятна красок, цветные узоры и правильной или неправильной формы геометрические фигуры. Трудно было определить, где верх и где низ картины, и это обстоятельство, как признался герою рассказа билетный контролер, немало огорчило перед открытием выставки багетчика, который не знал, с какой стороны картинной рамы следует приделать кольца.

Последовательно пройдя все комнаты выставки, герой рассказа подвел про себя итог своим впечатлениям:

Там висели такие странные, невиданные мною вещи, что если бы они не были заключены в рамы, я бился бы об заклад, что на стенах развешаны отслужившие свою службу приказчицы передники из мясной лавки и географические карты еще не исследованных африканских озер...

Герой рассказа колебался: как справиться с заданием, полученным от редактора, и похвалить авторов картин, скрыв при этом свои истинные чувства и истинное мнение об экспонатах выставки? Он сел на подоконник и написал рецензию, в которой, как ему казалось, «сквозила деликатность и теплое отношение к несчастным, обиженным судьбою и Богом людям», каковыми он считал художников, выставивших свои картины. Довольный со-

бой и исполненным заданием, герой рассказа вернулся в редакцию и отдал редактору рукопись рецензии. Но редактор, просмотрев врученные ему листы, не только не был удовлетворен рецензией, но даже рассердился. Усумнившись, что герой рассказа написал свою заметку всерьез, редактор объявил ему, что нельзя трактовать произведения искусства, «как крашенные полы или рисунки ситца в мануфактурном магазине». В заключение редактор сказал, что необходимо будет послать на выставку какого-нибудь другого рецензента.

Однако сделать это оказалось излишним. В кабинете редактора во время его разговора с героем рассказа присутствовал какой-то элегантно одетый молодой человек с хризантемой в петлице. Он вызвался написать заметку тут же, не побывав лично на выставке, на основании забракованной редактором рецензии. Хотя эта рецензия, по мнению молодого человека, и никуда не годится, она имеет одно качество — перечисление имен художников.

Молодой человек сейчас же принялся за работу и через некоторое время начал читать герою рассказа свою перефразировку рецензии. В ней он давал отзывы о картинах отдельных художников в той же последовательности, в какой это было сделано в неудачной заметке героя рассказа. Вот что последний услышал, сравнивая в уме свой первоначальный текст с тем, что теперь сочинил молодой человек.

Герой рассказа написал:

Обращает на себя внимание любопытная картина Стулова «Весенний листопад». Очень милы голубые квадратики, которыми покрыта нижняя половина картины... Художнику, очевидно, пришлось потратить много времени и труда, чтобы нарисовать такую уйму красивых голубых квадратиков... Приятное впечатление также производит верхняя часть картины, искусно прочерченная тремя толстыми черными линиями...

В версии молодого человека оценка картины Стулова теперь звучала по-иному:

Стулов, со свойственной ему дерзостью большого таланта, подошел к головокружительной бездне возможностей и заглянул в нее. Что такое его хитроманерный, ускользающе-дающийся, жуткий своей примитивностью «Весенний листопад»? Стулов ушел от Гогена, но его не манит Зулоага. Ему больше по сердцу мягкий серебристый Манэ, но он не служит и ему литургии. Стулов одиноко говорит свое тихое, полузабытое слово «жизнь».

В том же духе, невразумительном, но высокопарно звучащем и производящем впечатление как бы глубокого знания предмета и понимания замысла художника, были переделаны и остальные части рецензии героя рассказа. Новый текст заметки молодого человека кончался отзывом о картине художника по фамилии Бурдис, которая носила название «Легковой извозчик». По мнению героя рассказа, на этой картине был изображен «редкий момент в жизни извозчиков», когда одного из них вымазали в синюю краску, выкололи один глаз и укоротили ногу настолько, что несчастная жертва дикой шутки стоит у саней совершенно покосившись набок. Толкование этой странной картины было сформулировано молодым человеком следующими глубокомысленными словами:

Примитивный по синему пятну «Легковой извозчик» тем не менее показывает в Бурдисе творца, проникшего в городскую околдованность и шепчущего ей свою напевную, одному ему известную, прозрачную, без намеков сказку...

Прочитав вслух написанную им по-своему рецензию, молодой человек скромно сказал: «Видите... Здесь нет ничего особенного. Нужно только уметь».

Поскольку поводом для создания рассказов «Аполлон» и «Ихневмоны», очевидно, послужили наблюдения из жизни художественно-литературной среды, с которой Аверченко соприкасался, оба рассказа в известной степени могли бы быть причислены к группе его сатирических бытовых рассказов. В то же время сюжеты обоих рассказов представляют собой не столько действительные жизненные эпизоды, сколько варианты тако-

вых, созданные фантазией автора. При этом вымысел, используемый автором для создания комического эффекта, отличается теми особенностями, которые характерны для художественного приема, получившего название гротеска.

Что касается этого термина, то одно из распространенных в современном литературоведении определений гласит:

Гротеск — художественный прием в искусстве и литературе, изображение человека или картин человеческой жизни в намеренно преувеличенном или преуменьшенном, уродливо-комическом виде, где реальное в жизни переплетается с фантастическим, пугающее, страшное, с необычайно смешным и т.п.⁵³

В этом определении гротеск характеризуется исключительно как художественный прием или элемент стиля. Однако в трудах по литературоведению встречаются также высказывания, значительно расширяющие такое толкование гротеска. Так, например, об особой функции гротескного в литературных произведениях жанра короткого рассказа говорит Вольфганг Кайзер. В его книге «Гротескное в искусстве и литературе» высказывается мысль, что гротескное проявляется в романе преимущественно в виде «эпизода или единичной сцены». В то же время в произведениях, более ограниченных по размерам, как например в рассказе, гротескное может стать, по выражению Кайзера, «формозаполняющим» (*formfüllend*)⁵⁴. Следуя за Кайзером, Юрий Манн говорит, что «гротескное может быть положено в основу произведения, формировать его жанр», выступая в других случаях лишь как элемент стиля и не создавая тогда «цельной гротескной вещи»⁵⁵.

При выделении, в противоположность комическим бытовым рассказам и юморескам Аверченко, гротесков, как особой группы его произведений, и имеется в виду та жанроформирующая функция гротескного, на которую обращает внимание Юрий Манн и которая позволяет го-

ворить о некоторых литературных произведениях как о целиком гротескных.

Такое выделение собственно гротескных рассказов из числа рассказов просто юмористических имел, по-видимому, в виду также литературный критик и переводчик произведений Аверченко на немецкий язык Морис Гиршман. В своем предисловии к сборнику избранных рассказов русского юмориста на немецком языке Гиршман пишет о его «юморесках» и «гротесках», тем самым как бы противопоставляя эти два жанровых типа⁵⁶.

Провести абсолютно точную границу между произведениями, в которых гротескное изображение выступает лишь как художественный прием, и таковыми, где гротескное служит жанроформирующим началом, — едва ли возможно. В некоторых случаях нелегко бывает установить, какой именно из жанровых элементов следует признать основополагающим и господствующим. Так обстоит дело, например, с построением упоминавшихся выше рассказов «Аполлон» и «Ихневмоны».

В первом из этих двух рассказов Аверченко воспользовался реальным случаем, то есть выходом журнала *Аполлон* и конкретными вычурностями стиля некоторых помещенных в этом номере журнала статей. Цитаты из этих статей Аверченко лишь незначительно изменил или дополнил и тем самым создал первую часть своего рассказа, его завязку в виде пародии на фактическое происшествие. С другой стороны, во второй части рассказа, повествуя о поведении своего героя в гостях и в театре, автор кладет в основу хода действия вымышленную ситуацию. Ее можно характеризовать как фантастическое предположение, то есть прием, свойственный гротеску, в котором намеренно преувеличенное и утрированно комическое переплетаются с реальным.

Наличие в рассказе «Аполлон» элементов как пародийных, так и гротескных не позволяет отнести его безоговорочно к группе рассказов целиком гротескных. По-видимому, правильное всего было бы считать, что рас-

сказ «Аполлон» стоит на грани тех двух жанровых групп, которые условно были приняты как основа классификации рассказов Аверченко, и что в этом рассказе элементы сатирико-пародийные переплетаются с гротескным началом изображения действительного происшествия.

Сказанное в равной степени относится к рассказу «Ихневмоны». Хотя относительно последнего и нет прямых указаний на конкретный случай, который мог бы послужить поводом для создания сюжета рассказа, в нем заметен элемент пародии на подлинные критические обзоры, печатавшиеся о выставках художников-модернистов.

Кайзер в конце упомянутого выше исследования приходит к выводу, что в области гротескного следует различать два основных типа: фантастический и сатирический гротески⁵⁷. Последний тип гротескного и выступает отчетливо в рассказах «Аполлон» и «Ихневмоны».

К тому же жанровому типу, к которому относятся оба эти рассказа Аверченко, следует причислить также рассказы о художниках-модернистах «Крыса на подносе» и «Изумительный случай», недавно опять печатавшиеся в изданиях советской периодической печати: первый — в *Правде*⁵⁸, а второй — в журнале *Огонек*. Этот журнал предпослал рассказу краткую заметку, отмечая, что Аверченко «ядовито осмеял художников-модернистов», и ошибочно указывая, что рассказ «Изумительный случай» был написан автором в 1924 году⁵⁹.

К разбираемой категории гротесков сатирико-юмористического и пародийного характера также следует отнести рассказы Аверченко, в которых персонажами выступают или писатели и поэты — например, рассказы «От Чехова до наших дней» (*Сатирикон*, 1908, № 14), «Легенда старого озера» (*Сатирикон*, 1909, № 29), «Русалка» (*Сатирикон*, 1911, № 27), — или журналисты и редакторы, например, рассказы «История одного рассказа» (*Сатирикон*, 1908, № 35), «Последний экипаж» (*Сатирикон*, 1909, № 16), «Призвание» (*Сатирикон*, 1910, № 37)⁶⁰, «Цепная собака» (*Сатирикон*, 1911, № 29), «Красильников и мы

трое» (*Новый Сатирикон*, 1916, № 5), или актеры и режиссеры, как например, рассказы «Преступление актрисы Марыськиной» (*Сатирикон*, 1911, № 34), «Актриса» (*Новый Сатирикон*, 1913, № 21), «Исправление танцовщицы Леонарди» (*Новый Сатирикон*, 1916, № 50), «Подмости» (в сборнике *Веселые устрицы*).

Некоторые из перечисленных рассказов были переведены на немецкий язык и включены (часто под измененными названиями) в разные сборники рассказов Аверченко на немецком языке. Один из этих сборников получил свое название от рассказа «Преступление актрисы Марыськиной» — именно: «Das Verbrechen der Schauspielerin Maryskin»⁶¹.

Несомненно, гротеск выявляется в произведениях Аверченко как наиболее отличительная особенность его творчества, и именно эта особенность неоднократно отмечалась иностранными критиками. Так, «Итальянская Энциклопедия» говорит об Аверченко, что «его преобладающей тенденцией был гротеск, хотя не отсутствовали в нем и трагические нотки»⁶². Немецкий «Лексикон Мировой Литературы» отмечает, что русский писатель был «юморист и склонный к гротеску сатирик»⁶³. Американский литературовед Бернард Герни, включивший несколько рассказов Аверченко в английский перевод в свою книгу избранных произведений русской литературы, говорит о нем:

His predominant trait: a masterly grasp of grotesquerie and extravagance of situation⁶⁴ *.

Такая особенность творчества Аверченко как бы подтверждает соображения, высказанные немецким философом Фолькельтом о тенденции, свойственной юмористу, критически наблюдающему окружающую его жизнь. В своем исследовании об эстетике Фолькельт писал:

* Преобладающая черта его — мастерское понимание гротесковости и экстравагантности ситуации (*англ.*).

Кто видит мир полным ложного величия, кто замечает повсюду суетный блеск, легкомысленное тщеславие, пустые претензии, надутое чванство и хочет путем юмора разоблачить эти фальшивые ценности, — тот силою вещей приведен будет к гротескной искаженности⁶⁵.

Согласно предложенному выше делению рассказов Аверченко (с. 332), вторая группа была объединена под общим наименованием «гротески».

В качестве наиболее характерного примера, подпадающего под понятие гротеска в формулировке Кайзера, уместно привести рассказ Аверченко «Душевная драма. (Жизнь человека)»⁶⁶.

Рассказ начинается словами автора:

Начало моей печальной и трагической истории такое. В шестом этаже большого каменного дома стояли в разных позах трое лиц и вели между собой оживленный разговор.

Эти три лица были: молодая женщина, молодой человек, ее любовник, и неожиданно пришедший домой муж молодой женщины, заставший изменившую ему жену и молодого человека *in flagranti*. Взбешенный муж, выслушав оправдания жены, уверявшей его в том, что она ни в чем не виновата и что молодой человек «вскружил ей голову и увлек ее», угрожал немедленной расправой молодому господину. Последний, по словам автора, держал себя с большим достоинством и, после попыток оправдания со стороны молодой женщины, нашел лишь возможным промолвить: «Что ж... Я ничего...»

Такие слова молодого господина не утихомирили обманутого мужа, и он привел угрозу в исполнение:

Мощный мужчина в шляпе распахнул окно, выходящее на улицу, схватил в охапку не совсем тщательно одетого молодого господина и выбросил его в окно...

Очутившись в воздухе, молодой человек прошептал себе в утешение: «Ничего... Неудачи закаляют!» и полетел вниз. Пролетая мимо окон каждого из пяти этажей, молодой

господин видел через эти окна ряд сцен, представляющих собой картины тех возможностей, которые ему самому представляла его прошлая жизнь. Когда молодой человек уже пролетел мимо нескольких этажей и стал приближаться к тротуарным плитам, в его уме промелькнули картины, виденные во время падения, и в то же мгновение они сопоставились в его мозгу с отдельными этапами его жизни и неосуществленными планами ее устройства:

И вспомнил молодой господин свои давешние планы — ученья, по примеру студента пятого этажа, женитьбы на девушке четвертого этажа, мирной семейной жизни на манер виденной в третьем этаже — и тяжело сжалось его сердце.

Но в окне второго этажа он увидел господина с блуждающим взглядом и взъерошенными волосами. Он поглядывал на фотографию, стоявшую перед ним. Правой рукой он при этом писал какую-то записку, а левой прижимал дуло револьвера к своей голове. Молодому господину при виде этого предстоящего самоубийства хотелось было крикнуть: «Безумец! Остановись! Жизнь так прекрасна!» Но какое-то чувство удержало его от этого, и, как говорит автор, «жизнь дала ему суровый и бесцеремонный ответ в окне первого этажа, которого он теперь достиг».

У окна сидел молодой человек, и на коленях у него — молодая женщина, любовно обнимавшая его шею. Эту даму молодой господин, пролетая мимо окна, сразу узнал. Он видел ее на прогулке с мужем, но тот был человек постарше, с черными полуседыми кудрями, а человек, которого она теперь обнимала, был молодой и белокурый.

Эта последняя картина показала молодому господину всю эфемерность и непрочность счастья, о котором он мечтал, и он понял муки господина во втором этаже, собиравшегося застрелиться. Молодой господин решил, что после всего виденного жить дольше «глупо и мучительно», и поэтому его сердце не дрогнуло перед тем, как он разбился о камни тротуара. Слова концовки рассказа гласят:

А когда около его неподвижного трупа собрался любопытствующий народ, никому и в голову не пришло, какую глубокую и сложную душевную драму пережил за момент перед этим молодой человек!

Существует английский перевод этого рассказа под названием «The Young Man Who Flew Past», включенный в одно из американских пособий по изучению произведений жанра короткого рассказа на примерах, взятых из мировой литературы⁶⁷.

Рассказ Аверченко помещен в том разделе книги, в котором приводятся примеры рассказов гротескного и фантастического видов (Gothic and Fantastic Modes). Рассказ снабжен комментарием, и в нем отмечается факт распространенного суеверия, согласно которому в предсмертные мгновения человека перед его мысленным взором мелькают картины его жизни. Однако, согласно комментарию, не это имел в виду Аверченко. В его рассказе перед взором молодого человека по очереди разворачиваются не сцены прожитого, а картины возможностей, которые ему предоставляла жизнь. Но эти сцены, по мнению автора комментария, не являются последовательными этическими оценками представлявшихся возможностей («graded ethical opportunities»), ибо последняя картина, которую видит молодой человек, изображает ситуацию, точно такую же, какая послужила причиной его падения из окна. Молодой человек делает вывод, что, вследствие противоречий, заключающихся в представляемых жизнью возможностях, жить не стоит. И он, сдвинув брови, разбивается о камень тротуара. Как думает автор комментария, Аверченко имел в виду показать, что молодой человек в своих выводах был неправ:

The assertion implicit in the voice of narrator and in the tone of the story is that the young man was not only foolish but also wrong in his conclusions⁶⁸ *.

* Полная убежденность в голосе рассказчика и в самой тоналности рассказа заключается в том, что молодой человек был не только глуп, но и делал неправильные выводы (англ.).

Однако толкование рассказа Аверченко в том смысле, что он будто бы осуждает или порицает выводы молодого человека, пришедшего к заключению, что жить «глупо и мучительно», не вполне убедительно. Представляется, пожалуй, более правильным считать, что в своем гротеске автор скорее задался целью выразить то чувство жути, которое охватывает человека, осознавшего, что все то, что было для него своим, привычным, обыденным и близким, вдруг оказывается бессмысленным, чуждым и враждебным. Такое внезапное восприятие мира как ставшего чужим отмечает Кайзер, пользуясь при этом термином «*verfremdete Welt*». Касаясь этого явления в главе своего исследования, посвященной определению сущности гротеска, он говорит:

Das Grauen überfällt uns so stark, weil es eben unsere Welt ist, deren Verlässlichkeit sich als Schein erweist. Zugleich spüren wir, dass wir in dieser verfremdeten Welt nicht zu leben vermöchten. Es geht beim Grotesken nicht um Todesfurcht, sondern um Lebensangst^{69*}.

Этот страх жизни и есть то чувство, которое испытывает молодой господин в рассказе «Душевная драма», когда он приходит к выводу, что «жить глупо и мучительно».

Но элементы «жуткого, чуждого и нечеловеческого» (*das Unheimliche, das Verfremdete und das Unmenschliche*)⁷⁰, наличие которых, по мнению Кайзера, есть необходимое условие для признания литературного произведения гротеском, заметным образом выступают лишь в немногих рассказах Аверченко. Кроме рассказа «Душевная драма», как на другой пример произведения того же типа можно указать на рассказ «Экзекутор Бурач-

* Нас охватывает такой сильный ужас, потому что наш мир таков, что его надежность представляется мнимой. Вместе с тем, мы чувствуем, что мы не в состоянии жить в этом чужом мире. В гротескном начале речь идет не об ужасе, вызываемом смертью, а о страхе перед жизнью (*нем.*).

ков», помещенный в сборнике рассказов «Рассказы циника»⁷¹.

Подобное отсутствие в большинстве произведений Аверченко элементов, относимых Кайзером к признакам гротеска, не должно непременно означать, что к многочисленным рассказам русского юмориста вообще не приложимо это определение. Дело в том, что понимание сущности гротеска у Кайзера признается рядом современных теоретиков вопроса слишком односторонним. Об этом, например, говорит М. Бахтин:

В определениях Кайзера прежде всего поражает тот общий мрачный и страшный, пугающий тон гротескного мира, который исследователь в нем только и улавливает⁷².

Тот же автор отмечает, что «страх — это крайнее выражение односторонней и глупой серьезности, побеждаемой смехом», и считает, что только в «предельно нестрашном мире возможна та предельная свобода, которая свойственна гротеску»⁷³.

Другой современный автор, Юрий Манн, тоже считает, что Кайзер сузил понятие гротеска:

Вообще комизм и отчасти сатира исключены Кайзером из понятия гротеска, так как они сообщают позиции автора устойчивость, которой гротеск должен быть лишен принципиально⁷⁴.

В книге этого автора отмечается заслуга Генриха Шнеганса, в свое время выдвинувшего определение гротеска, в котором он попытался дать синтез двух точек зрения на этот жанр: той, которая ставит во главу угла фантастику, и иной, которая признает существеннейшим элементом гротеска карикатуру. Такое синтетическое определение понятия гротеска в литературе стало наиболее распространенным⁷⁵. Расширенное указанием на элемент пугающего и страшного, оно легло в основу того определения гротеска, которое было приведено выше (см. с. 361).

Для гротесков Аверченко характерно не столько наличие элементов страшного, жуткого и нечеловеческого,

сколько использование фантастики, карикатуры и сатиры. Нередко гротески Аверченко полны свойственной для этого жанра, по мнению Бахтина, «пределной свободой» и смехом, побеждающим «одностороннюю серьезность», и подчас их заполняет тот веселый комизм, о котором Гоголь сказал:

Выдумывал целиком смешные лица и характеры, поставляя их мысленно в самые смешные положения, вовсе не заботясь о том, зачем это, для чего, и кому от этого выйдет какая польза⁷⁶.

Что касается фантастики как основы гротеска, то она по своему характеру может быть разделена на два основных вида. Ю. Манн считает, что первый и наиболее распространенный вид фантастики — это такая фантастика, которая есть следствие каких-то обстоятельств или качеств героя. Второй вид фантастики выступает в тех случаях, где она, по его выражению, «есть условие, исходный пункт действия»⁷⁷. В последнем случае мы имеем дело с так называемым фантастическим предположением, то есть с такой ситуацией, когда герои произведения попадают в обстоятельства, которые Гоголь называл «чрезвычайными».

Создавая сюжеты своих рассказов-гротесков, Аверченко широко пользовался и тем и другим видом фантастики.

Что касается фантастики первого вида, то есть той, которая есть следствие качеств и особенностей героя, то в этом случае мы по существу имеем дело с комедией характеров в применении к повествовательной прозе. Современный исследователь существующих теорий комического Д.Х.Монро, говоря о комедии характеров, отмечает:

The whole point of humour, in the early sense of the word, is that it is a kink, a quirk, a mental oddity that throws a man off his balance and twists his view of life [...] The comic character, on this view, is simply a man with an obsession.

The joke is to see how this obsession crops up again and again in the most varied situations, so that he always behaves in a manner wildly inappropriate to the circumstances as others see them, but entirely appropriate to his own ruling passion⁷⁸ *.

Такой чудака, одержимый *idée fixe*, выведен Аверченко в его рассказе «Страшный человек»⁷⁹.

Герой рассказа, мещанин Матвей Петрович Химиков, по профессии помощник счетовода, человек небольшого роста, некрасивый, невзрачный и хилый. Но такова была лишь внешность Химикова, а о его душевных особенностях автор говорит:

Какая-нибудь заблудшая душа рыцаря прежних времен, добывавшего себе средства к жизни шпагой, а расположение духа — любовью женщин, набрела на Химикова и поселилась в нем, мешая несчастному помощнику счетовода жить так, как живут тысячи других помощников счетовода.

Проводя дни за прозаической и скучной работой в конторе, Химиков по окончании трудового дня возвращался домой, нахлобучив на глаза широкополую шляпу и кутаясь в длинный плащ, под которым сжимал рукоятку кинжала на случай нападения разбойников. Дома, как и в конторе, проза жизни окружала его. Квартирная хозяйка кормила его обедом из двух блюд с вечным киселем, в то время как Химикову грезилась «простая

* Главное в юморе, в начальном смысле этого слова, состоит в том, что это — странность, выкрутасы, умственная чудаковатость, которая лишает человека равновесия и меняет его взгляды на жизнь [...] Комический персонаж, с такой точки зрения, — это просто одержимый человек. Шутка состоит в том, чтобы проследить, как эта одержимость проявляется снова и снова в самых разнообразных ситуациях, так что персонаж ведет себя в высшей степени неподобающей обстоятельствам манере — не так, как эти обстоятельства воспринимают другие люди, но поведение его в точности соответствует его собственным, владеющим им страстям (*англ.*).

яичница, кусок жареного на вертеле мяса и добрый глоток вина».

В поисках приключений Химиков по вечерам уходил в свой любимый трактир, носивший громкое название «Черный лебедь», где имели обыкновение собираться подонки населения города. Там, за яичницей и бокалом вина, помощник счетовода предавался своим мечтам:

Хорошо бы набрать шаечку человек в сорок да и навести ужас на все окрестности. Кто, — будут со страхом спрашивать, — стоит во главе? Вы не знаете? Старый Матвей. Это — страшный человек! Потом княжну какую-нибудь украть...

Однажды, возвращаясь поздно вечером домой, Химиков стал невольным очевидцем уличного знакомства какого-то молодого человека с «девицей без определенных занятий, Полиной Козловой». В романтическом воображении героя рассказа эта сцена превратилась в случай нападения злоумышленника на беззащитную девушку. Верный рыцарским заветам, всегда готовый встать на защиту слабых и обиженных Химиков без колебаний бросился на обидчика девушки:

Милостивый государь! — загремел он, приблизившись к дон-жуану и смотря на него снизу вверх. — Оставьте эту беззащитную девушку или вы будете иметь дело со мной!

Мнимый обидчик, здоровенный мужчина, при виде «бешено извивавшегося у его ног» маленького человека — Химикова, — настолько оторопел, что не нашел ничего лучше, как ретироваться.

Спасши таким образом девушку из рук воображаемого злодея, Химиков хотел было проводить ее домой, но по ее просьбе покатал ее вместо этого на автомобиле, а когда девушка проголодалась, отвез ее в ресторан поужинать. В кабинете ресторана он понял, что беззаветно полюбил Полину, и решил посвятить ей отныне свою жизнь.

Любовь Химикова к Полине Козловой оказалась для него роковой, так как она, по выражению автора, «была нехорошей девушкой», примитивной, себялюбивой и бес-

сердечной, старавшейся лишь извлечь из своего верного и благородного поклонника как можно больше денег.

Вскоре положение Химикова стало безнадежным. Средства его иссякли, авансов в конторе больше не давали, а попытки заложить любимый кинжал, а затем ограбить прохожего, закончились плачевным и обидным для него образом. Старьевщик, которому Химиков хотел заложить свой кинжал, смеясь, разъяснил ему, что это — просто заржавленный нож для разрезывания книг, а хорошо одетый господин, избранный Химиковым как жертва ограбления, не испугался угрозы героя рассказа, прижав его за нищего и дав ему двугривенный.

Потрясенный, униженный и больной Химиков лежал в своей убогой кровати, а рядом с ним сидел его единственный друг и почитатель, девятилетний Мотя, сын квартирной хозяйки. Доктор, вызванный к больному, уже не мог ему помочь. Химиков собрал последние силы и прохрипел подобранные в уме эффектные предсмертные слова о «старом Матвее» и затих навсегда.

Несомненно, что Химиков, по замечанию критика Полонского, «вызывает в памяти незабвенный облик рыцаря печального образа»⁸⁰. Но это обстоятельство, по мнению критика, не умаляет ни живости, ни индивидуальности персонажа, созданного воображением Аверченко, а фантастические мечтания несчастного помощника счетовода трогают читателя.

В несоответствии между миром, отошедшим в вечность, к которому Химиков, по словам автора, «всею душой был привязан», и окружавшей его действительностью, в противоречии между тем, каким он хотел быть и каким себя видел в своих мечтах, и тем, каким был на самом деле и в глазах других людей, — источник комического в рассказе «Страшный человек». Швейцарский исследователь проблемы комического Фридрих Георг Юнгер замечает:

Erst dort, wo ein Streit ausbricht, wo sich Parteien bilden,
wo der Mensch in Gegensatz mit sich selbst, mit anderen

oder mit seiner Umwelt gerät, werden wir auf etwas Komisches hoffen können⁸¹ *.

Это противоречие или конфликт, по выражению Юнгера, лежащий в основе всего, что вызывает комический эффект, вместе с тем составляет, по мнению этого автора, также основу трагического:

Den Ursprung im Konflikte hat das Komische mit dem Tragischen gemein [...] Das Komische ergibt sich durch die Beziehung auf eine Regel, der es widerstreitend gegenübertritt⁸² **.

Неудачная попытка Химикова нарушить распорядок современной ему жизни, внеся в нее представления и нормы далекого прошлого, идеально облагороженного в его воображении, не могла не оказаться «покушением с негодными средствами», и как таковая она представляет собой конфликт комический и вызывает смех. Но этот смех не заглушает чувства расположения к герою рассказа и не умаляет сочувствия его печальной участи. Она была уготовлена ему поступками, хотя и неразумными с практической точки зрения, но исходящими из побуждений возвышенных и благородных. Поэтому одинокая смерть Химикова, даже в последний момент своего земного существования не изменившего своему представлению о необходимости сохранять позу бесстрашного и отчаянного человека, вызывает у читателей сочувствие и симпатию.

Умение примирить читателя с нелепым поведением своего героя-чудака и вызвать к нему расположение, как думает Юнгер, свойственно вообще писателю-юмористу:

* Только там, где возникает разлад, где образуются несовпадающие точки зрения, где человек оказывается в конфликте с самим собой, с другими или со своим окружением, можем мы надеяться на что-то комическое (*нем.*).

** То, что комическое берет свое начало в конфликте, роднит его с трагическим [...] Комическое возникает через отношение к правилу, которому оно себя безоговорочно противопоставляет (*нем.*).

Er ist in das Regelwidrige verliebt und bietet seine ganze Kraft auf, um uns mit ihm auszusöhnen... Der Humorist geht am innigsten auf das Abweichende, auf den besonderen Fall, auf die Ausnahme ein⁸³ *.

Таким юмористом, влюбленным в отклоняющееся от нормы, в исключение из правила, несомненно, был Аверченко. Об этом свидетельствуют многочисленные его рассказы, в которых персонажами выступают чудачки, обнаруживающие в своем поведении всевозможные отклонения от того, что в обыденной жизни считается нормальным и обычным⁸⁴.

В этом отношении Химиков, герой рассказа «Страшный человек», представляет собой, можно сказать, крайнюю степень чудаковатости, граничащей с болезненной одержимостью. Чудачки в других рассказах Аверченко обычно не настроены столь романтически, как Химиков. Они смещают читателя главным образом какой-либо одной заостренной подчас до степени карикатуры, преобладающей чертой своего характера, которая вызывает несообразность или странность их поведения и приводит к комическому конфликту с окружающей действительностью.

К числу гротесков этого типа можно в качестве наиболее характерных примеров отнести следующие рассказы:

рассказ «Праведник», герой которого «ради правды» имел обыкновение высказывать свое непрошенное мнение и вмешиваться в чужие дела⁸⁵;

рассказ «Специалист», в котором изображается человек, считающий себя специалистом в любом вопросе, не ясном для окружающих, но оказывающийся на деле бездарным и недалеким дилетантом, не разбирающимся даже в самых простых житейских вопросах⁸⁶;

рассказ «Исчадие города», главный персонаж кото-

* Его пленяет отклонение от нормы, и он пускает в ход все свои силы, чтобы примирить нас с ним... Юморист самым пристальным образом вглядывается в аномальное, особенное, в то, что составляет исключение из правила (*нем.*).

рого — учитель, болезненно мнительный и подозрительный человек, умудряющийся в любом, самом невинном замечании или реплике собеседника находить скрытый и обидный для себя смысл⁸⁷;

рассказ «Петухов», посвященный, по словам автора, «назидательной истории» о том, как некий женатый человек вздумал искать романтических приключений на стороне, в связи с чем стал совершенно необоснованно подозревать в подобном же поведении и свою жену⁸⁸;

рассказ «Плакучая ива», в котором выводится неисправимый пессимист и ипохондрик, наводящий самим фактом своего существования непреодолимую тоску на окружающих⁸⁹.

К тому же типу рассказов-гротесков, комизм которых основывается на причудливых особенностях характера их персонажей, можно также отнести объединенную общей тематикой серию рассказов о беспечных, бесшабашных молодых людях, умеющих удобно устраиваться в жизни и не брезгующих при случае прибегнуть и не к совсем благовидным с этической точки зрения приемам.

Один из рассказов этой серии Аверченко назвал «Настоящие парни». Когда этот рассказ, сперва напечатанный в *Сатириконе*⁹⁰, был затем включен автором в сборник под названием *Рассказы (юмористические), книга третья*, рецензент этой книги Влад. Азов писал:

Лучше всего удаются Аверченко рассказы о несуществующих, конечно, в русской природе «настоящих парнях» — о беспечной молодежи, любящей смех и шутку, дерзкой, задорной, неунывающей, скорой на выдумку и на выпивку⁹¹.

Подобных «настоящих парней» напоминают также персонажи рассказов «Курильщики опиума»⁹² и «Двойник»⁹³, а также герои ряда рассказов, посвященных изображению предприимчивых неутомимых и забавных коммивояжеров и торговых агентов, вроде Цацкина («Рыцарь индустрии»⁹⁴ и «Старый Цацкин и новый Цацкин»⁹⁵) и уморительных одесситов Канторовича и Гендельмана

(рассказы «Золотые часы»⁹⁶, «Канторович и Гендельман»⁹⁷ и «Одесситы в Петрограде»⁹⁸).

Что касается второго вида фантастики — так называемого фантастического предположения, то есть необыкновенной, причудливой ситуации, в которую попадают персонажи произведения и которая служит исходной точкой действия, то для этого рода авторского вымысла характерен рассказ Аверченко «Странный рубль»⁹⁹.

Герой этого рассказа, Иван Сергеевич — профессиональный вор, занимавшийся кражами уже в течение двадцати пяти лет и прерывавший свою «деятельность» только тогда, когда он отсиживал наказание в тюрьме. Как-то раз Иван Сергеевич облюбовал в качестве объекта для взлома уютный особняк на тихой улочке. Пользуясь ночной темнотой, он проник через окно в неосвещенную комнату дома и, как говорит автор, «простирая вперед чуткие руки, побрел наугад».

Двигаясь таким образом по темной комнате, Иван Сергеевич вдруг споткнулся обо что-то мягкое, большое. Падая, он схватился за спинку кресла, а оно стукнулось о стол. Произведенный шум не замедлил иметь последствия. Открылась дверь соседней комнаты, и на пороге показался человек, державший в руке лампу. Луч света упал на Ивана Сергеевича, который бросился к окну. Но незнакомец опередил его и, севши на подоконник, спросил:

— Испугались?

— Испугался, — признался Иван Сергеевич и зашаркал смущенно босой ногой по полу.

— Эх, вы! Как можно быть таким нервным... Не бойтесь, хозяина нет дома.

Изумленный Иван Сергеевич из последовавшего разговора с незнакомцем узнает, что тот целую неделю потратил на слежку за образом жизни хозяина особняка и выяснил, что в эту ночь он до утра не вернется домой. «Поэтому, — заявил незнакомец, — и задумал я вычислить квартиру до последнего гвоздика». На полу валялся тюк со всевозможными вещами, ящики письменного сто-

ла были выдвинуты, одним словом, вид комнаты не оставлял сомнения в том, что незнакомец уже приступил к исполнению своего намерения. К семи часам утра он, к тому же, заказал две подводы, на которых при помощи «своих ребят» собирался вывести все хозяйское добро.

По словам автора, «наглость и уверенный план другого вора обворожил Ивана Сергеевича», и он тотчас же принялся усердно помогать своему коллеге в упаковке вещей. Работал он без усталости, а товарищ начальственно распоряжался насчет того, что и как укладывать. Под утро приехали «ребята с подводами», и Иван Сергеевич и его коллега вышли на улицу наблюдать за тем, как вещи погружают на подводки.

По окончании погрузки товарищ Ивана Сергеевича с улыбкой предложил ему убираться «подобру-поздорову». Ошеломленный Иван Сергеевич стал напоминать о полагающейся «дележке» добычи, но мнимый сотоварищ по краже разъясняет ему истинное положение дел:

— А кто же я? Конечно, хозяин. На другую квартиру переезжаю, с ночи укладывался... А ты тут пришел, помог...

И пояснив, что он даром чужого труда не хочет, хозяин вынул из кармана рубль и сунул его в руку Ивана Сергеевича за «честный труд».

Но этот рубль, заработанный так неожиданно, по выражению автора «жег руку» Ивана Сергеевича, и он, проходя по мосту, выругался и выбросил «дурацкий рубль» в воду.

К произведениям Аверченко этого же типа рассказов-гротесков можно отнести его рассказы «Четверо»¹⁰⁰ и «Случай с Патлецовыми»¹⁰¹. Оба рассказа имели большой успех не только в России, но и за границей в переводе на иностранные языки.

Рассказ «Четверо» был переделан автором в одноактную пьесу под одноименным названием и в течение продолжительного времени с успехом шел на сцене петербургского театра «Кривое зеркало» за несколько лет до

возникновения первой мировой войны. Без ведома и разрешения автора пьеса «Четверо» была переведена на немецкий язык и под названием «Господин с зеленым галстуком» почти два года подряд не сходила со сцены некоторых немецких театров. Об этом факте в *Сатириконе* появились две заметки. Первая гласила:

В некоторых Берлинских и Мюнхенских театрах идет в течение почти двух лет одноактная пьеса Андрэ Филлард «Господин в зеленом галстуке».

Тут начинается полнейшая неразбериха: автор, судя по фамилии, француз, пьеса идет на немецком языке, а содержание ее чисто русское, ибо она целиком взята у того же Арк. Аверченко («Четверо», репертуар «Крив. Зеркала»). Кончится это, вероятно, тем, что Арк. Аверченко будет обвинен кем-либо из друзей в краже с французского этой пьесы¹⁰².

Вторая заметка, относящаяся к тому же рассказу, появилась в *Сатириконе* через год:

В статье о русско-германской литературной конвенции газета «Театр и Жизнь» приводит изумительный факт: Интересный курьез произошел с пьесой Аркадия Аверченко «Четверо».

После того, как эта пьеса шла в продолжение года на русских сценах, некий Вильяр «переделал» ее на немецкий язык. И вот в Берлине «Четверо» идут под названием «Человек с зеленым галстуком».

Один из русских переводчиков перевел ее с немецкого языка обратно на русский и поставил на русской сцене под названием «Важная шишка».

Таким образом, пьеса Аверченко вернулась на русскую сцену через Берлин под другим названием и за другой подписью¹⁰³.

После второй мировой войны рассказ «Четверо» в переводе на немецкий язык под названием «Abenteuer im Abteil» был напечатан в одном из сборников рассказов Аверченко, вышедших в Германии¹⁰⁴.

Существует также английский перевод пьесы «Четверо». Эта пьеса под названием «The Man with a Green

«Neskie» включена в сборник избранных произведений русской литературы, составленный Б. Герни¹⁰⁵. Составитель сборника определяет эту пьесу как образец умения Аверченко уловить и отобразить необычайность, гротескность той или иной ситуации¹⁰⁶.

Что касается рассказа «Случай с Патлецовыми», то его Аверченко также переделал для сцены. В виде одноактной пьесы под названием «Без ключа» эта инсценировка входила в свое время в репертуар петербургского Нового Драматического Театра¹⁰⁷.

Сюжет рассказа — досадный случай, происшедший с супругами Патлецовыми. Они вышли из своей квартиры, захлопнув за собой входную дверь, забыв, однако, ключ. Это свое упущение супруги обнаружили лишь вернувшись ночью домой. Взаимные упреки, которыми супруги обмениваются на лестничной площадке, ни в коей мере не помогают делу. Между тем Патлецову приходит на ум выход из положения: надо найти вора с отмычкой. Патлецов направляется в близлежащий трактир и по совету буфетчика обращается за помощью к Мишке Саматохе, профессиональному вору. Последний соглашается оказать в этом деле помощь и, отправившись с Патлецовым на место происшествия, без больших затруднений открывает дверь:

[...] радостно, как дитя смеясь, толкнул ее ногой.
— Пожалуйте-с!

Обрадованный столь удачным решением дела, Патлецов обещает Саматохе:

— Подождите здесь. Я сейчас выйду с деньгами.

Саматоха остается на лестничной площадке перед запертой дверью, с вполне понятным нетерпением ожидая обещанного ему вознаграждения. Через пять-шесть минут дверь открывается, и появляется Патлецов, дворник и городской. Городской уводит безвинного в данном случае и горько оскорбленного в своих чувствах Саматоху.

Этот рассказ Аверченко переведен на несколько языков, в том числе на немецкий (под названием «Der Fall

Schuftig») ¹⁰⁸, и на голландский (под названием «Het Geval Patlesow») ¹⁰⁹, а инсценировка существует также в переводе на латышский язык под названием «Опасный специалист». В латышском издании пьесы ее переводчик отмечает, что он ее «локализовал», то есть изменил имена и фамилии действующих лиц на местные латышские ¹¹⁰.

Небезынтересно в этом случае сопоставить названия рассказов, принятые немецкими и латышскими переводчиками. Очевидно, что латышский переводчик выбрал название данного рассказа из нижеследующего обращения Патлецова к Саматохе:

Ты, я вижу, большой искусник и слишком опасная персона, чтобы оставлять тебя на свободе.

У читателя создается впечатление, что в латышском переводе внимание обращено на точку зрения Патлецова как охранителя общественного благополучия — человека, который спокойно идет в постель с сознанием исполненного гражданского долга.

С другой стороны, немецкое название перевода, несомненно, связано с догадкой об этимологии фамилии героя рассказа (Schuft, то есть подлец), поскольку оно легко может быть отнесено к фонетическому сходству между фамилией Патлецов и словом подлец.

Тот факт, что рассказ «Случай с Патлецовыми» был переведен на несколько языков, свидетельствует об его успехе. Положительную оценку этого рассказа находим также у советского писателя Льва Никулина, который считает его одной из наиболее удачных и интересных юморесок Аверченко ¹¹¹.

В своих многочисленных произведениях Аверченко отобразил явления временно-бытового характера, связанные с теми или иными периодами переживаемой им эпохи, равно как и человеческие слабости и недостатки, присущие людям вообще и не зависящие непосредственно от определенной общественной среды и создавшихся общественно-политических условий. Присматриваясь к обы-

вательским будням, он с одинаковой наблюдательностью подмечал как смешное, нелепое и несуразное в укладе жизни и во взаимоотношениях людей, так и то «грозное и суровое», что, по его определению, врывается подчас в человеческое существование, заслоняя собой радость жизни и побуждая человека сделать вывод: «скучно жить, холодно жить».

Аверченко высмеивает иногда добродушно-весело, а иногда саркастически-беспощадно человеческие слабости, недостатки и пороки и заставляет читателя посмеяться над мелкими житейскими комедиями или фантастическими и парадоксальными, гротескными выдумками. В то же время он остается писателем, за улыбкой и смехом которого скрывается задумчивая серьезность и тягостное сознание кратковременности и непрочности человеческих радостей и счастья. Это отмечается, между прочим, в критической заметке, сопровождающей один из сборников писателя на немецком языке:

Im Grunde genommen ist es auch der Ernst des Lebens, den die leichte Muse in heiterem Gewande deutet¹¹² *.

Более категорически подчеркивает серьезность творчества Аверченко русский критик Леонид Добронравов. Замечая, что в рассказах писателя выводится целая галерея глупых, кривляющихся и обиженных судьбой людей, Добронравов говорит об Аверченко:

Он отметил основное свойство современной жизни — пародию на жизнь, которая не только заняла господствующее положение, но и претендует считаться настоящей, подлинной жизнью.

И Аверченко беспощаден с ней, с ее величеством пародией. Всюду настаивает он ее, куда бы она ни скрылась, и везде и всюду обжигает ее искрами своего смеха¹¹³.

* В основе лежит также серьезность жизни, которую муза легкого жанра толкует на игривый лад (*нем.*).

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Kayser Wolfgang. Das sprachliche Kunstwerk. Bern, A. Francke A/G Verlag, 1961, S. 382.
- ² Hartmann N. Ästhetik. Berlin, W. de Gruyter, 1953.
- ³ Там же, S. 436.
- ⁴ Кайзер говорит об этом следующим образом: «Und je mehr die Satire als Sinn-Aussprache gemeint ist — durch gleichsam negierende Darstellung eines Negativen, — desto weiter entfernt sie sich aus der Literatur und begibt sich auf jenes Feld, das als didaktische Literatur bezeichnet wird». (Kayser. Указ. соч., S. 381—382). (Чем больше сатира выступает как смысловое высказывание — как будто путем отрицательного изображения чего-то отрицательного, — тем больше она удаляется от литературы и переходит в пределы того, что определяется как дидактическая литература (*нем.*)).
- ⁵ Ершов Л.Ф. Советская сатирическая проза 20-х годов. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, с. 151—153.
- ⁶ *Сатириконтон*, 1910, №№ 16, 17 и *Новый Сатириконтон*, 1913, № 23.
- ⁷ Там же, 1908, № 21 и 1913, № 4.
- ⁸ Там же, 1910, № 26.
- ⁹ Оба фельетона — *Сатириконтон*, 1909, № 9.
- ¹⁰ *Сатириконтон*, 1908, № 21 и 1909, № 18.
- ¹¹ Там же, 1908, № 14.
- ¹² Там же, 1908, № 30.
- ¹³ Там же, 1910, № 42.
- ¹⁴ Там же, 1911, № 27.
- ¹⁵ Там же, 1913, № 20.
- ¹⁶ *Новый Сатириконтон*, 1914, № 18.
- ¹⁷ Евстигнеева Л.А. Поэты-сатириконтонцы. — В кн.: Поэты «Сатириконтона». М.—Л., Советский писатель, 1966, с. 19. К этой серии фельетонов относятся: «Плюмажев-революционер» (*Сатириконтон*, 1910, № 47), «Случай с Семеном Плюмажевым», (там же, 1910, № 51), «Как их выберут», (там же, 1911, № 15) и др.
- ¹⁸ Евстигнеева Л.А. Журнал «Сатириконтон» и поэты-сатириконтонцы. М., Наука, 1968, с. 83.
- ¹⁹ Там же, с. 121.
- ²⁰ Полонский В.Г. Смех и горечь. — *Всеобщий ежемесячник*, 1910, № 7, с. 98.
- ²¹ Азов Вл. [Ашкинази В.А.]. Аркадий Аверченко. Веселые устрицы. СПб, изд-во Корнфельда, 1910. — Рец. в газете *Речь* (С.-Петербург), 1910, 27 сентября.

- ²² Михайлов О. Аркадий Аверченко. — В кн.: Аркадий Аверченко. Юмористические рассказы. — М., Художественная литература, 1964, с. 12.
- ²³ Без подписи. Вечер памяти А.Т. Аверченко в Париже. — *Новое Русское Слово* (Нью-Йорк), 1925, 19 апреля.
- ²⁴ Потемкин П.П. Об Аркадии Аверченко. — *Последние новости* (Париж), 1925, 15 марта.
- ²⁵ Èervinka Vincenc. A. Averkèenko a jeho škola. — В кн.: Arkadij Averkèenko. Kola na vodi : humoresky a satiry. Pøelo•il Vinc. Èervinka. Praha, J.Otto, 1914, s. 6.
- ²⁶ Михайлов О. Указ соч., с. 12
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Рассказ впервые опубликован в *Сатириконе*, 1909, № 6. В 1968 г. он был напечатан в нью-йоркской газете *Новое Русское Слово* (с подзаголовком «Из забытого или ненапечатанного») в номере от 17 марта. В переводе на немецкий язык этот рассказ называется «Kaviar» и включен в немецкий сборник: Awertschenko. Der Wolfspelz und andere Erzählungen. В переводе на голландский язык рассказ также называется «Kaviar» и напечатан в сборнике: Avertsjenko. Grotéken.
- ²⁹ Юмореска впервые напечатана в *Сатириконе*, 1909, № 6.
- ³⁰ *Сатирикон*, 1910, № 37, с. 3.
- ³¹ Михайлов О. Указ соч., с. 22.
- ³² Рассказ впервые напечатан в сборнике «Веселые устрицы».
- ³³ Рассказ впервые опубликован в *Сатириконе*, 1910, № 6. Этот номер журнала был озаглавлен по теме, объединяющей его содержание, — «О пошлости».
- ³⁴ Виноградов В.В. Заметки о стилистике. — *Литературная газета* (Москва), № 214, 1965, 19 октября.
- ³⁵ Рассказ впервые напечатан в *Сатириконе*, 1908, № 25.
- ³⁶ Рассказ впервые напечатан в *Сатириконе*, 1911, № 39.
- ³⁷ Рассказ впервые напечатан в *Новом Сатириконе*, 1913, № 1. В 1965 г. рассказ был помещен в советской газете *Казахстанская правда*, 14 ноября.
- ³⁸ Рассказ был напечатан в сборнике «Рассказы циника». В 1964 г. он был помещен в советском еженедельнике *Неделя*, № 44.
- ³⁹ Рассказ впервые напечатан в *Новом Сатириконе*, 1916, № 52. *Неделя*, 1965, № 47.
- ⁴⁰ *Неделя*, 1965, № 47.
- ⁴¹ Аргус М.К. Слухи и факты. — *Новое Русское Слово* (Нью-Йорк), 1965, 14 декабря.
- ⁴² Awertschenko A. Der Truthahn mit Kastanien und andere

- Erzählungen (1961); Awertschenko A. Der Wolfspelz und andere Erzählungen (1964).
- ⁴³ Рассказ впервые напечатан в *Новом Сатириконе*, 1915, № 14.
- ⁴⁴ Рассказ впервые напечатан в *Новом Сатириконе*, 1915, № 7.
- ⁴⁵ Цитируется по тексту рассказов в сборнике: Аверченко А. Юмористические рассказы. М., Художественная литература, 1964, с. 199—206.
- ⁴⁶ Михайлов О. Указ соч., с. 13.
- ⁴⁷ Добронравов Л.М. Аркадий Аверченко (эскиз). — *Бессарабия* (Кишинев), 1923, 29 сентября.
- ⁴⁸ Awertschenko A. Der Truthahn mit Kastanien und andere Erzählungen.
- ⁴⁹ Рассказ впервые напечатан в *Новом Сатириконе*, 1914, № 51.
- ⁵⁰ Терапиано Ю.К. Аркадий Аверченко. Избранное. — Рец. в газете *Русская мысль* (Париж), 1963, 27 апреля.
- ⁵¹ Маковский С.К. Портреты современников. Нью-Йорк, изд-во имени Чехова, 1955, с. 254—255.
- ⁵² Рассказ впервые напечатан в *Сатириконе*, 1910, № 11.
- ⁵³ Тимофеев Л., Венгеров Н. Краткий словарь литературоведческих терминов. М., Учебно-педагогическое издательство, 1955, с. 35.
- ⁵⁴ Kayser W. Das Grotteske in Malerei und Dichtung, Rohwolt Taschenbuch Verlag, 1960, S. 53.
- ⁵⁵ Манн Ю.В. О гротеске в литературе. М., Советский писатель, 1966, с. 22.
- ⁵⁶ Hirschmann M. In memoriam Arkadij Awertschenko. — In: Das russische Lachen. Ausgewählte Grottesken von Arkadij Awertschenko. Wien, Vernay-Verlag, 1925, S. 7.
- ⁵⁷ Kayser W. Указ. соч., S. 140.
- ⁵⁸ *Правда*, 1962, 21 декабря.
- ⁵⁹ *Огонек*, 1964, № 1. На самом деле этот рассказ был напечатан в *Сатириконе*, 1911, № 18, а позже включен автором в сборник: [Фома Опискин]. Сорные травы. С.-Петербург, типогр. «Виктория», 1914, с. 204—208.
- ⁶⁰ Этот рассказ в свое время был включен автором в сборник «Круги по воде», а теперь в сокращенном виде напечатан в *Литературной газете*, 1967, 19 июля (№ 29).
- ⁶¹ Awertschenko A. Das Verbrechen der Schauspielerin Maryskin und andere Grottesken. München, George Müller, 1919.
- ⁶² E.L.G. [Ettore Lo Gatto]. Averèenko, Arkadij Timofeevij» in Enciclopedia Italiana (1930—1938), vol. V, p. 621—622: «La sua

- tendenza predominante fu il grottesco, ma non mancano in lui note tragiche».
- ⁶³ Humorist und zur Grotteske neigender Satiriker. — Lexikon der Weltliteratur. Stuttgart, Albert Körner Verlag, 1963, S. 96.
- ⁶⁴ Guernsey Bernard Guilbert. A Treasury of Russian Literature. New York, The Vanguard Press, 1943, p. 977.
- ⁶⁵ Цитируется в русском переводе по кн.: Слонимский А. Техника комического у Гоголя. Петроград, Academia, 1923, с. 26.
- ⁶⁶ Рассказ впервые напечатан в *Сатириконе*, 1909, № 8. В переводе на немецкий язык рассказ озаглавлен «Vom sechsten Stock aufs Strassenpflaster» и включен в сборник: Awertschenko. Was für Lumpen sind wir Männer und andere Grottesken. Wien, Paul Neff, 1953.
- ⁶⁷ Hall James B. and Langland Joseph. The Short Story. New York, The Macmillan Company, 1956, p. 160—164.
- ⁶⁸ Там же, p. 164.
- ⁶⁹ Kauser W. Указ. соч., S. 137.
- ⁷⁰ Там же, S. 81.
- ⁷¹ В немецком переводе этот рассказ включен в сборник: Awertschenko. Der Truthahn mit Kastanien und andere Erzählungen. München, Wilhelm Goldmann, 1961.
- ⁷² Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., Художественная литература, 1965, с. 55.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Манн Ю. Указ. соч., с. 72.
- ⁷⁵ Там же, с. 14 и 15.
- ⁷⁶ Цитируется по книге А. Слонимского «Техника комического у Гоголя», с. 10.
- ⁷⁷ Манн Ю. Указ. соч., с. 78.
- ⁷⁸ Mongro D. H. Argument of Laughter. Notre Dame, Indiana, University of Notre Dame Press, 1963, p. 55.
- ⁷⁹ Впервые напечатан в *Сатириконе*, 1909, №№ 45 и 46.
- ⁸⁰ Полонский В.Г. Указ. соч., с. 99.
- ⁸¹ Jünger Friedrich Georg. Über das Komische. Frankfurt/Main, Verlag Vittorio Klostermann, 1948, S. 13.
- ⁸² Там же, S. 14.
- ⁸³ Там же, S. 89.
- ⁸⁴ Один из сборников своих пьес Аверченко назвал «Чудаки на подмостках».
- ⁸⁵ *Сатирикон*, 1909, № 19.
- ⁸⁶ Там же, 1909, № 14.

- ⁸⁷ Там же, 1910, № 8.
- ⁸⁸ Там же, 1910, № 25.
- ⁸⁹ Там же, 1914, № 24.
- ⁹⁰ Там же, 1911, № 10, 11 и 12.
- ⁹¹ Азов В. Указ. соч.
- ⁹² *Сатириконе*, 1911, № 10.
- ⁹³ Там же, 1909, № 22.
- ⁹⁴ Там же, 1909, № 38.
- ⁹⁵ *Юг России* (Севастополь), 1920, 19 июня.
- ⁹⁶ *Сатириконе*, 1910, № 36.
- ⁹⁷ *Новый Сатириконе*, 1915, № 8.
- ⁹⁸ Там же, № 42.
- ⁹⁹ Впервые напечатан в *Сатириконе*, 1910, № 34. В сборнике «Круги по воде» этот рассказ помещен под названием «Принцип».
- ¹⁰⁰ Рассказ впервые напечатан в сборнике «Веселые устрицы».
- ¹⁰¹ Рассказ впервые напечатан в *Сатириконе*, 1910, № 28, а затем был включен автором в сборник «Зайчики на стене».
- ¹⁰² *Сатириконе*, 1912, № 23, с. 3 (в разделе «Хроника преступлений»).
- ¹⁰³ *Новый Сатириконе*, 1913, № 23, с. 11 (в разделе «Перья из хвоста»).
- ¹⁰⁴ Awertschenko A. Die Frauen sind auch keine Engel und andere Grotresken. Wien, Paul Neff, 1953.
- ¹⁰⁵ Guerneу B. G. A Treasury of Russian Literature, p. 981—987.
- ¹⁰⁶ Там же, p. 977.
- ¹⁰⁷ Пьеса «Без ключа» вошла в один из сборников «Театральной библиотеки *Сатирикона*» под названием: 8 одноактных пьес и инсценировок, т. I. С.-Петербург, изд-во М.Г. Корнфельда, 1911.
- ¹⁰⁸ Рассказ включен в сборник: Awertschenko A. Das Verbrechen der Schauspielerin Maryskin und andere Grotresken.
- ¹⁰⁹ Рассказ включен в сборник: Avertsjenko A. Grotresken. Antwerpen, Die Poorte, 1940.
- ¹¹⁰ В переводе латышского литератора Готфрида Мильберга название пьесы Аверченко гласит: «Bistams specialists», то есть «Опасный специалист».
- ¹¹¹ Никулин Л.В. Люди русского искусства. М., Советский писатель, 1947, с. 259.
- ¹¹² Awertschenko A. Die Frauen sind auch keine Engel und andere Grotresken.
- ¹¹³ Добронравов А.М. Указ. соч.

Глава вторая

В ПОДРАЖАНИЕ «БОГЕМЕ» МЮРЖЕ

В литературном наследстве Аверченко находим два его произведения, которые стоят как бы особняком. В них он отходит от преобладающих в его творчестве жанров короткого рассказа, фельетона и пьесы-миниатюры. Эти два произведения Аверченко — повесть «Подходцев и двое других» и юмористический роман «Шутка Мецената».

Оба произведения появились уже после того, как за Аверченко установилась слава талантливого автора сатирико-юмористических рассказов. Именно на произведения этого жанра и обращали свое внимание русские литературные критики, когда посвящали творчеству Аверченко рецензии и критические статьи в периодической печати дореволюционной России, а затем, после окончания первой мировой и гражданской войн, — в органах русской эмигрантской печати. Иностранная пресса тех стран, которые Аверченко посещал во время своих гостерольных поездок, уже будучи эмигрантом, также обыкновенно отмечала приезд русского писателя указанием на его известность в качестве автора рассказов, фельетонов и юмористических пьесок. Современная советская литературная критика, занимаясь исследованием русской дореволюционной журналистики и сатирико-юмористи-

ческой литературы, обычно не обходит молчанием творчество Аверченко, подчеркивая, как правило, достоинства его коротких юмористических рассказов.

Среди всех этих многочисленных рецензий и отзывов о творчестве Аверченко не удалось найти ни одного, специально посвященного его двум вышеназванным более крупным произведениям. Поэтому следует более подробно остановиться на разборе повести Аверченко «Подходцев и двое других» и его романе «Шутка Мецената» как на произведениях, до сих пор как бы обойденных молчанием критики.

В книге Малкольма Истона о художниках и писателях в Париже прошлого столетия указывается, что можно предположить, будто не кто иной, как Бальзак подсказал Мюрже термин «богема». Однако автор книги все же полагает, что было бы справедливо считать, что именно Мюрже ввел этот термин в словооборот и что им выражение «богема» было закреплено и введено в литературу¹.

Два других американских биографа Мюрже — Артур Мосс и Эвалин Марвел — называют французского писателя Колумбом и Гомером Латинского квартала и говорят о парижской богеме и о самом Мюрже:

He was neither its discoverer nor its only bard. But he was the first chronicler to establish in the conventional mind that romantic picture of Bohemian life which has persisted to this day^{2*}.

Называя Мюрже первым летописцем жизни обитателей Латинского квартала, американские его биографы имели в виду наиболее известное произведение этого писателя «Scènes de la vie de Bohème», впоследствии послужившее основой для либретто оперы Пуччини «Богема».

* Он не был ни первооткрывателем ее (богема. — *Прим. перев.*), ни единственным ее бардом. Однако он оказался первым хроникером, который создал в общепринятом понимании ту романтическую картину жизни богемы, которая сохраняется и до наших дней (*англ.*).

В этом романе Мюрже правдиво и занимательно изобразил быт и полунищенское существование студентов и молодых, начинающих писателей и художников в Париже 40-х годов прошлого столетия. Этим он не только привлек внимание французской и иностранной публики к бедным и часто талантливым обитателям мансард Латинского квартала, но и положил начало как подражанию парижского богемного стиля жизни во многих европейских и американских городах, так и возникновению обширной литературы о богеме как явлении социальном и культурном.

В своем труде об истории богемы в Соединенных Штатах профессор А. Парри по этому поводу замечает:

French Bohemianism was copied, with all its chief characteristics, in many other countries. The territory was different and so were many of the social and economic conditions, but the admirers of Murger's scenes insisted on installing them into their respective native hearts almost bodily³*

При чтении этих строк невольно возникает вопрос: не принадлежит ли к числу почитателей Мюрже и Аверченко и не поддался ли также он желанию перевоплотить на русской почве «сцены» французского писателя, перенеся сюжет Мюрже в обстановку и условия петербургской жизни начала нашего века? Такой вопрос можно считать обоснованным при сопоставлении повести Аверченко «Подходцев и двое других» с романом Мюрже «Сцены из жизни Богемы».

Насколько известно, Аверченко не владел французским языком и вряд ли мог познакомиться с произведением Мюрже в оригинале. Однако первый русский пере-

* Французское понятие «богемы» было скопировано со всеми его основными характеристиками во многих странах. Территория была другой, также иными были и многие социальные и экономические условия, однако поклонники «Сцен» Мюрже настаивали на том, чтобы они были перенесены на их родную почву и в сердца как можно охотнее (*англ.*).

вод «Scènes de la vie de Bohème» был опубликован уже в 1875 году под названием «Сцены из цыганской жизни». Затем, в 1893 году, в журнале *Вестник иностранной литературы* роман Мюрже печатался в переводе А.В. Арсеньева и, наконец, в 1913 году этот же роман вышел на русском языке в издании М.Г. Корнфельда отдельной книгой под названием *Богема*⁴. Таким образом, Аверченко имел возможность познакомиться с романом основоположника литературы о богеме, а сравнение содержания «Сцен из жизни Богемы» с повестью «Подходцев и двое других» приводит к заключению, что произведение Мюрже, несомненно, повлияло на создание повести Аверченко и что в этой повести обнаруживается ряд заимствований из романа французского писателя.

Мюрже, имя которого до того почти не было известным во французских литературных кругах, с 1847 года получил возможность напечатать в журнале *Corsaire* серию своих очерков-рассказов под общим заглавием «Scènes de la Bohème» (позже получивших название «Scènes de la vie de Bohème»). Они понравились читателю, и в 1849 году впервые были выпущены отдельным изданием, заслужившим немалый успех и положившим начало писательской славе Мюрже.

Повесть Аверченко создавалась приблизительно тем же порядком, с той лишь разницей, что отдельные его рассказы (одним из главных персонажей которых был молодой человек по фамилии Подходцев), стали появляться в журнале *Сатирикон* в 1910 году. Они не имели сперва общего имени, объединяющего их названия, и только через несколько лет (то есть в конце 1916 года) они были объединены автором в одну повесть. Свое название она тогда получила от имени одного из героев серии рассказов, постепенно напечатанных в *Сатириконе*.

Сюжетная структура произведений Мюрже и Аверченко одна и та же. Так, Истон, автор упомянутой книги о парижской богеме, говорит о романе Мюрже:

Originating as sketches, the «Scènes de la Bohème» follow no strict plot⁵.*.

Эти слова вполне приложимы и к повести Аверченко. Оба писателя сперва создают отдельные эпизоды из жизни кружка беспечных, веселых, но материально необеспеченных молодых людей. Они претерпевают лишения, невзгоды и приключения, либо связанные с необходимостью раздобывать средства для существования, либо относящиеся к их любовным увлечениям и связям. Каждый из эпизодов первоначально представляется как бы законченным и самостоятельным очерком или рассказом, в котором действующими лицами выступают одни и те же члены дружеского кружка либо совместно, либо порознь. Цельность произведения, возникшего в результате объединения этих отдельных эпизодов, обуславливается единством темы, наличием одних и тех же персонажей и общим фоном и обстановкой, в которой они выступают.

Помимо такого сходства сюжетного построения романа Мюрже и повести Аверченко, обращает на себя внимание также и то обстоятельство, что как начальный подход к теме, так и сюжет в целом, и, наконец, даже некоторые изображенные эпизоды роднят оба произведения. Это становится заметным уже при сопоставлении вступительных предложений первой главы романа Мюрже и краткого вступления Аверченко к его повести⁶.

У Мюрже читаем:

Я намерен рассказать в настоящей главе о том, как случай свел несколько личностей из мира Богемы и положил начало братскому союзу, из которого впоследствии образовался тесный кружок. Историю этого-то кружка автор и попытался изложить в настоящей книге.
(*Богема*, с. 1.)

Слова, предпосылаемые Аверченко к его повести, гласят, по существу, сходным образом:

* Создаваемые им короткие зарисовки «Сцен из жизни Богемы» не следовали строгому сюжету (*англ.*).

Автору этих строк удалось проследить пути одной человеческой троицы, которая причудливо сошлась разными путями к одной и той же точке.

Сошлась, чтобы надолго не разойтись.

Вот их пути.

(*Подходцев*, с. 5.)

В первой главе своего романа, носящей название «О том, как учредился союз Богемы», Мюрже знакомит читателя с членами тесного кружка, образовавшегося из четырех представителей мира богемы. Это были: Коллин, «великий философ», Марсель, «великий живописец», Шонар, «великий музыкант», и Родольф, «великий поэт», которые за свою неразлучность были прозваны четырьмя мушкетерами. По ходу действия первой главы романа четыре мушкетера, случайно встретившиеся, ближе знакомятся в течение совместно проведенного дня, излагают друг перед другом свои воззрения и убеждаются в том, что у всех у них есть общие симпатии и что их объединяют качества их сердец, всегда готовых отозваться на все доброе и прекрасное. Мюрже продолжает:

Все они имели общую точку отправления и общую цель, и это наводило их на мысль, что встреча их была не банальной игрой случая, что, быть может, само Провидение, этот естественный опекун всех покинутых людьми, свело их для взаимной поддержки и нашептывало им то евангельское изречение, которое должно было бы составлять единственную хартию человечества: «любите друг друга и помогайте один другому».

(*Богема*, с. 42.)

Дружба «четырех мушкетеров» закрепляется в мансарде Шонара после совместного обеда, за стаканом вина. Как повествует Мюрже, «Родольф встал и провозгласил тост за будущее, а Коллин отвечал небольшой речью» (*Богема*, с. 42).

В повести Аверченко первая встреча ее персонажей, прозванных автором «человеческой троицей», описывается в первых четырех главах, более коротких по сравне-

нию с главами романа Мюрже и потому более многочисленных. В них рассказываются необычайные происшествия одного дня, приведшие к знакомству Подходцева, Громова и Клинкова. В отличие от французского автора, Аверченко вначале прямо не указывает профессии или артистических интересов своих героев, а ограничивается лишь замечаниями, что Подходцев — «широкоплечий блондин, с открытым веселым лицом и энергичными движениями»; что Громов — «молодой человек с врожденной искренностью и простотой характера» и что Клинков — «молодой человек, довольно грузного вида, с черными, коротко остриженными волосами и лицом, в обыкновенное время смуглым» (*Подходцев*, с. 9, 15 и 18).

Подобно героям романа Мюрже, и «троица» Аверченко быстро проникается взаимной симпатией и, поскольку двое молодых людей к моменту встречи оказались без пристанища, оба решают принять предложение хозяина квартиры Подходцева поселиться у него. Хозяин находит у себя две бутылки вина и, разлив его по стаканам, говорит, что поднимает свой стакан «за людей, которые не вешают носа». Описав сцену встречи своих героев, Аверченко заканчивает соответствующую главу словами:

Три стакана наполнились красной влагой, и эта влага была первым цементом, который так крепко спаял трех столь не похожих друг на друга людей. Разные пути их вдруг причудливо скрестились, и эти три реки — одна тихая, меланхолическая (Громов), другая быстрая, прямая (Подходцев), а третья капризная, непостоянная (Клинков) — слились воедино и потекли отныне по одному руслу... И только ложась спать, все трое с некоторым удивлением отметили, что они как будто созданы друг для друга. (*Подходцев*, с. 21.)

В предисловии к первому русскому изданию романа Мюрже говорится, что быт, который он обрисовывает, — «своеобразный мирок парижской молодежи, студентов, литераторов и художников». Как было сказано, Мюр-

же, представляя своих четырех героев, дает читателю сразу ясное представление о занятиях молодых людей и об их одержимости служением тому или другому виду искусства и науки. По мере того, как разворачивается дальнейшее изложение отдельных сцен из жизни героев Мюрже, все полнее вырисовываются их интересы и настойчивость, с которой они преследуют цель — создать что-либо ценное, из ряда вон выходящее в той области искусства, которую они избрали поприщем своей жизненной деятельности. Читатель последовательно узнает, что Марсель в течение многих лет работает над созданием огромного полотна, изображающего «Переход через Черное море». Шонар не прекращает усилий над композицией музыкальной симфонии, которую он называл «Влиянием синего в искусстве». Родольф занимается журналистикой и поэзией и старается добиться постановки написанной им драмы «Мститель». Наконец, Коллин, книголюб, философ и эрудит в области отвлеченных дисциплин, зарабатывает случайным преподаванием языков и иных предметов.

Претерпевая лишения, влача подчас полуголодное существование в своих нетопленных мансардах, четыре мушкетера Мюрже не унывают, продолжают верить в успех и не отказываются от служения каждый своей музе. При этом они урывают от жизни все те радости и удовольствия, которые, несмотря на отсутствие денег, доступны жизнерадостной и беззаботной молодости.

В этом смысле герои романа Мюрже представляют собой тот первоначальный, если так можно выразиться, «истинный» тип богемы, каким он был создан в эпоху проникновения романтизма во французскую литературу. Это первоначальное, более узкое понимание круга лиц, относимых к богеме, затем сменилось более распространительным толкованием этого слова. Об этой эволюции понятия богемы Парри говорит следующим образом:

When the age of romanticism touched French literature this name was exaltingly used to denote the penniless and carefree

writers, poets, journalists, artists, actors, sculptors, and other members of that wide group which later the French and the Russians so aptly labeled «intellectual proletariat»⁷ *.

В «человеческой троице» повести Аверченко объединились молодые люди, непосредственная причастность которых к какой-либо области искусства и литературы автором не очерчивается с той ясностью, какая дается читателям романа Мюрже. Аверченко ограничивается несколькими замечаниями, из которых читатель может сделать свои заключения о том, чем, собственно говоря, занимаются герои повести, какое они имели отношение к литературе, к искусству, к науке, и насколько они себя сами считали служителями муз или науки. О занятиях Подходцева и его двух друзей мы узнаем немного из кратких замечаний, разбросанных в отдельных главах повести. Так, например, Аверченко отмечает в одном месте «хлопотливые и трудовые дни» своих героев, а в другой главе говорит:

Все трое были люди такого сорта, что если не сидели в каком-нибудь кабачке или не работали, добывали себе пропитание — они обязательно и безусловно лежали на кроватях.

(*Подходцев*, с. 64.)

Не указывая подробнее, какими именно занятиями его герои добывали средства к существованию, автор на этот счет ограничивается намеками, сделанными вскользь и позволяющими читателю составить себе представление о роде деятельности Подходцева и его друзей. Кое-какой свет на эту деятельность бросает, между прочим, и описание помещения, в котором живут друзья, гласящее:

* Когда век романтизма затронул французскую литературу, это имя стали широко использовать для обозначения безденежных и беззаботных писателей, поэтов, журналистов, художников, актеров, скульпторов и других членов той широкой группы, которую позже французы и русские так удачно окрестили «интеллектуальным пролетариатом» (*англ.*).

Комната большая, но низкая. Меблировка довольно однообразная: три стола, заваленные книгами, исписанной бумагой и газетами; три кровати, две из которых завалены телами лежащих мужчин.

(Подходцев, с. 108.)

Известно, что Громов с наступлением лета, по словам автора, «уехал на завод летним практикантом». Это замечание, очевидно, свидетельствует о том, что Громов был студентом. О студентах и студенческой жизни встречаются и другие упоминания. Клинков, главный специалист «троицы» по раздобыванию денег в критические дни безденежья, когда пускался в соответствующие «экспедиции», как говорит автор, «по дороге заходил к соседу по номерам, какому-нибудь обдерганному студенту». Подходцев или был в прошлом студентом, или намеревался когда-то таковым стать. Во всяком случае, когда он обращается к Клинкову с просьбой помочь ему сочинить заявление в университет, то последний не видит в этом ничего необычного и принимается за составление заявления (хотя просьба Подходцева на самом деле оказывается просто шуткой).

В повести разбросаны также замечания о причастности трех друзей к журналистике и об особом увлечении Громова поэзией и, как говорит Подходцев, «высокими искусствами».

Когда во время одной из обычных среди друзей шуточных перепалок один из них удачно сострил, то другой заметил, что этот неплохой каламбур следовало бы записать. По его словам, в редакции (какого-то журнала «Скворец») за такой каламбур заплатили бы хотя бы лишний рубль. В комнате друзей, как указывалось, всюду лежали исписанные листы бумаги, а когда в их распоряжении неожиданно оказалась более значительная сумма денег, то они начали издавать сатирический журнал. В главе, посвященной описанию этого эпизода в жизни героев повести, Аверченко рассказывает об участии каждого из друзей в работе по изданию журнала такими словами:

Подходцев позировал Клинкову для спины Зевса-громовержца, а Громов тщетно подбирал рифму к слову барышня.

(*Подходцев*, с. 31.)

Наконец, в дополнение к сказанному о занятиях и интересах Подходцева и его двух друзей, в повести находим некоторые намеки и штрихи, обрисовывающие окружение знакомых и приятелей «троицы». Молодой человек по фамилии Харченко, фигурирующий в нескольких эпизодах повести как жертва шуток трех друзей, — сын состоятельных родителей и, как можно предположить, студент. Близкий приятель Клинкава — молодой художник Урываев.

Одним словом, герои повести Аверченко и компания молодых людей, с которыми они соприкасаются по ходу действия в ряде описываемых эпизодов, представляют собой именно такую среду, которая подходит под то, более широкое, понятие слова богема, какое сложилось в России к началу нашего века и нашло выражение в определении этого термина в русской дореволюционной энциклопедии. Эта энциклопедия указывает, что словом богема Мюрже называл студентов Латинского квартала, и продолжает:

С тех пор богемой называют всякую интеллигентную бедноту, которая артистически, весело и беззаботно переносит лишения и даже с некоторым презрением относится к благам земным⁸.

Бедность, как характерный признак, присущий представителям богемы, определяет существование молодых людей и в романе Мюрже, и в повести Аверченко. Отсутствие денег, невозможность свести концы с концами, внести квартирную плату, расплатиться с портным, сапожником, обзавестись приличествующей в некоторых случаях лучшей одеждой, наконец — приобрести необходимые продукты питания или скромно пообедать в дешевом ресторанчике, — вот тот фон, на котором разворачиваются отдельные сцены обоих произведений. Постоянная за-

долженность, непрекращающиеся попытки раздобыть хотя бы незначительные суммы денег на покрытие насущных потребностей принуждают героев Мюрже изощряться в спасительных выдумках. Цитированный выше американский исследователь жизни парижской богемы говорит по поводу романа Мюрже:

The majority of the stories illustrates efforts to raise money, struggles for commissions, and perpetual need to squeeze some enjoyment out of an unpromising existence in which they often go hungry⁹ *.

То же самое можно сказать о многих главах повести Аверченко, в которых его герои заняты подобными же усилиями. Подчас они следуют поговорке «голь на выдумки хитра» и принимаются за выполнение наивно-тонко задуманных планов, чтобы найти выход из хронического безденежья.

В своей статье о богеме для Большой советской энциклопедии А. Луначарский отмечает, что представителям богемы присущи «фантазирование, детская непрактичность и в то же время презрительная ненависть к устроившимся людям, к буржуазии»¹⁰.

Что касается замечания о непрактичности богемцев, то оно находит подтверждение и в двух напоминающих друг друга эпизодах, описанных в книгах Мюрже и Аверченко. Сопоставление этих эпизодов в то же время служит подтверждением высказанного заключения, что на выбор сюжета повести русского писателя в целом и на композицию отдельных ее эпизодов повлияло произведение французского автора романа о парижской богеме.

В романе Мюрже есть глава, озаглавленная «Струи Пактола» («Flots du Pactole»). Эпизод, изложению которого посвящена эта глава, сводится к следующему.

* Большинство рассказов иллюстрирует попытки раздобыть деньги, борьбу за комиссионные и постоянную потребность выжать хоть какую-нибудь радость из беспросветного существования, в котором они зачастую просто голодали (англ.).

Родольф, один из героев «Сцен из жизни Богемы», в один прекрасный день оказывается счастливым обладателем пятисот франков, которые он получил у банкира. За что именно Родольф получил эту большую сумму — автор прямо не поясняет. Читатель узнает, что Родольф направляется на квартиру своего друга Марселя, временно приютившего его у себя. Здесь Родольф желает поразить приятеля количеством неожиданно полученных золотых монет и, дождавшись возвращения Марселя, как бы невзначай роняет на пол один золотой за другим.

Марсель из деликатности сначала пытается сдержать свое любопытство, но он не в состоянии с ним совладать: «Третья монета покатила по полу, потом еще одна; целая кадриль золотых экую танцевала по комнате!» Пораженный Марсель просит друга разъяснить ему появление кучи золота и слышит от Родольфа:

Слушай, Марсель! Богатство, которое блестит перед твоими глазами, не есть результат низких происков; я не торговал своим пером: я не богат, но честен; это золото я получил из мудрых рук и дал клятву употребить его с пользой, на приобретение трудом положения, достойного честного человека, труд есть самая святая обязанность наша.

(*Богема*, с. 104.)

Родольф предлагает Марселю продолжать совместную жизнь, деля с ним плоды неожиданно свалившегося богатства, но на условии соблюдения совместного общего плана строжайшей экономии. Свое предложение Родольф заканчивает словами:

Если жить умеючи, то эта сумма обеспечит нам три месяца беспрепятственной работы, не смущаемой никакими заботами. Но нужна экономия.

(*Богема*, с. 105.)

Во что эта «экономия» на деле превращается, как оба друга ради того, чтобы не тратить драгоценного времени на излишние домашние работы по хозяйству, рос-

кошно питаются в соседнем ресторане и даже нанимают слугу и как, наконец, богатство друзей тает в их руках в восьмидневный срок, — представляет собой предмет дальнейшего содержания главы романа. Эта глава служит наглядной иллюстрацией непрактичности богемцев и их склонности к фантазерству, а также — прекрасным примером юмористического мастерства Мюрже. О нем современные американские критики Мосс и Марвел отзываются следующим образом:

Murger's humor, even at this day, does not pall. It is essentially modern in its keen sense of the ridiculous, in its grasp of the absurdities of situations — it is burlesque^{11*}.

Главе Мюрже «Струи Пактола» соответствуют несколько более коротких глав повести Аверченко, первая из которых озаглавлена «Издательское предприятие». В ней автор рассказывает, как Подходцев неожиданно получает по почте четыреста рублей. В ожидании своих сожителей Громов и Клинков хозяин квартиры разбирает бумажные деньги по полу, а сам ложится на кровать и прикидывается спящим. Возвращающиеся домой Громов и Клинков поражены количеством валяющихся на полу пятирублевок. Наконец они догадываются, что Подходцев хочет позабавиться их удивлением и, в свою очередь, решают сыграть с ним шутку. Они делают вид, что не обращают внимания на разбросанные на полу какие-то бумажки. Поднявшийся с постели Подходцев изумлен кажущимся безразличием друзей и настаивает на том, чтобы они подобрали «бумажки». Исполнив это, Громов и Клинков с деланным испугом высказывают всякие нелестные для Подходцева подозрения насчет происхождения необычно большой суммы денег. В конце концов Подходцев объясняет:

* Юмор Мюрже, даже в наши дни, не пресытил читателей. Он до сих пор злободневен своим острым восприятием нелепого, умением схватить абсурдность ситуации — это настоящий бурлеск (*англ.*).

Эти денежки чисты, как декабрьский снег... Оказывается, что три дня подряд я снился одной из моих теток... И снился «нехорошо», как она пишет. Думая, что я болен или заточен в тюрьму, она и прислала мне ни с того, ни с сего четыреста рублей.

(Подходцев, с. 23.)

Подходцев затем сообщает друзьям, что он рассматривает полученные деньги как принадлежащие им всем сообща. Друзья усаживаются вокруг стола, разглаживают и кладут на середину стола подобранные деньги и задумываются над тем, как с ними поступить. Громов говорит:

Большие деньги. Если начать на них пить — можно получить белую горячку, если есть — ожирение сердца и подагру, если истратить на красавиц — общее расстройство организма. Следовательно, нужно сделать на них что-нибудь полезное.

(Подходцев, с. 24.)

Обсудив разнообразные возможности практического применения неожиданно полученного богатства, друзья принимают план Громова — издавать сатирический журнал. В следующих двух коротких главах повести, озаглавленных «Деловые люди» и «Конец предприятия», Аверченко рассказывает о том, с каким рвением и воодушевлением друзья принялись за издание первого номера журнала «Апельсин» и о том, какой печальный конец был уготован их издательской деятельности. Она прекращается, как объясняет автор, по постановлению цензуры за «вредное антиправительственное направление» как раз в тот момент, когда друзья трудились над подготовкой выпуска второго номера журнала.

Как в произведении Мюрже, и в повести Аверченко непрактичность и фантазерство его героев приводит в короткий срок к краху непродуманно затеянного ими предприятия и к необходимости примириться с тем, что неожиданное богатство ими растрачено впустую.

В романе Мюрже оба друга, когда осознают, что их богатство, на которое они возлагали столько надежд, уже растрачено, философски относятся к возврату в первоначальное состояние безденежья. Родольф спрашивает Марселя: «Где мы сегодня будем обедать?» И слышит в ответ: «Это мы узнаем завтра» (*Богема*, с. 115).

Герои Аверченко столь же стоически воспринимают свою неудачу. Подходцев говорит: «Ну, что ж... Теперь, если приснюсь тетке — буду умнее». На что Громов несмело предлагает: «Что ж, господа... Если праздновали рождение — отпразднуем и смерть «Апельсина», после чего глава заканчивается словами автора: «Друзья в этот день пили больше обыкновенного» (*Подходцев*, с. 32).

Что касается характера юмористического повествования Аверченко о том, как его герои приводили в исполнение свой план издания сатирического журнала, то приведенные слова американского критика о юморе Мюрже и о его умении схватывать комическую нелепость ситуаций вполне приложимы и к юмору его русского подражателя. Однако, следуя в своем повествовании за замыслом и канвой эпизода в главе «Струи Пактола», Аверченко в то же время отдал дань несколько иному социально-политическому «климату», в который переносился сюжет повести. В соответствии с более «политизированной» атмосферой, царившей в среде петербургского интеллигентного пролетариата, по сравнению с весьма аполитичным духом, которым была проникнута жизнь парижской богемы времен Мюрже, Аверченко связывает крах издательского начинания своих героев с цензурными ограничениями властей. Но соответствующая глава повести «Конец предприятия» в смысле вторжения политики в жизнь ее героев — исключение. Повесть в целом таким внесением политического элемента не страдает и в этом смысле мало отличается от своего прообраза — романа Мюрже.

В этом произведении постоянным местом встречи кружка богемы служит кафе «Момус». Одна глава рома-

на Мюрже, озаглавленная «Кафе цыганского мирка» («Un café de la Bohème»), посвящена подробному описанию нравов, царивших в этом кафе и тем отношениям, которые сложились между героями романа и хозяином кафе. Рассказывая, что его «четыре мушкетера» были завсегда-таями кафе «Момус», автор говорит:

Они выбрали для своих собраний залу, в которой легко поместились бы сорок человек, но всегда сидели в ней одни, потому что сделали пребывание в ней невозможным для других посетителей.
(*Богема*, с. 150.)

Посетители избегали появляться в помещении, где собирались четыре друга, потому что при появлении посторонних богемцы начинали засыпать их разговорами и замечаниями, насыщенными, по выражению автора, «неслыханными афоризмами». В присутствии посторонних посетителей разговоры четырех товарищей вообще носили такой характер, что, как говорит Мюрже, «прислуживавший им гарсон сделался идиотом во цвете лет» (*Богема*, с. 151).

Содержание главы о кафе изобилует юмористическими эпизодами, причем в одном из них рассказывается о конфликте хозяина кафе с четырьмя друзьями, улаженном затем путем комически-торжественного соглашения сторон. Соглашение предусматривало права мушкетеров, которые подчеркивали в своих переговорах с хозяином, что они своим присутствием возвышают его кафе на положение литературно-художественного клуба. И в других главах романа часто фигурирует кафе «Момус» как место встречи не только четверых друзей, но и их легкомысленных подруг.

Со времени Мюрже романтизированный образ литературно-художественной богемы неразрывно связан в представлении людей с существованием постоянного места встреч представителей мира богемы. Высказывается даже мнение, что для того, чтобы можно было говорить

об особом круге людей, заслуживающих причисления их к богеме, необходимо, чтобы они регулярно собирались в каком-нибудь определенном кафе, ресторане или кабачке. В частности, в книге Парри находим замечание, что для «настоящей» богемы недостаточно, чтобы она собиралась только в своем малочисленном и замкнутом кругу, в какой-либо студии или художественной мастерской, ибо, как говорит автор:

A real Bohemia must, after all, be more democratic. Its stage must be a public eating place. Then it becomes history, even if it is swamped eventually by life-hungry outsiders^{12*}.

Такой сценой, на которой протекала часть жизни героев Мюрже, и было кафе «Момус». Публика, собиравшаяся в нем, была той аудиторией, на глазах которой происходило становление явления, вошедшего в историю под именем парижской богемы.

Однажды, когда по словам Аверченко, «все средства друзей пришли в упадок», и надо было подумать о том, как раздобыть денег, друзья задумали и разработали план. Его жертвой был их общий знакомый — довольно состоятельный, но скуповатый и недалекий молодой человек по фамилии Харченко, проживавший далеко от центра города. Друзья отправляются к нему, и им удается осуществить заранее ими задуманный план получения от Харченки сорока рублей. По возвращении в город, усталые и голодные, Подходцев и оба его друга решают отправиться поужинать в знакомый ресторанчик. Автор описывает его следующим образом:

Ресторанчик «Золотой якорь» помещался в подвальном этаже большого дома. Был он мал, дешев, изобиловал винами, славился своими специальными блюдами и кате-

* Настоящая богема, в конце концов, должна быть более демократичной. Сценой для нее должна служить общественная столовая. И тогда она становится историей, даже если затем ее захлестнут жадные до жизни посторонние.

горической прямизной мрачного, неразговорчивого хозяина.

(Подходцев, с. 48.)

Три друга входят в боковую комнату и, вызвав хозяина, которому были должны десять рублей, заключают с ним своеобразную сделку. Она состоит в том, что друзья уплачивают хозяину свой долг и отдают ему оставшиеся деньги с тем, чтобы он кормил их, по их собственному выражению, «покуда хватит», рассчитывая про себя, что денег хватит дней на пять.

По описанию Аверченко, боковая комната ресторана, в которой мрачный хозяин должен был кормить друзей, не располагала к особой жизнерадостности. Автор говорит:

Маленькая, темная комната освещалась тусклой лампой. На столе, вместо скатерти, лежала клеенка, над головами нависал тяжелый каменный свод...

(Подходцев, с. 48.)

Не смущаясь такой обстановкой, друзья прекрасно проводят время в веселой непринужденной беседе. Когда прошло несколько дней и друзья заказали очередной обильный обед с вином, слуга, принявший заказ, возвращается назад с громадным подносом, на котором стоит крошечный стакан вина и один фаршированный помидор. Друзья понимают этот красноречивый знак — их кредит теперь исчерпан.

Приводившееся евангельское изречение о любви друг к другу и о взаимной помощи, которым заключалась цитата из главы романа Мюрже «О том, как учредился союз Богемы» (см. выше с. 393), постепенно на деле осуществляется четырьмя друзьями. Заключив дружеский союз, они быстро привязываются друг к другу и привыкают совместно проводить свое свободное время. Об этом находим замечание автора:

Они были постоянными посетителями кафе Момуса, где их за неразлучность прозвали четырьмя мушкетерами.

В самом деле они вместе приходили, вместе уходили, вместе играли, а иногда вместе не платили за съеденное и выпитое.

(*Богема*, с. 150.)

Взаимная симпатия и любовь выработала в «четырех мушкетерах» привычку самоотверженно помогать друг другу и делить с друзьями, как нечто само собою понимающееся, и скромные приходы, и квартиру, и даже предметы гардероба. Мюрже по этому поводу замечает:

Самое похвальное братское чувство господствовало в этом кружке, где все — как горе, так и счастье — принадлежало всем, и тотчас же делилось.

(*Богема*, с. 225.)

По мере того, как развивается действие «Сцен» Мюрже, в жизни его героев происходят некоторые перемены, вносимые любовными увлечениями и привязанностями друзей. В главе, озаглавленной «*Dones Gratus*», автор рассказывает о шестимесячном периоде в жизни друзей, когда трое из них временно поселяются в одном и том же доме, каждый — со своей подругой сердца. Хотя каждая из пар, основавшая временный супружеский союз, заключила его по влечению чувства, далеко не всегда супружеская гармония и согласие царили в квартирках трех богемных семейств. Мюрже с большим юмором описывает положение, создавшееся для остальных жильцов дома, вследствие частых семейных бурь и недоразумений, ежедневно разражавшихся в квартирках Родольфа с Мими, Марсея с Мюзет и Шонара с Феми и сопровождавшихся невероятным шумом и криками. Но эти ссоры и скандалы, вызывавшиеся обыкновенно несдержанными и темпераментными возлюбленными друзей, нисколько не отражались на взаимоотношениях последних и не причиняли ущерба их дружеским отношениям. Мюрже высказывается по этому поводу следующим образом:

Но, чудное дело, в этой ассоциации, к которой принадлежали три молоденькие, хорошенькие женщины, не про-

исходило никаких разногласий между мужчинами: они преклонялись часто перед какой-нибудь нелепой прихотью своих возлюбленных, но ни один из них не колебался ни на одно мгновение перед выбором между женщиной и другом.

(*Богема*, с. 225.)

Такое романтически-возвышенное понимание дружбы между мужчинами, которое неизменно определяет поведение «четырех мушкетеров» в «Сценах» Мюрже и проходит красной нитью через повествование в его произведении, находит параллель в повести Аверченко «Подходцев и двое других».

В начале этой повести, следуя за Мюрже, Аверченко отмечает неразлучность своих героев. В главе «Издательское предприятие», упоминая о Подходцеве, автор говорит:

Его неразлучные товарищи по комнате и совместной жизни — Клинков и Громов — должны быть недалеко, потому что эта троица почти никогда не расставалась.

(*Подходцев*, с. 22.)

Из дальнейшего хода событий в повести, после того как привычная совместная жизнь «троицы» оказывается нарушенной кратковременным браком Подходцева, выясняется, что герои Аверченко имеют то же высокое и романтическое представление о дружбе и дружеских обязанностях, какие некогда воодушевляли четырех мушкетеров Латинского квартала. Разойдясь с женой через короткий период их совместной супружеской жизни и неожиданно вернувшись в свою старую квартиру, в которой продолжали жить Громов и Клинков, Подходцев с облегчением восклицает: «Боже, как я счастлив, что снова с вами!» (*Подходцев*, с. 114).

Позже, когда описываемые в повести обстоятельства складываются таким образом, что предстоит распад совместной жизни «троицы», в главе «Гибель Клинкава» Подходцев высказывает свое отношение к дружбе и говорит своим долголетним сожителям:

Правду ведь сказать, — я вас очень любил. У Клинкава были женщины, у Громова — поэзия и высокие искусства, а я — прозаический земной человек, в любой момент мог променять и то и другое на любого из вас.
(*Подходцев*, с. 132.)

После того, как Подходцев расходится с женой и возвращается к своим друзьям, Громов изменяет холостяцкому состоянию. В сущности, из сострадания он женится на Евдокии Антоновне, девице не первой молодости. На третий же день после свадьбы молодой муж ощущает непреодолимую потребность пойти проведать своих двух друзей. Евдокия Антоновна, отзывавшаяся о Подходцеве и Клинкаве, как о «пьяницах и пошляках», не хочет отпустить к ним мужа, высказывая уверенность, что он будет вместе с ними пьянствовать. Такое подозрение вместе с неместным и обидным отзывом жены о его друзьях до глубины души возмущает Громова, и он ставит на вид жене, что в его отношениях с друзьями «пьянство отнюдь не было главным». Затем обычно добродушный и кроткий Громов категорически запрещает жене дурно отзываться о его друзьях и подкрепляет свое запрещение грозным окриком: «Голову отгрызу тебе зубами, если еще раз пикнешь что-нибудь о Клинкаве и Подходцеве» (*Подходцев*, с. 124).

Застрадав своим гневом Евдокию Антоновну и показав ей, что он глава семьи и будет поступать, как ему заблагорассудится, Громов уходит к своим друзьям. Удивленные и обрадованные его неожиданным появлением Подходцев и Клинкав слышат от друга:

Можете себе представить, как я вас люблю, если даже радости медового месяца не удержали меня около обожаемой жены.
(*Подходцев*, с. 126.)

Третий член «троицы», наиболее влюбчивый и постоянно занятый своими любовными похождениями Клинкав, не меньше Громова и Подходцева ценит дружбу и говорит приятелю:

Послушай, Громушка... Ты меня знаешь: я мужчин ценю в десять тысяч раз больше любой женщины...
(*Подходцев*, с. 128.)

В «Сценах из жизни Богемы» Мюрже дает определение понятия любви и дружбы. Он говорит:

Любовь зарождается как бы самопроизвольно: она импровизация. Дружба же, напротив, так сказать, создается: это чувство, которое идет осторожно; это эгоизм ума, тогда как любовь — эгоизм сердца.
(*Богема*, с. 225.)

О природе и предпосылке дружбы высказывается и Аверченко, вкладывая в уста своего героя, Подходцева, следующие слова:

Дружба хороша, когда она — вольное растение, а не оранжерейная птичка, выращенная искусством опытного садовника.
(*Подходцев*, с. 132.)

Уделяя в своих произведениях столько внимания явлению дружбы, крепко связывающей взаимным уважением и симпатией молодых людей, членов дружеского кружка, Мюрже, а за ним и Аверченко, подчеркивают чувство гордости. Оно, по их мнению, есть необходимое условие прочности содружества.

Мюрже, описывая отношения, с годами сложившиеся между четырьмя героями его романа, высказывает мысль о значении гордости, присущей им и обеспечивавшей гармонию между ними. Он говорит:

Они уважали друг друга настолько, насколько каждый из них того заслуживал; и гордость, как противоядие зависти, предохраняла их от всяких мелочных неприятностей.
(*Богема*, с. 226.)

В повести Аверченко также находим высказывания насчет гордости и чувства собственного достоинства. Эти качества, как подсознательно чувствуют герои повести, предохраняют от появления чувства зависти, которое несовместимо с истинно дружескими отношениями меж-

ду людьми. В главе «У Клинка оказались принципы» описывается один из тех дней, когда Клинков и Громов, после женитьбы Подходцева оставшиеся жить в его старой комнате, очутившись в состоянии предельного безденежья, предаются мечтам о сытном и вкусном обеде. Громов, тщетно старавшийся найти спасительный выход из положения, наконец предлагает зайти к Подходцеву, у которого, по его словам, «наверное, есть какой-нибудь харч». Это предложение приятеля решительно отвергается Клинковым. У холостого Подходцева — объясняет Клинков — он мог бы забрать все, что ему понадобилось бы, потому что и тот, в свою очередь, мог бы и имел бы право так же поступить с ним, Клинковым. Однако у женатого Подходцева Клинков, по его выражению, не взял бы и «бутерброда с колбасой». Громов признает справедливость точки зрения Клинка и восклицает: «Голстяк! У тебя есть принципы?» (*Подходцев*, с. 112).

Другой член «троицы» в повести Аверченко — Подходцев, разойдясь с женой и вернувшись к своим старым друзьям, еще яснее формулирует свое понимание значения, которое гордость имеет для прочности дружеских отношений:

Дело в том, дорогие мои, что все мы трое горды, как знатные, но нищие испанцы. И все у нас идет хорошо, пока мы в одинаковом положении...

(*Подходцев*, с. 131.)

Отрезки времени, в течение которых «четыре мушкетера» у Мюрже и «троица» у Аверченко, подружившись и привязавшись друг к другу, совместно делят радости и горе, ведут богемный образ жизни, не обременяя себя обязанностями и правилами поведения, принятыми в мире буржуазного общества, поразительным образом совпадают в обоих произведениях. Читателю бросается в глаза, что речь в них идет о точно обозначенном периоде в шесть лет, по истечении которых в жизни героев обоих произведений появляются признаки приближавшегося

распада дружеского кружка и изменения образа жизни его членов.

Во второй половине романа Мюрже, в главе «Dopex Gratus», находим следующие слова автора:

Наши цыгане знали друг друга уже шесть лет. Этот длинный промежуток времени, в который их интимность постоянно возрастала, повлиял на каждого из них, не затрагивая их индивидуальностей...

(Богема, с. 225.)

В повести Аверченко, в главе, названной «Зловещие признаки», рассказывается о событии, послужившем как бы предзнаменованием последовавшего несколько позже прекращения совместной жизни «троицы». Это событие — неожиданное для его друзей решение Подходцева жениться. Обсуждая с Клинковым признаки изменившегося с некоторого времени поведения их общего друга, Громов замечает:

Вот, уже шесть лет, как мы неразлучно бок-о-бок живем все вместе, а еще не было более гнусного, более холодного времени.

(Подходцев, с. 95.)

Таким образом, целых шесть лет своей молодости прожили жизнью богемы как члены дружеского кружка Мюрже, так и «троица» героев Аверченко. Необеспеченность, беспорядочность и отчасти бесцельность этой жизни скрашивалась ощущением прочности и нерушимости их дружеского союза. Затем пришла пора, когда богемцы почувствовали наступление более зрелого возраста, а с его приходом в них восторжествовало благоразумие и сознание необходимости войти в колею общепринятой жизни. Отдавая себе отчет в том, что они уже уплатили дань юности, беззаботности и эксцентричности, они в то же время начали понимать, что пришло время распрощаться с привычным богемным образом жизни.

В романе Мюрже перемена, происшедшая во внутреннем мире четырех мушкетеров, и изменения, которым

подверглась их жизнь, описаны в двух заключительных главах его книги «Сцены из жизни Богемы». Предпоследняя глава этой книги озаглавлена «Эпилог любви Родольфа и Мими» («Epilogues des amours de Rodolphe et de Mlle Mimi»). Здесь Мюрже передает диалог, происшедший между Марселем и Родольфом, во время которого первый высказывает другу свой взгляд на их прежний образ жизни. По убеждению Марселя, с этой богемной жизнью надо, наконец, покончить навсегда. Перед задумчиво слушающим Родольфом Марсель раскрывает ход своих мыслей, приведших его к сознанию такой необходимости. Эти соображения, по словам Марселя, сводятся в общих чертах к следующему:

Мы не можем далее продолжать это существование вне общества, почти вне самой жизни, если не хотим оправдать презрительный взгляд на нас других [...] Поэзия гнездится не в одном только беспорядочном образе жизни, не в одних только импровизированных любовных похождениях [...], не в одних только эксцентрических выходах против предрассудков, которые останутся вечными властелинами мира [...] Чтобы иметь талант, недостаточно носить летнее пальто в декабре месяце; можно быть истинным поэтом или художником — и носить теплую обувь и есть три раза в день.

(*Богема*, с. 386—387.)

Марсель теперь считает, что для достижения поставленной цели необходимо идти избитой дорогой и что его новый взгляд на вещи не означает того, что он разбивает свои прежние кумиры. Благоразумие ему доказывает, что идти по прежнему пути смешно и опасно. Марселю стало ясно, что, продолжая бесполезное цыганское существование и оставаясь одиноким и безвестным, члены дружеского кружка, хотя и дотянут до тридцатилетнего возраста, но их будет съедать тайная зависть ко всем, сумевшим достигнуть цели. Чтобы продолжать прежний образ жизни, они будут вынуждены, как выразился Марсель, «прибегать к постыдным средствам паразитизма». Закljučая изложение своих соображений, Марсель делает вывод, что

жизнь, которую он и его друзья вели в прошлом, в сущности «была навязана необходимостью» (*Богема*, с. 387).

Из последней главы романа Мюрже, озаглавленной «Молоды мы бываем только раз в жизни», читатель узнает, что перемена образа мыслей и чувств в Марселе соответствовала тому, что пережили и перечувствовали остальные члены кружка богемы. В течение года, прошедшего со времени беседы Марселя с Родольфом, оба они и их друзья окончательно перестали быть представителями богемы и, каждый по-своему, включились в жизнь, которую автор романа называет «официальным миром».

Марсель добился того, что две его картины были вывешены на ежегодной художественной выставке. Картины были куплены богатым англичанином, а сверх того, Марсель получил заказ от правительства. Деньги, таким образом полученные Марселем, дали ему возможность уплатить часть своих долгов и обзавестись прилично обставленной квартирой и художественной мастерской. Шонар и Родольф получили признание читающей публики и упрочили свою репутацию и материальную независимость: первый — альбомом арий, которые исполнялись на всех концертах, а второй — книгой, занимавшей критиков «в течение целого месяца». Густав Коллин, который прежде любил утверждать, что «любовь есть нечто вроде слабительного, которое следует от поры до времени принимать, чтобы освободиться от лишней тяжести» (*Богема*, с. 201), унаследовал состояние, изменил свой старый взгляд на любовь и удачно женился. В своем доме он стал устраивать званые вечера с музыкой и угощением.

Роман Мюрже заканчивается повествованием о том, как однажды вечером Марсель зашел к Родольфу и рассказал ему о своей неожиданной встрече с Мюзеттой, с которой он когда-то имел продолжительную любовную связь. Теперь, как заверил друга Марсель, ничего не осталось от его прежнего чувства к Мюзетте, кроме рукописи стихотворения, в свое время написанного им и посвящен-

ного ей. Такое исчезновение своего чувства Марсель объясняет тем, что их песенка, по его мнению, уже спета, и человек бывает молод только раз в жизни.

На вопрос Марселя, где Родольф собирается пообедать, последний отвечает предложением:

Пойдем обедать за двенадцать су с персоны в тот ресторанчик на улице Дю-Фур, где кушанье подается на плоских фаянсовых тарелках и где мы бывали так голодны после обеда.

(*Богема*, с. 413.)

Но Марсель отклоняет предложение друга со словами, представляющими в то же время концовку романа Мюрже:

Ну, нет, покорно благодарю. Я не прочь перенестись еще раз мысленно в прошлое, но не иначе, как со стаканом настоящего вина в руках, сидя в покойном кресле. Что делать! Я совсем испортился и люблю теперь только то, что действительно хорошо.

(*Богема*, с. 413.)

В повести Аверченко первым предзнаменованием предстоящего распада совместной холостяцкой беспорядочной жизни его трех героев служит неожиданное для его друзей решение Подходцева жениться на Наталии Ильинишне. О том, как оказываются тщетными попытки Клинкова и Громова отговорить друга от принятого решения, автор рассказывает в главе «Подходцев уходит». Отношение двух друзей к увлечению Подходцева и к состоявшейся его женитьбе сильно напоминает представление о любви, высказываемое молодым и еще не остепенившимся Коллином. Подобно этому герою романа Мюрже, Громов и Клинков считают, что эпизод влюбленности их друга Подходцева — есть проявление некой болезни, от которой он вскоре должен будет излечиться. Они остаются жить в старой комнате и над изголовьем пустующей кровати Подходцева прибивают черную дощечку с надписью:

Заболел женитьбой 11 мая 19..

Выздоровел ...

(*Подходцев*, с. 109.)

Уход Подходцева действительно оказывается лишь кратковременным. Его жена, недалекая и пустая женщина, надоедает Подходцеву постоянными приглашениями в их дом скучных и не интересных для него гостей: ее родственников и знакомых. Их неумолкаемые бессодержательные и трафаретные разговоры и сплетни все больше раздражают Подходцева, и через три месяца супружеской жизни его терпению приходит конец. Он расходится с Наталией Ильинишной и направляется в свою прежнюю комнату, к своим друзьям. Обрадованные его возвращением Клинков и Громов в ознаменование этого события дополняют надпись на дощечке у изголовья его кровати, вписывая дату его «выздоровления». Описанию этого эпизода из жизни «троицы» посвящена глава повести, озаглавленная «Возвращение под родной кров».

Но возвращение Подходцева — есть только временная отсрочка развала, угрожающего привычной совместной жизни «троицы». Два события потрясают эту совместную жизнь. Читатель узнает сперва о дальнейшей судьбе Громова. Об этом рассказывается в главе «Похороны Громова». Будучи, по словам автора, «неопытным благотворителем», Громов считает своим долгом, ввиду причудливо сложившихся обстоятельств его первого знакомства с Евдокией Антоновной, жениться на этой девице не первой молодости. И хотя, как говорится в повести, «на бракосочетание беднягу вели, как на казнь», брак Громова оказывается гораздо более прочным, чем брак Подходцева. Громов, отнюдь не влюбленный в свою жену, все же не расходится с ней, так как знает, что жена его любит. Таким образом, неожиданная женитьба Громова явилась первым событием, серьезно потрясшим привычную жизнь «троицы».

Второе событие, оказывающееся роковым для совместной жизни трех друзей — внезапная смерть отца Клинкава, оставившего сыну в наследство крупное состояние. Читатель узнает об этой перемене в судьбе Клинкава из двух, следующих одна за другой, глав повести: «Клинкову угрожает опасность» и «Гибель Клинкава».

Клинков узнает о получении наследства от поверенного его скончавшегося отца. Поверенный неожиданно появляется на квартире трех друзей и объявляет, что Клинков, как единственный наследник своего покойного отца, становится владельцем трех домов и трехсот тысяч рублей процентными бумагами. Первым желанием ошеломленного Клинкова, когда он отошел от изумления и осознал сообщенную ему новость, было — помочь своему другу Громову. Удостоверившись в том, что поверенный может немедленно выдать ему десять тысяч рублей наличными, Клинков предлагает Громову за эту сумму «откупить» его от нелюбимой жены. Но Громов отказывается от этого щедрого предложения своего разбогатевшего друга, указывая на невозможность разойтись с женой, опять-таки потому, что он знает, что она его любит.

Тогда Клинков, взяв от поверенного пятьсот рублей, сообщает друзьям, что он собирается использовать эти деньги на то, чтобы справить, по его словам, «пышную тризну по Громове». Возвещая об этом плане Подходцеву и Громову, Клинков еще не отдает себе отчета в том, насколько печальные последствия перемена в его судьбе будет иметь для привычной жизни «троицы». На это ему указывает Подходцев, играющий в повести Аверченко ту же роль «резонера», каковую в романе Мюрже исполняет Марсель. Подобно тому, как последний разъясняет Родольфу невозможность продолжения прежнего богемного образа жизни, Подходцев говорит своим друзьям о значении имевших место событий для дальнейшей судьбы «троицы»:

Нет, хлопчики, наше преступное сообщество расшаталось в конец, я это чувствую. Не надо закрывать глаза! Первый удар нанесла своей нежной, но жестокой рукой высокочтимая Евдокия Антоновна, второй — эта противостественная помесь лисицы и очковой змеи, это доверенное лицо, этот погубитель Клинкова...
(*Подходцев*, с. 131—132.)

Огорченные этими словами Клинков и Громов как будто не хотят взглянуть правде в глаза, как это делает Подходцев. Каждый по-своему, видимо, без внутреннего убеж-

дения, они возражают ему и не соглашаются с его заключением, что наступил момент, когда «троице» надо расходиться. В конце концов, после того как трем друзьям еще удастся в последний раз совместно подшутить над поверенным, Подходцев делает окончательный вывод из создавшегося положения. Указывая на Клинка, держащего в руках пятьсот рублей, полученных от поверенного, Подходцев говорит:

Погляди: ты небрежно держишь в руках пятьсот рублей, и это только одна тысячная твоих денег!! С этого момента мы тщательно разгорожены: женатый человек, миллионер и бобыль-прощельга...
(*Подходцев*, с. 135.)

Определив такими словами разницу в своем положении по сравнению с положением его двух друзей, образ жизни которых в корне изменился, Подходцев принимает решение сообщить своим долголетним сожителям о том, что он уезжает в Харьков. Там, по его словам, он взялся приводить в порядок библиотеку одного богатого чудака.

Сцена прощания Подходцева с друзьями описывается в предпоследней главе повести, носящей название «Подходцев уезжает совсем». Получив записку от Подходцева с извещением о его предстоящем отъезде, попрощаться с другом приезжает на своем новом автомобиле Клинков. Подобно Родольфу в романе Мюрже, и Клинков предлагает другу еще раз пережить прежние чувства дружеской общности в привычной обстановке их излюбленного ресторанчика. Он говорит:

А мы как раз проектировали с Громовым: я оставляю дома все свои деньги, Громов всю свою жену, забираем тебя и идем в наш старый притон «Золотой якорь»; там принимаемся уничтожать шашлык и знаменитый салат из помидоров. Вино, для экономии, захватим, как прежде, с собой из дому и будем пить, вынимая его тайком из кармана.
(*Подходцев*, с. 137.)

Как и Марсель у Мюрже, Подходцев отклоняет предложение друга, но не по причине изменившихся вкусов и

повышенных требований, как объяснил свой отказ герой французского писателя. Подходцев находит, что в изменившихся обстоятельствах их личных судеб то, что предлагает Клинков, есть «искусственное удобрение! Это не то». Огорченно слушающему его Клинкову Подходцев поясняет свои слова, говоря, что, выпивая контрабандное вино, его друг, конечно, не будет забывать, что он может в любую минуту потребовать дюжину французского шампанского. Громов же не забудет, что дома ему приготовили бы знаменитый салат во сто раз лучше. «К чему же эта комедия?» — с горечью заключает Подходцев (с. 137).

На сцене отклонения Подходцевым предложения Клинкова пойти пообедать в «Золотой якорь» заканчивается сюжетное и структурное сходство между повестью Аверченко и ее французским прообразом. Слова Подходцева не представляют собой концовки повести, и из последующего повествования выясняется, что попрощаться с Подходцевым приходит и Громов в сопровождении жены. Вся компания отвозит Подходцева на автомобиле Клинкова на вокзал, и в заключении главы, описывающей проводы и отъезд Подходцева, автор рассказывает:

Подходцев соскочил с автомобиля, бросил носильщику свой не особенно тяжелый чемодан, расшаркался перед Евдокией Антоновной, наскоро поцеловал раскисшего Клинкова и, вырвавшись из цепких объятий Громова, бросился в подъезд вокзала.

(*Подходцев*, с. 141.)

Аверченко не следует за эпически спокойным, овеванным романтической ностальгией, но примиряющим с происшедшими переменами в судьбах его героев заключением произведения Мюрже. Русский автор, напротив, готовит читателю своей повести неожиданно драматический оборот в повествовании о судьбе ее героев. Из содержания последней короткой главы книги Аверченко, озаглавленной «Конец, пыль и паутина», мы узнаем, что отъезд Подходцева был лишь комедией, разыгранной им перед друзьями, расстаться с которыми, по его убеждению, пришла

пора. Узнав в вестибюле вокзала от носильщика, что автомобиль, на котором его привезли, уже уехал, Подходцев расплатился с носильщиком, вскинул на плечо свой чемодан, и, не имея денег на извозчика, пешком вернулся к своему дому. Затем он поднялся по лестнице в свою квартиру, бросил чемодан на кровать и сел в кресло перед камином, в котором огонь еще не погас. Подходцев спокойно, медлительно набил табаком свою трубку и, откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза, пробормотал:

Ну что же. Ждать так ждать. Над нами не каплет... Будем ждать.

(*Подходцев*, с. 143.)

За этими словами героя повести следует заключительное замечание самого Аверченко:

Вокруг все молчало. А в позе сидящего было столько спокойного терпения и уверенности в себе, что, казалось, этот человек способен просидеть так несколько лет, ожидая.

(*Подходцев*, с. 143.)

Для исследователей жизни и творчества Мюрже не подлежит сомнению автобиографичность «Сцен из жизни Богемы». Это вскользь отмечается уже в кратком предисловии к первому русскому изданию произведения Мюрже, в котором оно называется «беллетристической летописью цыганщины». В статье «*Murger and his work*», предпосланной первому английскому переводу романа Мюрже, говорится:

The Bohemians, wild and eccentric as the work may appear, is essentially true to Nature. It is a series of sketches of real life. The experiences related are actual ones, the characters existed and can be readily identified. Many writers have put their heart into their work, but Murger put his life^{13*}.

* Представители богемы — дикие, эксцентричные, как это может показаться из романа, в высшей степени верны природе. Это серия очерков о настоящей жизни. Переживания их злободневны, персонажи существовали в повседневной жизни, и их можно легко распознать. Многие писатели всю душу отдавали своей работе, однако Мюрже положил на нее всю свою жизнь (*англ.*).

Вскоре после того, как написаны были эти строки, когда роман Мюрже печатался в русском переводе в журнале *Вестник иностранной литературы*, в одном из выпусков этого журнала появилась статья «Анри Мюрже и его типы». В этой статье ее автор, говоря об истории создания «Сцен из жизни Богемы», также отметил автобиографичность этого произведения:

Эти сцены вдохновлены непосредственно условиями жизни самого Мюрже. И действительно, теперь доподлинно известно, что главные действующие лица в романе и пьесе, извлеченной из него, а равно и добрая половина всех рассказанных там приключений, взята прямо из жизни. Об этом писал не раз покойный Шамфлери, друг Мюрже, да и сам прототип Шаннара «Сцен» — Александр Шанн рассказывал об этом подробно¹⁴.

Современные американские авторы книги о Мюрже — Мосс и Марвел, — особо отмечая талант французского писателя в создании романтизированного представления о жизни парижской богемы, пишут по этому поводу:

Out of the drama, the comedy, the melodrama, the drabness of artist life Henry Murger created an enduring and glamorous legend. He made «Bohemia» and «Latin Quarter» magic terms for romantic adolescents all over the world^{15*}.

Хотя он и создал своим произведением легенду о Латинском квартале, сам Мюрже отнюдь не считал богемную жизнь его обитателей неким идеалом, к которому следовало бы стремиться. Наоборот, он смотрел на период своей жизни, давший ему столь обильный материал для создания «Сцен из жизни Богемы» как на тяжелый искус, пройти через который безнаказанно удастся далеко не всякому восторженному молодому служителю муз. Уже в 1846 году Мюрже говорил, что богема — это

* Исходя из драмы, комедии и мелодрамы, из тусклой жизни художников, Анри Мюрже создал стойкую и чарующую легенду. Он превратил «богему» и «Латинский квартал» в волшебные термины для обозначения романтических юношей по всему миру (*англ.*).

тупик, из которого ему удастся выбраться не иначе, как через Академию или через морг. По прошествии нескольких лет, когда он писал предисловие к своей книге «Сцены из жизни Богемы», Мюрже повторил мысль, высказанную им о богеме, уточнив свои слова о ней следующим образом:

Богема — это этап в жизни художника. Она преддверие к Академии, к больнице или к моргу¹⁶.

Заключая свое предисловие, Мюрже называет богемную жизнь «очаровательной и ужасной жизнью», у которой есть свои покорители и свои мученики. В эту жизнь, по его мнению, нельзя вступать, не решившись заранее подчиниться безжалостному закону «горе побежденным»¹⁷.

Такое отношение к богеме не явилось для Мюрже плодом более позднего, ретроспективного взгляда на испытания его юношеских лет, проведенных среди обитателей Латинского квартала. Мнение о богемной жизни как о таком этапе в жизни художника или литератора, пройти который необходимо лишь в случае невозможности его избежать, очевидно, сложилось у Мюрже уже в то время, когда он создавал свое произведение в виде отдельных «Сцен». Об этом свидетельствуют слова Марселя, разъясняющего Родольфу, что «жизнь, которую мы вели, была нам навязана необходимостью» (см. выше с. 413—414). К такому выводу, вытекающему из восторжествовавшего благоразумия, что наступило время отказа от богемного образа жизни, приходят и остальные герои романа Мюрже.

Не так обстоит дело в повести Аверченко «Подходцев и двое других». Распадение «троицы» героев этой повести и изменение образа жизни трех ее членов происходит не в результате внутренних причин, не в результате осознания героями повести бессмысленности продолжения прежнего беспорядочного образа жизни и не как последствие того, что члены «троицы» в какой-то мере

преуспели в достижении поставленных себе целей в личной жизни. Ни Громов, ни Клинков, ставшие «отщепенцами» по отношению к Подходцеву, не изменяют своего образа жизни в результате психологической эволюции и осознания того, что пришла пора включиться в жизнь общества. Нет указаний автора на то, чтобы один из них преуспел в той области, в которой лежали его интересы и в которой, так или иначе, он пытался добиться какой-то цели или признания.

Распадение «троицы» Аверченко происходит как следствие особо сложившихся обстоятельств, без предварительного постепенного процесса внутреннего, душевного отчуждения героев повести от их прежнего идеала цыганщины. Создавшееся положение, приводящее к прекращению совместной жизни и разлуке друзей, правильно объясняется Подходцевым, который говорит:

Во всяком случае, я могу утешиться тем, что расстались мы по причинам, не лежащим в нас самих.
(*Подходцев*, с. 135.)

Эти слова показательны не только в том смысле, что они с большой ясностью формулируют суть причин распада «троицы». Они характерны для понимания отношения самого Подходцева к шестилетней совместной жизни с друзьями и установившегося на почве этой жизни тесного содружества. Прежняя жизнь и создавшаяся дружба составляют в представлении Подходцева одно неразрывное целое и некое идеальное состояние, выход из которого по причинам внутренним, то есть психологической эволюции взглядов и чувств, рассматривался бы им как тяжелый удар и как измена общему идеалу.

Правда, и в заключительной части романа Мюрже, один из его героев, Марсель, во время разговора с Родольфом (см. выше с. 413), тоже касается вопроса как бы измены прежнему идеалу, когда говорит:

Ты скажешь, что я разбиваю свои кумиры, что жизненная порча коснулась меня, а между тем то, что я говорю

тебе, есть лишь искреннее выражение моей мысли. Без моего ведома во мне произошла мало-помалу благодарная перемена.

(*Богема*, с. 387.)

Однако в романе Мюрже собеседник Марселя Родольф не оспаривает благотельности перемены, происшедшей в друге. Он переживает ее сам, а из заключительной главы произведения Мюрже мы ведь знаем, что и остальные члены тесного кружка богемы, каждый по-своему, пришли к тому же заключению, к которому пришел Марсель. Таким образом, его вопрос о том, что он «разбивает кумиры», остается в произведении французского писателя лишь риторическим вопросом как для его героев, так и для самого Мюрже, как было показано выше (см. с. 413—414).

По-иному вопрос измены прежнему идеалу трактуется в повести Аверченко. Подходцев, сам на короткое время «изменивший» идеалу богемного содружества, разойдясь с женой, возвращается к прежнему образу жизни, в прежнюю компанию своих друзей, будто бы навсегда «излечившимся» от заблуждений и уверенным в благотельности именно прежнего идеала вольной, беспорядочной, холостяцкой жизни на основах тесной взаимной дружбы. Подходцев не только находит утешение в том факте, что его два друга расстаются с ним «по причинам, не лежащим в них самих», но и убежден в том, что их прежняя жизнь — не просто приятное состояние и временный этап юношеской жизни, но и желанный непреходящий идеал. На его восстановление не только можно надеяться, но, по убеждению Подходцева, этого восстановления следует дожидаться. Разлука с друзьями представляется ему временной, и он говорит:

Мы расходимся — я люблю иногда взглянуть в глаза старухе-правде — над нами сейчас разразилась гроза с ливнем, грянул гром... и... долго мы не обсушимся.

(*Подходцев*, с. 132.)

Так говорит и подчиняет свои действия своему убеждению Подходцев. Но остается вопрос, как относится сам Аверченко к проблеме богемы и к проблеме, которая постепенно выступает в повести на первый план: к проблеме значения и ценности дружбы.

Непосредственных высказываний Аверченко насчет цыганщины, подобных тем, которые содержатся в собственном предисловии Мюрже к его роману, в произведении русского писателя не находим. Остается поэтому руководствоваться содержанием самой повести и составить себе мнение о взгляде Аверченко на богему и на значение товарищества, дружбы между мужчинами, на основании слов и поступков героев повести.

По-видимому, правильно считать, что мыслям автора в какой-то степени соответствуют рассуждения Подходцева, которые он подкрепляет своим поведением. Если так, то следует признать, что Аверченко в своем отношении к богемному образу жизни и в своей оценке роли дружбы расходится с Мюрже. В то время как последний примиряется с распадением дружеского союза своих «мушкетеров» и считает такой отказ от прежнего идеала богемного существования просто неизбежным с точки зрения рассудочного подхода к жизни общества, Аверченко как будто подходит к разрешению той же проблемы скорее эмоционально.

Правда, наступает такой момент, когда Подходцев (поджидая друзей перед своим фиктивным отъездом) переживает сильное душевное волнение в связи с предстоящей длительной разлукой с долголетними друзьями и думает:

Дело ясное! Нельзя основывать свою жизнь только на дружбе. Что главное в жизни? Любовь к женщине, общественное положение, карьера... Все это стояло для меня на втором плане. Ну, вот это неправильно.

(Подходцев, с. 135—136.)

Однако это словесное отречение Подходцева от прежнего идеала оказывается лишь временным и не окон-

чательным. Заключительные слова героя повести Аверченко: «Будем ждать», также как и последнее замечание автора о способности этого человека «просидеть так несколько лет, ожидая», оставляют у читателя впечатление, что Подходцев все-таки не пожелал отречься от прошлого и готов надеяться на восстановление содружества «троицы».

Известно, что роман «Сцены из жизни Богемы», по существу, был беллетристическим воспроизведением юношеского опыта Мюрже и его тогдашних сожителей по жизни в Латинском квартале. Поэтому при сопоставлении с этим произведением повести Аверченко представляется не лишней попытка найти следы автобиографичности и в его произведении. Такая попытка становится особенно заманчивой, если принять во внимание сходство судеб, отдельных этапов жизненного пути и личных вкусов французского и русского писателей.

И тот и другой с ранних юношеских лет был предоставлен самому себе в смысле необходимости добывать средства к существованию. Ни Мюрже, ни Аверченко не смогли получить законченного среднего образования. Первый в ранней юности перебивался, получал скудное вознаграждение, состоя частным секретарем при чиновнике русского посольства в Париже; второй — зарабатывая деньги в севастопольской транспортной конторе. Обоих писателей с ранних лет влекло к журналистической и литературной деятельности, включиться в которую им удалось, лишь претерпев первоначальные неудачи и материальные лишения.

Мюрже было около 25 лет, когда ему представилась возможность начать печатать свои «Сцены» в парижском журнале *Корсаф* и по-настоящему испробовать свой литературный талант. В том же возрасте Аверченко впервые выступает на поприще писателя-юмориста и выпускает в Харькове журнал *Штык*, чем обращает внимание на свои писательские способности. К тридцатилетнему возрасту Мюрже становится известным в парижских

литературных кругах и вскоре достигает относительной материальной обеспеченности, которая позволяет ему поселиться в небольшом домике в окрестностях Парижа. Аверченко в том же возрасте быстро приобретает в Петербурге широкую известность в качестве редактора *Сатирикона* и в короткий срок становится материально независимым человеком. И Мюрже, и Аверченко, пройдя через испытания и лишения необеспеченной юности, упрочив затем свое материальное положение, с видимым наслаждением пользовались благами жизни и буржуазным довольством, любили общество и компанию друзей.

Про Мюрже его биографы Мосс и Марвел пишут:

A man with a genius for camaraderie, Murger gathered to himself during his short life a host of literary and artistic friends. His wit, his conversational charm, contributed to his contemporary renown... His friends were always ready to rush to his defense... His few enemies, by the very violence of their attacks, only dignified his position^{18*}.

Такая характеристика Мюрже словно написана с тем, чтобы ее целиком можно было применить к Аверченко. В этом легко убедиться, сравнивая цитированные слова американского автора с выдержками из воспоминаний современников Аверченко, которые приводились выше (см. с. 50).

Жизненный путь Мюрже оборвался преждевременно. В 39-летнем возрасте он умирает в парижской больнице, надорвав свое здоровье перенесенными лишениями и беспорядочной жизнью. Немногим старше был и Авер-

* Человек, обладающий гениальным даром дружбы, Мюрже собрал вокруг себя за время своей короткой жизни целое войско друзей — литераторов и художников. Его остроумие, очарование собеседника, которые он внес в свою современную славу... Друзья всегда готовы были броситься на его защиту... А несколько врагов самой силой и неистовством своих нападков только возвеличивали его положение (*англ.*).

ченко, когда его, смертельно больного, привезли в пражскую больницу, где он и скончался.

Тот период жизни Мюрже, когда он влачил нищенское существование среди обитателей Латинского квартала, соответствует годам жизни Аверченко в Харькове. К сожалению, именно об этом отрезке его жизни мы имеем настолько мало сведений, что нет возможности точнее установить, нашли ли его тогдашние переживания и встречи отражение в эпизодах, описываемых в повести «Подходцев и двое других». Придал ли Аверченко трем героям этой повести черты своих харьковских приятелей, навеяно ли описание шуток и проказ его «троицы» какими-либо воспоминаниями харьковских лет — установить трудно. По-видимому, автобиографическим можно однако считать эпизод с сатирическим журналом «Апельсин», за издание которого принимаются герои повести, как только у них на руках оказывается более значительная сумма денег (см. выше, с. 402).

Жизнь в Харькове начала нашего века и среда, окружавшая там Аверченко, не могли, конечно, и в отдаленной степени дать ему представление о повседневной жизни и устремлениях той богемы, какою была среда обитателей парижского Латинского квартала времен молодого Мюрже. Харьковский период, видимо, не оставил в памяти Аверченко достаточно ярких и своеобразных бытовых картин и переживаний, которые могли его воодушевить на беллетристическое воссоздание единственной в своем роде обстановки, в качестве фона для действия повести. Можно полагать, что, когда он ее писал, впечатления харьковской жизни давно уже поблекли, и Аверченко был захвачен и увлечен гораздо более своеобразной и интересной атмосферой невской столицы. Она в короткий срок стала для него родным и любимым городом. Это сказывается на повести «Подходцев и двое других», действие которой протекает в столичном Петербурге, а не в провинциальном Харькове, куда Подходцев в финале якобы собирается уехать от своих друзей как в добровольное изгнание.

Позаимствовав от Мюрже тему богемы в ее широком и довольно видоизмененном понимании, следуя за сюжетным построением произведения французского писателя, Аверченко создал лишь занимательную и смешную повесть. В ней он смог проявить талант юмористического рассказчика, умение поразить читателя неожиданностью комических ситуаций, живостью и остроумием диалогов действующих лиц. Но хотя в этой повести Аверченко касается и более серьезных, можно было бы сказать, извечных вопросов о смысле жизни, о значении и ценности дружбы, эти вопросы затрагиваются как бы вскользь, и они не находят продуманного и убедительного ответа. Его произведение в целом нельзя отнести к типу романтизированной, но правдивой «беллетристической летописи», какую по справедливости считается роман Мюрже. В свою повесть Аверченко не «вложил своей жизни», как это сказано о Мюрже и его романе. Русскому автору не удалось создать произведение-быль с «документальной ценностью», которая, в свою очередь, могла бы послужить непреходящим свидетельством исканий, развлечений, борьбы и достижений интеллигентного пролетариата его времени и на основе которой могла бы зародиться хотя бы скромная легенда о современной ему петербургской богеме. Вместе с тем, вряд ли есть основания предполагать, что именно такой целью Аверченко задавался, когда брался за сочинение своей повести «Подходцев и двое других».

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Easton Malcolm. Artists and writers in Paris; the Bohemian Idea, 1803—1867. New York, St. Martin's Press, 1964, p. 134.
- ² Moss Arthur, Marvel Evalyn. The Legend of the Latin Quarter: Henry Murger and the Birth of Bohemia. New York, The Beachhurst Press, 1946, p. 7.
- ³ Parry Albert. Garrets and Pretenders: A History of Bohemianism in America. Revised edition with new chapter: «Enter Beatniks» by Harry T. Moore. New York, Dover Publications, Inc., 1960, p. XXII—XXIII.
- ⁴ Приводимые в дальнейшем цитаты на русском языке из романа Мюрге взяты из первого русского издания: Мюрге Г. Сцены из цыганской жизни. С.-Петербург, типография Ф.С. Сущинского, 1875.
- ⁵ Easton M. Указ. соч., p. 121.
- ⁶ В дальнейшем, при сопоставлении цитат из этих двух произведений, роман Мюрге сокращенно будет называться «Богема», а повесть Аверченко «Подходцев».
- ⁷ Parry A. Указ. соч., p. XXI.
- ⁸ Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь, т. IV, статья «Богема». С.-Петербург, 1891, с. 165.
- ⁹ Easton M. Указ. соч., p. 121.
- ¹⁰ Луначарский А.В. Богема. Большая Советская Энциклопедия, изд. 1-е, том VI, с. 590—591.
- ¹¹ Moss A. and Marvel E. Указ. соч., p. 8.
- ¹² Parry A. Указ. соч., p. 324.
- ¹³ Murger Henri. The Bohemians of the Latin Quarter (Scènes de la vie de Bohème). Paris, London and New York. Comédie d'Amour Séries, Société des Beaux-Arts, [1887] p. VII.
- ¹⁴ Ф.Б. Анри Мюрге и его типы. — *Вестник иностранной литературы*, 1893, декабрь, с. 331.
- ¹⁵ Moss A. and Marvel E. Указ. соч., p. 7.
- ¹⁶ Murger H. Указ. соч., p. XVI, в переводе на русский.
- ¹⁷ Там же, с. XLIV, в переводе на русский.
- ¹⁸ Moss A. and Marvel E. Указ. соч., p. 9.

Глава третья

БОГЕМА РУССКАЯ

Тема богемы и некоторые вопросы, затронутые в его повести «Подходцев и двое других», продолжали занимать Аверченко и впоследствии, в годы его жизни в эмиграции, где он написал свое второе, более крупное, произведение — юмористический роман «Шутка Мецената».

Этот роман распадается на две, несколько неравные части: первую, более короткую часть, носящую название «Куколка», и вторую, более пространную, которую автор назвал «Чортова кукла». Из содержания восьми глав первой части романа читатель узнает о том, как создавалась своеобразная компания действующих лиц произведения, и в этой же части заключается завязка романа. Она приводит к совершенно неожиданным последствиям и непредвиденной развязке, описанию которых посвящена вторая часть «Шутки Мецената»¹.

В романе главное действующее лицо, вокруг которого группируются остальные персонажи произведения, — Меценат, внешность которого автор описывает следующими словами:

Огромный, грузный человек с копной полуседых волос на голове, с черными, ярко блестящими из-под густых бровей глазами, с чувственными пухлыми красными губами. (*Шутка*, с.2.)

О том, что за человек Меценат и как сложилась его предыдущая жизнь, Аверченко рассказывает в главе «Вообще о Меценате», сообщая о своем герое, между прочим, следующее:

Странный господин этот Меценат. По существу, не плохой человек, он с ранней юности был заедаем скукой, и эта болезнь вела его жизнь по самым причудливым, прихотливым путям.

(Шутка, с. 30.)

Из дальнейшего содержания главы становится известно, что Меценат был очень богатый человек, и это обстоятельство, по словам автора, «избавляло его от прозы добывания средств к существованию». Поэтому Меценат мог направлять весь запас своей энергии и свою богатую фантазию на изыскание способов борьбы с одолевавшей его скукой. Он много путешествовал, но, по выражению автора, «без толку», то есть, приехав в какую-либо страну, Меценат не интересовался осмотром музеев и достопримечательностей, а оседал в каком-либо «трущобном кабачке» и здесь заводил знакомство с его посетителями: матросами, рыбаками и просто оборванцами. Такую компанию Меценат любил угощать и с наслаждением наблюдать за возникавшими спорами и потасовками. Меценат горячо любил всякое проявление «живой жизни», но сам он как-то не умел включиться в нее с пользой для себя или для какого-нибудь дела. Он был женат, что было, по словам автора, «пожалуй, самой большой нелепостью его жизни». Почему Меценат женился, хотя по свойствам своего характера он, казалось бы, совершенно не был создан для супружеской жизни, автор объясняет одной особенностью своего героя, о которой говорит:

Меценат пылко, истерически любил всякую красоту — в красках ли, в звуке, в шелесте спелой ржи или в текучей изменчивости подвижного лица прекрасной женщины.

(Шутка, с.31.)

Встреча с прекрасной Верой Антоновной решила судьбу Мецената. Заключив при виде ее, что он за всю жизнь не встречал такой красавицы, он тотчас же решил, что обязательно женится на ней. Вера Антоновна, которая описывается как невероятно ленивая женщина, ум и тело которой, по словам автора, «были всегда в дремлющем состоянии», согласилась выйти замуж за Мецената в том случае, если, как она выразилась, «ее не будут тормозить». Обвенчавшись, Меценат с молодой женой уехал за границу, и там они носились в скорых поездах по всей Европе. О дальнейшей судьбе этого странного брака автор рассказывает:

Через полтора месяца эта удивительная пара вернулась, и Меценат любовно устроил жену на отдельной квартире, потому что, как объяснила она, «так меньше беспокойства».

(*Шутка*, с.34.)

В старой, большой и удобной квартире Мецената, где он проводил свою, по существу холостяцкую, жизнь, хозяйство вела его старая няня, Анна Матвеевна. В главной, просторной комнате квартиры, странно обставленной, со стенами, увешанными коврами, оружием и картинами, стояла широкая оттоманка. На ней, обложенный массой подушек, в «позе отдыхающего льва», любил полужечь Меценат. Здесь он обычно принимал компанию своеобразных своих приятелей, которых Аверченко выводит уже в первой главе своего произведения и характеристике которых посвящена одна из последующих глав романа под заголовком «О клеветках Мецената». С этими клеветками Меценат познакомился, посещая второ-разрядные кафе, ресторанчики и трактиры. С их посетителями он, смотря по обстоятельствам и своему настроению, либо играл в шахматы, либо в карты, а иногда — просто проводил время в беседах и с некоторыми сомнительными завсегдаемыми трактиров: карманными ворами, шулерами и мошенниками. Постепенно из числа случайных знакомых Мецената вокруг него образовался посто-

янный кружок в составе трех молодых людей, остроумных, довольно одаренных, но непрактичных, пробивавшихся случайными скудными заработками и не сумевших успешным образом устроить своей жизни. Первым к Меценату пристал Кузя. Автор описывает его как «бесцветного молодца с жиденькими усиками и вылинявшими голубыми глазами». Кузя был репортер мало читавшейся газетки, и Меценат познакомился с ним, играя в шахматы в задней комнате дешевого кафе. Кузя прикинулся слабым, начинающим игроком в шахматы и, предложив Меценату сыграть с ним несколько партий по рублю каждую, в конце концов обыграл Мецената на значительную сумму денег. Хитрость Кузи, его искусство в шахматной игре, чрезвычайная леность и остроумный цинизм, проявившийся в разговоре с Меценатом, так восхитили последнего, что он пригласил Кузю на ужин в ресторан. Описание этой первой встречи Мецената и Кузи автор заканчивает словами:

После ужина Меценат затащил Кузю к себе, и до утра за рюмками Шартреза оба с приятностью поспорили об Эдгаре По, о лучших способах обнаруживать преступления и о кратоте донских казачек. Оба были энциклопедисты. (*Шутка*, с.37.)

Со вторым своим будущим клеветником — студентом Новаковичем, молодым человеком чрезвычайной физической силы, добродушным и услужливым, но большим любителем приврать, Меценат познакомился при более драматических обстоятельствах. Встреча произошла ночью, в трактире, среди завсегдатаев которого можно было встретить не только карманных воров и шулеров, но и более опасных типов, которые не остановились бы и перед «мокрым делом». От одного из таких опасных мошенников, постоянного посетителя трактира, Мецената спас своевременным вмешательством Новакович. Автор, заканчивая повествование об этом эпизоде, замечает:

С этого дня Новакович сделался неизменным спутником, а иногда и телохранителем Мецената во всех авантюрах благодушного скучающего богача.

(*Шутка*, с.41.)

Позднее всех в число клеветов Мецената включился Паша Круглянский, которого автор называет «беззаботным поэтом», описывая его внешность словами:

Молодой человек с лицом, покрытым прихотливой сетью морщин и складок, так что лицо его во время разговора двигалось и колыхалось, как вода, подернутая рябью. Одет он был с вычурной элегантностью, резко отличаясь этим от неряшливого Мецената, щеголявшего ботинками с растянутыми резинками по бокам и бархатным черным пиджаком, обильно посыпанным сигарным пеплом.

(*Шутка*, с.2.)

Паша Круглянский был не лишенный таланта писатель и поэт, состоявший секретарем литературного журнала «Вершины» и прозябавший на этой должности, не сумев создать себе литературного имени и прочного положения в литературно-журналистическом мире. Как Меценат, так и Кузя, сам занимавшийся журналистикой, признавали большой литературный талант Паши Круглянского и, по словам автора, «в интимной беседе горевали, что их столь одаренный приятель не может добиться известности». Компания Мецената дала Паше прозвище Мотылек за то, что первое время он, являясь на квартиру Мецената, даже в десять часов утра неизменно говорил извиняющимся тоном: «А я к вам на огонек зашел».

Эта компания молодых людей, которых автор называет клеветами Мецената, привыкла проводить свое свободное время либо на его квартире, либо участвуя в его ночных экспедициях в рестораны и кабаки, пользуясь щедростью своего патрона и принимая как нечто должное тот факт, что он за всех расплачивался. Об этом обстоятельстве автор замечает:

Нельзя сказать, чтобы клеветы были корыстолюбивы, но все они рассуждали вполне справедливо, что если бы им вздумалось тянуться в расходах за Меценатом — каждый из них лопнул бы через два дня, а расстаться из-за этих пустяков с Меценатом никому и в голову не приходило — очень уж они привязались к Меценату, более того — полюбили Мецената.

(Шутка, с.43.)

Со своей стороны, патрон клеветов отлично знал, что деньги, которыми он их субсидировал, часто попадали к их еще более нищим приятелям, и это доставляло удовлетворение Меценату. Посмеиваясь, он говорил по этому поводу: «справедливое распределение между населением земных благ».

Автор романа говорит, что у Мецената и его клеветов была непонятная страсть: награждать всех, кто с ними соприкасался, прозвищем. Таким прозвищем они наградили также молодую, прекрасную наружностью и своими душевными качествами девушку Нину Иконникову, с которой как-то познакомился Мотылек и которую он, пораженный ее красотой и приветливой доверчивостью, решил представить Меценату и остальным членам его компании. На них девушка произвела не меньшее впечатление, и за ней укрепилась кличка, данная ей сейчас же Меценатом: Яблонька в цвету или, попросту, Яблонька. Пылкий и жизнерадостный телохранитель Мецената, студент Новакович, с первого взгляда по уши влюбился в Яблоньку и дал присягу быть ей верным рыцарем, защищающим ее от всяких невзгод.

Яблонька подружилась с Меценатом и его клеветами, находя, что они люди «странные немного, но милые», а отнюдь не «разбойники». Так о них отзывалась старая нянька Мецената, Анна Матвеевна, которая не могла примириться с необычными повадками компании и с беспорядком, вносимым приятелями ее питомца в любимое место их времяпрепровождения, гостиную Мецената. В эту темную Меценатову гостиную Яблонька после первого знакомства с ним изредка заглядывала, по выражению

автора, «как скупой петербургский луч», и ей суждено было сыграть свою роль в развитии событий, составляющих содержание романа.

Компания Мецената жила своеобразной жизнью, в значительной степени как бы отрешенной от внешнего обычного мира. Сам Меценат своим богатством был избавлен от необходимости заниматься делами материально-практического характера, а его прихлебатели, хотя и должны были изощряться в изыскании средств к существованию, все же в любое время могли укрыться от невзгод и тревожений будничной жизни в его доме, как на счастливом безмятежном островке. В этот уютно-ленивый мирок Мецената и его окружения, где время проводилось в бесконечных остроумных беседах философски-умозрительного характера и в шуточных перепалках, жизнь внешнего мира с его практической закономерностью вторгается в лице молодого поэта Шелковникова. Его приводит в дом Мецената и представляет всей компании студент Новакович.

Шелковников — начинающий поэт, совсем молодой человек с привлекательной наружностью, благовоспитанный и аккуратный, учтивый и внимательный в обращении с людьми, производит при всех своих положительных качествах впечатление наивного и простодушного существа. Жаждающая новых впечатлений компания Мецената, верная своей привычке, сразу же дает молодому человеку за его изящную внешность прозвище Куколка и в то же время задумывает подшутить над ним. Поводом для этого замысла послужило четверостишие, сочиненное Куколкой, которое стало известно Новаковичу и которое он сообщил своим приятелям до того, как ввел в их общество молодого поэта. Клевретам эти стишки кажутся смешными и бездарными, но Кузя и Мотылек с деланным восхищением повторно декламируют их в присутствии Куколки и справляются у него, не родственник ли он того талантливого поэта Шелковникова, стихотворения которого, по их словам, «по всему Петербургу в рукописных списках ходят».

Удивленный и польщенный такими словами Куколка отвечает клеветам, что он и есть автор стихотворения и что он никак не ожидал, что оно стало известным в городе, поскольку он не имел еще возможности стихи напечатать. Мотылек и Кузя продолжают затеянную игру во время роскошного обеда, сервированного на ковре в гостиной, расхваливают достоинства стихотворения и уверяют подвыпившего Куколку, что он весьма одаренный поэт. В конце концов, очарованный обществом и признанием, которое заслужили его стихи, молодой человек уходит, обещая, что он никогда не забудет этого чудного дня и что он будет, если ему позволят, впредь часто заходить к Меценату и его приятелям.

Когда компания Мецената осталась одна, Мотылек предлагает напечатать «для смеху» стихи Куколки в своем журнале. Но Кузе это кажется недостаточным, и он, со своей стороны, предлагает «сделать из него знаменитость», путем помещения в газете ряда заметок о подающем надежды молодом поэте и затем — устройства вечера его произведений. Заканчивая повествование этой главы, заключающей завязку романа, автор замечает:

Таким образом — однажды в сумерки была организована эта противоестественная издевательская кампания, направленная против святой простоты доверчивого, наивного, глуповатого юноши...

(Шутка, с.29.)

План кампании по распространению в печати сведений о дебюте молодого, многообещающего поэта усердно приводится в исполнение. Вскоре в квартиру Мецената влетает Кузя, бодро помахивая пачкой свежих газет. Его стараниями в двух столичных газетах были напечатаны заметки о появлении на литературном горизонте «новой звезды — поэта Шелковникова», который в присутствии избранной публики прочитал ряд своих произведений, произведших на присутствующих неизгладимое впечатление.

Счастливый Куколка приходит поблагодарить клеветников за то, что они сделали для него. По его словам, его

новые друзья не только обласкали его, не только придали ему уверенности в себе, но и сделали для совершенно неизвестного для них человека то, «чего не сделал бы родной отец», как выразился молодой человек в припадке обуревавшего его чувства признательности. Он продолжает:

Друзья! Я, конечно, знаю, что в ваших газетных заметках обо мне — много дружеского преувеличения, многого я еще не заслужил... Но, друзья! Я сделаю все, чтобы оправдать эти ваши даже преувеличенные надежды на меня! (*Шутка*, с. 52.)

Когда, по предложению Мецената, все присутствующие поднимают свои рюмки коньяка, чтобы выпить за появление на свет нового поэта, Куколка тронут до слез и, не зная, как выразить свои чувства, только повторяет слова о том, какая сладкая вещь дружба! Потом, озабоченный тем, чтобы справиться со множеством новых обязанностей, связанных с его новым положением поэта, имя которого уже известно в литературных кругах, Куколка прощается с компанией Мецената. Из всех заговорщиков только Меценат оказывается как будто дальновидным. В его душе возникает предчувствие возможности непредвиденных последствий затеянного дела. Он проявляет свою озабоченность, обращаясь к своим клеветам:

Шутка наша хороша, конечно... Она забавна, тонка и остроумна. Но как мы из нее, в конце концов, выпутаемся?! (*Шутка*, с. 60.)

Опасения Мецената оказываются пророческими, как выясняется из дальнейшего развития событий, составляющих содержание второй, и вместе с тем, заключительной части романа. Из нее читатель узнает, как перед изумленными заговорщиками их жертва — казавшийся бесхитростным и наивным Куколка — превращается в «чортову куклу».

Первые успехи Куколки, уже нешуточного характера и не предусмотренные заговорщиками, обнаруживаются

в день рождения Веры Антоновны. Получившая от клеветников прозвище Принцесса жена Мецената приходит к нему, чтобы обсудить порядок празднования ее дня рождения. Сделать это на своей квартире она наотрез отказалась, пояснив, что быть гостеприимной хозяйкой, по ее словам, «это нечеловеческий труд». Поэтому принимает решение идти всей компанией в кавказский кабачок и там чествовать Принцессу.

В этом кабачке заговорщики узнают от Мотылька, а потом и от самого Куколки о первом неожиданном последствии их усилий в деле создания Куколке репутации многообещающего поэта. Оказалось, что Мотылек, рассорившись с редактором своего журнала из-за отказа последнего напечатать его стихотворение, встретился после того с Куколкой и сказал ему:

Пойдите к редактору, попроситесь в секретари — он вас с удовольствием возьмет.

(Шутка, с. 87.)

Мотылек считал, что это его предложение будет как бы продолжением затеянной шутки и заранее предвкушал удовольствие узнать, чем кончится разговор редактора с Куколкой, «этих двух ослов», как он выразился о них.

Однако Куколка, пришедший в кабачок немного позже, рассказывает, что редактор оказался очень симпатичным, а когда узнал, что проситель — тот самый поэт Шелковников, о котором в последнее время так много писали в газетах, сделался вдвое любезнее и согласился принять Куколку секретарем журнала. Но Куколка, желая проявить лояльность по отношению к своему другу Мотыльку, обусловил свое согласие занять предложенную должность обещанием редактора, что он все же поместит в журнале стихи Мотылька, которые он до того отклонил как слишком длинные. Затем компания Мецената слышит от Куколки, что редактор действительно согласился принять к напечатанию стихи Мотылька, так как, по собственным словам молодого поэта, он «редак-

тора убедил». Глубоко уязвленный в своем самолюбии этим известием Мотылек, как рассказывает автор, только смог обвести всю компанию «непередаваемым взглядом» и воскликнуть:

Вы его убедили! Я его не мог убедить, а вы его убедили...
(*Шутка*, с.95.)

Испуганный неожиданным для него взрывом негодования Мотылька, простодушный Куколка говорит в свое извинение, что он хотел всего лишь сделать Мотыльку приятное. Продолжая свой рассказ о разговоре с редактором, Куколка подтверждает, что место секретаря за ним и что редактор уже просил у него стихотворение для следующего номера журнала. «У меня и сюжет в голове есть», поясняет в заключение Куколка при воцарившемся всеобщем неловком молчании.

Повествование главы, в которой компания Мецената, собравшаяся в кабачке чествовать Веру Антоновну, узнает о первой удаче Куколки, заканчивается на том, что молодой поэт знакомится с женой Мецената, которую присутствующие титулуют «Принцессой». В пояснение такого обращения к ней, Новакович рассказывает Куколке фантастическую историю о якобы причудливо сложившейся судьбе Принцессы, брошенной с ее сказочного родного Востока в холодный Петербург. Легковерный молодой человек принимает рассказ Новаковича за чистую монету и со свойственной ему учтивостью поддерживает разговор с Принцессой, на которую он производит самое благоприятное впечатление. Убедившись в том, что он, по ее словам, «тихий», Вера Антоновна даже приглашает Куколку к себе на чашку чая.

Удача Куколки, который, вопреки ожиданиям Мотылька, сразу же получил место секретаря литературного журнала, не воспринимается ни самим Мотыльком, ни остальными заговорщиками как симптоматический просчет в их планах. В ударе по самолюбию Мотылька Меценат и его компания еще не усматривают каких-либо признаков ошибочности расчетов на конечное посрамление

литературно-художественных кругов за то легкомыслие, с которым в их среде воспринимаются и распространяются непроверенные сведения и оценки. Заговорщики продолжают рассчитывать на то, что в конце концов доверчивый и, по их суждению, бесталанный Куколка окажется в смехотворной роли глупца, возомнившего себя безосновательно поэтом и писателем. В ожидании скандала, который тогда по необходимости должен будет разразиться в мире литераторов и журналистов, заговорщики продолжают кампанию по внушению их жертве мысли, что ее друзья искренне верят в способности и предстоящую блестящую литературную карьеру поэта Шелковникова.

В квартире Мецената устраивается торжественно обставленная «коронация» поэта, куда заговорщики приглашают и Яблоньку, роль которой должна заключаться в том, чтобы возложить на голову Куколки корону, искусно изготовленную для этого случая руками самого Мецената. Мотылек произносит прочувственную речь о трагедии, каковую можно наблюдать в жизни почти каждого поэта. Она заключается в том, что поэта недостаточно ценят его современники, и только после его смерти приходят к нему слава и признание. Обращаясь к Куколке, Мотылек продолжает:

И вот мы, люди хрупкой утонченной духовной организации, почувяв, что в отношении вас может совершиться та же вековая несправедливость — решили по мере своих слабых сил дать вам при жизни то, на что при других условиях вы имели бы право после смерти!
(*Шутка*, с. 114.)

Произведенный в «короли поэтов» растроганный Куколка преклоняет одно колено перед Яблонькой и благодарно целует ручки прекрасной девушки, возлагающей корону на его голову, при громких криках «Ура» клеветников во главе с Меценатом. Сама Яблонька не была посвящена в издевательский характер затеянной церемонии и, подобно самому виновнику торжества, в простоте душев-

ной без иронии относится к своей роли. Поэтому, когда стихают овации, Яблонька обращается к молодому поэту со словами:

К сожалению, я еще не читала ваших произведений, но я доверяю литературному вкусу всех, кто находится здесь, и поэтому присоединяю свои поздравления и пожелания...

(*Шутка*, с. 115.)

Состоявшееся знакомство Куколки с Верой Антоновой, а затем и с Яблонькой во время «коронации», как бы завершает кампанию по упрочению репутации молодого поэта среди непосвященных в заговор лиц ближайшего окружения Мецената и его клеветов. Вместе с тем, известность Куколки быстро растет и вне этой тесной компании. Из главы романа, озаглавленной «Куколка входит в моду», читатель узнает о дальнейших успехах молодого литератора. О нем появляются в печати заметки, уже не инспирированные заговорщиками. Солидное издательство принимает к печатанию его произведения, на квартиру к нему приходит представитель газеты, чтобы получить интервью, и, наконец, один из довольно известных писателей старшего поколения навещает Куколку и просит его, как секретаря журнала, походатайствовать о приеме к печатанию рукописи произведения, уже раз какой-то редакцией отклоненного.

Восторженный Куколка благодарит Мецената и его приятелей, искренне считая их своими благодетелями и вполне доверяя им во всем. Однако Куколка, будучи, по словам автора, «самоуверенным в своем простодушии», помимо своего желания и воли превращается из жертвы заговора в своего рода меч Немезиды, карающий Мецената и его компанию за их попытку злоупотребить доверчивостью молодого и неискушенного юноши.

Развязка романа, сперва медленно подготавливаемая событиями и юмористическими перипетиями, развивающимися по ходу его действия, затем внезапно принимает драматический оборот в одной из последних глав произ-

ведения, носящей название «Мат Меценату». В ней простодушный Куколка, не подозревающий о значении его слов для Мецената, наносит последнему жестокий удар.

Дело опять происходит в кабачке, где недавно состоялось знакомство Куколки с Верой Антоновной. Узнав от няньки Мецената, Анны Матвеевны, что Меценат пошел в этот кабачок, туда же направляется и Куколка. Разыскав Мецената, Куколка обращается к нему со словами:

Простите, милый Меценат, но я, собственно говоря, к Вам по делу. Поговорить бы нужно. Очень серьезное дело.
(*Шутка*, с. 171.)

Было заметно, как Меценат, по словам автора, «внутренно сжался» перед разговором, потому что в его голове промелькнула мысль: уж не открылась ли вся затеянная им комедия и не предстоит ли щекотливое объяснение по поводу проводившейся шутки. Автор говорит:

Но о том, что случилось на самом деле — бедный Меценат и не догадывался, и не мог бы догадаться, если бы ему дали на догадки три года сроку.
(*Шутка*, с. 172.)

Оставшись наедине с Меценатом, Куколка объясняет ему, что пришел к нему за советом, и обращается к нему потому, что у него нет никого, кроме Мецената, к кому он мог бы обратиться по поводу своего «чрезвычайно деликатного» дела. Удивленный Меценат узнает, что затруднительность положения, выход из которого ищет Куколка, заключается в следующем:

Слушайте же! Одна женщина призналась мне в любви... как бы это сказать? немного даже преследует меня. А я видите ли, ее не люблю. Признаюсь уже во всем: мне нравится другая. А эта первая... она хоть и красавица, да не по душе мне.
(*Шутка*, с. 173—174.)

Когда из дальнейших пояснений молодого человека Меценату становится ясным, кто была эта таинственная красавица, его добродушно-насмешливое удивление, вы-

званное первыми словами Куколки, сменяется сильнейшим душевным потрясением. Оказывается, что Куколка, в своем легковерии продолжавший считать Веру Антоновну настоящей принцессой (а никак не женой Мецената), объясняет, что она, по внешности столь ленивая и, казалось бы, ценящая лишь спокойствие безмятежной жизни, без ума влюбилась в него. Рассказывая, как Принцесса все повторяет: «Вы меня разбудили, вы меня разбудили», Куколка описывает перемену, происшедшую в ней, и заключает:

Я ее даже, знаете, немного боюсь. Вчера вечером четвертую записку от нее получил. Звонит, пишет, заезжает...
(*Шутка*, с. 177.)

Известие о неожиданном и невероятном увлечении жены потрясает и сражает Мецената. Справившись, однако, с охватившими его чувствами, он до конца выслушивает Куколку, который просит: «Посоветуйте, как всю эту историю ликвидировать?» и слышит в ответ от Мецената:

А сделайте вы, чтобы выйти с честью, вот что... Возьмите портрет той особы, которую вы любите, напишите на обороте: «Моя невеста» — да и пошлите ей без всякого письма. Она поймет, и все кончится красиво.
(*Шутка*, с. 178.)

Удары злого рока сыпятся и на прочих участников заговора и даже на не участвовавшую в нем Веру Антоновну, жену Мецената. Описанию возмездия, постигающего остальных приближенных Мецената, посвящены две последние краткие главы романа. Из их содержания выясняется, что Куколка послушался совета Мецената и послал Принцессе портрет своей невесты — Яблоньки! Когда Новакович по поручению Мецената навещает Веру Антоновну, он находит ее чрезвычайно расстроенной и плачущей, а на полу ее будуара — куски разорванной фотографической карточки. По ним он узнает, что снимок изображал боготворимую им Яблоньку, но почему и при каких обстоятельствах карточка любимой им девуш-

ки попала в комнату Веры Антоновны и кем была разорвана, Новакович у Принцессы так и не выясняет. Жесточая правда открывается ему лишь позже, в заключительной главе романа, озаглавленной «Крылья Куколки».

Место действия событий, описываемых в этой главе, — знакомая гостиная Мецената. Ее хозяин, не оправившийся еще от пережитого потрясения, вызванного изменой жены, в ожидании прихода клеветников принимает свое обычное положение на диване. Приходит Кузя, расстроенный и злой. Выясняется, что он стал жертвой Куколки, который чистосердечно уверял Кузю, что он лишь начинающий слабый игрок в шахматы, а затем — выиграл у него несколько партий подряд, так что Кузя лишился всех денег, полученных накануне от Мецената для подготовки отъезда компании из города. При этом Кузю особенно задело то, что он попался на уловку, которую он сам любил применять, и он с возмущением обращается к Меценату:

Меценат! Да ведь он форменный мошенник! Правда, я с вами проделал почти такую же шутку при первом знакомстве, но... я ведь профессионал! Мне простительно! А тут... этакое грязное животное!

(*Шутка*, с. 183—184)

В этот день к Меценату «на огонек» слетаются и остальные клеветы. Не менее раздраженный, чем Кузя, Мотылек сообщает новость о том, что большое и известное издательство купило у Куколки сборник его стихов и собирается их издать отдельной книгой. Мотылек негодует:

Я собрал том стихов — ожерелье чистейшего жемчуга — и это «ожерелье» валяется у меня на столе, мертвое, неподвижное, будто из свинцовых пуль, а этот болотный пузырь со своими «Зовами утра» выскочил — и пожалуйте!! Ну, пусть же книжонка его выйдет — хохот, треск и скандалище пойдет на всю Россию!! О, дурачье! О, трижды идиоты!!

(*Шутка*, с. 185.)

О том, кто на самом деле окажется «трижды идиотами», Мотыльку и его приятелям суждено было узнать в короткий срок. От Новаковича, пришедшего при последних словах Мотылька, присутствующие узнают, что он был у Веры Антоновны и что она дает «отпуск» Меценату. Рассказывая об этом, Новакович не скрывает своего недоумения по поводу того, каким образом в будуар жены Мецената попадает разорванная фотография Яблоньки. Но эта загадка, мучительная для всех собравшихся, кроме самого Мецената, вскоре раскрывается. Неожиданно приходит Яблонька, а вслед за ней — Куколка, который с порога громко приветствует компанию: «Друзья! Я так счастлив, так счастлив и за себя, и за вас, Мотылек».

Последующие слова Куколки объясняют неудачным заговорщикам, чем вызвано радостное настроение Куколки, и раскрывают ряд неясностей в создавшемся положении, и в частности, с разорванным снимком Яблоньки. Оказывается, издатель журнала, где прежде секретарем состоял Мотылек, пригласил на освободившееся место редактора Куколку и последний предлагает теперь Мотыльку снова занять свою прежнюю должность секретаря журнала. Затем Куколка предупреждает собравшихся, что они будут «приятно поражены», узнав о причине его восторженного состояния, которое связано не только с его литературными успехами, и объявляет:

В доме Мецената я нашел самое большое счастье на земле. Позвольте, друзья, представить вам мою невесту!! Чего вы там краснеете, Яблонька? Через месяц наша свадьба и мы едем во Флоренцию — буду там с вашего благословения новую вещь для «Альбатроса» писать. Роман в трех частях. Уже заказан.

(Шутка, с. 190.)

Впечатление от слов Куколки было таково, что, по выражению автора, «все окаменели». Яблонька, почувствовавшая, насколько заявление ее жениха подействовало на Новаковича, заторопилась и вместе с молодым поэтом распростилась с «разбойничками». Меценат и его

клеветы снова остались одни в большой мрачной комнате, окутанной тишиной.

Так полным поражением заговорщиков и, более того, — их жестоким наказанием закончилась затея, которую автор назвал «противоестественной и издевательской кампанией». Когда вся компания Мецената, оправившись от первого потрясения, приходит в себя, восторженно принимает предложение своего главаря:

Ну, ребята, нечего нюнить! Гляди весело!! Ходи козырем! Выпьем нынче, чтобы звон пошел, а завтра айда к берегам старой матушки Волги — целой разбойничьей ватагой... Айда!

(*Шутка*, с. 192.)

Это, однако, еще не конец романа. В заключение автор говорит о могущественном времени как о лучшем целителе, закрывающем глубокие раны. Прошел год, и если бы читатель заглянул в хорошо знакомую ему темную гостиную Мецената, то он тихо улыбнулся бы, увидев, как все опять на своем месте:

Меценат в одном углу, одетый в белый балахон, лепит новый бюст Мотылька, важно восседающего на высоком стуле, в другом углу возится со штангой, выбрасывая вверх свои могучие, будто веревками-мускулами опутанные руки — Новакович; в глубоком кресле мирно покоится, поедая апельсин, Кузя...

(*Шутка*, с. 193)

По сравнению с повестью «Подходцев и двое других» роман «Шутка Мецената» может быть признан более удачной попыткой Аверченко создать юмористическое произведение, выходящее из жанра рассказа. В его последнем романе не обнаруживается той подражательности, которая заметна при сопоставлении повести «Подходцев и двое других» с произведением Мюрже, посвященным жизни парижской богемы. «Шутка Мецената» отличается также от первой повести Аверченко своими композиционными достоинствами. В построении этого произведения есть как раз то, чего американский автор

книги о Мюрже не находил в его «Сценах из жизни Богемы», то есть строгой последовательности событий. С этой точки зрения композиция романа «Шутка Мецената» выявляет типичные черты драматического произведения, то есть наличие завязки, кульминационного пункта и эффектной развязки. Все эти элементы отчетливо выступают в «Шутке Мецената».

В этом романе после краткой экспозиции (глава «Его Величество скучает»), в которой автор знакомит читателя с Меценатом и его тремя приспешниками, следуют две главы, в которых выводится новый персонаж — Куколка. Именно появление этого нововведенного действующего лица приводит к завязке действия романа — к заговору против молодого поэта. Нарастание напряжения сперва протекает медленным темпом, сменяясь затем моментами ослабления действия, что достигается сообщением дополнительных сведений о прошлом Мецената и его знакомстве с тремя приятелями, а также — в форме вставочных рассказов действующих лиц, собравшихся на так называемую «коронацию Куколки». Эти рассказы, составляя содержание главы «Болтовня на ковре», предшествуют приближению кульминационного пункта, подготовляемого событиями, описанными в главе «Куколка входит в моду». Непосредственно за кульминационным пунктом (каковым можно было бы считать объяснение Куколки с Меценатом в главе «Мат Меценату») следует развязка с ее драматическим эффектом, заключающимся в провале всего заговора против Куколки и в заслуженном наказании, постигшем заговорщиков.

Богема — та среда, в которой протекает действие романа. Это его роднит с первой повестью Аверченко. Но в «Шутке Мецената» занятия и интересы героев романа обрисовываются более четкими штрихами, их причастность к миру литературно-художественной богемы выступает более определенно. Это, во всяком случае, можно сказать о Мотыльке, Кузе и студенте Новаковиче.

Их профессии, интересы, необеспеченность существования, отношение к материальным ценностям и презрение к условностям, принятым в обществе, не вызывают сомнения в том, что все они подпадают под понятие богемы в ее общепринятом смысле, то есть как интеллигентной бедноты, которая «артистически весело и беззаботно переносит лишения и даже с некоторым презрением относится к благам земным». В то же время, по отношению к изображаемой в романе центральной фигуре богемного кружка, вокруг которой группируются эти три члена тесной компании, а именно по отношению к самому Меценату, не приходится говорить ни о бедности, ни о переносимых им лишениях. Правда, по своим интересам и склонностям Меценат, несомненно, принадлежит к литературно-художественному миру. Об этом прямо говорится в романе. В главе, описывающей Мецената и его прошлое (глава «Вообще о Меценате»), находим такое высказывание:

[он] писал очень недурные рассказы, но не печатал их. Прекрасно импровизировал на рояле, но тут же забывал свои творения.

(*Шутка*, с. 30—31.)

О том, что Мецената влекло ко всему прекрасному и что он пленялся красотой во всех ее проявлениях, уже говорилось. Остается дополнить характеристику его как человека, испытывающего неудержимую тягу к художественному перевоплощению окружающего его мира, указанием на его занятия скульптурой. В романе Меценат изображается лепящим в своей гостиной бюст Мотылька, и эта картина облаченного в белый балахон Мецената, предающегося своим занятиям скульптурой, дается автором и в заключении к роману.

При всем своем стремлении к литературно-художественной деятельности Меценат остается в изображении автора лишь очень талантливым дилетантом, не проявляющим достаточного упорства и выдержки, чтобы создать хотя бы в одной области искусства такие творения, какие

принесли бы ему признание и известность. Видимо, Меценат никогда в своей жизни такой цели и не ставил себе и предавался своим занятиям литературно-художественного характера исключительно для удовлетворения влечения своего к подобной деятельности. Оттого-то и судьба его, несмотря на предоставлявшиеся ему с юности возможности и прирожденные способности, сложилась, по словам автора, «бестолково».

Может возникнуть вопрос, достаточно ли того, что было сказано о причастности самого Мецената к миру служителей литературы и художеств и о его пристрастии к общению со средой бедных представителей этого мира, которых смело можно назвать «пролетариатом от интеллигенции», чтобы и его самого причислить к богемцам?

Не только приводившиеся определения понятия «богема», даваемые в энциклопедических словарях, рассматривают бедность как необходимый признак этого явления. Категорические высказывания, сводящиеся к тому же, находятся и в литературе, посвященной вопросу истории богемы. Исследователь возникновения и развития богемы в Соединенных Штатах — Парри — в своей книге приводит мнение, высказанное в свое время Джорджем Стерлингом, который писал:

Any good mixer of convivial habits considers he has a right to be called Bohemian. But this is not a valid claim. There are two elements, at least, that are essential to Bohemianism. The first is devotion or addiction to one or more of the Seven Arts; the other is poverty^{2*}.

Как видим, категоричность утверждения Стерлинга такова, что она автоматически исключала бы возможность

* Любой человек, представляющий собой добрую смесь веселых привычек, имеет право называться богемцем. Однако это необоснованное утверждение. Существуют, по крайней мере, два элемента, которыми непременно должна обладать богема как понятие. Первое — это преданность или пагубная тяга к одному или более из семи разновидностей искусства, другая же — бедность (*англ.*).

признания главного героя «Шутки Мецената» настоящим богемцем. Однако сам автор упомянутого исследования не может не отметить того обстоятельства, что, говоря о богеме, чрезвычайно трудно заключить это понятие в тесные рамки слишком точного определения. Он говорит поэтому в введении к своему труду:

Bohemianism as such is too elusive, and the term has been too much abused, to enable a writer on the subject to draw rigid lines designating some men of art as sincere nomads and other men of art as pretenders^{3*}.

При более расширенном толковании понятия богемы критерий искренности или подлинности служения музам выступает на первый план, а критерий бедности или богатства теряет свою исключительность. Безоглядное посвящение себя служению искусству есть в какой-то степени признак некой одержимости. Как думает Парри, более легкая степень такой одержимости или безумия есть эксцентричность. Только в тех случаях, когда эксцентричность напускная, притворная, а не подлинная, богемность вырождается в умышленное позерство, и человек, принимающий такую позу, — не истинный богемец, а всего лишь лжебогемец и притворщик.

Подходя с такой точки зрения к Меценату, нет основания сомневаться в том, что, наряду с его клеветами, и он сам заслуживает того, чтобы быть причисленным к миру богемы. Притворство в его поведении читатель вряд ли сможет уловить, а его чудаковатость, независимость суждений и необычность вкусов, обнаружившиеся с ранней молодости, нельзя не признать прирожденными особенностями его натуры. В конце концов, то обстоятельство, что Меценат был богат и что его вряд ли можно

* Богема — понятие довольно уклончивое, и самим термином этим слишком злоупотребляли, чтобы дать возможность писателям, затрагивающим эту тему, провести строгие рамки, определяющие некоторых людей искусства как искренних кочевников-бродяг, а других людей искусства — как притворщиков (*англ.*).

назвать молодым человеком, поскольку автор упоминает о седине, пробивавшейся в волосах Мецената, немногим меняет дело. В глазах многочисленных почитателей Мюрже и романтизированной им богемы, обязательным признаком богемца совсем не должно было быть то, что он «беден и держит свои сапоги и свой сыр в одном и том же ящике», как выразилась нашумевшая в свое время в Нью-Йорке Ада Клэр. Образ Мецената в романе Аверченко вполне соответствует тем условиям, которые Ада Клэр выдвигала, определяя сущность того индивида, который может считаться богемцем:

The Bohemian is by nature, if not by habit, a cosmopolite, with a general sympathy for the fine arts, and for all things above and beyond convention. The Bohemian is not, like the creature of society a victim of rules and customs; he steps over them all with an easy, graceful, joyous unconsciousness, guided by the principles of good taste and feeling. Above all other, essentially, the Bohemian must not be narrow-minded; if he be, he is degraded back to the position of a mere worldling⁴.

Жизнь богемы, изображаемая в повести «Подходцев и двое других» и в романе «Шутка Мецената», носит во многом схожие черты, и одна из них — тема мужской дружбы. Клевреты Мецената не поддаются искушению относиться к нему лишь как к источнику материальных благ. Правда, они не стесняются пользоваться удобствами его квартиры, его угощением дома и в ресторанах и небольшими суммами денег, которыми

* Богемец по природе, если не по привычке, — космополит, испытывающий в общем тягу к изящным искусствам и во всех остальных отношениях он стоит вне и выше обычаев. Богемец не является, подобно социальным существам, жертвой правил и обычаев, он переступает через них с непринужденной, грациозной и веселой бессознательностью, руководствуясь принципами хорошего вкуса и чувства. И помимо всего, в общем-то богемец не должен быть ограниченным, а если он будет таковым, то деградирует и скатится к положению простого, заурядного человека (*англ.*).

Меценат их субсидирует. Но эти суммы остаются в пределах такой дружеской помощи, которая естественна в отношениях истинных и близких друзей, выручающих друг друга в случаях нужды. Клевретам и в голову не приходит либо полностью перейти на положение приживальщиков Мецената, бросив свои скудно оплачиваемые занятия, либо обогащаться за его счет в настоящем смысле этого слова. Такой грубо практический и меркантильный подход к их «патрону» совершенно чужд клеветам, и они относятся к нему, как к старшему другу, с искренним уважением, как к человеку более опытному и выдавшему виды, и привязаны к нему нелицеприятно. В этом смысле тема дружбы и товарищества, смело можно сказать, проходит красной нитью через оба произведения Аверченко.

Однако в «Шутке Мецената» жизнь богемы существенно отличается от той жизни, которую принуждены были вести члены «троицы» в повести «Подходцев и двое других». Кружок богемы Мецената может вести, в смысле материальном, гораздо более беззаботную и привольную жизнь. У нее прочный фундамент в виде финансовой обеспеченности и щедрости Мецената. Затеянная шутка сталкивает заговорщиков с миром действительности, с его логикой, законами и оценками, не совпадающими с теми, которые царят в мире идеально-отвлеченного долженствования. Пережив потрясения и глубокие разочарования в результате соприкосновения с реальным миром, в котором так свободно двигался Куколка, компания Мецената имеет возможность, благодаря богатству патрона, вернуться на «круги своя» и снова замкнуться в состоянии оторванности от суеты и испытаний окружающего реального мира.

Нарисованная Аверченко картина жизни божемного кружка Мецената может быть воспринята как некие мечтания автора об идеальной богеме. Причастные к этой богеме, с одной стороны, пользуются всеми преимуществами вольной жизни, не стесненной условностями и

«мещанскими предрассудками», а с другой стороны, они избавлены от постоянной нужды и физических лишений, то есть той дорогой цены, какую богемцы в действительной жизни обычно платили за свою духовную свободу. Роман Аверченко — мечта об этой свободе, материально обеспеченной и предоставляющей возможности независимого творчества, обусловленного одним лишь талантом и способностями творящего. В этом смысле не случайно и само имя, данное автором одному из главных действующих лиц, — Меценат. Его богатство и общественная независимость обеспечивает собравшемуся вокруг него кружку «цыган» заманчиво-привольную жизнь, вызывающую в представлении читателя образ идеализированной богемы. Представление о безмятежном и беззаботном существовании этой богемы окрашивается автором в национальные черты и сближается им со старым русским идеалом волжской вольницы, о которой Меценат говорит в последней главе романа.

Национальный колорит, приданный произведению, посвященному изображению кружка богемы, то есть явления, восходящего своими корнями к нерусскому быту и нравам парижского Латинского квартала, ставит перед читателем романа Аверченко и более широкий вопрос о приемах и истоках его творчества.

Литературные критики высказывали по этому поводу различные и нередко противоположные мнения. В результате нет единомыслия насчет того, отличается ли творчество Аверченко традиционными особенностями русской юмористической литературы или же его произведениям более свойственны признаки, обычно приписываемые так называемой англо-американской школе юмористической литературы.

О том, что Аверченко в своей «Автобиографии» как писатель-юморист не самостоятелен, а следует за Марком Твенем и «повторяет давно известные приемы американского юмориста», писал еще в 1910 году Вл. Крайнефельд (см. выше, с. 266).

Кроме этого суждения, относящегося, в сущности, к одному лишь произведению Аверченко, находим по этому поводу и более обобщающего характера высказывания. Так, Д.С. Мирский называет Аверченко выучеником англо-американской литературно-юмористической школы, сравнивая его творчество с творчеством Тэффи:

Averchenko, on the other hand, is a pupil of the Anglo-American school of comic writing [...] He is as international and plebeian as Teffi is refined and Russian^{5*}.

Это мнение о нерусскости творчества Аверченко воспринято Итальянской Энциклопедией, в которой отмечается, что по своему характеру юмор Аверченко более интернациональный, чем русский, и что Аверченко был большим знатоком англо-американских юмористов⁶.

Также недавно изданный немецкий «Лексикон Мировой Литературы», хотя и менее категорически, подчеркивает связь рассказов русского юмориста с англо-американским юмором.

Отмечая, что в своих коротких произведениях Аверченко исходит из ранних юмористических рассказов Чехова, немецкий «Лексикон» включает свою справку об Аверченко указанием:

[...] später Verbindung zum anglo-amerikanischen humoristischen Erzählern^{7**}.

Противопоставление духа и традиций русской юмористической литературы школе «англо-американского» юмора осложняет сам по себе непростой вопрос о национальном характере творчества писателя-юмориста. Термин «англо-американский» юмор представляется спор-

* С другой стороны, Аверченко — ученик англо-американской школы комического письма... Он интернациональный и настолько плебейский, насколько рафинированна чисто русская Тэффи (*англ.*).

** Позднее — связь с англо-американской манерой юмористического рассказа (*нем.*).

ным, поскольку признание того, что английский юмор отличается теми же самыми признаками, свойственными юмору американскому, вряд ли можно считать общепринятой аксиомой. В частности, современный русский писатель-юморист М.К. Аргус в книге, посвященной антологии американского юмора, высказывается на этот счет следующим образом:

Несмотря на то, что Америка долго была английской колонией, что она всегда говорила и до сих пор говорит по-английски, что она все еще ближе английской культуре, чем какой-либо другой культуре, американский юмор мало похож на английский [...]

Англичане предпочитают недоговорить, американцы же не прочь переборщить и раздуть. В этом отношении американский юмор напоминает русский⁸.

Под словами «переборщить» и «раздуть» Аргус, несомненно, имеет в виду преувеличение, гиперболизм, то есть тот метод изображения комических персонажей и ситуаций, основоположником которого в русской литературе был Гоголь. Датский литературовед А. Стендер-Петерсен, говоря о гротескном стиле Гоголя, определяет эту особенность его творчества как «открытие»:

Anregend und siegreich, von seiner Zeit als Realismus gedeutet, behauptete sich aber Gógol's Entdeckung, der groteske Stil, als seine konstruktive literarische Leistung^{9*}.

Если правильно не проводить знака равенства между юмором английским и американским и признавать в то же время, что американскому и русскому юмору одинаково свойственен метод преувеличения, гиперболизма, то именно в этой общности, по-видимому, следует усматривать сходство юмора Аверченко с приемами американских юмористов.

* Но открытие Гоголя, — гротескный стиль, — истолкованный в его время как реализм, вдохновляющим и победоносным образом утверждалось как конструктивное литературное достижение (нем.).

С другой стороны, некоторые критики высказывали суждения, противоположные тем, в которых содержалось мнение об «интернациональности» и «нерусскости» творчества Аверченко. Показательна в этом смысле рецензия, напечатанная в немецкой газете *Berliner Zeitung am Abend* в связи с выступлениями русского юмориста в Братиславе в 1922 году. Рецензент указанной газеты тогда, между прочим, писал:

Awertschenko's Humor entwuchs den Traditionen Gogols und Tschechows, er ist auf psychologischen Gegensätzen basiert, im Gegensatz zum amerikanischen, der auf Situationskomik aufgebaut ist^{10*}.

Важно отметить, что немецкий рецензент указал на связь юмора Аверченко с юмором Гоголя еще до того, как была написана «Шутка Мецената». Этот роман, несомненно, представляет больше доводов в подтверждение указанного, чем короткие рассказы Аверченко.

Прежде всего, при чтении отдельных мест романа легко обнаруживается некое лексическое сходство с описаниями Гоголя. Так, Мотылек, участвуя в приготовлениях для шутовской «коронации» Куколки, мечтает о том, какой скандал произойдет после опубликования бездарных, по его мнению, стихов начинающего поэта. Предвкушая, как он отчитает промахнувшихся журналистов, Мотылек перефразирует Городничего из гоголевского «Ревизора»:

И опять, хамы этикие, придут ко мне на поклон... Тут-то я поиздеваюсь. «А-а, скажу, аршинники, самоварники»...
(*Шутка*, с. 107.)

Так и у Гоголя Городничий смакует предстоящую расправу с просчитавшимися купцами:

Призови-ка сюда, брат, купцов. Вот я их, каналов!

* Юмор Аверченко вырос из традиций Гоголя и Чехова; он, в отличие от американского (юмора), строящегося на комизме ситуации, основан на психологических противоречиях (*нем.*).

И когда купцы являются:

Что, голубчики, как поживаете? Как товар идет ваш? Что, самоварники, аршинники, жаловаться?

По поводу обрисовки характеров в «Шутке Мецената» следует отметить отчетливое проявление гиперболизма, то есть наиболее характерной особенности творчества Гоголя. Юрий Тынянов замечает, что гиперболизм свойственен «образам Гоголя вообще»¹¹, а Мирский определяет эту особенность как «преувеличения и геометрическое упрощение»¹². Этот прием гиперболизма применен Аверченко в большей или меньшей мере ко всем персонажам «Шутки Мецената» и в особенности к характеристике Новаковича, Веры Антоновны и Кузи.

Студент Новакович, «телохранитель» Мецената, наделен автором романа патологическим пристрастием при-
врать и рассказывать невероятные истории:

У Новаковича была странная натура: он мог так нахально рассказывать о самых невероятных вещах, способен был так просто и самоуверенно лгать, что одним своим тоном мог поколебать недоверие самого скептического слушателя.

(*Шутка*, с. 24.)

Эта черта Новаковича изображена у Аверченко в таком стиле, который живо напоминает гоголевского Ноздрева. О нем Гоголь говорит:

И наврет совершенно без всякой нужды: вдруг расскажет, что у него была лошадь какой-нибудь голубой или розовой шерсти, и тому подобную чепуху, так что слушающие наконец отходят произнеся: «Ну, брат, ты, кажется, уже начал пули лить».

Подобную сцену мы находим и у Аверченко. После того, как Новакович рассказал одну из своих «идиотских» историй о том, как некий его приятель, желая вырастить почему-то неросшие у него усы, изобрел способ пересадки волос с затылка на верхнюю губу, Мотылек не может удержаться своего возмущения:

Телохранитель! Всякому вранью есть границы.
(*Шутка*, с. 48.)

Все же в обрисовке характера Новаковича Аверченко пользуется гиперболизмом с известными ограничениями, отмечая преувеличенным образом лишь его пристрастие к вранью и его исключительную физическую силу. В остальном Новакович предстает перед читателем вполне располагающим к себе молодым человеком. Вранье Новаковича читатель воспринимает с добродушной улыбкой и не отказался бы, очевидно, иметь его в кругу своих приятелей, хотя едва ли пожелал бы заключить близкое знакомство с Ноздревым.

В изображении предельной, можно было бы сказать, идеальной лени в произведениях Гоголя и у Аверченко также наблюдаем большое сходство. В «Ночи перед Рождеством» изображены два невероятно ленивых казака — Чуб и Пацюк. Чуб, попавши волей причудливых обстоятельств в завязанный мешок, хотя и желал, конечно, высвободиться, предпочел тем не менее остаться в мешке, когда понял из разговора дивчат, нашедших мешок, что они намерены довести его в санях до самой хаты:

[...] к хате своей нужно пройти по крайней мере шагов сотню, а может быть и другую. Вылезши же, нужно оправиться, застегнуть кожух, повязать пояс — сколько работы!

Пацюк, потворствуя своей лени, ест галушки из миски, стоящей «как нарочно, наравне с его ртом». Когда же очередь пришла есть вареники, Пацюк использовал свои колдовские способности и заставлял вареники прыгать ему в рот — «на себя только принимал он труд жевать и проглатывать».

Вера Антоновна, жена Мецената, и один из клеветов его — Кузя наделены подобной же, по выражению Аверченко, «гомерической» ленью.

Вера Антоновна решительно отказывается от устрой-

ства празднования своего дня рождения у себя на квартире, потому что, по ее убеждению, быть гостеприимной хозяйкой — «нечеловеческий труд». Когда это празднование переносится в ресторан, она еще раз проявляет свое отвращение к каким бы то ни было излишним усилиям. Здесь ей предлагается на выбор шашлык маленькими кусочками, так называемый «обыкновенный», или шашлык в большом куске. Вера Антоновна решает вопрос подобно тому, как это делал гоголевский Пацюк, не желавший утруждать себя пользованием ложки.

Так его еще резать надо? Лучше тогда обыкновенный.
(*Шутка*, с. 86.)

В том же гиперболическом виде изображается лень Кузи, которая произвела исключительное впечатление на Мецената при их первом знакомстве. Кузя, желая избавиться себя от лишних движений, пытался, не вынимая правой руки из кармана, левой зажечь спичку о коробку, лежавшую на столе.

У Аверченко, как и у Гоголя, проводится сравнение в степени такого изумительного проявления лени. Меценат, наблюдавший ухищрения Кузи, воскликнул с неподдельным восторгом:

Послушайте! Вы почти так же ленивы, как моя жена.
(*Шутка*, с. 37.)

Такое же изумление испытывал кузнец Вакула, наблюдая маневры Пацюка над галушками и варениками:

Нет, этот, — подумал Вакула про себя, — еще ленивее Чуба: тот по крайней мере ест ложкой, а этот руки не хочет поднять!

В приподнятом тоне описания женской красоты в «Шутке Мецената» также отчетливо заметно сходство с изображением прекрасных девушек у Гоголя. Красота женская иной раз ошеломляет человека. Гоголь, рассказывая о случайной встрече Чичикова с девушкой исключительной красоты, говорит:

...И Боже! Чего бы не проснулось, не зашевелилось, не заговорило в нем! Долго бы стоял он бесчувственно на одном месте, вперивши бессмысленно очи в даль, позабыв и дорогу, и все ожидающие впереди выговоры, и распеканья за промедление, позабыв и себя, и службу, и мир, и все, что ни есть в мире.

Подобным образом описано впечатление некого прохожего при встрече с героиней Аверченко Яблонькой:

Он остановился посреди улицы, сложил молитвенно руки и пылко воскликнул: «Боже мой! И пошлет же Господь в мир такую красоту».

(*Шутка*, с. 64—65.)

Красочное описание облика Яблоньки у Аверченко может быть сравнено с гоголевским периодом, посвященным описанию красавицы Улиньки:

Если бы в темной комнате вдруг вспыхнула прозрачная картина, освещенная сзади лампою, она бы не поразила так, как эта сиявшая жизнью фигурка, которая точно предстала затем, чтобы осветить комнату. Казалось, как бы вместе с нею влетел солнечный луч в комнату, озаривши вдруг потолок, карниз и темные углы ее. Это было обольщение, происходило это от необыкновенной стройности и гармонического соотношения между собой всех частей тела, от головы до пальчиков.

И у Аверченко:

Высокая гибкая блондинка, с огромными синими глазами, любовно озарившими Божий мир, с пышной короной белокурых, нежных, как шелковая паутина, волос, — вся белая, ароматная, будто пахнущая яблочным цветом — с высокой грудью и круглыми плечами, упругая, здоровая и свежая, как только что вылупившееся яичко. Походка у нее была изумительная: идет и вся вздрагивает, будто невидимые волны пробегают по телу, будто спелый колос волнуется от налетевшего теплого летнего ветерка... (Шутка, с. 64.)

В приведенном отрывке из произведений Гоголя содержится сравнение появления Улиньки с влетевшим в

комнату солнечным лучом, осветившим темную комнату. Теми же метафорическими выражениями пользуется Аверченко, рассказывая о том свежем и светлом впечатлении, какое производило появление Яблоньки в богемном кружке Мецената:

Она изредка, как скупой петербургский луч, заглядывала в темную Меценатову комнату.
(*Шутка*, с. 75.)

Тхоржевский в своей книге «Русская литература» приводит отчет Розанова о творческой особенности Гоголя в изображении своих героев:

Все взято в пределе, в символе; фантастически возведено в крайнюю, последнюю степень. Ярко освещена только одна черта, прочие оставлены в совершенной темноте и нет развития¹³.

Это суждение, как мы видели, может быть применено и к целому ряду художественных образов Аверченко с оговоркой, что он, как впрочем и никакой другой русский юморист, не пользовался в такой степени гиперболизмом или стилистическим приемом «геометрического упрощения», как это делал Гоголь.

Представляется, что сказанное о некотором тождестве приемов обрисовки и характеристики персонажей в романе Аверченко и в произведениях Гоголя может послужить достаточно убедительным доводом для признания наличия в «Шутке Мецената» таких черт, которые совпадают с традиционными особенностями русской юмористической литературы.

К этому доводу можно добавить и следующее соображение, связанное с понятием двух типов или видов комического: одного, основанного на комизме ситуаций, и другого, в котором комический эффект вытекает из противоположностей психологического порядка. Если согласиться с тем, что именно последний тип юмора характерен для русской юмористической литературы, то следовало бы отметить, что и в этом отношении Аверченко

выступает в романе «Шутка Мецената» не как «выученик» американской школы юмора, а как продолжатель традиций русского юмора.

В «Шутке Мецената» комический эффект достигается не тем, что герои романа попадают в удивительные и смешные, хитроумно выдуманные автором положения, а главным образом в результате очевидного допущения психологического просчета заговорщиками, затеявшими шутку, обернувшуюся против них же самих. В этом смысле в своем единственном и последнем более крупном произведении Аверченко предстает перед читателем как автор-юморист, отказавшийся в этом романе от использования чисто ситуационного комизма, несомненно присущего очень многим его коротким рассказам. Такую особенность его последнего произведения нельзя не принять во внимание при общей оценке характера творчества Аверченко. Оно представляется в этом случае отнюдь не оторванным от русской литературной традиции и чуждым ей, а таким, в котором содержится ряд элементов, уже прежде встречавшихся у его предшественников. Пользуясь этими же элементами и сочетая их в своих произведениях по-иному и по-своему, Аверченко удавалось создавать юмористические эффекты, воспринимавшиеся читателем как новые, своеобразные и типично аверченковские.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В дальнейшем, когда будут приводиться цитаты из романа, он будет сокращенно называться «Шутка». Цит. по изданию: Аверченко А. Шутка Мецената. Прага, изд-во «Пламя», 1925.
- ² Parry Albert. Garrets and Pretenders: A History of Bohemianism in America. New York, Dover Publications, 1960, p. 238.
- ³ Там же, р. XXIV.
- ⁴ Там же, р. 26.
- ⁵ Mirsky D. S. A History of Russian Literature. New York, Alfred A. Knopf, 1949, p. 406.
- ⁶ Enciclopedia Italiana, vol.V, 1930—1938, p. 621—622.
- ⁷ Lexikon der Weltliteratur. Herausgegeben von Gero von Wilpert. Stuttgart, Albert Kröner Verlag, 1963, S. 96.
- ⁸ Аргус М.К. Американский юмор. В кн.: Америка смеется. Антология американского юмора под ред. М.К. Аргуса и П.Б. Тэйлор. Нью-Йорк, Чайка, 1962, с.7.
- ⁹ Stender-Petersen Adolf. Geschichte der russischen Literatur, 2 Bände. Aus dem Dänischen Übertragen von Wilhelm Krämer. München, Verlag C.H. Beck, 1957, S. 184.
- ¹⁰ Вырезка из газеты *Berliner Zeitung am Abend*, без обозначения числа или номера. — *Архив Аверченко*.
- ¹¹ Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь: к теории пародии. — В кн.: Bitsilli and others. O Dostoevskom. Providence, R.I., Brown University Slavic Reprints, с. 161.
- ¹² Mirsky D.S. A History of Russian Literature from its Beginnings to 1900. New York, Vintage Books, 1958, p. 160.
- ¹³ Тхоржевский И.И. Русская литература. Париж, Возрождение, 1950, с. 185.

Глава четвертая

ОЦЕНКА ТВОРЧЕСТВА АВЕРЧЕНКО В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Когда известие о кончине Аркадия Аверченко распространилось по центрам скопления русской эмиграции, многочисленные русские эмигрантские писатели, критики и журналисты откликнулись на смерть популярного писателя-юмориста рядом сочувственных статей и речей памяти покойного. Отмечались его большое юмористическое дарование, своеобразие и свежесть его таланта и значительные его заслуги в области развития русской юмористической литературы и журналистики, которые, по мнению авторов этих статей, обеспечивают имени Аверченко определенное место в истории новейшей русской литературы.

Н.А. Тэффи в конце своей статьи о скончавшемся собрате по юмористическому перу писала:

Место, занимаемое Аверченкой в русской литературе единственное, им созданное и незаменимое. Это русский Джером. Разница та, что Джеромом гордится Англия, а Россия Аверченко не гордится только потому, что гордость есть чувство нерусское [...]

Будь Аверченко французом, его именем назвали бы улицу, площадь или хоть бы переулок.

У нас нет ни городов, ни улиц. Но уголок души, где просто и весело, знаю, многие отдадут ему. С благодарностью. «Ибо смех есть радость, а потому сам по себе благо»¹.

Редактор рижской газеты *Сегодня* М.И. Ганфман, получив телеграмму с извещением о смерти писателя, высказался о нем так:

Имя Аркадия Тимофеевича Аверченко было, может быть, одним из самых популярных литературных имен последних десятилетий. Его знали не только любители литературы, не только профессиональные читатели, но и самые широкие круги. И это было результатом не потакания вкусам толпы, не погони за популярностью, а последствием действительно подлинного таланта. Аверченко создал свой жанр. Он внес свою струю, и как бы на нее ни смотреть с высот художественного классицизма, она не терялась в океане российской словесности. Ее нельзя было не заметить, она имела свою физиономию, свой вкус, свой аромат².

Журналист и близкий друг Аверченко по Праге К. Бельговский, заканчивая свою корреспонденцию оттуда о последних днях писателя, подчеркнул, что Аверченко был не только писателем, близким для русского читателя, но и писателем, пользовавшимся признанием у иностранцев, которые могли познакомиться с его произведениями лишь в переводах:

Но и то, что вышло из-под пера Аркадия Аверченко за 16 лет его литературной работы, было так ярко, так талантливо и так метко и жизненно, что оно создало Аверченко всемирную славу писателя юмориста [...]

И действительно, 12 марта в Праге умер не только большой русский писатель, но и писатель, одинаково близкий и русским, и немцам, и чехам, и французам и всем, кто брал в руки книжку с его талантливыми рассказами³.

Литературный критик Петр Пильский отозвался на смерть Аверченко статьей, в которой выразил свое мнение, высказанное еще при жизни писателя:

Что Аркадий Аверченко был исключительно талантлив, об этом знают все. Я думаю, что не все знают другое. То значение, которое имел этот писатель в истории новейшей русской литературы⁴.

Подробнее определяя в своей статье это значение Аверченко, Пильский отмечает две основные заслуги писателя: его роль в истории русского юмора и в истории русской журналистики.

Чтобы по возможности полнее подвести итоги оценкам, которые даются творчеству Аверченко литературной критикой, принимая при этом во внимание и некоторую эволюцию отношения к нему, происшедшую в Советском Союзе за последние десятилетия, следует подойти к вопросу о значении деятельности писателя с двух точек зрения, упомянутых Пильским. Во-первых, с точки зрения вклада Аверченко в развитие русской журналистики, и во-вторых, в смысле его заслуг в области русской юмористической литературы.

Что касается заслуг Аверченко в области русской журналистики, то здесь нельзя не отметить того факта, что в оценке значения детища Аверченко — его журнала *Сатирикон* (позже — *Новый Сатирикон*) — как показателя высокого качества, которого достигла сатирико-юмористическая журналистика в России предреволюционного периода, по существу сходятся как зарубежные, так и советские авторы трудов о русской журналистике. И те, и другие признают большую роль, которую журнал сыграл в общественной жизни страны в десятилетие 1908—1918 годов, и подчеркивают заслуги лично Аверченко в создании и развитии журнала, который обычно характеризуется как превосходный по своим качествам и как весьма популярный по отклику, который он встречал у читателей. Тем самым не ставится под сомнение, что своей десятилетней редакторской деятельностью и личным сотрудничеством в *Сатириконе* Аверченко заслужил быть отмеченным в истории русской юмористической журналистики, в которой он оставил по себе незабываемую память. Это мнение подтверждает ряд статей об Аверченко.

Русский журналист-эмигрант П. Потемкин, сам в свое время сотрудничавший в *Сатириконе*, в статье па-

мяти бывшего редактора журнала отметил то новое, что Аверченко внес от себя в дело издания юмористического журнала:

«Сатирикон» в русской литературе сыграл роль меньшую, чем когда-то «Искра» Курочкина.

«Сатирикон» создал направление в русской литературе и незабываемую в ее истории эпоху. Это заслуга Аверченко.

Сатира иероглифов, юмор планетарной тещи, царствовавшие до «Сатирикона» во всех «веселых» журналах, с его появлением кончили свою жизнь⁵.

Петр Пильский отметил заслуги Аверченко в области журналистики следующими словами:

Имя Аркадия Аверченко должно быть вписано в историю русского еженедельника, в историю журналистики, в историю русского сатирического, русского юмористического журнала.

Из заброшенного, из прозябавшего, из макулатурного и безграмотного Аверченко сделал новый, красивый, талантливый журнал, соперничавший с лучшими изданиями Европы. И в самом деле, «Сатирикон», родившийся из несчастной «Стрекозы», стал русским «Симплициссимусом»⁶.

Юморист Лев Максим в статье памяти Аверченко отметил популярность *Сатирикона* среди русской читательской массы:

Эту счастливую способность вскрывать самую сущность он вносил в свое дело, большое русское дело, — в «Сатирикон», лучший юмористический журнал в России. Он сумел сгруппировать вокруг себя все талантливое, и «Сатирикон», «сатириконцы» стало чем-то нарицательным⁷.

Остается сказать об общественном значении журнала Аверченко, которое особо подчеркнул в своей статье Ганфман:

«Сатирикон» был превосходным журналом с точки зрения общественной. Его удары почти всегда сыпались на тех, кто эти удары заслуживал. Армия талантливых

фельетонистов, юмористов, рисовальщиков, предводительствуемая Аверченко, оставила значительный след в истории русской политической сатиры [...]

Томы «Сатирикона» с 1908 до 1918 года, когда большевицкой пятой был задушен смех, так же много дает для понимания и оценки русской действительности, как самые серьезные источники публицистики и политики⁸.

Что касается советских авторов, занимающихся историей предреволюционной журналистики в России, то они, говоря о *Сатириконе*, обычно не могут не отдать дани обязательному для них партийно-политическому подходу к литературе и журналистике. Поэтому свою оценку журнала они оговаривают рядом партийно-доктринальных сентенций, сводящихся в общих чертах к тому, что:

«Сатирикон» отличался «буржуазным аполитизмом» (Муратова);⁹

в нем заметно было сатирическое направление, которое «принципиально отличалось от направления сатиры Горького и Демьяна Бедного» (Перцов);¹⁰

«сатириконцы ставили своей главной целью защиту господствующих классов от натиска пролетарских сил русского общества» (Ершов);¹¹

в журнале «перестал звучать гневный, убийственный смех революционной сатиры» (Никулин)¹².

Если отбросить подобные оговорки, обусловленные обязательностью марксистской доктрины для советских литературоведов, то и у них находим высокую оценку роли Аверченко в создании и развитии такого журнала, который далеко превосходил своими качествами предшествовавшие *Сатирикону* сатирико-юмористические издания.

Так, например, Муратова говорит о *Сатириконе*:

[...] журнал, который своим вниманием к социальным и политическим вопросам, общим уровнем журнальной культуры выделился из юмористической периодики этих лет¹³.

Ершов в своем труде, посвященном русской сатирической прозе, занимается более подробным анализом положительных достижений журнала Аверченко, которые обусловили суждение о *Сатириконе* как о ведущем и самом хорошем юмористическом журнале предреволюционной России.

Этот автор с похвалой отзывается о том обстоятельстве, что *Сатирикон* с самого начала своего существования порвал с надоевшей читателям рутинной русской юмористической журналистики, в которой прежде излюбленными темами, по его словам, были: дачный муж, злая теща и подвыпивший на маскараде купец.

Делая оговорку, что для сатириконцев характерен «историзм обреченности», связанный с настроениями «буржуазии новой формации», Ершов все же признает, что Аверченко в своем журнале пошел во многом дальше, чем это делалось прежде в юмористических журналах, и что его большая заслуга есть расширение тематики, изменение цели и назначения сатиры, чем достигалась новизна в способах сатирического обличения¹⁴.

Кроме того, Ершов рассматривает *Сатирикон* как веху в движении к журналу нового типа, то есть к своеобразному сатирико-юмористическому обозрению общественно-политической злобы дня:

В «Сатириконе» сильно изменилось качество смеха, появились новые приемы создания комического, новые жанры. Тут необходимо прежде всего принять во внимание творчество Аркадия Аверченко¹⁵.

Что касается характеристики этих новых литературно-юмористических приемов, развитых Аверченко в *Сатириконе*, то Ершов выделяет гиперболу и гротеск как отличительные средства создания комического эффекта, а из жанров, доминировавших в творчестве сатириконцев и развитых ими, — комическую новеллу, фельетон, юмореску, анекдот и куплет¹⁶.

Столь же положительно высказывается о «технике комического», развитой сатириконцами, Л.Евстигнеева:

Сатириконцы были замечательными мастерами комического: любую тему они умели обыграть в юмористическом ключе¹⁷.

Два исследования Евстигнеевой здесь должны быть отмечены. С одной стороны, потому, что они представляют собой труды, специально посвященные журналу *Сатирикон* и его поэтам. С другой стороны, вследствие того, что они опубликованы в самое последнее время, то есть уже после появления статьи Михайлова, выдержки из которой несколько раз приводились. В этом смысле исследования Евстигнеевой представляют собой интерес как своего рода последнее слово в наметившемся как бы сближении точек зрения советского и зарубежного литературоведения на явления пятидесятилетней давности. Говоря о таком сближении, конечно, надо иметь в виду лишь те явления, которые не связаны непосредственно с чисто политическими событиями или с такими, которые в советских условиях требуют партийно-политической трактовки.

Евстигнеева говорит про *Сатирикон*:

Редактором и душой журнала стал А. Аверченко. Под его руководством «Сатирикон» превратился в издание, рожденное современной жизнью. Русский читатель находил на страницах «Сатирикона» меткую характеристику политического положения России, сатирическое изображение общественных нравов¹⁸.

Отмечая дальше, что в журнале Аверченко находил широкое отражение также юмор иностранный, Евстигнеева заканчивает соответствующую главу своего исследования словами:

Поэтому современники восприняли «Сатирикон» как русский «Симплициссимус»¹⁹.

Нельзя не заметить, что эти высказывания автора советского труда, опубликованного в 1968 году, перекликаются с суждениями, напечатанными в 1925 году в эмиг-

рантских газетах современниками скончавшегося Аверченко — Ганфманом и Пильским (см. выше, с. 467).

Как дальнейший пример наметившегося сближения точек зрения критики зарубежной и советской можно указать на тот факт, что Евстигнеева в своем исследовании ссылается на высказывания Потемкина в парижских *Последних Новостях* в связи с кончиной Аверченко (см. выше, с. 469). Потемкин тогда сравнивал роль *Сатирикона* со значением журнала *Искра*. По этому поводу Евстигнеева замечает:

Несмотря на явное смещение масштабов в пользу журнала Аверченко, параллель Потемкина в общем закономерна²⁰.

Обращает на себя внимание также замечание Евстигнеевой о «европеизме» юмора, который процветал на страницах *Сатирикона*:

Сатириконцы, особенно Аверченко в прозе, Потемкин в поэзии, попытались культивировать на русской почве европейскую разновидность юмора. Они талантливо одели его в национальные русские наряды, сделали самобытным²¹.

Подобный вывод о характере сатириконского юмора Евстигнеева поясняет указанием на то, что девиз европейского юмора будто бы «простота плюс минимум философии». По мнению Евстигнеевой, попытка сатириконцев «утвердить на месте гражданского пафоса» свой веселый смех, была обречена на неудачу, поскольку, по ее словам, «общество не признало за ним большого значения»²².

Советский автор как бы не замечает противоречия подобного утверждения с тем, что было им же сказано в других местах его книги и, в частности, в одной из предыдущих глав, а именно:

Без преувеличения можно сказать, что в свои лучшие годы «Сатирикон» был самым популярным сатирическим журналом в России²³.

Здесь следует лишь повторить оговорку относительно обязательности для советской литературной критики некоторых доктринальных постулатов. Поэтому было бы,

очевидно, неправильно допустить, что утверждение советского автора о том, что русское общество якобы не признало значения веселого смеха сатириконцев, в какой-либо степени умаляет ту общую высокую оценку журналистических достоинств еженедельника Аверченко, вследствие которых десятилетие его существования осталось надолго положительной и заметной, «сатириконской», вехой в развитии русской юмористической журналистики.

Еще долгое время после того, как журналу *Новый Сатирикон*, по выражению Куприна, «приказали умереть»²⁴, в представлении русского читателя имя Аркадий Аверченко и его еженедельник были неразрывно связаны с тем, что понимается под остроумием и юмором. Это имя привлекало и как бы служило ручательством, что предложенное издание не низкопробный материал, лишь претендующий на звание юмористического, не потуги на остроумие, но что оно заслуживает внимания и обещает читателю минуты наслаждения неподдельным юмором и остроумием.

Об этом свидетельствует изданный в Советском Союзе справочник, дающий сведения о советской периодической печати. В нем, между прочим, упоминается вышедший в Харькове в 1922 году журнал под названием *Новый Бич*, о котором авторы справочника говорят:

Журнал копировал дореволюционные юмористические издания и внешне и по манере подачи материала [...] Даже псевдонимы, под которыми выступали авторы, выбирались такие, чтобы напомнить читателю о «королях» буржуазной юмористики. Здесь и «главный редактор» журнала Аркадий Брюхов, и «редакционный поэт» Саша Красный, и «маститый писатель» Аверий Аркадченко, в которых нетрудно было угадать реальных прототипов: Аркадия Бухова, Сашу Черного, Аркадия Аверченко²⁵.

За десятилетия, прошедшие со времени этой попытки издавать журнал «под Аверченко», слава его журнала не померкла ни на родине писателя, ни за рубежом среди

доживающих на чужбине свой век прежних читателей *Нового Сатирикона*.

Так, например, советский юморист Леонид Ленч пред- послал недавно напечатанному в журнале *Смена* рассказу Аркадия Бухова заметку, в которой говорит о нем:

Его юмористический талант сложился еще в той своеобразной академии русского юмора и русской сатиры, какой мне представляется журнал «Новый Сатирикон», где до революции сотрудничали Аркадий Аверченко, Н.А. - Тэффи и другие известные русские литераторы²⁶.

Понятно, что об «академии русского юмора» и ее главе — Аркадии Аверченко — с неменьшим преклонением и любовью по сей день то и дело вспоминают и на страницах эмигрантских газет. В этом легко убедиться, просматривая, например, номера нью-йоркского *Нового Русского Слова* за последние годы.

Писатель М.К. Аргус, печатающий в этой газете свои фельетоны под рубрикой «Слухи и факты», судя по его замечаниям, несомненный почитатель таланта Аверченко. Аргус не раз делился с читателями газеты своими впечатлениями насчет некоторых фельетонов Аверченко, врезавшихся в его память, несмотря на давность событий, послуживших в свое время к их написанию²⁷.

Восторженно вспоминают об еженедельнике Аверченко и читатели газеты в письмах, присылаемых в редакцию. Так, в 1966 году в газете было напечатано письмо, написанное по поводу захвата большевиками власти в России, в котором читаем:

Издавался тогда в России замечательнейший еженедельник сатиры и юмора «Новый Сатирикон». Кто хоть раз увидел этот журнал, тот оставался его поклонником навсегда²⁸.

А другой сотрудник газеты в 1967 году писал в своем новогоднем рассказе:

Ах, как вспомнишь, какие веселые, полные юмора, новогодние рассказы писались в доброе старое время!

Помните «Сатирикон»? Аркадия Аверченко?
Талантище был! ²⁹

Исключительная заслуга Аверченко в создании, развитии и успешном ведении дел журнала *Сатирикон* (и его продолжателя *Новый Сатирикон*) в настоящее время безоговорочно признается русской критикой. Такая оценка значения журналистической деятельности Аверченко перенимается и иностранными энциклопедиями, и справочниками по мировой литературе. Если они включают имя русского писателя в свое издание, то в основу его заслуг обычно кладут его редакторскую деятельность. Примером сказанному может служить французская энциклопедия «Grand Larousse», в которой об Аверченко сказано:

Ecrivain russe [...] Humoriste célèbre, il a dû principalement son succès au Satirikon, publication qu'il rédigeait à Petrograd avec le concours d'écrivains et d'artistes réputés^{30*}.

Подчеркивая в этой заметке о русском писателе, что он прославился благодаря редактированию *Сатирикона* и связывая, таким образом, имя Аверченко с названием его журнала, «Larousse» следует за уже прочно установившейся оценкой журналистической деятельности Аверченко. За рубежом эта оценка не изменилась за те десятилетия, которые прошли со времени смерти писателя. В те дни Куприн, проживавший тогда в Париже, озаглавил свой некролог по скончавшемуся писателе «Аверченко и «Сатирикон», и в этой статье он пишет:

«Сатирикон» совсем не отделим от Аверченко. Он ему создал большую и заслуженную славу³¹.

Что касается заслуг Аверченко в области русской юмористической литературы, то об этом Пильский писал:

* Русский писатель [...] Знаменитый юморист, своими успехами он был, главным образом, обязан «Сатирикону», печатному органу, который он выпускал в Петрограде при участии известных писателей и художников (*фр.*).

Никогда не забудется Аркадий Аверченко, его роль в истории русского юмора³².

Пильский утверждает, что в этой истории Аверченко «открыл совершенно новую страницу»:

По своим приемам, манере рассказа, темам бестенденциозности, живому и жизнерадостному отношению к быту, фактам и людям, он стал бесстрашным зачинателем нового периода, новой главы в книге русского смеха.

Никому не подражая, он создал как бы свою аверченковскую школу³³.

Сформулированная такими словами оценка заслуг Аверченко в области русского юмора не была лишь преувеличенно хвалебным отзывом Пильского под впечатлением неожиданной смерти юмориста, с которым он и лично был близок. В своей статье Пильский лишь подвел итоги тому, о чем он не раз писал об Аверченко при его жизни. Проследить постоянство в суждениях Пильского об Аверченко нетрудно, поскольку сохранилось несколько предыдущих статей критика, посвященных характеристике творчества писателя-юмориста.

Уже в 1921 году, очутившись в Румынии и издавая в Кишиневе журнал под названием *Наш Сатирикон*, Пильский поместил на страницах этого издания статью, посвященную Аверченко, о котором он тогда писал:

В его лице разрешите помянуть первого автора русского, не боявшегося смеха, как смеха, и этому смеху и улыбке служившего без жеманства, без ложной стыдливости, без метафизических и многозначительных ссылок на какие-то «невидимые миру слезы», которыми мы облили и обливали все дни и вечера, и все... радости, и встречи, и любовь, и все русское творчество, и всю русскую литературу [...] ³⁴

В таком освобождении юмора и смеха от обязательных тисков какой-либо идеологии и неперемennого подчинения смеха заранее поставленным общественно-политическим задачам Пильский всегда видел большую заслугу Аверченко. За два года до смерти писателя критик

опять обратился к теме новизны подхода Аверченко к смеху и юмору:

Он его освятил, короновал, открыто признал его. Он первый отнесся к этому юмору, как к самоценности и к самоцели [...]

Аверченко нашел в себе мужество открыто заявить о радостях смеха, а не о его грозности [...]

Аверченко первый отказался искать в юморе идеи, задачи, цели. Он удовлетворился просто психологическими наблюдениями, умел схватить карикатурность, подмечать курьезы, смеяться, а не высмеивать³⁵.

Пильский считал, что было нелегко внести подобное отношение к юмору в русскую литературу тех лет, когда Аверченко начинал свою писательскую карьеру, и что это было своего рода подвигом. В то время к смеху, по выражению Пильского, «относились свысока», и поэтому в новом подходе Аверченко к «загнанному смеху» критик усматривал своеобразный героизм³⁶.

В подчеркивании заслуг Аверченко в смысле его отношения к юмору и смеху Пильский среди русских критиков был не одинок, и легко можно найти немало сетований на то, что в русской литературе до появления Аверченко не было по-настоящему свободного и веселого смеха.

В статье, написанной в связи с выходом из печати первых сборников юмористических рассказов Аверченко, критик Вячеслав Полонский говорил о русском юморе:

Да и был ли у нас таковой? Не считать же юмористами Гоголя да Салтыкова-Щедрина, исторгавших порой слезы горечи и негодования. Смех сквозь слезы, или слезы сквозь смех, — юмор ли это? [...]

Вообще говоря, юмор в нашей литературе почти что не представлен. Нам было не до смеха. Смех казался странным, так не идущим нам свойством³⁷.

И, поясняя, что он отнюдь не отрицает большого общественного значения сатиры, которая процветала в недавнем прошлом русской литературы и журналистики, Полонский заключает:

Я лишь констатирую факт. В литературе нашей свободного смеха не было³⁸.

С таким мнением критика согласился впоследствии и Куприн, писавший в парижской газете *Возрождение*:

Что и говорить, у нас было много талантливейших писателей, составляющих нашу вечную национальную гордость, но юмор нам не давался. «От ямщика до первого поэта мы все поем уныло»³⁹.

И Полонский в своей критической статье, и Куприн в своем некрологе по Аверченко видели его заслугу в том, что он внес в новейшую русскую литературу беззлобный, добродушный и веселый смех. Первый это выразил словами, что юмор Аверченко «беззлобен и заразителен», а второй — говоря почти то же самое:

Беззлобен, чист был его первый смех, и легкие уколы не носили в себе желчного яда⁴⁰.

В «освобождении» смеха видел заслугу Аверченко и один из его прежних сотрудников по работе в *Сатириконе* Е.С. Хохлов, который писал:

Думается, что основной причиной успеха «Сатирикона» и самого Аверченко, помимо несомненной художественности, была именно эта тенденция шутки, простого и веселого подхода к разного рода «проклятым» вопросам⁴¹.

Тэффи в своей статье памяти Аверченко дает в сжатой форме как бы сводку производившихся высказываний насчет роли писателя в освобождении смеха:

Аверченко расколдовал русский смех. За ним, за смехом, признали наконец право бытия и радовались ему, как новому обретенному сокровищу⁴².

Указанием на отношение к смеху как к самоцели и на «расколдование» смеха не исчерпываются высказывания критиков относительно характерных черт творчества Аверченко.

Влад. Азов в рецензии на сборник писателя *Веселые устрицы* категорически утверждал, что «ни такого писателя, как Аверченко, ни такого журнала, как *Сатирикон*, в России еще никогда не бывало». По его мнению, в России как-то не знали того смеха, о котором Свифт говорил, что он «укрепляет здоровье»:

Наш смех разбивал нервы и вел к истерической зевоте [...] Нынче весельчаки — желанные гости в нашей литературе. Мы поняли, что все жанры хороши, кроме скучного, и крылатое словечко, дерзкая шутка, задорная выходка не кажутся нам кощунственными⁴³.

Аверченко ввел в русскую литературу не только здоровый смех и забавных весельчаков, но и какую-то новую направленность смеха, новые объекты юмора. Об этом вспоминал П. Потемкин в статье памяти Аверченко. Потемкин говорит, что первые книги рассказов юмориста «прозвучали откровением», и в связи с этим замечает, что читатель, который, по его выражению, был измучен «пессимизмом и нытьем», царствовавшими в русской литературе начала века, находил в произведениях Аверченко как раз то, что он искал, а именно:

[...] юмор быта, смех живой жизни, современный ему смех, смех не задним числом, как у Лейкина [...], а свежий смех сегодняшнего дня, смех, рождавшийся от описания многих уголков жизни, а не одного только Замоскворечья⁴⁴.

Эти разнообразные уголки жизни, служившие фоном для подчас необычных и неожиданных сюжетов и персонажей в произведениях Аверченко, вызывали также восхищение Куприна. По его мнению, для таланта Аверченко оказалось чрезвычайно благотворным то обстоятельство, что он «побродил и потолкался по свету» до того, как приехать в Петербург:

В его памяти запечатлелось ставшее своим множество лиц, говоров, метких слов и оборотов, включая сюда и неуклюже-восхитительные капризы детской речи. И всем этим он пользовался без труда, со свободой дыхания⁴⁵.

Впечатление непосредственности, свежести, какой-то «черноземности», которое оставляли особенно предреволюционные сборники рассказов Аверченко, нередко отмечаются в критических статьях, посвященных характеристике его творчества. Исключительное внимание обращал на эту сторону таланта писателя его бывший сотрудник по работе в *Сатириконе* Сергей Горный. Сейчас же по получении известия о кончине писателя Горный напечатал в берлинском *Руле* статью его памяти, которая начиналась словами: «В его юморе было что-то простое, хрустящее, свежее...»⁴⁶

Впоследствии, когда в эмиграции отмечалась десятая годовщина смерти Аверченко, Горный более подробно остановился на том, что, по его мнению, было наиболее характерным для творчества писателя:

Что в нем было самым необыкновенным?.. Свежесть. В этом разгадка этого удивительного, хрустящего на зубах, как арбуз с хохлацкой бахчи, таланта. Он подходил ко всему попросту, не надуманно, и этой свежестью покорял. Уменье посмотреть со стороны, вдруг неожиданно, по-смешному и по-новому увидеть вещь, — в этом ведь и есть основа юмора. Таким Аверченко был всегда⁴⁷.

В той же статье Горный подчеркивал, что Аверченко не был «потрафляющий зубоскал», а настоящий, «Божией милостью талант», который видит по-своему «границы и глыбы жизни». И так же важно, по мнению Горного, было то обстоятельство, что Аверченко был писателем, «примемлющим мир, любящим его нежно и сыновне»⁴⁸.

Отмечается критиками произведений Аверченко и другая особенность его дарования, проявляющаяся в построении его рассказов, жизненность которых в значительной степени зависит от диалога выводимых персонажей. Кроме Куприна, отметившего искусство писателя в использовании метких словечек и говорков (см. выше, с. 480), особое внимание на это обратил Леонид Добро- нравов, писавший об Аверченко:

Диалог его полон жизни и нервов, трепещет, искрится, как фонтан под солнечным лучом.

Аверченко не любит рассказывать. Он показывает. Описание в его рассказах то же, что ремарки в пьесе — декорации⁴⁹.

Ранние рассказы Аверченко могут быть названы, по выражению критика Полонского, «кристаллами смеха». По выражению этого критика, писательский глаз Аверченко был «как бы защищен некоторым приспособлением, охраняющим от трагичного в жизни»⁵⁰.

Такое качество Аверченко, особенно заметное в предреволюционный период его писательской деятельности и поразившее тогда критиков его произведений, легло в основу характеристики его творчества, которая дана в вышедшей в 1922 году в Праге книге В. Амфитеатрова-Кадашева о русской литературе. Рассмотрение новейшей русской литературы автор заканчивает словами:

Интересную особенность русской прозы послереволюционного периода составляет юмористическая литература, не преследовавшая сатирических целей «обличения», но смеявшаяся простым здоровым смехом.

Здесь самым заметным явлением надо считать сочный, здоровый юмор А.Т. Аверченко и более изящное тонкое творчество Н.А. Тэффи⁵¹.

Однако жизнерадостное отношение к быту в рассказах Аверченко и та, по выражению Пильского, «бестенденциозность тем» в его творчестве, которые ставятся в заслугу писателю, служат для некоторых других литературоведов основанием для осуждения писательского наследия юмориста. Оно расценивается иногда лишь как зубоскальство и грубая бытовая юмористика или как плоское шутовство. В этом отношении показателен отзыв об Аверченко Ив. Тхоржевского, автора труда по истории русской литературы, вышедшего в Париже уже после второй мировой войны, то есть почти 30 лет спустя после появления книги Амфитеатрова-Кадашева. Тхоржевский, говоря о «реализме на ущербе», замечает, что после Чехова стало уже немислимо пи-

сать по старинке и поэтому приходилось освежать старую манеру всевозможными способами:

Первым и простейшим способом было — реалистическое шутовство, бытовое зубоскальство, вывертывание жизни наизнанку в юмористических рассказах, иногда забавных, чаще плоских. В этой области грубой бытовой юмористики отличался Аверченко и другие писатели «Сатирикона»⁵².

Тхоржевский, таким образом, сходится в своей оценке юмора Аверченко с той, которая была дана другим зарубежным русским критиком, написавшим труд по русской литературе на английском языке. Это Д.С. Мирский, мнение которого о юморе Аверченко как носящем характер преимущественно интернациональный, уже рассматривалось (см. выше, с. 456). Мирский считает также, что рассказы Аверченко «полны грубого шутовства»⁵³.

Сопоставляя приведенные положительно-хвалебные отзывы о творчестве Аверченко с пренебрежительными оценками Тхоржевского и Мирского, нельзя не заметить одного обстоятельства. Как первая группа критиков, так и вторая делают свои выводы о достоинствах и недостатках творчества Аверченко, исходя из одного лишь аспекта его произведений, особенно заметного в начальном периоде его писательской деятельности, то есть со стороны жизнерадостности, веселости его рассказов. При этом совершенно обходится молчанием другой аспект его творчества, на который, однако, критики иногда обращали внимание еще тогда, когда обсуждались первые сборники рассказов Аверченко. Здесь имеется в виду, например, его рассказ «Еврейский анекдот», который, — как уже упоминалось в предыдущей части этой работы, — произвел особенно сильное впечатление на критиков Полонского, Кранихфельда и Добронравова (см. выше, с. 265).

Вторжение отдельных трагических ноток в произведения, общее впечатление от которых казалось столь жизнерадостным и беззаботным, побудило Полонского заключить свою обстоятельную критическую статью об Аверченко вопросом:

Удастся ли и впредь нашему юристу благополучно не заметить того, что есть в жизни не смешного, а грустно-го, ужасного, возмутительного, что вызывает уже не смех [...], а гнев, негодование, гримасу боли [...]⁵⁴

Как известно, дальнейшее развитие творчества Аверченко дало отрицательный ответ на вопрос критика. Элементы серьезности, грусти, мотивы чувства бесприютности человеческого существования стали заметным образом чередоваться со сперва более отчетливо выступавшими элементами беззаботности и веселости в произведениях писателя. Этот иной аспект творчества Аверченко, с особой ясностью обнаружившийся после закрытия журнала *Сатирикон* и вынужденного отъезда Аверченко из Петрограда, в свое время так поразил Пильского, что побудил его на восклицание: «Прежнего Аверченко нет!»⁵⁵

Поэтому, вынося суждение об особенностях и достоинствах творчества Аверченко вообще, то есть в его целом, а не только на основании рассказов первоначального периода его писательской деятельности, Леонид Добронравов сделал заключение, в корне расходящееся с тем, какое вынесли Тхоржевский и Мирский. За два года до смерти писателя Добронравов рассказал о том впечатлении, которое на него произвела премьера постановки пьесы Аверченко «Жоржик» в Петрограде в 1916 году:

И с тех пор всегда отчетливо видел я второй лик писателя, скорбящий, ибо нелегко носить в душе тяжкое бремя — дар видеть все уродство, все искажение человеческого образа⁵⁶.

Добронравов считал, что свою «скорбную» линию Аверченко продолжал вести неуклонно. Если ее не замечали иные критики, то это происходило, по мнению Добронравова, по той же причине, по какой в музыке «богатство вариаций заставляет на время забыть об основной теме»⁵⁷.

И окончательная оценка творчества Аверченко, данная Добронравовым, приобретает особый интерес в виду

своей противоположности мнениям Мирского и Тхоржевского. Добронравов приходит к заключению:

Аверченко, быть может, самый трагический из современных писателей. Самая ужасная из трагедий есть трагедия повседневно, непримиримая коллизия вечного и временного.

И этот оттенок чувствуется во всем творчестве Аверченко, начиная от его ранних рассказов вплоть до «Молодой науки»⁵⁸.

Через много лет не обошел молчанием серьезные элементы в творчестве Аверченко и другой русский критик, Ю. Терапиано. В 1961 году, в связи с 80-летием со дня рождения Аверченко, за рубежом вышел сборник его рассказов под названием *Избранное*. Давая рецензию на эту книгу, парижский критик писал в местной русской газете *Русская мысль*:

Переходя к содержанию «Избранного», хочется прежде всего отметить характерное для всего творчества Аркадия Аверченко сочетание веселой и грустной ноты, смешного и трогательного, сопоставление метко и порой даже убийственно схваченных слабых сторон его героев с искренней симпатией к ним⁵⁹.

Отмеченная Терапиано черта Аверченко — не только метко высмеивать человеческие слабости, но и относиться одновременно к людям с симпатией и пониманием — обычно не ускользала от внимания иностранных критиков, писавших свои отзывы о творчестве русского юмориста для изданий его рассказов в переводах с оригинала на другие языки.

Равным образом, обычно отмечалось при этом сочетание веселости и грусти в произведениях Аверченко.

В подтверждение сказанного можно привести замечание редакции пражского издательства к одному из первых сборников рассказов русского писателя на чешском языке еще до первой мировой войны:

Но его смех, как будто беззаботный, на самом деле есть только маска: часто, очень часто звучит под этим глубокой скрытая, потаенная печаль⁶⁰.

А когда в 1923 году в Праге чешский критик В. Червинка написал статью о творчестве Аверченко, предпосланную первому тому собрания произведений писателя на чешском языке в двенадцати томах, он заметил о его рассказах:

Понятно, это юмор русский. Иными словами, под маской, кажущейся легкой и несерьезной, вдруг зазвучит серьезный тон [...] ⁶¹

Подобные же указания встречаем в статьях, предпосланных сборникам рассказов Аверченко на немецком языке, вышедших в Германии после второй мировой войны. Одна статья уже была процитирована (см. выше, с. 351), а другая содержит характеристику юмора, с которым русский писатель высмеивает недостатки общества:

Awertschenko glossiert sie, mit skurrilen, sich überschlagenden Einfällen, mit überraschenden Pointen, mit lautem Gelächter, satirisch, aber niemals zynisch. Sein Humor ist oft melancholisch gefärbt; er leidet mit den Armen und Unterdrückten und freut sich diebisch mit ihnen, wenn Güte und Menschlichkeit den Sieg über Dummheit und Ungerechtigkeit davontragen ^{62*}.

Приведенные отзывы позволяют сделать определенный вывод. Он сводится к тому, что слова современников Аверченко — его собратьев по перу и друзей-почитателей, скорбевших о его смерти и говоривших о его заметных заслугах в истории русской юмористической литературы, в которой он занимает заслуженное и своеобразное место, — несомненно подтвердились.

В настоящее время даже те из зарубежных критиков, которым его юмор не по душе, говоря о новейшей русской юмористической прозе, не могут обойти имени Аркадия Аверченко без упоминания.

* Аверченко иронизирует над ними, пуская в ход причудливые парадоксы, ошеломляющие остроты, громкий смех сатирического — но никогда не циничного — звучания. Его юмор часто окрашен меланхолией; он полон сострадания к бедным и угнетенным и чертовски радуется вместе с ними, когда добро и человечность одерживают победу над глупостью и несправедливостью (*нем.*).

Подтверждаются и слова Пильского об «аверченковской школе» русского юмора. В наше время литературная критика действительно занимается вопросом о влиянии, оказанном творчеством Аверченко на развитие русской пореволюционной юмористики и сатиры. Так, например, этого вопроса недавно коснулся зарубежный критик В.К. Завалишин. В заметке по поводу американского издания сатирических произведений пореволюционных русских авторов в переводе на английский язык Завалишин отметил как упущение издателей отсутствие в сборнике хотя бы одного рассказа Аверченко. Завалишин отмечает:

Ведь и Аверченко, ушедший в эмиграцию ранее Замятина, оказал немалое влияние на развитие и формирование русской пореволюционной сатиры⁶³.

Затронутый вопрос о связи пореволюционной русской сатиры и юмора с элементами творчества Аверченко сводится, собственно говоря, к тому, создал ли он действительно свою «школу» и сказалось ли его влияние на тех писателей-юмористов, которые в России пришли на смену сатириконцам. Вопрос этот, конечно, тесно связан с общим вопросом о месте, занимаемом Аверченко в истории новейшей русской литературы.

Ответить на этот вопрос определенным образом нельзя, ограничиваясь только теми оценками, которые творчество Аверченко заслужило за рубежом. Необходимо выяснить и принять во внимание и некоторые другие существенные обстоятельства. Сюда относится, например, степень знакомства читателей в Советском Союзе с произведениями писателя, умершего в эмиграции нераскаявшимся «белогвардейцем», и отклик, который эти произведения находят у советских читателей. Не менее существенно установить, каково суждение советской литературной критики о творчестве Аверченко и о его роли в развитии новейшей русской юмористики.

При более близком ознакомлении с этими вопросами бросается в глаза довольно парадоксальное на первый взгляд явление. Оно заключается в том, что на степень

распространенности произведений Аверченко в Советском Союзе и на оценку там его творчества в значительной мере повлияла критическая заметка Ленина, напечатанная в газете *Правда* в ноябре 1921 года. Выдержки из этой заметки приводились выше, на с. 296—297.

В заметке Ленина, имеющей и по сей день силу своего рода директивы для советских издательств и литературных критиков, существенны три момента. Во-первых, признание большого юмористического таланта Аверченко, во-вторых, характеристика писателя как «озлобленного почти до умопомрачения белогвардейца» и, в-третьих, — суждение Ленина, что некоторые рассказы Аверченко заслуживают перепечатки, ибо «талант надо поощрять»⁶⁴.

Пожалуй, можно считать, что Аверченко был единственным русским писателем-эмигрантом, из числа активно боровшихся с большевизмом, произведения которого рекомендовались к переизданию самим большевистским вождем. Следствием такого исключения, сделанного для Аверченко, было то, что его произведения получили широкое распространение в Советской России, уже начиная со второй половины 20-х годов.

Еще при жизни Аверченко некоторые его рассказы, написанные в эмиграции, перепечатывались в Советской России. Так, например, о журнале *Мухомор*, выходившем в Петрограде в 1922—1923 годах, авторы справочника по советской сатирической печати говорят:

[В нем] довольно часто перепечатывались из зарубежных изданий рассказы Аверченко⁶⁵.

В 1922 году в Москве перепечатали также целый сборник рассказов Аверченко, его книгу *Записки Простодушного*⁶⁶. Подобное перепечатывание произведений Аверченко происходило, конечно, без разрешения автора, и это дало повод писателю в беседах с журналистами отметить факт нарушения его авторских прав советским правительством (см. выше, с. 317). Однако в то время число совет-

ских переизданий его рассказов было сравнительно невелико. Зато после смерти писателя ряд советских издательств приступили к массовому переизданию рассказов Аверченко, что отмечается в библиографическом справочнике Владиславлева:

С 1926 г. книги Аверченко снова начали в большом количестве переиздавать и в Сов. России⁶⁷.

В указанных справочниках Владиславлева и Муратовой приводятся многочисленные названия сборников рассказов Аверченко, переизданных — главным образом советскими издательствами «Завод и Фабрика» и «Современные проблемы» — с 1926 по 1930 год. Затем наступает как бы затишье, и не встречается указаний насчет переизданий произведений Аверченко.

Интерес к его творчеству вновь заметным образом оживает после второй мировой войны. С 1960 года советские читатели получили возможность опять познакомиться с многочисленными рассказами юмориста, которые печатались либо в советских периодических изданиях, либо были включены в сборник, посвященный предреволюционной сатирической литературе, либо, наконец, вошли в сборники, состоящие исключительно из рассказов Аверченко⁶⁸.

Судя по этим фактам, следует признать, что его творчество по-прежнему пользуется успехом среди советских читателей, что отмечает и Евстигнеева. Перечисляя вышедшие за последние годы книги, содержащие произведения сатириков, и в их числе Аркадия Аверченко, этот автор говорит:

Все это свидетельствует об устойчивом интересе советского читателя к творчеству сатириков⁶⁹.

Устойчивый, по определению Евстигнеевой, интерес к творчеству Аверченко проявляли и советские критики с самого того времени, когда после смерти писателя один за другим стали выходить переиздания сборников его рассказов. Одному из первых сборников, вышедшему в

1926 году, была предпослана краткая критическая заметка, в которой неизвестным автором отмечалось:

[...] старая, несовременная сатира Аверченко остается в известной своей части современной и жизненной даже в наше время⁷⁰.

В том же году вышел первый том Большой Советской Энциклопедии, в которой характеристике особенностей юмора Аверченко отводится лишь несколько сдержанных строк:

Юмор Аверченко неглубокий, водевильного характера, хотя в редких случаях ему удавалось приподыматься и до общественной сатиры (в либерально-обывательских тонах)⁷¹.

Более обстоятельно характеристику творчества Аверченко дал советский критик А. Старчаков, написавший вступительные статьи для трех сборников рассказов писателя, вышедших в 1927 и 1928 годах в советском издательстве «Земля и Фабрика».

В первой из этих статей, которая служит вступлением к сборнику рассказов Аверченко из эмигрантской жизни, Старчаков подходит к оценке творчества писателя, рассматривая его в первую очередь как врага революции:

И талантливый Аверченко, одурманенный своей неистовой злобой, мыслит о революции, так непрошенно воровавшейся в его сытое, раздольное житье, с упрощенностью дикаря⁷².

Старчаков считал, что у Аверченко «никогда не было политических идеалов», а его жанр был прежде всего «жанром одаренного и беспринципного богемца». В своих эмигрантских рассказах Аверченко, по мнению советского критика, выразил тоску по тем утраченным благам, которые давала «всероссийскому остролову» старая барская Россия. При этом, однако, Старчаков признавал, что Аверченко талантливо «обнажил» миропонимание российского буржуа. Свою статью Старчаков заключил словами:

Память революции сбережет много имен вождей, героев, авантюристов и предателей. Быть может, она не забудет и покойного сатириконца — Аркадия Аверченко. И тогда, произнеся его имя, новый человек скажет:
— Это тот самый Аверченко, который не принял величайшую революцию за то, что она помешала ему доесть у трактирной стойки соус кумберленд⁷³.

В статье, предпосланной другому сборнику рассказов Аверченко, Старчаков говорил:

Своих шутов знали не только шекспировские короли, но и целые классы. Шутом русского буржуа, русского мещанина, самым талантливым шутом, которому охотно прощались острые издевательские и хлесткие словечки, был Аркадий Аверченко⁷⁴.

Отдав таким образом дань общественно-политическому подходу к оценке роли писателя и переходя к разбору отдельных рассказов, включенных в сборник, Старчаков не смог не признать их положительных литературных качеств:

Рассказы безукоризненно сработаны, пересыпаны крепкой солью словечек, специфическим аверченковским жаргоном. Автору нельзя отказать в большом таланте⁷⁵.

Характеристика литературных особенностей творчества Аверченко дается Старчаковым и в его третьей статье. В ней он говорит, что воссоздание всего литературного наследия писателя было бы «неоправданным начинанием». Однако, по его мнению, стоит дать «сгусток» из творчества Аверченко в виде некоторых рассказов из до-революционного прошлого. При этом Старчаков отметил:

Аверченко не бытовик. Меньше всего ему свойственны приемы реалистического письма. Его прием, навеянный Д. Джеромом и М.Твенном, — преувеличение, гипербола, — противоположен реализму⁷⁶.

Как выясняется из дальнейшего рассуждения Старчакова, такие особенности литературных приемов Аверченко все-таки не исключают того, что в своих произведениях он выступает как изобразитель быта своего времени:

И все же, несмотря на условность приема, колорит эпохи и среды, в которой складывалось творчество Аверченко, не мог не получить своего отражения в его рассказах⁷⁷.

Гораздо положительнее оценивал юмористические произведения Аверченко другой советский писатель, А. Зорич, который также написал критическую статью, предпосланную одному из вышедших в 1926 году советских переизданий рассказов писателя-эмигранта. В этой статье Зорич возражал тем, кто считал творчество Аверченко пригодным только для «вагонного чтения». Зорич тогда по этому поводу писал:

Аверченко несправедливо считают мастером литературы для вагонного чтения: не классик, конечно, он рассыпает зачастую незаурядные блестящие юмор, возвышающегося до степени сатиры, и достигает нередко в этой несколько ограниченной, но крепко схваченной области искусства, каким могут похвастаться очень немногие из русских бытописателей предреволюционных и последних лет. Над этими его рассказами можно не только смеяться, но и узнать еще и увидеть обнаженными те уголки мелкого житышка, какие здесь талантливо показаны⁷⁸.

В начале 1960-х годов в советской критике обозначилось явление, которому зарубежный литературовед В. Александрова посвятила статью, озаглавленную «Прошлое сегодняшними глазами». В ней она, между прочим, писала:

Симптоматично еще одно явление, связанное с литературой русской эмиграции. В течение многих десятилетий произведения эмигрантских писателей, за малыми исключениями, не удостоивались внимания советской печати [...] Но года два тому назад стало исподволь производиться — правда — посмертное «возвращение на родину» некоторых писателей⁷⁹.

Поскольку произведения Аверченко и при его жизни, и в конце 1920-х годов перепечатывались в Советской России, к ним термин «возвращение на родину» буквально не применим. Однако замечание Александровой о том, что

произведения эмигрантских писателей в течение десятилетий не удостоивались внимания советской печати, справедливо и по отношению к Аверченко. Интерес к его произведениям возродился в начале 1960-х годов. Тогда же обнаружилось, что в современной советской критике заметна тенденция по отношению к Аверченко отказаться от излюбленных прежде ярлыков, вроде презрительной клички «шут русской буржуазии», и дать его творчеству более объективную и в целом положительную оценку, по существу, следуя, таким образом, за одобрительным суждением о произведениях писателя, высказанным в свое время Зоричем.

В этом смысле наиболее показательна статья Михайлова, за последние годы, пожалуй, единственная представляющая собой исследование, хотя и краткое, но посвященное исключительно одному лишь творчеству Аверченко, а не творчеству сатириков вообще.

В своей статье Михайлов задает вопрос: что сегодня дают советскому читателю рассказы Аверченко? И оправдано ли то, что после долгого перерыва имя Аркадия Аверченко снова «вынуто из летейских вод»? И он отвечает:

Да, оправдано. И в этом нас убеждает реалистический характер таланта Аверченко, демократическая направленность его творчества⁸⁰.

Главную заслугу Аверченко-писателя Михайлов видит в его вкладе в стихию юмористического:

В пределах юмористического Аверченко предстает мастером короткого, искусно сделанного рассказа. Рассказ у писателя именно «сделан» — выстроен прочно и цельно. Сюжет разворачивает действие стремительно, язык предельно лаконичен и точен⁸¹.

Имея в виду эти достоинства рассказов Аверченко, Михайлов высказывает убеждение:

Творчество Аверченко и для сегодняшнего читателя таит в себе огромные кладовые смеха⁸².

Когда в 1964 году из печати вышел сборник рассказов Аверченко со вступительной статьей Михайлова, ре-

цензия на эту книгу была напечатана в советском журнале *Новый мир*. В этой рецензии высказывалось, между прочим, такое мнение об Аверченко:

Бытующее представление о нем как о талантливом, но пустом паяце нуждается в существенных коррективах [...] Объективное значение его рассказов и фельетонов часто значительно шире и глубже субъективных намерений писателя. Я уже не говорю о том, что талант и остроумие Аверченко сказываются даже в рассказах, не отличающихся серьезным содержанием: он обладал даром смешить читателей, был мастером короткого юмористического рассказа и фельетона⁸³.

Евстигнеева, говоря о творчестве Аверченко, отмечает его «добродушно-лукавый юмор»⁸⁴. Далее, признавая, что «безудержный смех ради смеха подчас окрашивал рассказы Аверченко», Евстигнеева в то же время высоко оценивает литературное дарование писателя:

Сам Аверченко в своих лучших произведениях достигал высот подлинного искусства⁸⁵.

Помимо этой положительной оценки произведений Аверченко, какая дается в исследовании Евстигнеевой, ее труд интересен и в том отношении, что она в нем говорит о влиянии, оказанном Аверченко и сатириконцами вообще на сатирико-поэтическое творчество Маяковского и на юмористическую прозу писателей И. Ильфа, Е. Петрова и М. Зощенко.

Указывая на то обстоятельство, что именно в *Новом Сатириконе* Маяковский «приобрел навыки профессионального сатирика», Евстигнеева пишет:

Таким образом, сатириконцы были теми звеньями историко-литературного процесса, которые объективно способствовали формированию новаторских приемов творчества Маяковского⁸⁶.

Что касается влияния, которое на советских писателей-юмористов оказали сатириконцы, то об их заслугах Евстигнеева замечает:

Разработанная ими «технология смеха» отчасти была взята на вооружение советской сатирической журналистикой (еженедельника «Крокодил» прежде всего) и литературой (И. Ильф, Е. Петров, М. Зощенко и др.)⁸⁷.

Приведенные выдержки из высказываний советских критиков свидетельствуют о происшедшем сближении оценок творчества Аверченко за рубежом и в Советском Союзе, где с годами как бы отходит на второй план исключительно политико-социологический подход при суждении о достоинствах литературного наследия писателя.

Трехчленная ленинская формула для суждения о самом Аверченко и о его творчестве по-прежнему обязательно принимается к сведению литературными критиками, и в выдержках она обычно фигурирует в исследованиях, посвященных Аверченко. Так поступили в своих статьях и Михайлов, и Рыклин⁸⁸. Заметно, однако, некое перемещение акцентов. Меньший упор делается на «умопомрачительность» белогвардейства Аверченко и большее внимание обращается на третий пункт ленинской формулы: «талант надо поощрять».

При таком обновленном размещении акцентов в установленной свыше оценке Аверченко, уделяется больше внимания чисто литературной критике неполитических произведений писателя. Они подвергаются объективному анализу, их достоинства признаются без излишних оговорок и в результате подчеркивается утверждение: «это — часть нашей литературы».

Слова эти сказаны советским писателем Г. Рыклиным. В группе туристов, с которыми он побывал после второй мировой войны в Праге на Ольшанском кладбище у могилы Аверченко, оказались люди, никогда не слышавшие имени писателя и названия его журнала: все это — дела минувших дней. Такое отношение побудило Рыклина написать:

Но разве мы полностью отрешиваемся от давно минувших дней?

Нам надо *все* знать — и настоящее, и прошлое. Не все принимать, но все знать [...]

Повторяю: все это надо знать. Это — часть нашей литературы⁸⁹.

Утверждение Рыклина симптоматично для прошедшей переоценки роли Аверченко и отказа от сугубо политико-партийных соображений Старчакова вроде того, что имя сатириконца, может быть, сбережет лишь «память революции». Конечно, в истории русской революции имя Аркадия Аверченко сохранится. И как редактора журнала, мужественно восстававшего против произвола и беззакония, воцарившихся в России после большевицкого переворота, и как писателя, не пожелавшего, как и многие собратья по перу, подчинить свое творчество партийной указке новых властителей. Не ради «соуса кумберленд», как хотел уверить читателей Старчаков, а ради права писателя свободно творить и права юмориста свободно высмеивать то, что подлежит критике и осмеянию, Аверченко предпочел изгнание безмолвному подчинению новым господам родной страны.

Существенно то, что Рыклин рассматривает литературное наследство Аверченко как неотъемлемую часть русской литературы. Таким образом, как за рубежом, так и на родине писателя теперь признается, что он занял прочное место в русской литературе. Оно ему обеспечено как писателю, в свое время «расколдовавшему», по выражению Тэффи, русский смех, сумевшему создать свой особый жанр короткого юмористического рассказа и своим мастерством в этой области повлиявшему на пореволюционную русскую сатирико-юмористическую литературу.

Вместе с тем, вынося суждение о достоинствах и ценности литературного наследства Аверченко, важно выяснить, насколько произведения писателя выдержали испытание времени и в какой мере они продолжают представлять интерес для читателя в наше время. Иными словами, — необходимо проследить, «живо» ли творчество писателя в наши дни.

Писатель-эмигрант Андрей Седых недавно высказал мнение, что из писателей-юмористов в эмиграции испытание времени выдержали только Дон Аминадо и Тэффи⁹⁰. С таким суждением согласиться нельзя. Оно противоречит не только тому, что было сказано о непрекращающихся переизданиях рассказов Аверченко в Советском Союзе и за рубежом, но и словам советских критиков, как например, Михайлова, о том, что творчество писателя и для сегодняшнего читателя «таит в себе огромные кладовые смеха» (см. выше, с. 493).

Сказанное следует дополнить указанием на тот факт, что произведения Аверченко и в наше время продолжают пользоваться успехом также у читателя иностранного, что объясняется характером юмора писателя, понятного не только для русских, но и для иностранцев. Это подчеркивает американский автор книги о русских писателях Валентин Сноу:

Averchenko's humor is of the broad, universally understandable kind, and many of his stories are based on excruciatingly funny situations of his own contriving^{91*}.

Многочисленные издания переводов произведений Аверченко на иностранные языки появлялись еще при жизни писателя. Это обстоятельство отмечалось, между прочим, уже в 1922 году в газете *Русская Земля*, поместившей статью об Аверченко, в которой говорилось:

Его сочинения пользуются огромным успехом. Переведены на 10 европейских и 2 азиатских (китайский и персидский) языка. На чешском языке появилось что-то 10 книг, на мадьярском, кажется, две⁹².

Установить полный, исчерпывающий список изданий произведений Аверченко на иностранных языках не удалось, но и тот перечень этих изданий, который можно

* Юмор Аверченко — широкого, универсального свойства, который понятен всем. Многие его рассказы основываются на мучительно-смешных ситуациях, придуманных им самим (*англ.*).

было составить на основании собранных сведений, говорит о том, что слова сотрудника ужгородской газеты — отнюдь не представляют собой преувеличения.

Как явствует из списка произведений Аверченко на иностранных языках (см. библиографию произведений Аркадия Аверченко), к числу первых сборников его рассказов в переводах, напечатанных еще до первой мировой войны, надо отнести три пражских издания на чешском языке и два краковских издания на польском языке. Эти первые чешские и польские сборники рассказов Аверченко появились между 1912 и 1914 годами.

Что касается первых сборников рассказов Аверченко на немецком языке, то такими, очевидно, следует считать мюнхенские издания 1914 и 1919 годов, за которыми последовало венское издание 1925 года, вышедшее вскоре после смерти писателя.

За время жизни Аверченко в эмиграции и после его смерти были изданы многочисленные переводы его произведений на славянские языки: чешский, польский, словацкий, сербо-хорватский и болгарский. При этом следует отметить, что наиболее полным собранием сочинений Аверченко на иностранном языке надо, очевидно, считать 12-томное чешское издание, печатавшееся в пражском издательстве Вилимека, о чем в свое время сообщалось в русской эмигрантской печати⁹³.

Значительно менее многочисленны издания переводов произведений Аверченко на языки: итальянский, венгерский, французский и английский.

Что касается переводов рассказов Аверченко на английский язык, то, по-видимому, первым таким переводом следует считать рассказ «His Friend», напечатанный в 1916 году в нью-йоркском журнале *Russian Review*. Затем несколько переводов его рассказов публиковались в течение 1921 года в американском журнале *Living Age* (см. библиографию произведений Аркадия Аверченко).

После того, вплоть до начала 1940-х годов, на английском языке, очевидно, больше не появлялось переводов

произведений русского юмориста. Поэтому Б. Герни, включивший в свою книгу «A Treasury of Russian Literature» («Сокровище русской литературы») два рассказа Аверченко на английском языке, отметил:

Despite the universality of his humor, only five or six of his hundreds of stories have achieved publication in English — and then only in magazines^{94*}.

В настоящее время американский читатель имеет больше возможностей познакомиться с образчиками произведений Аверченко. Правда, пока все еще не существует отдельного сборника рассказов русского юмориста на английском языке, однако кроме указанной книги Б. Герни вышли два других сборника типа хрестоматий⁹⁵, в которые включены переводы произведений Аверченко. Следует также отметить, что американские студенты, изучающие русский язык, получили возможность познакомиться с языком и стилем русского писателя по его рассказу «Сентиментальный роман», который помещен в оригинале в сборнике рассказов русских писателей, вышедшем в 1962 году под редакцией Джона Иваника⁹⁶.

Перечисленные языки, на которых были напечатаны переводы произведений Аверченко, и есть, по-видимому, те десять европейских языков, о которых писал сотрудник газеты *Русская Земля*. За прошедшие с того времени годы этот перечень языков можно дополнить указанием на то, что одна пьеса-миниатюра Аверченко была переведена на латышский язык, что существует румынский перевод одного из его рассказов о детях и что в 1940-х годах в Амстердаме были изданы два сборника рассказов русского юмориста в переводе на голландский язык.

Эти два голландских издания рассказов Аверченко, вышедшие через много лет после его смерти, свидетель-

* Несмотря на универсальность его юмора, только пять или шесть рассказов из сотен созданных им были напечатаны на английском языке — и притом только в журналах (*англ.*).

ствуют о том, что и у иностранных читателей по-прежнему жив интерес к произведениям русского писателя. Это подтверждается и фактом непрекращающегося внимания к его творчеству и в других европейских странах. Так, несмотря на то, что существует несколько сборников рассказов Аверченко в переводе на немецкий язык, вышедших за десятилетия, последовавшие после первой мировой войны, в Германии опять были изданы два сборника рассказов русского писателя в 1950-х годах и два сборника — в 1960-х.

Такой же интерес к произведениям Аверченко наблюдается и в Польше. Хотя на польском языке в 1920-х годах вышло два сборника его рассказов, в 1966 году в одном из варшавских издательств опять была напечатана книга рассказов Аверченко, переведенных на польский язык несколькими современными польскими переводчиками.

Однако не только то обстоятельство, что произведения Аверченко до сих пор находят отклик у читателей русских и иностранных, подкрепляет утверждение, что его литературное наследство еще живо. Об этом говорит и тот факт, что по-прежнему доходчивы его пьесы-миниаютюры и театральные инсценировки его рассказов. Подтверждением этому могут служить сообщения о спектаклях, устраиваемых в разных местах рассеяния русской эмиграции, на которых постановки пьес Аверченко и чтение его рассказов часто включаются в число номеров программы вечера.

Конечно, включение произведений Аверченко в программу устройств эмигрантских организаций и доходчивость сценических вещей юмориста у публики, обычно посещающей такие спектакли, отчасти могло бы быть объяснено характерной для всякой эмигрантской аудитории склонностью к ностальгии и сентиментальной привязанности к «кумирам» давно прошедших лет. Но по отношению к современным радиослушателям и телезрителям в Советском Союзе и за границей подобная ого-

ворка теряет силу. Именно поэтому важно отметить статью советского журналиста М. Поляновского, напечатанную в парижской газете *Русские Новости*, в которой он писал:

15 января 1967 года, в девять часов вечера, центральное телевидение Москвы показало произведения талантливого юмориста. Программа гласила: «Телевизионный театр миниатюр. А. Аверченко. «...Лет тому назад»⁹⁷.

Автор статьи сообщает дальше, что эта программа была спектаклем без антракта, в который входили и остроумные ответы из «Почтового ящика» журнала *Сатирикон*, подписанные тремя латинскими буквами Ave, и небольшие пьески Аверченко, и инсценировки его рассказов. Советские телезрители познакомились и с предприимчивым коммивояжером Цацкиным, персонажем рассказа «Рыцарь индустрии», и с Барабановым, героем рассказа «Незаметный подвиг», который стал примечательной личностью в своем захолустном городке благодаря им самим придуманной версии о том, как он «спас Россию», и с неким поэтом, героем одноименного рассказа, преследовавшим редактора своими стихами: «Хотел бы я твой черный локон...»

Как выясняется из статьи Поляновского, эта программа московского телевидения отнюдь не была первым или единственным показом произведений Аверченко на экранах советских телевизоров:

Первое появление Аверченко на голубых экранах нашего телевидения произошло около трех лет назад: тогда показывали инсценировку его рассказа «Крыса на подносе». В этом году творчество писателя было представлено шире, но и это — лишь заявка на полное ознакомление неисчислимой телеаудитории с произведениями Аверченко⁹⁸.

Кроме советских телезрителей с инсценировками рассказов Аверченко почти в то же самое время, то есть в 1965 году, смогла познакомиться и французская публика. О предстоящей передаче четырех инсценированных

рассказов русского юмориста читателей известила парижская газета *Figaro*, на страницах которой была напечатана короткая заметка и фотография сцены из одной инсценировки:

QUATRE PIÈCES RUSSES

La seconde chaîne diffusera samedi quatre pièces de l'écrivain russe Arcadius Avertchenko. Nous verrons notamment «Le candidat au suicide», interprété par René Clermont et Jacques Harden^{99*}.

В день телепередачи инсценировок рассказов Аверченко в журнале-программе французского радио и телевидения приводились названия этих инсценировок, а об их авторе сообщалось:

QUATRE PIÈCES D'AVERTSCHENKO

Adaptation de Claude Laurent.

Réalisation de Michel Ayats.

Arcadius Avertchenko, qui, au début du siècle, connut le succès à Saint-Petersbourg avec «Satirikon», une publication qu'il rédigeait avec le concours d'écrivains et d'artistes réputés, est aussi l'auteur de nouvelles, de parodies et surtout de pièces en un acte, comme celles qui font l'objet de cette émission^{100**}.

* ЧЕТЫРЕ РУССКИХ ПЬЕСЫ

В субботу по второму каналу будут показаны четыре пьесы русского писателя Аркадия Аверченко. Мы, в частности, увидим «Кандидата в самоубийцы» в исполнении Рене Клермона и Жака Ардана (*фр.*).

** ЧЕТЫРЕ ПЬЕСЫ АВЕРЧЕНКО

Инсценировка Клода Лорана.

Постановка Мишеля Эйятса.

Аркадий Аверченко, пользовавшийся в начале века успехом в Санкт-Петербурге благодаря «Сатирикону», печатному органу, который он выпускал при участии известных писателей и художников, является также автором рассказов, пародий, а главное — одноактных пьес, подобных тем, что входят в эту передачу (*фр.*).

В заключение перечисления сведений, собранных о произведениях Аверченко, печатавшихся за последние годы на иностранных языках или инсценированных для телевизионных передач в Советском Союзе и за границей, следует упомянуть, что рассказы русского писателя в 1965 году были включены в программу австрийского радио. В письме, адресованном сестре писателя, О.Т. Смирдиной, администрация австрийского радио сообщила:

Die sieben Erzählungen von Arkadij Awertschenko wurden zu einem Hörspielabend unter dem Titel «Misch Dich nicht in fremde Angelegenheiten» zusammengefasst. Diese sieben Erzählungen wurden dem Osterreichischen Rundfunk, Radio Vorarlberg, vom Verlag Hans Pero, Wien [...] zur Verfügung gestellt. Es handelt sich nicht um eine Theateraufführung, sondern um eine Rundfunkaufführung der Erzählungen von Awertschenko^{101*}.

Все, что было приведено в пользу утверждения о продолжающемся внимании к произведениям Аверченко со стороны читателей, телезрителей и радиослушателей русских и иностранных, несомненно, свидетельствует о том, что многочисленные произведения Аверченко и по сей день не забыты и что его литературное наследство живо и представляет интерес не только для одних лишь исследователей истории русской юмористической журналистики и литературы.

В заключительном абзаце статьи Андрея Седых, который не причисляет произведения Аркадия Аверченко к тем, которые, по его мнению, выдержали испытания времени, находим слова:

* Все семь рассказов Аркадия Аверченко были объединены в рамках вечера радиопьес под названием «Не вмешивайся не в свое дело». Право использовать эти семь рассказов австрийскому радиовещанию, радиостанции «Форарльберг», предоставило венское издательство «Ханс Перо». Речь идет не о театральном спектакле, а о радиоинсценировке рассказов Аверченко (*нем.*).

Писатели умирают дважды. В первый раз — в момент физической своей смерти. Во второй раз, когда их перестают читать и забывают¹⁰².

Аркадия Аверченко не забыли и его не перестали читать. Про него смело можно сказать: он умер физически, но он по сей день продолжает жить как писатель-юморист.

Права оказалась его современница и коллега по юмористическому перу Надежда Александровна Тэффи, не сомневавшаяся в том, что благодарные читатели Аркадия Аверченко и почитатели его таланта надолго отдадут ему «уголочек души, где просто и весело».

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Тэффи Н.А. Об Аркадии Аверченко. — *Звено* (Париж), 1925, 16 марта, № 111.
- ² М.Г. [Ганфман М.И.] А.Т. Аверченко. — *Сегодня* (Рига), 1925, 13 марта.
- ³ [Бельговский К.П.] Последние дни Ар. Аверченко. — *Новое Русское Слово* (Нью-Йорк), 1925, 2 апреля.
- ⁴ Пильский П.М. Заметки об Аркадии Аверченко. — *Новое Русское Слово* (Нью-Йорк), 1925, 24 мая.
- ⁵ Потемкин П.П. Об Аркадии Аверченко. — *Последние Новости* (Париж), 1925, 15 марта.
- ⁶ Пильский П.М. Указ. соч.
- ⁷ Максим Лев. Умер Аверченко. — *Сегодня* (Рига), 1925, 13 марта.
- ⁸ М.Г. [Ганфман М.И.] Указ. соч.
- ⁹ Муратова К.Д. Журналистика. — В кн.: История русской литературы, т. X. Литература 1890—1917 годов. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947—1954, с. 94.
- ¹⁰ Перцов В.О. Маяковский. Жизнь и творчество (До Великой Октябрьской Социалистической революции). М. Советский писатель, 1951, с. 282.
- ¹¹ Ершов Л.Ф. Советская сатирическая проза 20-х годов. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, с. 27.
- ¹² Никулин Л.В. Люди русского искусства. М., Советский писатель, 1947, с. 259.
- ¹³ Муратова К.Д. Указ. соч., с. 94.
- ¹⁴ Ершов Л.Ф. Указ. соч., с. 24.
- ¹⁵ Там же, с. 25.
- ¹⁶ Там же, с. 29, 32.
- ¹⁷ Евстигнеева Л.А. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконтцы. М., Наука, 1968, с. 368.
- ¹⁸ Там же, с. 25.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Евстигнеева Л.А. Поэты-сатириконтцы. — В кн.: Поэты «Сатириконтца». М.—Л., Советский писатель, 1966, с. 25.
- ²¹ Евстигнеева Л.А. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконтцы, с. 398.
- ²² Там же, с. 398, 399.
- ²³ Там же, с. 118.

- ²⁴ Куприн А.И. Аверченко и «Сатирикон». — *Сегодня* (Рига), 1925, 29 марта.
- ²⁵ Стыкалин С.И., Кременская И.К. Советская сатирическая печать 1917—1963. М.—Л., Государственное издательство политической литературы, 1966, с. 245.
- ²⁶ Ленч Леонид. Заметка об Аркадии Бухове. — *Смена*, 1967, № 8, с. 29.
- ²⁷ Аргус М.К. Слухи и факты. — *Новое Русское Слово* (Нью-Йорк), 1964, 21 мая; 1965, 21 июля; 1965, 23 сентября; 1965, 14 декабря.
- ²⁸ Журба С. Об американских пацифистах, письмо в редакцию. — *Новое Русское Слово* (Нью-Йорк), 1966, 10 апреля.
- ²⁹ Хирдов А. А где вы встречаете? — *Новое Русское Слово* (Нью-Йорк), 1966, 1 января.
- ³⁰ Grand Larousse, encyclopédique en dix volumes, tome I, 1960, p. 782.
- ³¹ Куприн А.И. Указ. соч.
- ³² Пильский П.М. Указ. соч.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Пильский П.М. Аверченко. — *Наш Сатирикон* (Кишинев), 1921, № 3.
- ³⁵ Пильский П.М. Арк. Аверченко. — *Последние известия* (Ревель), 1923, февраль.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Полонский В.Г. Смех и горечь. — *Всеобщий Ежемесячник*, 1910, № 7, с. 94.
- ³⁸ Там же, с. 95.
- ³⁹ Цит. по книге Л.А. Евстигнеевой «Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы», с. 15.
- ⁴⁰ Полонский В.Г. Указ. соч., с. 98; Куприн А.И. Указ. соч.
- ⁴¹ Евстигнеева Л.А. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы, с. 367.
- ⁴² Тэффи Н.А. Указ. соч.
- ⁴³ Азов В.[Ашкинази В.А.] Аркадий Аверченко. Веселые устрицы. Изд-во М.Г. Корнфельда, СПб., 1910. — Рец. в газете *Речь* (С.-Петербург), 1910, 27 сентября (10 октября).
- ⁴⁴ Потемкин П.П. Указ. соч.
- ⁴⁵ Куприн А.И. Указ. соч.
- ⁴⁶ Горный С. [Оцуп А.А.] Сатирикон. — *Руль* (Берлин), 1925, 14 марта.
- ⁴⁷ Горный С. [Оцуп А.А.] Памяти А.Т. Аверченко. — *Руль* (Берлин), 1930, 28 апреля.

- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Добронравов Л.М. Аркадий Аверченко (эскиз). — *Бессарабия* (Кишинев), 1923, 29 сентября.
- ⁵⁰ Полонский В.Г. Указ. соч., с. 102.
- ⁵¹ Амфитеатров-Кадашев В.А. Очерки истории русской литературы. Прага, Славянское изд-во, 1922, с. 243.
- ⁵² Тхоржевский И.И. Русская литература. Париж, Возрождение, 1950, с. 516.
- ⁵³ Mirsky D.S. A History of Russian Literature. New York, Alfred A. Knopf, 1949, p. 406.
- ⁵⁴ Полонский В.Г. Указ. соч., с. 103.
- ⁵⁵ Пильский П.М. Аверченко.
- ⁵⁶ Добронравов Л.М. Указ. соч.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Терапиано Ю.К. Аркадий Аверченко. Избранное. — Рец. в газете *Русская мысль* (Париж), 1963, 27 апреля.
- ⁶⁰ Averèenko. Humoresky a satiry. Praha, J. Otto, 1912, s. 194 (в переводе на русский язык).
- ⁶¹ È ervinka V. Arkadij T. Averèenko a jeho dílo. — Arkadij Averèenko. Vůstřední povídky. Praha, J. Jos. R. Vilimek, 1923, s. 8 (в переводе на русский язык).
- ⁶² Awertschenko A. Der Wolfspelz und andere Erzählungen. München, Wilhelm Goldmann, 1964.
- ⁶³ Завалишин В.К. Русские сатирики по-английски. — *Новое Русское Слово* (Нью-Йорк), 1965, 4 апреля.
- ⁶⁴ Ленин В.И. Талантливая книжка. — *Правда*, 1921, 22 ноября, № 263.
- ⁶⁵ Стыкалин С.И., Кременская И.К. Указ. соч. с. 234.
- ⁶⁶ Это советское издание сборника рассказов писателя указывается в библиографических справочниках Владиславлева (Владиславлев И.В. Литература великого десятилетия (1917—1927), т. 1. М., Гос. изд-во, 1928, с. 29.) и Муратовой (История русской литературы конца XIX — начала XX века. Библиографический указатель под ред. К.Д. Муратовой, ч. II—Personalia. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1963, с. 63).
- ⁶⁷ Владиславлев И.В. Указ. соч.
- ⁶⁸ Здесь имеются в виду: 1) периодические издания: *Правда*, 1962, 21 декабря; *Казахстанская правда*, 1965, 14 ноября; *Огонек*, 1964,

- 1 января; *Литературная газета*, 1967, № 29 и *Неделя*, 1962, № 37; 1964, № 41 и 47; 1965, № 47 и 2) книги: «Русская сатира» (1960) и сб. рассказов Аверченко под названиями «Оккультные науки» (1964) и «Юмористические рассказы» (1964).
- ⁶⁹ Евстигнеева Л.А. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконтцы, с. 3—4.
- ⁷⁰ Без подписи. Предисловие к кн.: Аркадий Аверченко. Женщина в ресторане. М.—Л., Земля и Фабрика, 1926, с. 3.
- ⁷¹ Большая Советская Энциклопедия, изд. 1-е, 1926, т. 1, с. 142.
- ⁷² Старчаков А. Предисловие к кн.: Аркадий Аверченко. Развороченный муравейник. М., Земля и Фабрика, 1927, с. 7.
- ⁷³ Там же, с. 11.
- ⁷⁴ Старчаков А.П. Предисловие к кн.: Аркадий Аверченко. Круги по воде. М., Земля и Фабрика, 1928, с. 5.
- ⁷⁵ Там же, с. 7.
- ⁷⁶ Старчаков А.П. Предисловие к кн.: Аркадий Аверченко. Веселые устрицы. М., Земля и Фабрика, 1928, с. 5.
- ⁷⁷ Там же, с. 6.
- ⁷⁸ Евстигнеева Л.А. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконтцы, с. 366.
- ⁷⁹ Александрова В. Прошлое сегодняшними глазами. — *Новый журнал*, кн. 84, 1966, с. 132.
- ⁸⁰ Михайлов О. Аркадий Аверченко. Вступительная статья в кн.: Аркадий Аверченко. Юмористические рассказы. М., Художественная литература, 1964, с. 21—22.
- ⁸¹ Там же, с. 22.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ А. Д. Аркадий Аверченко. Юмористические рассказы. М., Художественная литература, 1964. Рецензия. — *Новый мир*, 1965, № 2.
- ⁸⁴ Евстигнеева Л.А. Поэты-сатириконтцы, с. 23.
- ⁸⁵ Евстигнеева Л.А. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконтцы, с. 366.
- ⁸⁶ Там же, с. 430.
- ⁸⁷ Там же, с. 453.
- ⁸⁸ Михайлов О.У. Указ. соч., с. 20; Рыклин Г.Е. Несколько слов о «Сатириконе». Предисловие к кн.: Поэты «Сатирикона». М.—Л., Советский писатель, 1966, с. 5.
- ⁸⁹ Рыклин Г.Е. Указ. соч., с. 6.

- ⁹⁰ Седых Андрей. Поэт. — *Новое Русское Слово* (Нью-Йорк), 1967, 12 ноября.
- ⁹¹ Snow Valentin. Russian Writers. New York, International Book Service, 1946, p. 12.
- ⁹² Г. С-ычъ. Аверченко среди нас. — *Русская Земля* (Ужгород), 1922, 18(31) августа.
- ⁹³ Без подписи. Заметка «Россика». — *Руль* (Берлин), 1924, 5 января.
- ⁹⁴ Guerney B.G. A Treasury of Russian Literature. New York, The Vanguard Press, 1943, p. 977.
- ⁹⁵ Fisher M. and Humphries K. Strange to Tell: Stories of the Marvelous and Mysterious. New York: Julian Messnes, Inc, 1946, а также: Hall J. and Langland J. The Short Story. New York, The Macmillan Company, 1956.
- ⁹⁶ Рассказ впервые напечатан: *Юг России*, 1920, 24 октября (6 ноября).
- ⁹⁷ Поляновский М. А. Аверченко в советском телевидении. — *Русские Новости* (Париж), 1967, 17 февраля.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ *Le Figaro* (Paris), 1965, le 6 août, vendredi. Здесь имеется в виду инсценировка рассказа, который по-русски называется «Лошадиное средство» и впервые был напечатан в *Новом Сатириконе*, 1916, № 7.
- ¹⁰⁰ Radio-Télévision Française. 1965, le 7 août, samedi.
- ¹⁰¹ Письмо от: Österreichischer Rundfunk, G.m.b.H., Radio Linz, 11.6.1965. — *Архив Аверченко*.
- ¹⁰² Седых Андрей. Указ. соч.

ИСТОЧНИКИ ССЫЛОК

НАЗВАНИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ:

- А. Д. Аркадий Аверченко. Юмористические рассказы. М., Художественная литература, 1964. Рецензия. — *Новый мир*, 1965, № 2.
- Азов Вл. [Ашкинази В. А.] Аркадий Аверченко. Веселые устрицы. Изд. Корнфельда, СПб., 1910. Рецензия. — *Речь*, С. Петербург, 1910, 27 сентября (10 октября).
- Александрова В. Прошлое сегодняшними глазами. — *Новый Журнал*, Нью-Йорк, 1966, кн. 84, с. 117—133.
- Амфитеатров-Кадашев В. А. Очерки истории русской литературы. Прага, Славянское издательство, 1922.
- Андрей Седых [Цвибак Я.М.] Поэт. — *Новое Русское Слово*, Нью-Йорк, 1967, 12 ноября.
- Аргус М. К. Американский юмор. — В кн.: Америка смеется. Антология американского юмора под ред. М. К. Аргуса и Полины Б. Тэйлор. Нью-Йорк, Чайка, 1962, с. 5—18.
- Аргус М. К. Слухи и факты. — *Новое Русское Слово*, Нью-Йорк, 1964, 21 мая; 1965, 21 июля, 23 сентября и 14 декабря.
- Аронсон Г. Я. Одним сталинцем меньше. — *Новое Русское Слово*, Нью-Йорк, 1965, 19 апреля.
- Архив Аверченко*. Так в сносках сокращенно называется материал, сохранившийся в архиве Аркадия Аверченко и находившийся в Париже, во владении сестры писателя, Ольги Тимофеевны Смирдиной (по первому браку — Фальченко), скончавшейся в декабре 1965 года. В сентябре 1964 года автор настоящей работы во время своего пребывания в Париже имел возможность лично ознакомиться с содержанием архива и получить в свое распоряжение копии ряда бумаг из

него, на которые он ссылается в сносках данного исследования.

- Б. — см. Бельговский К. П.
- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., Художественная литература, 1965.
- Б. Б. Аркадий Аверченко. Отдых на крапиве. Рассказы. Изд. «Добро». Варшава. Рецензия. — *Рижский Курьер*. Вырезка без указания числа. *Архив Аверченко*.
- Без подписи. Аркадий Аверченко. Рассказы (юмористические). Кн. 1-ая. Изд. Шиповник, СПб. 1910. — *Современное Слово*, С.-Петербург, 1910, 14 (27) мая.
- Без подписи. Болезнь А. Т. Аверченко. — *Руль*, Берлин, 1924, 30 июля.
- Без подписи. В русской Вандее. — *Известия*, 1919, 14 февраля, № 34.
- Без подписи. Вечер А. Аверченко. — *Руль*, Берлин, 1924, 25 апреля.
- Без подписи. Вечер памяти А. Т. Аверченко. — *Последние Новости*, Париж, 1925, 26 марта.
- Без подписи. Вечер памяти А. Т. Аверченко в Париже. — *Новое Русское Слово*, Нью-Йорк, 1925, 19 апреля.
- Без подписи. Вечер Союза Русских Студентов. — *Руль*, Берлин, 1924, 13 марта.
- Без подписи. Воспарение. — *Журнал Журналов*, 1915, № 18, с. 16.
- Без подписи. Гнездо перелетных птиц. — *Вечернее Слово*, Севастополь, 1920, 22 апреля.
- Без подписи. День Добровольческой Армии. — *Юг*, Севастополь, 1919, 1 ноября.
- Без подписи. Десятилетие со дня смерти Аркадия Аверченко. — *Сегодня*, Рига, 1935, 15 марта.
- Без подписи. Дом Артиста. — *Юг*, Севастополь, 1919, 18 сентября.
- Без подписи. К погребению А. Т. Аверченко. — *Руль*, Берлин, 1925, 18 марта.
- Без подписи. К смерти Аверченко. — *Руль*, Берлин, 1925, 15 марта.
- Без подписи. Ленин и... Аверченко. — *Последние Новости*, Париж, 1921, 6 декабря.
- Без подписи. На похоронах Аркадия Аверченко. — *Новое Русское Слово*, Нью-Йорк, 1925, 26 марта.

- Без подписи. Новая пьеса Арк. Аверченко. — *Новое Русское Слово*, Нью-Йорк, 1923, 19 мая.
- Без подписи. Новогодняя встреча у юмористов. — *Руль*, Берлин, 1923, 4 января.
- Без подписи. Новые нотки. — *Журнал Журналов*, 1915, № 1, с. 11.
- Без подписи. Опека над наследством А. Т. Аверченко. — *Руль*, Берлин, 1925, 27 марта.
- Без подписи. Панихида по А. Т. Аверченко в Праге. — *Сегодня*, Рига, 1930, 16 марта.
- Без подписи. Первое представление пьесы Аверченко. — *Юг*, Севастополь, 1920, 4 января.
- Без подписи. Похороны А. Т. Аверченко. — *Последние Новости*, Париж, 1925, 20 марта.
- Без подписи. Предисловие к книге: Аркадий Аверченко. Женщина в ресторане. Москва—Ленинград, Земля и Фабрика, 1926, с. 3.
- Без подписи. Россия. — *Руль*, Берлин, 1924, 5 января.
- Без подписи. Русские писатели летом. — *Руль*, Берлин, 1924, 7 августа.
- Без подписи. Памяти Арк. Аверченко. — *Руль*, Берлин, 1925, 26 мая.
- Без подписи. Театр Ренессанс. — *Юг*, Севастополь, 1920, 11 января.
- Без подписи. Турне Аркадия Аверченко. — *Руль*, Берлин, 1923, 14 апреля.
- Бельговский К. П. Как умирал Аркадий Аверченко. — *Сегодня*, Рига, 1925, 17 марта.
- Бельговский К. П. Письма Арк. Аверченко. — *Иллюстрированная Россия*, Париж, 1926, № 10, с. 6—7.
- Бельговский К. П. Письмо сестре Аркадия Аверченко — Ольге Тимофеевне Фальченко. Прага, 1927, 25 ноября. — *Архив Аверченко*.
- Бельговский К. П. Победа русского смеха. — *Русь*, София. Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- Бельговский К. П. Ход болезни Аркадия Аверченко, письмо в редакцию. — *Новое Русское Слово*, Нью-Йорк, 1925, 4 апреля.
- Бельговский К. П. [Б.] Арк. Аверченко о самом себе. — *Эхо*, Берлин, 1924, 2 марта.
- Бельговский К. П. [Конст. Б.] Открытие памятника на могиле А. Т. Аверченко. — *Сегодня*, Рига, 1930, 30 декабря.

- [Бельговский, К. П.] Последние дни Аверченко. — *Сегодня*, Рига, 1925, 13 марта.
- [Бельговский К. П.] Последние дни Арк. Аверченко. — *Новое Русское Слово*, Нью-Йорк, 1925, 2 апреля.
- Б. К. Аркадий Аверченко. Отдых на крапиве. Новая книга рассказов. 1924. Издательство «Добро». Варшава. Рецензия. — *Руль*, Берлин, 1924, 20 января.
- Большая Советская Энциклопедия, изд.1-е, т. 1. М. 1926, с. 142, статья «Аверченко».
- Боцяновский В. и Голлербах Э. Русская сатира первой революции 1905—1906 гг. Л., Государственное издательство, 1925.
- Брешко-Брешковский Н. Н. А. Т. Аверченко. К десятилетию со дня смерти русского юмориста. — *Иллюстрированная Россия*, 1935, № 13, с. 15—16.
- Брокгауз и Ефрон. Новый Энциклопедический Словарь, т. 1. С.-Петербург, 1911, с. 191, статья «Аверченко».
- Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический Словарь, т. IV. С.-Петербург, 1891, с. 165, статья «Богема».
- Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический Словарь, т. XXIX, С.-Петербург, 1900, с. 293—294, статья «Севастополь».
- Бунин И. А. Окаянные дни. — Бунин И. А. Собрание сочинений, т. X. Берлин, Петрополис, 1935.
- Бурлаков Н., Пелисов Г. и Уханов И. Русская литература в XX в., дооктябрьский период. М., Издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1961.
- В. Р. Великий визирь, стихотворение. Вырезка из неизвестной газеты без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- В. Т. Вечер Аркадия Аверченко. — *Руль*, Берлин, 1924, 4 мая.
- Василевский И. М. — см. Не-Буква.
- Владиславлев И. В. Русские писатели. Опыт библиографического пособия по новейшей русской литературе. М., Государственное издательство, 1924.
- Владиславлев И. В. Литература великого десятилетия (1917—1927), т. 1. М., Государственное издательство, 1928.
- Вержбицкий Ник. [Буринский Е. Ф.] Встречи с Куприным. — *Звезда*, Москва, 1957, № 5, с. 116—141.
- Вержбицкий Ник. Записки старого журналиста. М., Советский писатель, 1961.
- Виноградов В. В. Заметки о стилистике. — *Литературная газета*, Москва, 1965, 19 октября, № 214.
- Вл. Кр. — см. Кранихфельд В.П.

- Всезнайка. Встречи и разговоры. — *Новое Русское Слово*, Нью-Йорк, 1923, 2 августа.
- Г. С—чь. Аверченко среди нас. — *Русская Земля*, Ужгород, 1922, 18(31) августа.
- Ганфман М. И. [М. Г.] А. Т. Аверченко. — *Сегодня*, Рига, 1925, 13 марта.
- Горный Сергей [А. А. Оцуп]. Памяти А. Т. Аверченко. — *Руль*, Берлин, 1930, 28 апреля.
- Горный Сергей. Сатирикон. — *Руль*, Берлин, 1925, 14 марта.
- Горький М. Собрание сочинений в 30-ти томах. М., Государственное издательство художественной литературы, т. XXV, XXVII и XXIX.
- Гр. Б. Девиер. Аркадий Аверченко (к его вечеру). — *Наша Речь*, Бухарест. Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- Добронравов Л. М. Аркадий Аверченко (эскиз). — *Бессарабия*, Кишнев, 1923, 29 сентября.
- Дувакин В. В. Великий русский поэт-революционер. — В кн.: Маяковский В. Стихотворения. Поэмы. М., Государственное издательство детской литературы, 1960.
- Евстигнеева Л. А. Поэты-сатириконцы. — В кн.: Поэты «Сатирикона». М.—Л., Советский писатель, 1966, с. 8—48.
- Евстигнеева Л. А. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы. М., Наука, 1968.
- Ершов Л. Ф. Советская сатирическая проза 20-х годов. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960.
- Журба С. Об американских пацифистах, письмо в редакцию. — *Новое Русское Слово*, Нью-Йорк, 1966, 10 апреля.
- Завалишин В. К. Русские сатирики по-английски. — *Новое Русское Слово*, Нью-Йорк, 1965, 4 апреля.
- Зритель. Игра со смертью. Рецензия. — *Вечернее Слово*, Севастополь. Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- Зритель. Рецензия о юмористическом вечере Аркадия Аверченко в Летнем театре в Симферополе. Вырезка из неизвестной газеты без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- И. Де. Вечер Аркадия Аверченко. Рецензия. — *Приазовский Край*, Ростов-на-Дону, 1918, 11 (24) ноября. — *Архив Аверченко*.
- И. Р. У А.Т.Аверченко. — *Новая Мысль*, Аккерман. Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- И. С. Вечер Аркадия Аверченко. Рецензия. — *Зарницы*, Константинополь, 1921, № 10, с. 29.

- И. С. Гнездо перелётных птиц. — *Зарницы*, Константинополь, 1921, № 12, с. 23—24.
- Камышников Л. Замерзавец. — *Новое Русское Слово*, Нью-Йорк, 1924, 23 февраля.
- Камышников Л. Юбилейное. — *Новое Русское Слово*, Нью-Йорк, 1925, 12 апреля.
- Климов Е. Е. Письмо от 18 августа 1965 г., полученное в ответ на вопросы автора этой работы. Сведения, сообщенные в письме, в сносках сокращенно называются: свидетельство Климова.
- Константинов Н. «О маленьких для больших». — Новый том Аверченко. Рецензия. — *Журнал Журналов*, 1915, № 36, с. 14—15.
- Корнфельд М. Г. Переписка и разговор с ним автора этой работы в Париже, 17 сентября 1964 г. Сведения, сообщенные Корнфельдом, в сносках сокращенно называются: свидетельство Корнфельда.
- Кранихфельд В. П. В подполье. — *Современный Мир*, 1910, № 11 с. 82—100.
- Кранихфельд В. П. [Вл. Кр.] Аркадий Аверченко. Рассказы (юмористические). Изд. Шиповник. СПб. 1910. — Аркадий Аверченко. Веселые устрицы. СПб. 1910. Изд. М. В. Корнфельда. Рецензия. — *Современный Мир*, № 9, с. 171—172.
- Куприн А. И. Аверченко и «Сатирикон». — *Сегодня*, Рига, 1925, 29 марта.
- Лев Максим. Умер Аверченко. — *Сегодня*, Рига, 1925, 13 марта.
- Ленин В. И. Талантливая книжка. — *Правда*, 1921, 22 ноября, № 263.
- Леонидов Л. Д. Переписка и разговор с ним автора этой работы в Нью-Йорке, 27 января 1965 г. Сведения, сообщенные Леонидовым, в сносках сокращенно называются: свидетельство Леонидова.
- Ленч Леонид — см. Леонид Ленч.
- Леонид Ленч. Заметка об Аркадии Бухове. — *Смена*, 1967, № 8, с. 29.
- Литвин Н. Племя неистовых. — *Русское Дело*, София. Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- Луначарский А. В. Богема. — В кн.: Большая Советская Энциклопедия, изд. 1-е, т. VI, с. 590—591.
- Лучинин Л. Вечер Аркадия Аверченко. Рецензия. — *Последние Известия*, Ревель. Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- М. Г. — см. Ганфман М. И.

- Маковский С. К. Портреты современников. Нью-Йорк, изд-во им. Чехова, 1955.
- Максим Лев — см. Лев Максим.
- Манн Ю. В. О гротеске в литературе. М., Советский писатель, 1966.
- Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей, т. I—IV. М., изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1956.
- Мещеряков Н. Наши за границей (1. Белогвардейский юмор). — *Красная Новь*, 1921, № 1, с. 275—278.
- Мирский Д. С. — см. Mirsky D. S.
- Михайлов О. Аркадий Аверченко (1881—1925). — В кн.: Аркадий Аверченко. Юмористические рассказы. М., Художественная литература, 1964, с. 3—22.
- Модрас Н. В. Письмо сестре Аркадия Аверченко — О.Т. Фальченко. Прага, июнь 1925 г. — *Архив Аверченко*.
- Муратова К. Д. Журналистика. — В кн.: История русской литературы. Литература 1890—1917 годов, т. X. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947—1954, с. 59—108.
- Муратова К. Д. (ред.) История русской литературы конца XIX—начала XX века. Библиографический указатель. Часть II — Personalia. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1963.
- Мюрже Г. Сцены из цыганской жизни. С.-Петербург, типография Ф.С.Сущинского, 1875.
- Неандер Б. Н. Памяти Аркадия Аверченко. — *Возрождение*, Париж, 1926, 12 марта.
- Не-Буква [Василевский И. М.]. Картонный меч. — *Последние Новости*, Париж, 1921, 4 января.
- Некто. Новости дня. — *Новое Русское Слово*, Нью-Йорк, 1923, 4 октября.
- Никулин А. В. Люди русского искусства. М., Советский писатель, 1947.
- Новый Энциклопедический Словарь — см. Брокгауз и Ефрон.
- Оречкин Б. С. Рыцарь улыбки. Статья памяти Аверченко. Вырезка (по-видимому, из берлинского «Эхо») без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- Одноралов Н. Из старых романов. Ресторан «Вена». — *Неделя*, 1967, № 2, с. 8.
- Панин А. Вечер Арк. Аверченко. Рецензия. — *Эхо*, Ковно. Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- Перцов В. О. Маяковский. Жизнь и творчество (до Великой Октябрьской социалистической революции). М., Советский писатель, 1951.

- Перцов В. О. Маяковский. Жизнь и творчество. Том 1. М., Советский писатель, 1954.
- П—ий — см. Пильский П. М.
- Пильский П. М. А.Т.Аверченко. — *Сегодня*, Рига, 1925, 15 марта.
- Пильский П. М. Аверченко. — *Наш Сатирикон*, Кишинев, 1921, № 3.
- Пильский П. М. Аверченко и дети. — В статье: Юра — новая книга В. Корсака. — *Сегодня*, Рига, 1935, 13 апреля.
- Пильский П. М. Арк. Аверченко. — *Последние Известия*, Ревель, 1923, февраль.
- Пильский П. М. Аркадий Аверченко. — В кн.: Петр Пильский. Затуманившийся мир. Рига, Грамату Драугс, 1929, с. 133—138.
- Пильский П. М. Заметки об Аркадии Аверченко. — *Новое Русское Слово*, Нью-Йорк, 1925, 24 мая.
- Пильский П. М. Вечер Аркадия Аверченко. Рецензия. — *Последние Известия*, Ревель. Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- Пильский П. М. Критические строки. — *Солнце России*, 1916, № 17 (323).
- Пильский П. М. [П—ий.] Аркадий Аверченко. Кипящий котёл. Сборник рассказов. Книгоиздательство Культура. Константинополь, 1922. Рецензия. — *Сегодня*, Рига. Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- Пильский П. М. [П. Трубников.] Маяковский. — *Сегодня*, Рига, 1935, 2 мая.
- Потемкин П. П. Об Аркадии Аверченко. — *Последние Новости*, Париж, 1925, 15 марта.
- Полонский В. Г. Смех и горечь. — *Всеобщий Ежемесячник*, 1910, № 7, с. 94—103.
- Полунощник. Гнездо. — *Зарницы*, Константинополь, 1921, № 6, с. 31.
- Поляновский М. А. Аверченко в советском телевидении. — *Русские Новости*, Париж, 1967, 17 февраля.
- Ремизов Н. В. [Ре-Ми.] Переписка с ним автора настоящей работы. Сообщенные Ремизовым сведения в сносках сокращенно называются: свидетельство Ремизова.
- Ренников А. А. Аверченко. — *Новое Время*, Белград. Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- Ренников А. Разговор, содержание которого выяснится сегодня. — *Новое Время*, Белград. Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*.

- Р. К. Москва недавняя. — *Новое Русское Слово*, Нью-Йорк, 1963, 27 ноября.
- Р. С. Заметка о прощальном вечере Арк. Аверченко в Белграде. Вырезка из газеты без обозначения её названия и числа. — *Архив Аверченко*.
- Русская Зарубежная Книга, часть II. Библиографический указатель 1918—1924, под ред. С. П. Постникова. Прага, Издание Комитета Русской Книги и изд-во «Пламя», 1924, с. 98.
- Рыклин Г. Е. Несколько слов о «Сатириконе». — В кн.: Поэты «Сатирикона». М.—Л., Советский писатель, 1966, с. 5—7.
- С. Субботник. Вырезка из газеты без обозначения её названия и числа. — *Архив Аверченко*.
- Седых Андрей — см. Андрей Седых.
- Скиталец [Петров С. Г.]. Повести и рассказы. Воспоминания. М., Московский рабочий, 1960.
- Слонимский А. Л. Техника комического у Гоголя. Петроград, Academia, 1923. Reprinted by Brown University Press, Providence, R. I., 1963.
- С. О. Вечер смеха. Вырезка из газеты без обозначения её названия и числа. — *Архив Аверченко*.
- Старчаков А. Предисловие в кн.: Аркадий Аверченко. Весёлые устрицы. М., Земля и Фабрика, 1928, 5—7.
- Старчаков А. Предисловие в кн.: Аркадий Аверченко. Круги по воде. М., Земля и Фабрика, 1928, с. 5—8.
- Старчаков А. Предисловие в кн.: Аркадий Аверченко. Развороченный муравейник. М., Земля и Фабрика, 1927, с. 5—11.
- Стыкалин С. И. и Кременская И. К. Советская сатирическая печать 1917—1963. М.—Л., Государственное издательство политической литературы, 1966.
- Терапиано Ю. К. Аркадий Аверченко. Избранное. Рецензия. — *Русская Мысль*, Париж, 1963, 27 апреля.
- Тимонич А. А. Русские сатирико-юмористические журналы 1905—1907 годов. Материалы для библиографии. М., 1930.
- Тимофеев Л. и Венгеров Н. Краткий словарь литературоведческих терминов. М., Учебно-педагогическое издательство, 1955.
- Трубников П. — см. Пильский П. М.
- Тхоржевский И. И. Русская литература. Париж, Возрождение, 1950.
- Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь: к теории пародии. — В кн.: Bitsilli and others. O Dostoevskom. Providence, R. I., Brown University Slavic Reprints, с. 153—196.
- Тэффи Н. А. Воспоминания. Париж, Возрождение, 1932.

- Тэффи Н. А. Об Аркадии Аверченко. — *Звено*, Париж, 1925, 16 марта, № 111.
- Ф. Б. Анри Мюрже и его типы. — *Вестник Иностранной Литературы*, 1893, декабрь, с. 329—338.
- Хирдов А. А где вы встречаете? — *Новое Русское Слово*, Нью-Йорк, 1966, 1 января.
- Черепухов М. С. и Фингерит Е. М. Русская периодическая печать (1895 — октябрь 1917). М., Государственное издательство политической литературы, 1957.
- Черный А. [Гликберг А. М.] Памяти А. Т. Аверченко. — *Иллюстрированная Россия*, 1925, № 16, с. 8—9.
- Черный А. Сатирик. Стихотворение памяти Аркадия Аверченко. — *Русская Газета*, Париж, 1925, 25 марта.
- Чуковский К. И. Современники. Портреты и этюды. М., Молодая гвардия, 1962.
- Чуковский К. И. Устрицы и океан. — *Речь*, С.-Петербург, 1911, 20 марта (2 апреля).
- Ш. Аркадий Аверченко. Записки Простодушного. Книгоиздательство «Север», Берлин. — Смешное в страшном. Новые рассказы 1920—1923. Изд. «Север». Берлин. Рецензия. — *Руль*, Берлин, 1924, 23 марта.
- Швиговский В. Ф. Письмо сестре Аркадия Аверченко — Ольге Тимофеевне Фальченко. Прага, 15 октября 1927. — *Архив Аверченко*.
- Эн. Аркадий Аверченко. — Записки Простодушного. Рецензия. — *Накануне*, Берлин. Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- Эстет. Русская драма. Бенефис Е. А. Маршевой. Рецензия. — *Рижский Курьер*. Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- Vindex [Голиков В. Г.]. Поэзо-исповедь. — *Журнал Журналов*, 1915, № 16, с. 18.
- W. Вечер Аркадия Аверченко. Рецензия. — *За Свободу*, Варшава. Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*.

НАЗВАНИЯ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

На английском языке:

- Blake, Patricia (ed.). Vladimir Mayakovsky. The Bedbug and Selected Poetry. Trans. Max Hayward and George Reavey. (Meridian Books). Cleveland: The World Publishing Company, 1960

- DeL. F. [DeLancey Ferguson] Clemens Samuel Langhorne. — in: Collier's Encyclopedia, 1960, vol. V, pp. 177—178.
- Easton, Malcolm. Artists and Writers in Paris: the Bohemian Idea, 1803—1867. New York, St. Martin's Press, 1964.
- Fisher, Marjorie, and Humphries, Rolfe (eds.). Strange to Tell: Stories of the Marvellous and Mysterious. New York, Julian Messner, Inc., 1946.
- Guerney, Bernard Guilbert. A Treasury of Russian Literature. New York, The Vanguard Press, 1943.
- Hall, James B., and Langland, Joseph. The Short Story. New York, The Macmillan Company, 1956.
- Kilgour — see: The Kilgour Collection.
- Monro, D. H. Argument of Laughter. Notre Dame, Indiana, University of Notre Dame Press, 1963.
- Mirsky, D. S. A History of Russian Literature. New York, Alfred A. Knopf, 1949.
- Mirsky, D. S. A History of Russian Literature from its Beginnings to 1900. Ed. Francis J. Whitfield. New York, Vintage Press, 1958.
- Moss, Arthur, and Marvel, Evalyn. The Legend of the Latin Quarter: Henry Murger and the Birth of Bohemia. New York, The Beachhurst Press, [1946].
- Murger, Henry. The Bohemians of the Latin Quarter (Scènes de la vie de Bohème). Paris, London and New York. Comédie d'Amour Séries, Société des Beaux-Arts, [1887].
- Parry, Albert. Garrets and Pretenders: A History of Bohemianism in America. Revised edition with a new chapter: «Enter Beatniks» by Harry T. Moore. New York, Dover Publications, Inc., 1960.
- Snow, Valentin. Russian Writers. New York, International Book Service, 1946.
- The Kilgour Collection of Russian Literature 1750—1920. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1959.

На немецком языке:

- Belgovskij, Konst. Die letzten Tage Arkadij Awertschenkos. — *Prager Presse*, 1925, 13 März, № 71.
- Dr. B—s. Der erste Awertschenko-Abend. — *Lodzer Freie Presse*, 1923, 2 März.
- Edg. M. Humoristischer Abend von Arkadij Awertschenko. — *Revaler Bote*. Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*.

- Hartmann, N. Ästhetik. Berlin, W. de Gruyter, 1953.
- Hirschmann, Maurice. In memoriam Arkadij Awertschenko. — in: Das russische Lachen. Ausgewählte Grotresken von Arkadij Awertschenko. Wien, Vernay-Verlag, 1925.
- Jünger, Friedrich Georg. Über das Komische. Frankfurt/Main, Verlag Vittorio Klostermann, 1948.
- Kayser, Wolfgang. Das Grotreske in Malerei und Dichtung. Rohwolt Taschenbuch Verlag, 1960.
- Kayser, Wolfgang. Das sprachliche Kunstwerk. Bern, A. Francke A/G Verlag, 1961.
- Lexikon der Weltliteratur, Herausgegeben von Gero von Wilpert. Stuttgart: Albert K rner Verlag, 1963.
- O. G—g [Oskar Grosberg]. Russisches Dramatisches Theater: Awertschenko-Abend. — *Rigasche Rundschau*, 1923, № 2.
- Sten, Paul. Unterredung mit Awertschenko. — *Prager Presse*, 1922, 20 Juni, № 166.
- Stender-Petersen, Adolf. Geschichte der russischen Literatur, 2 Bnde. Aus dem Dnischen  bertragen von Wilhelm Krmer. M nchen, Verlag C. H. Beck, 1957.
- T. Awertschenko-Urauff hrung: Das Spiel mit dem Tode. — *Prager Presse*, 1922, 1 Dezember, № 330.
- T. Tschechisches Theater: Awertschenko. — *Prager Presse*, 1922, 28 September, № 266.

На чешском и словацком языках:

-  ervinka, Vincenc. A. Aver enko a jeho  kola». Вступительная статья, с. 1—6. — В кн.: Arkadij Aver enko. Kola na vodi : humoresky a satiry. P elo il Vinc.  ervinka. Praha, J. Otto, [1914].
-  ervinka, Vincenc. Arkadij T. Aver enko a jeho d lo. K  esk mu souboru jeho spisu. Вступительная статья, с. 1—8. — В кн.: Arkadij Aver enko. V st edn  pov dky. Собрание сочинений, т. 1. Vybran  spisy Arkadije T. Aver enka. Praha, Jos. R. Vil mek, 1923.
- Dk. Rozhovor s Arkadijom Aver enkom. — *Slovensk  V chod*, Ko ice. Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- Engelm ller, Karel. Hra se smrt : Komedie o t ech d jstv ch, napsal Arkadij Aver enko, p elo il Vincenc  ervinka. Резензия. — *Nrodni Politika*, Praha. Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*.
- Sukovsk . Zdravstvujte! — *Slovensk  V chod*, Ko ice. Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*.

Valenta, Edvard. Veliký smích na prknech. Рецензия. — *Lidové Noviny*, Praha. Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*.
Z. D. Arkadij Averèenko: Hra se smrtí (Narodní divadlo mor. — slezské, 16.11). Рецензия. — *Moravsko-Slezský Denník*, Brno. Вырезка без указания числа. — *Архив Аверченко*.

На хорватском языке:

Pecija [Pecija Petroviè]. Arkadij Timofejeviè Averèenko. [Загреб, 1922, июнь]. Вырезка из неизвестной газеты. — *Архив Аверченко*.

На французском языке:

Avertchenko (Arkadi Timofeievitch). — Grand Larousse encyclopédique en dix volumes, 1960, tome 1, p. 782.
Quatre pièces russes. — *Le Figaro*, Paris, 1965, vendredi, le 6 août.
Quatre pièces d'Avertchenko. — *Radio-Télévision Française*, Paris, 1965, samedi, le 7 août.

На итальянском языке:

E. L. G. [Ettore lo Gatto]. Averèenko, Arkadij Timofeevij — in: Enciclopedia Italiana, 1930—1938, vol. V, pp. 620—622.

На румынском языке:

Duscian, I. Ce se petrece în Basarabia. — *Universul*, Bucure^oti, Anul. XLI, 1923, Marti 10 Octombrie, № 266 bis.

На венгерском языке:

Major Dezső. Beszélgetés Arkadij Avercsenkoval. — *Jövö*, Bratislava, 1922, 18 августа. — *Архив Аверченко*.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

На русском языке:

- Беляева Л. Н., Зиновьева М. К. и Никифоров М. М. Библиография периодических изданий России, 1901—1916, т. II, Ленинград, 1959; т. III, Ленинград, 1960.
Большая Советская Энциклопедия, 1949, изд. 2-е, т. 1.

Газеты:

- Вечернее Слово* (Севастополь)
Возрождение (Париж)
Литературная газета (Москва)
Новое Русское Слово (Нью-Йорк)
Последние Новости (Париж)
Руль (Берлин)
Русская Мысль (Париж)
Русские Новости (Париж)
Сегодня (Рига)
Юг (Севастополь)
Юг России (Севастополь)
Голубева О. Д. Литературно-художественные альманахи и сборники, 1900—1911 годы. М., Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1957.

Журналы:

- Бич* (Париж)
Журнал Журналов (С.-Петербург)
Зарницы (Константинополь)
Иллюстрированная Россия (Париж)

Неделя (Москва)
Новый Журнал (Нью-Йорк)
Новый мир (Москва)
Новый Сатирикон (С.-Петербург—Петроград)
Огонёк (Москва)
Сатирикон (С.-Петербург)
Синий Журнал (С.-Петербург)
Солнце России (С.-Петербург)
Штык (Харьков)

Краткая Литературная Энциклопедия, 1962, т. 1.

Литературная Энциклопедия (издание Коммунистической Академии), 1929, т. 1.

Рогожин Н. П. Литературно-художественные альманахи и сборники, 1912—1917 годы. М., Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1958.

Рогожин Н. П. Литературно-художественные альманахи и сборники, 1918—1927 годы. М., Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1960.

Театральная энциклопедия, 1963, т. 1.

Энциклопедия Э.С.Гранат, том XI (Приложение).

На иностранных языках:

Cassel's Encyclopaedia of Literature, vol. II. London, Cassel & Co., 1953.

Columbia Dictionary of Modern European Literature. New York, Columbia University Press, 1947.

Der Neue Brockhaus, 1960, Band I.

Iwanik, John. Russian Short Stories. Boston, D. C. Heath Co., 1962.

Prager Presse (Prag), Tageszeitung.

Révai Nagy Lexikona, XIX. Kötet [1926], Kiegészítés.

Victoroff-Toporoff, V. Rossica et Sovietica. Saint-Cloud (S. &O.)

Editions Documentaires et Bibliographiques, 1931.

Wielka Encyklopedia Powszechna, 1962, t. I.

БИБЛИОГРАФИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АРКАДИЯ АВЕРЧЕНКО

В этот список включаются те произведения писателя, которые были изданы в виде отдельных книг или сборников его рассказов и пьес-миниатюр, равно как и рассказы, вошедшие в издания типа альманаха. Рассказы и фельетоны писателя, напечатанные только в изданиях периодической печати, упоминаются в тексте настоящей работы. Однако представляется уместным включить в данную библиографию те немногочисленные рассказы Аверченко, которые имеются в переводе на английский язык.

ИЗДАНИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ

(В этом списке не указываются дореволюционные переиздания произведений Аверченко)

1. Сборники рассказов:

Рассказы (юмористические). Книга первая. С.-Петербург, Шиповник, 1910.

Веселые устрицы. Юмористические рассказы. С.-Петербург, изд-во М.Г. Корнфельда, 1910.

Зайчики на стене. Рассказы (юмористические). Книга вторая. С.-Петербург, Шиповник, 1910.

Рассказы (юмористические). Книга третья. С.-Петербург, Шиповник, 1911.

Круги по воде. Рассказы. С.-Петербург, изд-во М.Г. Корнфельда, 1912.

Рассказы для выздоравливающих. С.-Петербург, изд-во М.Г. Корнфельда, 1912.

- [Фома Опискин]. Сорные травы. С предисловием Аркадия Аверченко, С.-Петербург, типогр. «Виктория», 1914.
- О хороших в сущности людях. С.-Петербург, Новый Сатирикон, 1914.
- Волчьи ямы. Библиотека «Нового Сатирикона». Петроград, типогр. братьев В. и И. Линник, 1915.
- Чудеса в решетке. Рассказы. Петроград, Новый Сатирикон, [1915].
- О маленьких для больших. Рассказы о детях. Петроград, Новый Сатирикон, [1915].
- Черным по белому. Рассказы. Петроград, Новый Сатирикон, 1915.
- Караси и щуки. Рассказы последнего дня.
- Синее с золотом. [Петроград, Новый Сатирикон, 1917].
- Шалуны и ротозей. Рассказы для детей. Петроград, Новый Сатирикон, [191?].

2. *Повесть «Подходцев и двое других»:*

- Подходцев и двое других. Повесть. Петроград, Новый Сатирикон, 1917.

3. *Сборники пьес и театральных инсценировок:*

- Настоящие парни. Библиотека Театра и Искусства. С. -Петербург, 1911.
- 8 одноактных пьес и инсценировок. Театральная библиотека «Сатирикона», т. I. С.-Петербург; изд-во М. Г. Корнфельда, 1911.
- Миниатюры и монологи для сцены. Театральная библиотека «Сатирикона», т. II. С.-Петербург, изд-во М. Г. Корнфельда, 1912.
- Чортова дюжина (двенадцать пьес). Театральная библиотека «Нового Сатирикона», т. III. С.-Петербург, Новый Сатирикон, 1913.
- Бенгальские огни (пьесы и водевили). Театральная библиотека «Нового Сатирикона», т. IV. С.-Петербург, Новый Сатирикон, 1914.
- Без суфлера (пьесы и монологи). Театральная библиотека «Нового Сатирикона», т. V. Петроград, Новый Сатирикон, 1916.
- Под холщёвыми небесами. Театральная библиотека «Нового Сатирикона», т. VI. Петроград, Новый Сатирикон, 1916.
- Чудаки на подмостках. Сборник пьес и монологов. Петроград, Новый Сатирикон, 1918.

4. Альманахи и сборники, в которых Аверченко был соавтором или сотрудником:

- Современный Всепетербург. Иллюстрированный альбом под ред. А. Т. Аверченко. С.-Петербург, 1908.
- Стружки. Альманах сатиры и юмора журнала «Сатирикон», С.-Петербург, 1909.
- Всеобщая история, обработанная «Сатириконом» под его углом зрения. Под ред. А. Т. Аверченко С.-Петербург, изд-во М. Г. Корнфельда, 1910.
- Экспедиция в Западную Европу сатириконцев: Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова. С.-Петербург, изд-во М. Г. Корнфельда, 1911.
- Пауки в банке. Альманах «Сатирикона». С.-Петербург, изд-во М. Г. Корнфельда, 1911.
- Театральная энциклопедия «Сатирикона». С.-Петербург, изд-во М. Г. Корнфельда, 1913.
- Юмористический альманах издательства «Фавн». Москва, 1911.
- Альманахи «Сатира и юмор». Казань, Молодые силы, 1911.
- Весёлые страницы, т. II. Избранные юмористические рассказы русских писателей. Петроград, типогр. т-ва «Общественная польза», 1914.
- Речь* (С.-Петербург). Бесплатное приложение к номеру газеты № 106 от 18 апреля 1910 г.
- Художественно-юмористический календарь на 1914 г. С.-Петербург, Новый Сатирикон, 1914.
- Осиновый кол на могилу зелёного змия. Петроград, Новый Сатирикон, 1915.
- Тёплая компания (Те, с кем мы воюем). Петроград, Новый Сатирикон, 1915.
- Письмовник «Нового Сатирикона» с приложением самоучителя танцев и танцевальных разговоров. Петроград, Новый Сатирикон, 1916.
- Физиология и анатомия человека с приложением: психология человека. Петроград, Новый Сатирикон, 1915.
- Вестник знания «Нового Сатирикона»: Оккультные науки; энциклопедический словарь; хрестоматия для деточек. Петроград, Новый Сатирикон, 1917.

5. Выпуски под названиями:

- а) Дешевая юмористическая библиотека «Сатирикона»: Выпуск 1-й: «Дети» и др. рассказы

- 3-й: «Смерч» и др. рассказы
- 11-й: «Одесса» и др. рассказы
- 19-й: «После юбилея» и др. рассказы
- 25-й: «Специалисты» и др. рассказы
- 32-й: «Под облаками» и др. рассказы
- 39-й: «Заметки провинциала» и др. рассказы
- 50-й: «Что мне нужно» и др. рассказы
- 61-й: «С корнем» и др. рассказы
- 67-й: «Крик в ночи» и др. рассказы
- 74-й: «Очередный рассказ» и др. рассказы
- 83-й: «Смерть»

б) Дешевая юмористическая библиотека «Нового Сатирикона»
(за годы 1913—1916):

Выпуски: 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12 и 15.

в) Специальные выпуски дешевой библиотеки «Нового Сатирикона» (за годы 1913—1916):

О немцах и прочем таком

Пять чемоданов

Записки театральной крысы

Человеки

Позолоченные пилюли

II. ИЗДАНИЯ ЗАРУБЕЖНЫЕ

1. Сборники рассказов и переиздания произведений дореволюционных:

Нечистая сила. Книга новых рассказов. Севастополь, Новый Сатирикон, 1920.

Дюжина ножей в спину революции. 12 новых рассказов. Paris, Bibliotheque Universelle, 1921.

Записки Простодушного. Константинополь, Новый Сатирикон, 1921.

Дети. Сборник рассказов с приложением «Руководства к рождению детей». Константинополь, Культура, 1922.

Кипящий котел. Сборник рассказов. Константинополь, Культура, 1922.

Записки Простодушного. «Я в Европе»: Турция, Чехо-Словакия. Новые рассказы из жизни эмиграции. Берлин, Акц. общ-во «Север», 1923.

Двенадцать портретов (в формате «будуар»). Париж—Берлин—Прага, Internationale Commerciale Revue, 1923.

- Чудаки на подмостках. Новая книга пьес и скэтчей для сцены и чтения. Берлин, Златолира, 1923.
- Рассказы. Харбин, Русское Дело, 1920.
- Рассказы, т. I. Шанхай, изд-во В. К. Мартенсен, 1920.
- Рассказы. Харбин, изд-во А. Крюков, В. Мартенсен и К°. [192?].
- Рай на земле. Правдивые рассказы о русской коммуне. Загреб, Хорватский Штампарский Завод, 1922.
- Смешное в страшном. Новые рассказы 1920—1923. Берлин, Акц. общ-во «Север», 1923.
- Отдых на крапиве. Новая книга рассказов. Варшава, Добро, 1924.
- Пантеон советов молодым людям на все случаи жизни. Берлин, Арбат, 1924.
- Рассказы циника. Прага, Пламя, 1925.
- Чудеса в решетке. Рассказы. Париж, приложение к журналу «Иллюстрированная Россия», [1935].
- Подходцев и двое других. Повесть. Париж, приложение к журналу «Иллюстрированная Россия», 1935.
- Избранное. Washington, D. C., Victor Kamkin, Inc., 1961.

2. Роман *«Шутка Мецената»*:

Шутка Мецената. Юмористический роман. Прага, Пламя, 1925.

3. *Альманахи и сборники, в которые вошли, среди произведений разных авторов, также произведения Аверченко:*

- Книга смеха. Юмористический сборник: рассказы, сказы, сказки, сценки, избранные анекдоты, шутки и остроты, изд. 2-е. Нью-Йорк, 1919—1920.
- Чтец-декламатор. Сборник избранных произведений русской поэзии и художественной прозы. Нью-Йорк, Н. Мартьянов, [19—?].

III. ПЕРЕИЗДАНИЯ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

1. *Сборники рассказов и повесть «Подходцев и двое других»:*

- Записки Простодушного (эмигранты в Константинополе). Москва, Н. С. Шумилин, 1922.
- День делового человека. Рассказы. Москва, Огонёк, 1926.
- Человек за ширмой. Рассказы (о маленьких для больших). Москва, Огонёк, 1926.
- Подходцев и двое других. Повесть. Харьков, Космос, 1927.

- Избранные сочинения, т. I—II. Москва, Современные проблемы, 1927.
- Юмор былых дней. 29 рассказов. Москва, Современные проблемы, 1927.
- Рассказы о старой школе. Москва—Ленинград, ГИЗ, 1930.
- Юмористические рассказы (с вступительной статьей О. Михайлова «Аркадий Аверченко (1881—1925)»). Москва, Художественная литература, 1964.
- Оккультные науки. Рассказы. Москва, Политиздат, 1964.
2. *Серия сборников рассказов под названием «Библиотека сатиры и юмора», Москва—Ленинград, Земля и Фабрика:*
- Господин Цацкин. Рассказы (с предисловием А. Зорича), 1926.
- Записки театральной крысы. Рассказы. С предисловием Вс. Мейерхольда, 1926.
- Константинопольский зверинец. Рассказы, 1926.
- Люди, близкие к населению. Рассказы (с предисловием А. Зорича), 1926.
- Осколки разбитого вдребезги. Рассказы, 1926.
- Сердце под скальпелем. Рассказы, 1926.
- Коса на камень. Рассказы (с предисловием А. Зорича), 1926.
- Моя старая шкатулка. Рассказы, 1926.
- Ниночка. Рассказы, 1926.
- Женщина в ресторане. Рассказы, 1926.
- Мужчины. Рассказы, 1926.
- Одесское дело. Рассказы, 1926.
- Случай с Патлецовыми. Рассказы, 1926.
- Смерть африканского охотника. Рассказы, 1926.
- Грозное местоимение. Рассказы, 1927.
- Дешевая жизнь. Рассказы, 1927.
- Человек, которому повезло. Рассказы, 1927.
- Зайчики на стене. Рассказы, 1927.
- Развороченный муравейник. Эмигрантские рассказы (с предисловием А. Старчакова), 1928.
- Круги по воде (с предисловием А. Старчакова), 1928.
3. *Альманахи и сборники, в которые вошли, среди произведений разных авторов, также произведения Аверченко.*
- Абрамский И. П. Сатирический чтец-декламатор, под ред. А. С. Сосновского. Москва, Государственное издательство, 1928.

О плавающих и путешествующих. Сборник рассказов. Москва, Молодая гвардия, 1928.

Русская сатира 19-го—начала 20-го вв. Москва—Ленинград, Государственное издательство художественной литературы, 1960.

IV. ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ПЕРЕВОДЕ НА ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

На английском языке:

«His Friend» — in: *The Russian Review*, vol. II, 1916, № 1-2, (July-August), pp. 58—61.

«May it not be too Late?» — in: *The Living Age*, vol. 308, 1921, January 15, pp. 146—148.

«In the Face of Death» — in: *The Living Age*, vol. 308, 1921, January 29, pp. 303—304.

«One Story out of a Thousand» — in: *The Living Age*, vol. 309, 1921, June 18, pp. 728—730.

«Genuine Logic» — in: *The Living Age*, vol. 310, 1921, August 27, pp. 541—542.

«Point of View», transl. by J. A. Bimstone, — in: *Parade*, The Sunday Newspapermagazine, *The Washington Post*, [19-?].

«The Beyond», transl. by J. A. Bimstone, — in: Marjorie Fisher and Rolfe Humphries (eds.). *Strange to Tell: Stories of the Marvelous and Mysterious*. New York, Julian Messner, Inc., 1946, pp. 319—321.

«The Young Man Who Flew Past», transl. by the author, — in: Bernard Guilbert Guerney. *A Treasury of Russian Literature*. New York, The Vanguard Press, 1943, pp. 978—981.

«The Man in the Green Necktie», transl. by the author, — in: Bernard Guilbert Guerney. *A Treasury of Russian Literature*. New York, The Vanguard Press, 1943, pp. 981—987.

На немецком языке:

Grotesken. Deutsch von Elisa Köppen. München, Georg Müller, 1914.

Das Verbrechen der Schauspielerin Maryskin und andere Grotesken. Übersetzung aus dem Russischen von Werner Peter Larsen. München, George Müller, 1919.

Das russische Lachen. Ausgewählte Grotesken von Arkadij Awertschenko. Ins Deutsche Übertragen von Maurice Hirschmann. Wien, Vernay-Verlag, 1925.

Der gesunde Menschenverstand. Flensburg, Carl Stephenson, 1914.

- Was für Lumpen sind doch die Männer und andere Grotesken. Wien, Paul Neff, 1953.
- Die Frauen sind auch keine Engel und andere Grotesken. Wien, Paul Neff, 1953.
- Ein Mädchen ohne Vorurteil und andere Grotesken. Wien, Ralph A. Höger, 1937.
- Der Truthahn mit Kastanien und andere Erzählungen. «Goldmanns gelbe Taschenbücher», Band 705. München, Wilhelm Goldmann, 1961.
- Der Wolfspelz und andere Erzählungen. «Goldmanns gelbe Taschenbücher», Band 1482. München, Wilhelm Goldmann, 1964.
- Das lachende Russland. Humoristische und satirische Geschichten, herausgegeben und übertragen von Erich Müller-Kamp. «Goldmanns gelbe Taschenbücher», Band 897. München, Wilhelm Goldmann. В этот сборник, вышедший в 1960-х годах (точная дата не указана), вошли произведения Аверченко: скэтч «Der Schlüssel» и рассказ «Wie man an der Börse spielen muss».

На чешском и словацком языках:

- Humoresky a satiry. Pøelo•ili Vinc. Èervinka a Jos. Havlín. Knihovna Zlaté Prahy, Roè. XX, Sešit 21. — 22. Praha, J. Otto, 1912.
- Na záletech a jiné humoresky. Napsali Ark. Averèenko, Nik. Lomakin, L. Maxim, P. Zajkin, N. Teffi, A. Budišev a j. Pøelo•ili V. Veverka, F. J. Matecha a Alb. Polak. Vilímkova humoristická knihovna. Praha, Jos. R. Vilímek, [1912].
- Kola na vodi : humoresky a satiry. Pøelo•il Vinc. Èervinka. Světová knihovna ř s. 1148—1149. Praha, J. Otto, [1914].
- Ruský humor (I. Arkadij Averèenko: «Zamilovaný Filimon Buzykin»; «Silní a slabí»; « Konec hrabí te Zvenigorodceva»; «Èloví k v zrcadle»; «Slepci»; «Co se komu líbí»). Pøelo•il Josef Dýma. Plzeò, «Levné knihovny», 1920.
- Zlí duchové. Pøelo•il Alois Hetzl. Praha: J. Svátek, 1922.
- Slabá hlava: Povídky a satiry ze sovi tského Ruska. Pøelo•il Dr. Fr. Sifter. Praha, Knihovna «Obrozeni», Svazek XIV, 1922.
- Druhá pi tka: další ch pi t veselých aktovek. Pøelo•il Vinc. Èervinka. Praha, Fr. Borový, 1924.
- Vibrané spisy Arkadije T. Averèenka, (sviazek 1—12). Praha, Jos. R. Vilímek, 1923—[192-?].
- Hra so smrťou: komédia v troch dejstvách. Pøelo•il Fero Novohradèan. Divadelná kni•nica, 87. Turèanský Svatý Martin: Vydáva Ústredie slovenských ochotnických divadiel, 1948.

На польском языке:

- Suche ostatki: nowele i obrazki. Przek³ad autoryzowany
L. Kociemskiego. (Biblioteka nowelistyczna, tom X). Kraków,
Czernecki, [1913].
- Humoreski. Z orygina³u rosyjskiego przet³ómaczyl Dr. M. S. Kraków,
G. Gebethner i sp³ó³ka, 1914.
- Moje u³miechy. Prze³o¿y³ J. M. Warszawa, Ksi³ki ciekawe, [19-?].
- Podrêcznik rodzenia dzieci. Przet³umaczyli Tadeusz Jakubowicz i
R. W. Warszawa, Rój, 1927.
- Egzekutor Buraczkow. Prze³o¿y³a Halina Pilichowska. Warszawa, Rój,
1928.
- Notatki cynika. [Warszawa, Rój, 1927].
- Humoreski. Prze³o¿yli: Grataegus et al. Warszawa, Iskry, 1966.

На итальянском языке:

- Macchie di sole. Novelle allegre con autobiografia. Versione dal russo
di Iris Felyne. Milano, ed. Alpes, 1927.
- La burla del mecenate. Trad. integrale dal russo di Irio Feline.
Milano, Corbaccio, 1929.
- Grani di buon umore. Trad. dal russo di Elis Nusicova. Roma,
ed. Tiber, 1929.
- Novelle umoristiche. Milano, Soc. An. Locatelli, Sommaruga, Monesi,
1932.
- L'aspiratore degli imbecilli. Milano, 1933.
- L'uomo che aveva delle idee. Trad. di M. Rossi. Milano, ed. Minerva,
1934.
- «Volodia Fa tutto de sè». Trad. dal russo di Aldo Caron, — in:
Vecchio Natale. Firenze, ed. Bernardo Cennini, 1945.
- «L'albero di Natale». Trad. dal russo, — in: A. Cechov-Montigamo.
Artiglio d'avvoltoi. Lanciano, ed. Carabba, 1949.

На французском языке:

- Douze couteaux dans le dos de la Révolution. — Traduit par
G. d'Ostaya. Paris, Renaissance du Livre, 1928.

На голландском языке:

- Grotesken. Antwerpen, Die Poorte, [1940].
- Een Wervelstorm. Antwerpen, Die Poorte, [1947].

На болгарском языке:

Дяволска дузина. Сбирка едноактни комедии за сцена и четиво.

Весели сборници, книга първа. София, 1918.

Хумористични разкази. София, Цвѣтъ, 1918.

На сербском языке:

Одабране приповетке у пинчевој редакцији. Перевео са руског

Владан СтојановиК. Београд, Освиг, [1922].

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А. 172
 А.А. 172
 Абрамович Р.А. 251, 291,307
 Ав.Аркадий 172
 Аверий Аркадченко 474
 Аверченко Алексей 15
 Аверченко Константин 15
 Аверченко Екатерина *см.*
 Ростопчаина Е.Т.
 Аверченко Любовь 15, 157
 Аверченко Мария *см.*
 Терентьева М.Т.
 Аверченко Надежда 15, 157
 Аверченко Нина 15
 Аверченко Ольга *см.*
 Смирдина О.Т.
 Аверченко Сусанна Павловна
 15, 156
 Аверченко Тимофей Петрович
 15—17, 21
 Агнивцев Н.Я. 197
 А.Д. 508
 Аз 172, 174
 Азов Влад. [Ашкинази В.А.]
 35, 197, 211, 266, 267, 277,
 331, 376, 383, 387, 480, 506
- Айвазян Артемий
 (композитор) 37
 А-ко Аркадий 172
 Александр III 14
 Александрова В. 492, 508
 Альт 172, 174
 Амфитеатров А.В. 110
 Амфитеатров-Кадашев В.А.
 482, 507
 Анат. В. [Вершховский А.] *см.*
 Вершховский А.
 Ангаров Н.В. 73
 Ангелеску (маршал) 131
 Андреев Л.Н. 107, 197, 283,
 289
 Анненский И.Ф. 354, 355
 Аргус М.К. [Эйзенштадт М.К.]
 130, 142, 343, 384, 457, 465,
 475, 506
 Ардан Жак 502
 Арк. А. 172
 Аркадий А. 172, 186
 Аркадий Ave 185
 Ave (псевдоним Аверченко)
 185, 190, 212, 283, 285
 Аркадий Аз. 172

- Аркадский А. [Бухов Аркадий]
см. Бухов Аркадий
 Аронсон Г.Я. 214
 Арсеньев А.В. 391
 Арцыбашев М.П. 107, 197
 Аскольд (критик) 141
 Астров Н.И. 159
- Б. [Бельговский К.П.] *см.*
 Бельговский К.П.
 Байрон Д.Г. 268
 Бакст А.С. 32, 197
 Бальзак О. 389
 Бахмач А.И. 171
 Бахтин М.М. 369, 370, 386
 Б.Б. (рецензент) 323
 Бедный Д. 470
 Бельговский К.П. 102, 104,
 111, 131, 133, 136, 141,
 142, 146, 148, 149, 151,
 155, 157—159, 164, 165,
 320, 324, 467, 505
 Бенда (журналист) 152
 Бенуа А.Н. 197
 Билибин И.Я. 197
 Б.К. (рецензент) 323
 Благош (дипломат) 152
 Блок А. 215
 Блок Генрих (переводчик) 319
 Боцяновский В.Ф. 55, 171, 178
 Бран Мери 128, 138
 Браунштейн Б.П. (врач) 25
 Брей А.А. 155
 Брешко-Брешковский Н.Н. 18,
 19, 27, 28, 33, 42, 46, 48,
 52, 55, 57, 58, 61, 65, 126,
 141, 160, 165
 Брукгауз и Ефрон 27, 430
 Брукнер (профессор) 144
- Булгаков В.Ф. 152, 153
 Бунин И.А. 110, 230, 253
 Бураков Н. 216
 Бурнакин А.А. 41, 72, 73, 87, 88
 Бухов Аркадий 197, 201, 211,
 247, 474, 475
- В. (псевдоним А. Аверченко)
 271
 Валента Э. 104
 Валимова Н. (артистка) 129
 Варшавский С.И. 99, 153, 155
 Василевский И.М. [Не-Буква]
 94, 295, 296, 321
 Васильев Марк (псевдоним
 Аверченко) 186, 271
 Вебер (доктор) 149
 Веверка (посол) 133, 134
 Вейнбаум М.Е. 99
 Венгеров Н. 385
 Венгеров С.А. 181
 Венский Е. [Пяткин Е.О.] 211,
 286
 Вержбицкий Н.К.
 [Буринский Е.Ф.] 43, 44,
 45, 48, 57
 Вертинский А.Н. 92
 Вершховский А. 131, 141
 Вилимек И. 498
 Вильгельм (император) 218
 Виноградов В.В. 340, 384
 Витан (критик) 130, 142
 Владиславлев И.В. 274, 278,
 489, 507
 Вл.Кр. [Кранихфельд В.П.] *см.*
 Кранихфельд В.П.
 В.М. *см.* Маяковский В.В.
 Вознесенский Ал. 211
 Вознесенский Н.И. 72

- Воинов Владимир
 [Луначарский А.В.] 195,
 211, 286
 Волжанин 38
 Волошин Александр (артист)
 129
 Вольский А.А. 190
 Восторгов И.И. (протоирей) 252
 В.Р. 89
 Врангель П.Н. 81, 279, 294
 Всезнайка (псевдоним) 142
 В.Т. (рецензент) 139, 143

 Гавелка (дипломат) 133
 Гаврилова Н.Т. *см.* Аверченко
 Надежда
 Ганфман М.И. 40, 56, 190, 214,
 224, 242, 252, 467, 469, 473,
 505
 Гаррикс Д. 247
 Гартманн Н. 327, 328, 383
 Гейрет И. 152, 159
 Герни Б.Г. 364, 386, 387, 499,
 509
 Герцо-Виноградский П.Т. *см.*
 Лоэнгрин
 Гессен И.В. 47, 48, 114
 Гиппиус З.Н. 110
 Гиришман Л.А. (врач) 25
 Гиришман Морис 13, 14, 27, 162,
 362, 385
 Гоген П. 360
 Гоголь Н.В. 370, 386, 457—463,
 465, 478
 Голиков В.Г. [Vindex] 202, 215
 Голлербах Э. 55, 171, 178
 Гомер 389
 Горный Сергей [Оцуп А.А.] *см.*
 Оцуп А.А.
 Городецкий С.М. 197
 Горький А.М. 34, 107, 110,
 171—173, 178, 215, 306,
 307, 470
 Горянский В.И. 211, 293
 Гр. Б. Девиер 142
 Грин А.С. 211
 Гросберг Оскар 120, 140
 Гросман (импресарио) 137
 Г. С—ычъ 27, 28, 117, 508
 Гумилев Н.С. 197, 211
 Гуревич Исидор 211
 Гучков А.И. 330

 Данте А. 247
 Дейль (профессор) 145
 Деникин А.И. 67, 68
 Дзержинский Ф.Э. 306
 Джером Д. 466, 491
 Диккенс Ч. 108
 Добрин Д.А. 38
 Добронравов Л.М. 130, 141,
 240, 245, 254, 265, 275, 276,
 278, 351, 382, 385, 387, 481,
 483, 484, 506, 507
 Добужинский М.В. 32, 197
 Дойль Артур Конан 184
 Долина-Кайданова (певица) 77
 Дольский Д.П. 138
 Дон Аминадо [Шполян-
 ский А.П.] 497
 Д'Ор О. Л. 27, 197, 211
 Достоевский Ф.М. 107, 215, 465
 Дуван-Торцова И.Э. 154
 Дувакин В.В. 203, 205, 207, 215,
 216
 Дука (министр) 131
 Дусчан И. (доктор) 131, 132,
 133, 136, 142

- Дымов Осип 31, 35, 197
 Дюфрен Ж. 54
- Евстигнеева Л.А. 213, 216, 254,
 255, 330, 331, 383, 472, 473,
 489, 494, 505, 506, 508
- Ершов Л.Ф. 57, 209—211, 215,
 216, 249, 254, 329, 383, 470,
 471, 505
- Ж. (импресарио) 103, 105
 Жуковский В.А. 111
 Журба С. 506
- Завалишин В.К. 487, 507
 Зайцев Б.К. 154
 Заславский Д.И. 193, 194
 Зензинов В.М. 251
 Зимин (артист) 78
 Зиновьев Г. 304
 Золотарев Н. (антрепренер)
 129
 Зорич А. 492, 493
 Зоценко М.М. 494, 495
 Зритель [Бурнакин А.А.] *см.*
 Бурнакин А.А.
- Ибсен Генрик 268
 Иваник Джон 499
 Иванов Вячеслав 30
 И. Де 65
 Измайлов А.А. 257
 Ильинский В.И. 159
 Ильф И.А. 494, 495
 Инкулец (министр) 131
 Интервьюер 174
 И.Р. (журналист) 142
 И.С. 99
 Исаакий (иеромонах) 158
- Искольдов Е.Е. 98, 104, 114,
 128, 129, 138
 Истон Малькольм 389, 391,
 430
- Йокаи Мор 108
- Кайзер Вольфанг 327, 329, 361,
 363, 368, 369, 383, 385
 Калекбек (рецензент) 37
 Калина Н.Ф. 51
 Калишевич И.В. 99
 Каменский А.П. 257
 Камышников Л. 42, 45—47, 57,
 94, 99
 Кванин (артист) 114
 Кениг К. 157
 Керенский А.Ф. 234, 236—238,
 243, 251, 307, 308
 Килгур 80, 260, 276
 Кисличенко Л. 171
 Клемансо Жорж 301
 Клермон Рене 502
 Климов Е.Е. 79
 Клэр Ада 453
 Князев В.В. 209, 210, 211, 216,
 249
 Колпашников С.И. 80
 Колумб Х. 389
 Конст. Б. [Бельговский К.П.]
см. Бельговский К.П.
 Константинов Н. (рецензент)
 273, 277
 Корнилов Л.Г. 243
 Корнфельд М.Г. 29—32, 42, 44,
 47, 48, 52, 54, 55, 57, 58,
 175, 177, 180, 181, 185, 205,
 210, 213, 216, 252, 257, 259,
 260, 274, 324, 391, 455, 483

- Кошевский (актер) 59, 60
 Крамарж К. (депутат) 138, 154
 Кранихфельд В.П. 265—267,
 276, 277
 Кранц Фридрих 335
 Кременская И.К. 324, 505, 507
 Кремер Иза 137
 Кривецкий Б. (режиссер) 115
 Крученных А.Е. 201
 Кузмин М.А. 215
 Куприн А.И. 39, 43—45, 51, 56,
 57, 107, 108, 110, 154, 173,
 176, 178, 179, 197, 211, 242,
 254, 257, 258, 261, 266, 277,
 320, 324, 332, 474, 476,
 479—481, 505, 506
 Курочкин В.С. 469
 Кустодиев Б.М. 46
 Куэ Эмиль 50

 Лазаревский В.А. 153
 Ландау Г.А. 195
 Левченко Я.П. 69
 Леонидов Л.Д. 19, 24, 25
 Ленин В.И. 40, 59, 61, 64, 65,
 119, 238, 249, 291, 296, 297,
 306, 321, 488, 507
 Ленч Л. 475, 506
 Лери [Клопотовский В.В.] 118
 Линский М.С. 258, 284, 294
 Литвин Н. 99
 Ллойд Джордж 282
 Лоран Клод 502
 Лошко (сенатор) 131
 Лоэнгрин [Герцо-Виноградский
 П.Т.] 63, 65
 Луначарский А.В. 399, 430
 Лучинин Леонид 123

 М. (псевдоним Аверченко) 186
 Майор Дежё 107, 178
 Маковский С.К. 354, 385
 Максим Лев 40, 56, 469, 505
 Максимов (редактор) 94
 Мандельштам О.Э. 197
 Манн Ю.В. 361, 369, 370, 385,
 386
 Мансветова Л. 98
 Марадудина М.С. 71, 73
 Марвел Эвалин 389, 401, 421,
 427
 Марков 2-й [Марков Н.Е.] 330
 Маркс Карл 245
 Мартов Ю.О. 251, 291, 307
 Маршева Е.А. 122, 140
 Масанов И.Ф. 57, 65, 172, 178,
 186, 214
 Мачука П.С. 21
 Маяковский В.В. 182, 197,
 200—209, 213, 215, 216,
 252, 494
 М.В. (псевдоним Аверченко)
 186
 М.Г. [Ганфман М.Г.] *см.*
 Ганфман М.Г.
 Медуза-Горгона (псевдоним
 Аверченко) 178, 184, 186,
 212, 271, 291, 335
 Меньшиков М.О. 330
 Мережковский Д.С. 110
 Метцель В. (композитор) 77
 Мещеряков Н. 297
 Мильберг Готфрид 387
 Милюков П.Н. 223, 251, 294
 Мимоза 172, 174
 Минор О.С. 251
 Минцлов 171
 Мирский Б. 211

- Мирский Д.С. 456, 459, 465,
 483—485, 507
 Михайлов О.Н. 13, 15, 22, 24,
 27, 28, 40, 56, 82, 83, 86,
 88, 169, 172, 175, 178, 179,
 183, 185, 186, 191, 206, 213,
 214, 216, 221, 252, 332, 333,
 335, 351, 383—385, 493,
 495, 497, 508
 Младеевский (профессор) 147
 Млчковский (артист) 155
 Модрас Н.В. 150, 164
 Мольнар Ференс 108
 Монро Д.Х. 370, 386
 Морган Пирпонт 146
 Мосс Артур 389, 401, 421, 427
 Муравьева (артистка) 114
 Муратов М.Я. 73
 Муратова К.Д. 182, 213, 250,
 254, 274, 470, 489, 505,
 507
 Мурко (профессор) 154
 Мюрже Г. 389—396, 398, 399,
 401—408, 410—415, 417—
 430
 Набоков В.Д. 181
 Налетов (артист) 114
 Неандер Б. 42, 46, 57, 88, 229,
 253, 294, 321
 Не-Буква [Василевский И.М.]
см. Василевский И.М.
 Невский (артист) 98
 Некто (псевдоним) 142
 Немец (профессор) 138
 Немирович-Данченко В.И. 152,
 257, 258
 Неси А. (переводчик) 102, 138,
 144
 Никитина Е.Ф. 98
 Николай II 42, 46, 226, 228
 Никулин Л.В. 36, 56, 381, 387,
 470, 505
 Ницше Фридрих 268
 NN (псевдоним Аверченко) 271
 Обровский (скульптор) 154
 Одноралов Н. 57
 Оречкин Б. 147, 164
 Оцуп А.А. [Горный Сергей] 22,
 23, 28, 50, 159, 165, 197,
 481, 506
 Панин А. 119, 140
 Пантелеев Л.Ф. 181
 Парри Альберт 390, 395, 399,
 405, 430, 451, 465
 Пелисов Г. 216
 Перцов В.О. 40, 56, 183, 201,
 202, 204—206, 208, 209,
 211, 213, 215, 216, 220, 221,
 252, 470, 505
 Петерс Х.И. 305, 306
 Петров Е.П. 494, 495
 Петрович Пеция 98, 100
 Пешков (генерал-губернатор)
 174
 П—ий [Пильский П.М.] *см.*
 Пильский П.М.
 Пильский П.М. 36, 52, 58, 81,
 88, 122—124, 140, 162, 166,
 197, 200, 201, 203, 207, 215,
 258, 259, 273, 275—278,
 288, 289, 303, 322, 467—
 469, 473, 476—478, 482,
 484, 487, 505—507
 Пихль (председатель синдиката
 чехословацкой печати) 152

- По Эдгар А. 434
 Покойный Фома Опискин
 (псевдоним Аверченко) 186
 Полонский В.П. 264, 265, 276,
 320, 331, 373, 383, 386, 478,
 482, 483, 506, 507
 Полуночник (псевдоним) 99
 Поляков А.А. 99
 Поляновский М.Л. 20, 21, 37,
 56, 501, 509
 Потемкин П.П. 24, 28, 55, 200,
 332, 384, 468, 473, 480, 505,
 506
 Постников С.П. 278
 Прангер Пауль 162
 Прокопович Юлия [Горская] 298
 Прутков И.К. 195
 Пуанкаре А. 47
 Пуришкевич В.М. 132, 330
 Пустынин М.Я. 209, 211
 Путятин М.С. 47
 Пуччини Д. 389
 Пушкин А.С. 74, 75, 215, 246
 Пшибышевский Ст. 50
 Пынтя Г.В. 130
 Радаков А.А. 31, 33, 51, 59, 60,
 177, 180—182, 197, 204,
 205, 213, 257, 259
 Раич Р.П. 98, 104, 114, 118, 128,
 129, 138
 Распутин Г.Е. 226, 251
 Ремизов Н.В. [Ре-Ми] 19, 31,
 32—34, 44, 45, 49, 53, 55,
 58, 59, 180—182, 197, 213,
 215, 259
 Ренников А.М. 96, 100, 135, 142
 Р.К. 99
 Розанов В.В. 463
 Ростопчина Е.Т. 15, 155, 157
 Р.С. 100
 Рыклин Г.Е. 163, 166, 495, 496,
 508
 С. 100
 Садовская А.Я. 35, 38, 53
 Салтыков-Щедрин М.Е. 222,
 223, 478
 Свифт Д. 480
 Свободин В.П. 78, 92, 155, 293
 Седых Андрей 508, 509
 Сергей (епископ Пражский)
 152, 158, 159
 Силлаба (профессор) 149
 Симакопуло Л.Т. *см.*
 Аверченко Любовь
 Ситенко Сережа 150
 Скиталец [Петров С.Г.] 40, 56
 Скоропадский Павел 62
 Слащев-Крымский Я.А. 81
 Слонимский А. Л. 181
 Слонимский Л.А. 386
 Смирдин Г.А. 27, 69
 Смирдина О.Т. 15, 27, 69, 150,
 155—157, 164, 165, 503
 Смирнов Д. (артист) 130
 Соколов И.С. 51
 Сноу Валентин 497, 508
 С.О. (рецензент) 142
 Собинов Л.В. 78
 Сологуб Ф.К. 197, 215
 Спекторский Е. (профессор)
 153
 Спиридонова Мария (эсерка)
 281, 282
 Стамболийский 95, 100, 146
 Старчаков А. 490, 491, 496, 508
 Стен Поль 62, 65, 101, 322

- Стендер-Петерсен А. 457, 465
 Стерлинг Джордж 451
 Стиннес Гуго 146
 Столыпин П.А. 270
 Стыкалин С.И. 324, 505, 507
 Субботина Е. 70, 87
 Суворин А.С. 330
 Сургучов И.Д. 68, 110, 154
 С.Ш. 100
- Тангейзер (критик) 130, 141
 Твен Марк 266, 320, 324, 455,
 491
 Терапиано Ю.К. 353, 385, 485,
 507
 Терентьев И.М. 22
 Терентьева А. 22
 Терентьева М.Т. 15, 22, 157
 Тимонич А.А. 170, 171, 178
 Тимофеев Л. 385
 Тихонович Е.А. 174
 Токарская (артистка) 114
 Толстой А.Н. 215
 Толстой А.Н. 197
 Троицкий Павел (артист) 129,
 139
 Троцкий Л.Д. 296, 298
 Трубников П. [Пильский П.М.]
см. Пильский П.М.
 Тургенев И.С. 187
 Тхоржевский И.И. 252, 463,
 465, 482—485, 507
 Тынянов Ю.Н. 459, 465
 Тэтмайер 50
 Тэффи Н.А. 31, 42, 56, 57, 60—
 62, 71, 110, 118, 154, 197,
 211, 257, 259, 264, 276, 456,
 466, 475, 479, 482, 496, 497,
 504—506
- Урицкий М.С. 59
 Уханов И. 216
 Уэллс Г. Д. 305
- Фальстаф (псевдоним
 Аверченко) 186, 271
 Фальченко Г.И. 69, 83, 87, 88
 Фальченко О.Т. *см.*
 Смирдина О.Т.
 Ф.Б. 430
 Федоров Ф.П. 35
 Фенин Л.А. 76, 78
 Фергюсон Деланси 324
 Фердинанд (царь Болгарии)
 218
 Филлард Андрэ 379
 Фингерит Е.М. 255
 Фолькельт Й. 364
 Фома Опискин (псевдоним
 Аверченко) 185, 186, 212,
 271, 272, 385
 Форд Генри 221
 Франесович (министр) 131
 Франциск Ассизский 129
- Хайкина 61
 Хирдов А. 506
 Хомяков (депутат) 330
 Хохлов Е.С. 479
- Цензор Д. 211
- Чапек-Ход А. (писатель) 152
 Червинка В. (переводчик) 102,
 115, 138, 152, 153, 155, 159,
 333, 384, 486, 507
 Черепухов М.С. 255
 Чернов В.М. 251, 291
 Чернов М. (артист) 129

- Черновицкий 26
 Черный А. [Гликберг А.М.] *см.*
 Черный Саша
 Черный Саша [Гликберг А.М.]
 31, 154, 190, 191, 196, 197,
 200, 209, 214—216, 474
 Чехов А.П. 74, 75, 272, 292,
 332, 363
 Чехонте Антоша [Чехов А.П.]
 см. Чехов А.П.
 Чириков Е.И. 68, 107, 110, 152,
 155
 Чирикова-Иолшина В.Т. 155
 Чужой А. 56
 Чуковский К.И. 49, 201, 268—
 271, 277
- Ш. 321, 323
 Шаляпин Ф.И. 307
 Шамфлери Жюль 421
 Шанн Александр 421
 Швиговский В.Ф. 102, 155, 156,
 158, 165
 Шекспир 247
 Шиллинг Н.Н. 89
 Шмелев И.С. 68
 Шнеганс Генрих 369
- Эйфель А.Г. 247
 Эйтс Мишель 502
 Эн (псевдоним) 322
- Энгельмюллер Карл
 (рецензент) 143
 Эстет (псевдоним) 140
- Южный (актер) 127
 Юнг К. 31
 Юнгер А. (художник) 197, 259
 Юнгер Ф.Г. 373, 374, 386
 Юшкевич Семен 154
- Яковлев А. (художник) 31, 259
 Яроши Ф.Р. 127
- Blake 215
- Dr. В—s 141
- E.L.G. [Ettore Lo Gatto] 385
 Edg. M. 140
- Fisher M. 509
- Hall James B. 386, 509
 Howells William Dean 320
 Humphries 509
- Langland Joseph 386, 509
- W. 141

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Уманская.</i> Слово к читателю	I
От автора	5

Часть первая ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

<i>Глава первая</i>	
Детство и юность Аркадия Аверченко	13
<i>Глава вторая</i>	
Петербургские годы	29
<i>Глава третья</i>	
Скитания от Петрограда до Севастополя	59
<i>Глава четвертая</i>	
В «белом» Крыму	66
<i>Глава пятая</i>	
Первые этапы эмиграции	90
<i>Глава шестая</i>	
В Чехословакии	101
<i>Глава седьмая</i>	
Гастрольные поездки	118
<i>Глава восьмая</i>	
Болезнь и смерть	144

Часть вторая
ПИСАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

<i>Глава первая</i>	
Первые шаги	169
<i>Глава вторая</i>	
Аверченко и «Сатирикон»	180
<i>Глава третья</i>	
Война и революция	217
<i>Глава четвертая</i>	
Первые издания рассказов	256
<i>Глава пятая</i>	
Работа в газетах «Юг» и «Юг России»	279
<i>Глава шестая</i>	
Аверченко — эмигрант	290

Часть третья
ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

<i>Глава первая</i>	
Бытовые темы: реальность и гротеск	327
<i>Глава вторая</i>	
В подражание «Богеме» Мюрже	388
<i>Глава третья</i>	
Богема русская	431
<i>Глава четвертая</i>	
Оценка творчества Аверченко в России и за рубежом	466
Источники ссылок	515
Использованная литература	528
Библиография произведений Аркадия Аверченко	530
Указатель имен	540

Л 37 **Левицкий Д.А.**
Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко. —
М.: Русский путь, 1999. — 552 с., ил.

ISBN 5-85887-047-3

Первая и пока единственная монография о творчестве Аркадия Тимофеевича Аверченко (1881 — 1925) написана на основе не только архивных материалов, но и устных рассказов и писем людей, лично знавших писателя. Этот фундаментальный труд устраняет многие противоречия и белые пятна биографии сатирика и включает малоизвестные сведения, касающиеся юных лет Аверченко, его пребывания в Белом Крыму в 1920 г., а также уникальные материалы о последнем эмигрантском периоде жизни.

Автор высоко оцененной специалистами русского зарубежья монографии, впервые публикуемой на родине писателя, — Д.А. Левицкий — выходец из семьи офицера, эмигрировавший из России после октябрьского переворота, — магистр юридических наук, доктор философии, в настоящее время живет в США.

ББК 83.3 (2Рос)6

Димитрий Александрович Левицкий

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ АРКАДИЯ АВЕРЧЕНКО

Редактор *М.В. Чудова*
Художник *А.В. Фукс*
Корректор *И.В. Леонтьева*

ЛР № 040399 от 03.03.98.
ЗАО «Русский путь». (095) 915-10-47

Отпечатано в типографии издательского дома «Грааль»